

№ 2005
14215к

ЗЕМН ШАШКИН

Наступило
утро

П 2005 / 14275 К

ЗЕИН ШАШКИН

894.342-3

Ш329

К

ТЕМИРТАУ

Роман

НАСТУПИЛО УТРО

Роман

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

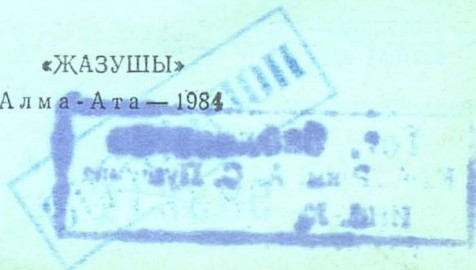
Повесть

соединено

«ЖАЗУШЫ»

Алма-Ата — 1984

Составитель Т. Шаханов

~~5138~~

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КІТАПХАНА

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ
№ 00232871

Шашкин Зеин.

Ш 32 Наступило утро: Романы, повесть.— Алма-Ата: Жазушы, 1984.— 440 с.

В этом сборнике собраны лучшие произведения автора. Роман «Темиртау» рассказывает о строителях и рабочих крупнейшего промышленного предприятия республики — Казахстанской Магнитки.

Известному революционеру Казахстана, участнику установления Советской власти в Семиречье Токашу Бокину посвящен роман «Наступило утро». Автор раскрывает в нем лучшие черты национального героя, за которым шли на смерть против царского гнета и байского произвола тысячные отряды повстанцев.

«Путеводная звезда» — небольшая лирическая повесть о героическом подвиге первоцелинников.

Ш 4702230200—148
402(05)—84 доп.— 84

Каз 2

© Перевод на русский язык, «Жазушы», 1984.

Гос. библиотека
Каз. Р. им. А. С. Пушкина
ИНВ. № 983814

ТЕМИРТАУ

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Близ Караганды самолет врезался в грозовую тучу. Он начал снижаться, но туча сгущалась, и молнии, извинаясь тонкими бичами, казалось, безжалостно хлестали его.

Дамеш очнулась от глубокого раздумья и с удивлением увидела, что соседи жмурятся от ослепительных вспышек молний и заметно волнуются. Одни старались не глядеть в иллюминаторы, другие, наоборот, тревожно в них смотрели. Какой-то старик, закрыв лицо руками, громогласно осыпал проклятиями невесть откуда взявшуюся черную тучу. Дамеш посмотрела в иллюминатор, и ей показалось, что самолет не летит — так плотно обступила его мгла. Он трещал, едва удерживая равновесие, а молнии продолжали неистово обстреливать его.

Опасность возрастала с каждой секундой. Холодный ужас охватил Дамеш. Конец?! Тщетно она старалась взять себя в руки и не думать, не думать...

Но вот мелькнуло светлое пятно — разрыв в туче, и самолет вырвался из ее смертельного объятия.

Вокруг снова был день, удивительно радостный, звонкий. Далеко внизу чернела земля. Настроение пассажиров круто переменилось. Слышались смех, шутки. Теперь под крыльями самолета тянулась река, удивительно похожая на бельбеу — старинный казахский пояс. Это, конечно, Нура. Возле реки чернели юрты. Значит, город недалеко. Дамеш весело смотрела на облака, пронесившиеся мимо самолета. Какне они белые, мягкие, точно

ключья ваты, неизвестно каким образом очутившиеся в небе.

Над Карагандой самолет, словно беркут, падающий на лису, начал резко снижаться и, описав круг над аэропортом, пошел на посадку.

Дамеш едва сдерживала нетерпение. Она жадно всматривалась в чернеющие фигуры людей. Кто встретит ее? Ораз или Каир? Люди за решетчатой оградой все на одно лицо, и различить их невозможно, как ни напрягай зрение.

Когда к самолету чинно подкатила лестница и пассажиры один за другим начали спускаться вниз, навстречу им ринулись носильщики с ручными тележками, а бойкий женский голос уже объявлял по радио: «Совершил посадку самолет, следующий из Алма-Аты рейсом 99».

Из-за ограды кто-то отчаянно махал рукой, и Дамеш, взглядевшись, узнала Ораза. Каира не видно. «Еще бы, — рассердилась девушка, — директор — важная персона! Будет он встречать какую-то там Дамеш, которая вернулась с курорта!»

«Ой, Дамеш! Ну и характер! — тут же отругала она себя. — Ждешь людей, а когда они приходят к тебе с любовью, сама их отталкиваешь».

Из толпы выскочил Ораз и выхватил у нее пластмассовую сумку. Дамеш подумала, что у него руки всегда опережают слова.

— Здравствуй, Оразжан! — Дамеш улыбнулась, разглядывая молодого человека среднего роста с приятным смуглым лицом, выщипными волосами и орденом на груди.

— Сумку я сама понесу, а ты бери чемоданы.

— Где они?

Ораз подбежал к тележке с багажом, схватил два чемодана из черного сафьяна, отороченных по углам желтой кожей. Дамеш рассмеялась. Очевидно, Ораз был взволнован встречей — смотрел на нее не отрываясь, с восхищением.

Дамеш выбралась из толпы и шла быстро, Ораз едва поспевал за ней.

— Возила в Крым такие тяжелые чемоданы?.. Ничего себе! Камни в них, что ли? — тараторил он.

— Богатырь, — смеялась Дамеш. — Ковшами расплавленную сталь черпаешь, а два чемодана не можешь донести... Разве Ажар морила тебя голодом все это вре-

меня?.. Кстати, где она? Почему не приехала встретить меня?

— Квартиру убирает.— Ораз нахмурился.— Узнала, что едешь, и мечется как обалдевшая!

Они пересекли вокзал и вышли на площадь, откуда уносились в разные стороны пестробокие такси.

— Прямо в Темиртау поедем или к моему дяде за-вернем? Там подождали бы Капра. Он в обкоме партия.— Открыв багажник голубой «Волги», Ораз ставил туда чемоданы.

«Значит, Капр здесь,— обрадовалась Дамеш.— Специально приехал встретить меня или просто по делам? Спросить Ораза? Нет!.. Не надо...»

Машина выехала на мост, связывающий город с аэропортом. Дамеш видела сверху бесчисленные дома, площади, улицы. Как красив этот город! Улицы становились все шире, дома все выше. Вот и второй мост. «Волга» въехала на него, и ее обволок сизый дым из трубы паровоза, с грохотом пронесившегося внизу.

Но уже и сюда, на это чистое небо, напозала та самая злобная черная туча, которая напугала всех в самолете. Туча повисла над городом. Подул резкий холодный ветер. К тому времени, как машина подрулила к домику дяди Ораза, начал моросить дождь.

Хозяин, старый седоусый шахтер, собирался на смену и, вежливо поздоровавшись с гостями, ушел. Но в мимолетном взгляде, брошенном на нее, Дамеш почувствовала неприязнь. Или ей показалось? Быть может, у старого шахтера часто бывают гости и они просто надоели ему? Хотя казахи всегда рады гостям, сколько бы их ни было. Пусть хоть каждый день приходят...

В чем же дело? Дамеш подошла к зеркальному шкафу, стоявшему в углу комнаты, неторопливо расплела косы, потом расчесала волосы, заплела их в одну толстую косу и свернула ее узлом на затылке. Затем принялась разглядывать свои большие черные глаза, всегда ясные, а теперь тусклые, усталые — самолет все-таки измотал ее. Окнув взглядом свою фигуру, девушка недовольно поморщилась: обычно тонкая, гибкая, после курорта она несколько пополнела, не потеряв, однако, женственности. Чуть припудрив лицо, Дамеш подошла к Оразу, который не спускал с нее глаз.

— Мне показалось, что хозяин дома огорчен чем-то...

— Есть причина, — быстро ответил Ораз.

— Какая же?

Ораз, искавший случая начать с ней разговор, выразил свое безграничное удивление по поводу столь странной непонятливости Дамеш.

Разве это не она перед самым уходом в отпуск опубликовала в газете статью, которая ошельмовала руководителей завода? Директор был представлен чуть ли не ротозеем, а главный инженер — ужасным консерватором. Они, как доказывала автор статьи, отрицают все передовое и живут по старым законам. Завод оборудован допотопной техникой, едва вытягивает план.

Поэтому и недовольны друзья и родные Каира. Именно поэтому хмурится старый шахтер.

— Как же так? Обругала весь завод и хочешь, чтобы тебе улынулись?!

Дамеш слушала Ораза и думала о том, что было, по ее мнению, самым главным: о родном заводе, о положении, которое сложилось там и которое вынудило ее наперекор личным чувствам и отношениям написать эту злополучную статью. Конечно, она понимала, какой неприятный резонанс вызовет статья, как обидит она в первую очередь того, кого она никогда не хотела бы обидеть, — Каира! Дамеш представила его читающим статью, и ей стало неприятно, она постаралась не думать об этом.

Дамеш не любила обижать людей. Она всегда была весела, игрива, остра на язычок, но в глубине души ее не покидала робость — сестра женственности, нежности. О, это было нелегко — заставить себя говорить вещи, которые направлены против Каира, против многих ее друзей, к тому же людей весьма уважаемых. Но она не могла поступить иначе! Не могла! Это было ее понимание чувства долга.

А Ораз хорош! Вместо того, чтоб прислушаться, понять, он осуждает ее. В корреспонденции сказана правда, а без нее невозможно движение вперед. Мыслимо ли в век атома ехать к коммунизму на ишаке! Так почему же стремление Дамеш облегчить труд сталеваров, повысить продуктивность их работы не находит поддержки у руководителей завода? Или они слепы, или потеряли ощущение времени?

Эти мысли не покидали Дамеш и в доме старого шах-

тера, и когда они с Оразом, не дожидаясь Каира, уехали оттуда, и когда голубая «Волга» остановилась перед домом Ораза в Темиртау.

Увидев родной дом, Дамеш вспомнила древнюю поговорку: свой дом лучше ханского дворца. У каждого здесь была своя комната. Из большой гостиной можно попасть к Дамеш, а из широкого коридора двери вели в комнату Ораза и Ажар; дверь рядом — к Курышбаю с Болатом... Хорошо, хорошо дома! А как приятна ласка Курышбая, который заменил ей отца! Курышбай даже не дальний родственник Дамеш, но он был близким другом ее отца. Храня верность его памяти, Курышбай воспитал Дамеш, назвал дочерью. И ни разу за всю свою жизнь она не почувствовала в нем чужого.

Кто был отец Дамеш? Об этом Курышбай не рассказывал. Даже когда Дамеш просила, он грустно отвечал: «Зачем знать? Сейчас рано». Сравнительно недавно стали говорить что отец Дамеш Саха Сагатов участвовал в установлении Советской власти в Казахстане. Оказывается, он был профессиональным революционером и в самые трудные минуты показал себя человеком долга и настоящим героём.

Сидя за ужином рядом с Курышбаем, Дамеш ласково улыбалась ему, и старик с довольным видом разглаживал седую пушистую бороду.

— Соскучилась?— спрашивал Курышбай. А четырехлетний сын Ораза Болат, схватив обеими руками палец Дамеш, тянул его и твердил: «Тетя, тетя!» Дамеш порывисто подхватила его на руки и закружила, но в этот момент увидела стоящую в стороне Ажар, бледную, зло смотревшую на нее. Ажар, ее сверстница и подруга, а теперь, по казахским представлениям, самый близкий человек, невестка, не радовалась ее возвращению. Опустив Болат на пол, Дамеш быстро подошла к Ажар:

— Ажаржан, почему такая невеселая?

Ажар, хмурясь, отрывисто бросила:

— Так... Ничего... Голова болит...

Дамеш невольно оглянулась на Ораза и, когда тот опустил глаза и беспокойно заерзал на месте, поняла, что все это неспроста, не к добру. Ажар, вероятно, обижена за своего брата Каира, за то, что Дамеш задела его в злополучной газетной статье. Иных поводов для обид у нее нет. Подарок из Ялты Дамеш привезла ей чудесный:

красное шелковое покрывало с широкой бахромой. До отъезда на курорт все было отлично. Ажар души в ней не чаяла. В чем же дело?

Когда ужин был в полном разгаре, приехал Каир. У Дамеш вошло в привычку во всем противоречить ему. И сейчас, по своему обыкновению, она искала повода, к чему бы придраться. Лоб у Каира высокий, лицо широкое, нос внушительный — одним словом, лицо настоящего аркинского¹ казаха. Немного не соответствовали всему этому маленький рот и выпуклые глаза — с точки зрения Дамеш, недостаток непоправимый. Вот Каир вежливо и, как ей кажется, важно улыбаясь, подходит к ней.

— С большой радостью и с открытым сердцем я поехал встречать тебя, Дамеш, а ты, не дожидаясь, умчалась.

Что это значит: «С открытым сердцем и с большой радостью»? Дамеш хотелось спросить, почему он такой торжественный, но Каир уже здоровался с другими.

— Проходи, проходи, Каиржан! — Курышбай уступил ему свое место.

Каир повернулся к Дамеш.

— Получила мое письмо?

— Нет.

— Как же так? — Каир нахмурился. — Впрочем, это даже хорошо. Получила бы, и мы с тобой не сидели бы сейчас рядом. Не беседовали бы.

— Раз у тебя хватило мужества написать письмо, надо сказать, что в нем было!

— К чему затевать неприятный разговор? — Каир любил, оглушив собеседника неожиданностью, перейти на мирный тон. — Как тебе понравилась Ялта? Купалась?

Но Дамеш нелегко было заставить замолчать столь незатейливым способом. Она сейчас же ответила, будто ударила:

— Я не жалею, что написала статью в газету.

Каир ничего не сказал, и они оба сидели молча, не прикасаясь к еде. Остались нетронутыми копченые колбасы из отборной конины, казы и жирная карта², особенно вкусные в холодном виде; беляши, издающие приятный аромат; перезимовавшие, но сохранившие вкус

¹ Арка — название Центрального Казахстана.

² Казы — род колбасы; конское мясо на ребрышках.
Карта — деликатес из конины.

соленые арбузы. Только пенящееся шампанское убывало в их бокалах, и Оразу приходилось подливать его.

— Доченька, кушай! В дороге не ела, наверное! Проголодалась!— Курышбай старался успокоить Дамеш.

«Для чего морить себя голодом из-за Каира?»— сердито подумала Дамеш. Она села поближе к столу и с аппетитом принялась есть. Возник непринужденный разговор, и вскоре уже никто не вспоминал о стычке Каира с Дамеш, и даже она сама как будто все забыла. Каир молча злился, а когда Болат, подбежав, жирными пальцами схватился за его брюки, он, всегда сдержанный, ласковый с детьми, вскочил с места, закричал:

— Безобразник!

— Когда племянник ласкается к дяде, одним испорченным костюмом не отделаешься,— попытался пошутить Курышбай.

— У дяди не так-то уж много костюмов,— отрезал Каир.

Ажар, подбежав к малышу, отшлепала его, и Болат, жалобно всхлипывая, бросился в объятия деда.

— Не трогайте малыша!— начал сердиться Курышбай. Он, правда, понимал, что с детьми надо быть строгими, не распускать их, но частенько вопреки рассудку защищал внука и ничего не мог с собой поделать.

Каир встал из-за стола, отошел к окну и, достав из кармана портсигар, закурил.

— Трудно воспитывать детей, когда в доме жалостливые старики и старухи.

— Человека воспитывает любовь к нему! И тебя воспитали такие же старики и старухи!— окончательно рассердился Курышбай.

Дамеш, видя, что дело принимает неприятный оборот, поспешно увела Каира на балкон.

Нескончаемым потоком двигались по улице люди. Все празднично и торжественно. Во всяком случае так казалось Дамеш, когда она всматривалась в людскую толпу, в надписи на фасаде Дворца культуры, вычерченные красным и синим неоновым светом,— они то загорались, то потухали.

Каир тоже глядел на шумящий внизу людской поток, курил. Сизый дым обволакивал их обоих. У Дамеш немного кружилась голова, и ей казалось, что они с Каиром плывут где-то высоко-высоко, в облаке, которое окружало ее самолет.

— Как же все-таки получилось с этой газетной историей?— первым нарушил молчание Каир.

— Не в том дело, как получилось. Что получилось?— не глядя на него, ответила Дамеш.

— Ты уверена в своей правоте?

— Конечно!

— Чрезмерная вера в себя и свою непогрешимость — вещь опасная.— Каир усмехнулся.

— Это и к тебе относится?— парировала Дамеш.

— Только пришла на завод — и уже подняла газетную шумиху. Неужели нельзя было просто поговорить со мной?

— Я не говорила?— возмутилась Дамеш.— Столько раз начинала, а ты отмахивался...

— Забот на заводе много. И потом с тобой мне хотелось говорить о более приятных вещах,— Каир улыбнулся.

— Не лги!— не сдавалась Дамеш.

— Опять ты ругаешься...— Каир вздохнул.— Но, честно говоря, твои предложения не вызывают доверия.

— Их надо проверить на заводе.

— Это значит — пойти на большие жертвы: остановить работу цеха, затратить огромные средства.

— Победы с неба не падают,— отрезала Дамеш.

— Главный инженер сказал, что ты избрала легкий путь к славе; стало модным называть консерваторами людей здравомыслящих и осторожных.

— Перестраховщики тоже называют себя осторожными и здравомыслящими.

— Вот как?— губы Каира снова собрались в жесткую тонкую линию.— Я вижу, мы с тобой разучились разговаривать мирно.

— Я говорю правду!— Дамеш рассердилась уже не на шутку.

— Директор завода несет ответственность за выполнение плана. Я не могу очертя голову бросаться в рискованные и сомнительные предприятия.

— Неплохой щит для спокойной жизни!— звонко выкрикнула Дамеш.

— А ты дерзкая!— не сдержался Каир.

— И до конца буду такой!

— Чай готов!— позвал их Ораз, выглянув на балкон.

— Хватит споров, Дамеш! У каждого свои мечты, надежды, и пусть все они сбудутся!.. Пойдем пить чай,—

примпрительно сказал Каир, хотя отлично понимал, что главное впереди, что оно, собственно говоря, еще не начиналось, что его любовь к Дамеш и ее любовь к нему, в которой он, кстати, не был уверен, подвергаются испытаниям и невозможно угадать, выдержат ли они их.

Но Дамеш не слышала его слов. Ее встревожил вид Ораза — хмурый, недозвольный — и Ажар — взбудораженный, мрачный. Они резко говорили о чем-то. «Черная кошка пробежала между нами, что ли?» — подумала Дамеш.

Поднявшись по широкой лестнице на второй этаж, Дамеш свернула направо, взялась за ручку обитой черным дерматином двери и увидела слова, написанные на белом листке бумаги, приколотом к двери: «В этом доме Дамеш больше не живет!» Дамеш перечитывала эти слова, не веря своим глазам. Кто написал? Что за издевательство! Когда она, рассерженно толкнув дверь, вошла в квартиру, там никого не оказалось. Она открыла дверь направо — в кухню. На газовой плите над синим пламенем горелки бурлило в пестрой кастрюле молоко. Ох, убежит! Дамеш подбежала к плите, схватила кастрюлю и поставила на стол. Затем прошла по коридору в комнату, где все обычно обедали. Комната оказалась пустой. Стол был не убран: недоеденные кушанья, посуда в беспорядке. Почему все оставлено? Куда ушла Ажар? Убирает у старика? Дамеш заглядывала в каждую комнату. Везде пусто и тихо. Никаких признаков жизни. Дамеш обошла квартиру, и тогда раздался пронзительный крик: «Пожар! Горим!» Дамеш бросилась на кухню и увидела над газовой плитой высокое пламя, которое росло, заполняя все помещение.

Откуда ни возьмись появилась Акмарал — мать Каира — с ведром воды. «Не лейте воду! Огонь еще больше разгорится!» — закричала Дамеш, не подпуская Акмарал к плите. Она быстро сняла с себя светло-голубой джемпер, купленный в Крыму, и накрыла им пламя. Огонь погас. Но в нем она успела различить очертания лица Каира...

...Дамеш лежала в постели в своей комнате и жмурилась от яркого солнца.

«Странный сон, — подумала она. — Глупый».

Было семь утра. Каждый день она вставала в это время, но сейчас ей хотелось полежать. Дамеш начала мы-

сленно перебирать события вчерашнего вечера. Да, они с Каиром крепко поспорили. Разлад. Не иначе. Неужели они будут врагами?!

А их личные отношения? Любит ли он ее? А она сама? А Ораз? Если сравнить Каира с Оразом, неизвестно, кто выиграет. У Ораза мягкий характер, он добродушен, ласков, доверчив. С ним легко и бездумно. С Каиром же надо быть настороже, как со строптивым сильным конем, который неизвестно куда вынесет. А вот встретила она Каира — и Ораз остался другом детства, и ей было все равно, что он жевился на Ажар. Но Каиру она не даст согласия уже несколько лет. И он ждет... Как все сложно, непонятно. Она могла для сбора диссертационного материала поехать в Череповец или Свердловск, а теперь хочет уверить себя, что приехала в Темиртау из-за одной диссертации... Еще в Аяма-Ате многие джигиты пытались завести с ней знакомство. Но, узнав поближе ее строптивый характер, отказывались от своих планов. Один известный художник не без обиды сказал ей: «Поменьше размышляй и побольше доверяй своим чувствам...» Нет, Дамеш не хочет целиком находиться во власти своих чувств. Она умеет подчинять их себе и не теряет власти над собой. Иначе она перестала бы уважать себя. Во всяком случае она уверена, что это нехорошо и недостойно. Но, с другой стороны, она понимает, что жизнь идет, что она может пройти. Очень грустно только мечтать о любви, о счастье, но нельзя же из-за этого броситься в объятия человека, в котором до конца не уверена. Если бы знал Каир, как близок он был однажды к счастью. Дамеш вспомнила тот чудесный весенний день, когда они бродили за городом. Он рассказывал ей о работе, о заводе, о своих планах, но ей казалось, что он говорит о ней, о любви, о весне, о птице, которая, едва не задев их крылом, пролетела рядом. В ней все пело тогда от счастья, и она готова была оборвать на полуслове ничего не подозревавшего Каира, сказать ему, что любит... Но он неожиданно заговорил о техническом оснащении завода, и у Дамеш сразу переменялось настроение. Она вспыхнула, как только он начал высказывать, по ее мнению, полное непонимание этого важного вопроса и нежелание его понимать. Весна, любовь, пролетевшая птица отодвинулись куда-то на второй план.

Партийный комитет завода помещался на втором этаже. На лестнице Дамеш встретила с главным инженером завода Муслимом Муслимом. Остроносый, лысый, сумрачный Муслим остановился и сердито блеснул очками. Он всегда смотрел на Дамеш свысока, а первое время даже не удостоивал ее вниманием. Он считал ее слишком легкомысленной, слишком женственной для серьезной профессии, и уж, конечно, не мог допустить мысли, что ей в голову могут прийти полезные идеи и планы.

— А-а, товарищ курортница!— проговорил он, проницательно улыбаясь.

— Как самочувствие тети Айши?— сухо спросила Дамеш, позабыв осведомиться о его собственном здоровье.

— Как-то в поезде один журналист из Алма-Аты сказал мне: «В старину казахи, встречаясь, спрашивали о том, цел ли их скот, а теперь они спрашивают о здоровье жены»,— с ленивой неторопливостью сказал Муслим.

Дамеш почувствовала, что начинает злиться на этого вечно спокойного человека, главного противника ее планов. Она понимала, что, справляясь о здоровье тети, обижает его, выказывает неуважение к его здоровью и вообще к его персоне, и была довольна, что так вышло.

Есть люди, которых трудно разгадать, потому что они скрывают свои истинные стремления. Муслим не думал их скрывать. Очевидно, он был слишком уверен в себе или же слишком презирал всех.

— Когда выйдешь на работу?— так и не ответив на ее вопрос о здоровье тети Айши, спросил Муслим, повернулся и пошел вниз. Дамеш поднялась по лестнице, открыла дверь в приемную секретаря парткома и столкнулась с Оразом.

— Почему ты такой хмурый?

— Вызвали!

— Надеюсь, ничего неприятного?

— Цел и невредим.

Ораз не спускал с нее взгляда.

Дамеш рассердилась на него за этот откровенный взгляд и, не оборачиваясь, прошла в кабинет секретаря. Серегин разговаривал по телефону.

Дамеш села на диван, стараясь не думать об Оразе, но его большие, укоризненно смотревшие глаза стояли

перед ней, она не знала, как избавиться от этого, и точно издали слышала голос Серегина, говорившего в трубку:

— ...Хорошо. В ближайшее время рассмотрим в парткоме. Вот и она сама здесь!.. Когда приехала? Вчера!.. Хорошо...

Серегин положил трубку, встал с места, подошел к Дамеш и протянул ей руку.

— Привет курортникам!

Во время Отечественной войны Николай Иванович Серегин лишился правой ноги. Стоило ему встать и пойти, как протез начинал поскрипывать. Поскрипывал он и сейчас, когда Серегин подошел к Дамеш, сел рядом с ней.

— Как отдохнула? Покажись-ка! Прекрасно, прекрасно!

У Серегина было открытое лицо, седые волосы. Возле глаз — сеть густых морщин, как у пожилого человека, хотя на самом деле ему сорок. Он был мягок, добр к людям, но, если они возмущали его, становился едким и на редкость неуступчивым. Сейчас он с нескрываемой радостью смотрел на Дамеш, и она, зная его характер, понимала, что секретарь одобряет ее и поддерживает. А это было важно.

— Н-да... Натворила дел!— Серегин улыбался.— И по-моему, дела неплохие. Во всяком случае, мне так кажется.

Николай Иванович встал, взял со стола газету и громко начал читать: «Слава у нашего металлургического завода громкая, но он ее не заслуживает. Мы утверждаем это потому, что на заводе не нашли применения технические новинки, которые появились за последние годы в нашей промышленности. Наш завод — заброшенное хозяйство. Людей, вносящих рационализаторские предложения, на нашем заводе не любят и смотрят на них косо. Недавно я предложила поднять производительность труда, поддуть мартеновскую печь воздухом, смешанным с паром. Но главный инженер и директор завода отмахнулись от этого предложения, утверждая, что не всякую хорошую мысль возможно осуществить».

Серегин поднял на Дамеш глаза и сказал:

— А здорово ты их! Молодец!

— Я написала правду.

— Вот это главное, дорогая Дамеш. Если б не это, я сейчас плакал бы горькими слезами.

Серегин рассказал девушке, что после ее отъезда, когда статья уже находилась в редакции газеты, там возникли сомнения в ее достоверности. Один перестраховщик из редакции желал, чтобы факты, уже проверенные, были перепроверены. Он обратился к самому Муслиму, и, если б не Серегин, дело приняло бы иной оборот, так как Муслим сразу же резко запротестовал, назвал беспочвенными основные положения статьи.

— Значит, вы мне помогли?— спросила Дамеш.

— Каюсь,— Серегин улыбнулся.— Хотя трудно спорить, если главный инженер утверждает, что пар на маршете принесет не пользу, а вред.

— Но вы же поверили, Николай Иванович, что пар принесет пользу?

— Советовался я с инженерами из технического отдела да и сам кое-что разумею. Но в каждом деле может быть несколько точек зрения. А кроме того, дорогая Дамеш, правду обычно сердцем чувствуют. Если фактов не хватает.

Серегин улыбался, глядя на нее, и, хотя тон его разговора был шутливый, Дамеш поняла, что секретарь парткома крепко верит в ее правоту.

Дамеш заволновалась. Она впервые ясно увидела возможность победы. Неужели она, Дамеш, совсем еще молодой инженер, совершит такой важный переворот, чуть ли не революцию на заводе?

— На днях состоится заседание парткома,— сказал Серегин.— Сходи в цех, в технический отдел. Проверь всё еще раз.

Дамеш никогда в жизни не испытывала такого чувства благодарности, как сегодня, к этому малознакомому, в общем, человеку. Голубые глаза его улыбались, он ободряюще глядел на нее, и Дамеш подумала о том, насколько важно вовремя встретить такое вот понимание и поддержку.

Она встала.

— Держи связь со старыми опытными сталеварами!— напутствовал ее Серегин.— Советуйся с ними. Хотя ты и окончила институт, но на завод пришла недавно. Поэтому у многих рабочих нет к тебе нужного доверия, а у тебя нет их опыта. Учись! Твое предложение — пока

что теоретические рассуждения, мысли на бумаге. Надо проверить их на практике.

— Хорошо,— спокойно проговорила Дамеш.

— Желаю успеха!— Серегин пожал ей руку.

Дамеш вышла из кабинета, и тут в ней шевельнулось сомнение. А вдруг она ошибается, вдруг подведет всех, вдруг поставит весь завод в невероятно тяжелое положение? Она хотела избавиться от этого непрошенного беспокойства и старательно начала уверять себя, что все хорошо, что победа обеспечена.

II

Каир Альжанов был назначен директором металлургического завода после того, как прежний директор, старый инженер-прокатчик, решил уйти на пенсию и назвал Каира своим преемником. К его мнению прислушались.

Выходя из машины у проходной, Каир вспомнил об этом. Что ж, в общем он оправдал доверие старика. Но одна мысль не давала ему покоя. Когда он принимал директорскую должность, многие поздравляли его лишь приличия ради. Только группа закадычных друзей торжествовала. И почему-то эти самые друзья в последнее время, после появления статьи в газете, заметно сторонятся его. Либо они сочувствуют Дамеш и поддерживают ее, либо думают, что Каира снимут. Несколько дней тому назад один инженер, друг Каира по институту, полушутя, полусерьезно сказал ему: «Ты всегда делаешь то, чего хочет Муслим Сапарович. Без его советов ни одного вопроса не решаешь! А он ведь не из лучших людей! Как он отнесся к предложению Дамеш Сагатовой? Разве это честная позиция?»

Каир не забыл этого разговора и теперь старался понять, почему Муслима недолюбливают на заводе. Он знает производство как свои пять пальцев. Чем критиковать, учились бы лучше у него!

Каир поднялся на второй этаж, где был его кабинет. В приемной рядом с секретаршей сидела Дамеш и читала газету. Увидев Каира, встала. Каир, кивнув головой, прошел в кабинет. Он понимал, что надо остановиться, поздороваться. Хватит! Вчера вечером она снова грубо оттолкнула его...

Да! Отношения с Дамеш для него запутанный узел. Своей рукой завязывал его, а теперь не развязать. И еще

эта история со статьей в газете, которая неизвестно чем кончится!..

Вошла секретарша и спросила:

— Будете принимать?

— Если Дамеш Сахиевна пришла ко мне, пусть войдет...

Он больше не будет с ней церемониться! Голыми фактами опровергнет все ее доводы. Но что, если кто-то другой толкнул ее на этот путь? Что, если кто-то другой прикрывается Дамеш как ширмой? Однажды Муслим сказал как бы невзначай: «Ох, этот Серегин! Хитрый человек. Остерегаться его надо». Мог он использовать Дамеш в своих целях? Да нет! Ерунда! Дамеш не проведешь! Серегин в свое время сам поддержал кандидатуру Каира на пост директора, а Муслим в каждом человеке видит злодея.

Дамеш вошла в кабинет неторопливо, с достоинством. Каир глянул на нее, и вся его злость и решительность исчезли. Как похорошела она за время отпуска!..

Он жадно рассматривал девушку.

— С чем пришла, Дамеш?— начал он наконец.

— Мне всегда казалось, что ты умеешь отгадывать чужие мысли,— ответила она с ехидством.

— Я был бы рад превратиться в волшебника или факира.

— Верни мое предложение.

— Я поручил главному инженеру и главному технологу разобраться в нем. Они должны представить свое заключение.

— Разве у директора нет собственного мнения?

— Директору нужно знать мнение коллектива. Сигнал газеты может быть правильным или неправильным, но ответственность за работу завода несет не газета, а директор. Завод — часть большого государственного механизма. И этот механизм должен работать слаженно, безотказно.

— Я всегда считала, что красота мужчины в его уме,— оборвала его рассуждения Дамеш и направилась к выходу. В дверях столкнулась с вошедшим Муслимом. Она посторонилась, уступая ему дорогу.

Муслим не обратил на нее внимания. Он прошел прямо к директорскому столу и без приглашения опустился в кресло. Пренебрежительное отношение Муслима к Дамеш не понравилось Каиру.

— Дамеш Сахневна,— обратился он к ней,— остань-
тесь, пожалуйста. Посоветуемся.

Муслим тщательно вытер белоснежным платком
вспотевшую лысину и с недовольным видом пробурчал:

— Опять этот пар! Он становится туманом, в котором
легко заблудиться.

Дамеш побледнела; Каиру стало жаль ее.

— Мусеке,— обратился он к Муслиму,— три месяца
мы держим докладную записку Сагатовой. Пора дать
ответ.

Муслим пожал плечами и с притворным сожалением
развел руками:

— Много шума из ничего! Вот мое мнение.

— Прошу вас изложить его письменно и вернуть с
моей докладной,— покраснев от негодования, дрогнув-
шим голосом сказала Дамеш.

— Хочешь подшить к очередному заявлению и по-
слать в вышестоящие органы?

— Не издевайтесь по крайней мере!— крикнула Да-
меш. На глазах у нее показались слезы, она повернулась
к двери и выбежала из кабинета.

— Надо быть вежливым, Мусеке,— сказал Каир.

Муслим вскочил со своего места как ужаленный.

— Она насмехается над нами, пишет на нас в газету,
а я должен быть вежливым? Благодарить прикажешь?
Нет, извини, но я не хочу и не могу ждать помощи от
Иисуса Христа. Я проработал на заводе двадцать лет и
даже работал в министерстве в свое время...

— Хорошо, хорошо,— пытался успокоить его Каир.

— Слыхано ли, чтоб честного пожилого человека ос-
корбляли и унижали? Не желаю никого слушать!— Му-
слим, отчаянно потея, безостановочно вытирал платком
лысину.

Всегда вежливый, услужливый, изворотливый, он на-
поминал теперь разъяренного верблюда-самца, и Каира,
несмотря на дурное настроение, это забавляло.

— Никогда не видел вас в таком состоянии.

— Рассуди сам, дорогой Каиржан!— глухим голосом
ответил ему Муслим.— Как не возмущаться! Эта девица
совершенно не разбирается в производстве, придумала
глупое предложение и морочит людям голову. На всю об-
ласть осрамил! Разве можно после этого хорошо к ней
относиться? Если нас тревожит судьба завода, то она пе-

чется о своей собственной судьбе. Завоевать дешевый авторитет легко!

— Если она метит на мое место — я готов уступить, — Каир засмеялся.

— Все мы готовы, — ядовито ответил Муслим. — Только когда нас сгоняют с наших мест, мы почему-то всю жизнь вспоминаем об этом.

В дверях показалась голова секретарши.

— Муслим Сапарович, возьмите, пожалуйста, трубку. Совнархоз вызывает!

— Муслим поднял трубку.

Каир задумчиво смотрел на главного инженера. Недаром говорит русская пословица, что с человеком надо три пуда соли съесть, прежде чем узнаешь его.

Каир подошел к окну, раскрыл его, подставляя ветерку разгоряченное лицо. Приятно и свежо... Был полдень. Стояло теплое раннее лето, какое часто бывает в центральной части Казахстана. Каир разглядывал непрерывный людской поток на улице. Вон Дамеш. Серое платье, модное, узкое, так идет ей! Прежде у нее не было такого платья. Вероятно, она купила его в Крыму, в Ялте. Кто-то, может быть, ухаживал за ней там... Неправда! Он не поверит этому! Каир не отрывал глаз от исчезающей в толне стройной фигурки девушки.

Впервые он увидел ее пятнадцать лет назад. Были военные годы. Отца Каира перевели на завод в Темиртау, и он с семьей переехал сюда из Алма-Аты. Дамеш жила у Курышбая, по соседству. Ей было всего-навсего одиннадцать лет, и она была длинноногой худенькой и капризной девочкой. То ей хотелось целыми днями ездить верхом на лошади, то без конца кататься на коньках на замерзшем озере. Первое их знакомство произошло именно на озере. Каир скользил на одной ноге, вдруг кто-то толкнул его с такой силой, что он кувырком полетел на лед.

— С ума сошла? — закричал он, с удивлением видя, что сшибла его маленькая хрупкая Дамеш.

Она показала ему язык.

— Дрянная девчонка! — заорал Каир.

Обиженная до глубины души, Дамеш убежала домой и долго плакала втихомолку. Она никогда в жизни не простит ему этого! Сколько бы месяцев, лет, десятилетий ни прошло!

Они все же подружились, но потом судьба надолго

разъединила их. Каир уехал учиться в Караганду. Вернулся уже студентом, на каникулы.

До сих пор не может забыть Каир впечатления, какое произвела на него Дамеш, превратившаяся в красивую девушку. Он вошел во двор дома и увидел, что Дамеш, приставив лестницу к яблоне, срывает созревшие плоды.

Дамеш заметила Каира и, хотя в ее глазах зажглись радостные искорки, закричала ему:

— Ах, это тот противный озорник?! Я вижу, он стал взрослым! Не смей подходить ко мне!

Каир нерешительно подошел. Дамеш засмеялась, обнажая свои ослепительно белые зубы:

— Храбрым стал. Вот тебе за это награда! Бери! Не стесняйся!— Она бросила ему самое большое и красное яблоко.

Каир протянул было руку, но яблоко пролетело мимо.

— Разиня!— Дамеш опять засмеялась.— Счастье упустить недолго!

Каир разозлился на себя за неловкость, покраснел. Теперь Дамеш протягивала ему не такое крупное и не такое красное яблоко.

— Медведь!

Каир вспомнил детство, их прежние стычки и хотел убежать, но, посмотрев на спустившуюся с лестницы Дамеш, раздумал. Она стояла возле него, насмешливо шуряя, красивая, привлекательная. Не помня себя, он схватил ее в объятия.

Девушка никак не ожидала такого оборота дела, в первую минуту растерялась, а потом отвесила Каиру такую затрещину, что он зажмурил глаза. Но не отпустил ее.

— Не смей!— тщетно вырывалась Дамеш.

— Дамеш... Дамеш...— теряя голову, шептал он.

Она вырывалась и крикнула:

— Сумасшедший!

Он молча смотрел на нее, едва справляясь с волнением, едва сдерживаясь, чтобы не обнять ее снова. Но вдруг оба почувствовали чье-то присутствие и оглянулись. В открытом окне стоял Ораз. Брови его были хмуро сдвинуты, лицо мрачно.

«Ревнует! Вот еще!»

Дамеш бросила на Ораза недовольный взгляд и кокетливо обратилась к Каиру:

— Пойдем в парк гулять!

Каир ждал чего угодно, только не этого. Он быстро, словно боясь, что она передумает, подхватил девушку под руку.

Вернулись они поздно, чуть ли не в два часа ночи. На столе стоял ужин. Ораз, так и не дождавшись их, заснул, положив голову на стол...

...Муслим закончил разговор по телефону и снова сел в кресло. Нос его как будто еще больше заострился и стал похож на клюв хищного орла, готового броситься на добычу. Каир понял, что главный инженер готовится сообщить ему нечто весьма неприятное.

— Говорят, эту проклятую статью будут обсуждать на парткоме.

— Кто сказал?— повернулся к нему Каир.

— Мне сообщили, что к понедельнику надо подготовить вопрос. Эта девка не теряет времени!— Муслим не скрывал злобы.

Каир был удивлен. Как мог Серегин, не разобравшись в деле, назначить заседание парткома? Он ведь любил говорить: решать вопрос—все равно что убирать урожай. И разве можно решать единолично, не посоветовавшись с ним, директором завода? Так нельзя, товарищ Серегин!

Главный инженер, заметив, что самолюбие директора уязвлено, с подчеркнутым возмущением продолжал:

— Сколько раз я говорил вам, что Сагатову натравил на нас Серегин!

Каир задумался. Похоже, что в словах главного инженера есть доля правды. Взяв трубку, вызвал Серегина.

— Товарищ Серегин,— с места в карьер начал он.— Что за автономию ты создаешь?

— А именно?— спокойно спросил Серегин.

— Хочешь обсудить газетную статью и со мной не советуешься?

— Городской комитет партии предложил мне обсудить статью на парткоме.

— Надо было поставить меня в известность!— резко сказал Каир и повесил трубку.

— Что он бормочет?— спросил Муслим.

Каир не ответил. Положим, Серегин сам имеет право решать вопросы, никто не спорит. И диктовать свою волю партийному комитету Каир не собирается. Но считаться с собой Серегина надо заставить.

— Что он?— переспросил Муслим.

— Неважно,— холодно ответил Каир.— Заниматься самоуправством и самовольничать никому не дозволено.

— Святая истина!— воскликнул Муслим.

После разговора директора с Серегиним настроение Муслима улучшилось. Он рассуждал следующим образом: он, Муслим, не собирается становиться добычей всякого встречного-поперечного. Его не так-то легко прогнать. Надо прийти на партком с готовыми выводами. От его позиции и позиции директора зависит ход заседания. Вовремя ли написана статья? Может ли она стать программой технического прогресса завода? Если нет, то почему? Достаточно будет ответить на эти вопросы, и остальное решится само собой.

Эти доводы главного инженера казались разумными, и Каир был с ними согласен.

— Статья правильна в основном,— продолжал Муслим.— Надо обновить технику. Кто возразит против этого? Но аргументы статьи не основательны, мелки. Они ставят под удар планы завода, его судьбу. Кроме того, нельзя сырой материал выдавать за готовое изделие. Метод-то еще не проверен! Какую же цель преследовал Дамеш, написав статью? По-моему, это был злой умысел против коллектива.

— Вот это уже ерунда!— прервал его Каир.

— На первый взгляд вы как будто правы...— Муслим протер очки носовым платком и снова надел их.

— Я прав,— твердо сказал Каир.

Муслиму, великолепно знавшему характер директора, ничего не оставалось, как замолчать, но он небрежно бросил:

— А все-таки я не верю девчонке...

III

После встречи с Дамеш в парткоме Ораз вышел на улицу. Солнечные лучи брызнули ему в глаза. Досадливо щурясь, он перешел на другую сторону.

Ораз никак не мог понять характер Серегина. Страшный человек! Сегодня он очень сурово говорил о том, что надо выполнять свои обещания и, прежде чем их давать, следует соразмерять с ними свои возможности. Ораз был обижен разговором и сердился на Серегина. Больше года носит он высокое звание Героя Социали-

стического Труда. Дамеш, окончившая институт, не сможет выплавить сталь лучше него. Это не хвастовство. Каждый стремится хорошо работать, но лить сталь — большое искусство. В этом году он сдал приемные экзамены на заочное отделение института. Он депутат областного Совета. Если Серегин считает себя объективным человеком, пусть будет справедливым. Пусть других учит, как надо работать, а не его, Ораза. И все-таки Серегин честен. Он никогда не давал Ораза в обиду главному инженеру, всегда поддерживал любую его инициативу. Теперь, правда, он поддерживает Тухфатуллина. В прошлом году Тухфатуллин завоевал звание заслуженного сталевара и из кожи вон лезет, чтоб его бригаде присвоили звание бригады коммунистического труда. Не случайно Серегин упомянул о нем в разговоре.

— Уже три месяца прошло, как вы боретесь за звание бригады коммунистического труда, а с выработкой топчетесь на месте,— упрекал Серегин.

— Тухфатуллин поднатужится и за два дня выжмает рекорд. А остальные дни?..— сердито отвечал Ораз.

— Говоришь хорошо, а делаешь мало.— Ответ Ораза не понравился Серегину.— Когда мы дела твои увидим?

— Каждый может, как Тухфатуллин, сходить раз в неделю в вечернюю школу или в кино, чтоб культуру повысить!

— Смотри не превратись в того верблюда, которого казахи часто вспоминают: он думал, что от его роста зависит продолжительность его жизни!— Серегин посмеялся.— Вчера завком внес предложение присвоить звание бригады коммунистического труда бригаде Тухфатуллина. За последнюю неделю они довели выработку до ста пятнадцати процентов. А ты? В прошлом месяце еле-еле дотянул до ста!

Ораз понимал, что Серегин говорит правду. Напарники Ораза по работе молоды, неопытны, точно недоверенная сталь в мартеновской печи. Несхожи пальцы на руках человека, несхожи и характеры его трех помощников.

Вот Гена. Озорной, всегдашний забияка. Дня не проходит, чтоб он с кем-нибудь не повздорил. Или Кеша, тихоня, неразговорчивый. О таких людях говорят, что

они не шелохнутся, если по ним пройдет верблюд. А вот шутник Куан — всегда улыбается лукаво и минуты не может прожить, чтоб не сострить. Разные они, очень разные, и Оразу кажется, что именно поэтому он никак не может объединить их в одну слитную, дружную бригаду. Все не кленется что-то.

Придя домой, Ораз наскоро поел и снова пошел на завод. У высоких заводских ворот увидел колонну автомашин с грузом и вошел вместе с ней, вспомнив, что пять лет назад точно так же в первый раз входил на завод. Все ему тогда казалось чужим, а теперь он мог бы с завязанными глазами пройти в любой цех — о своем, мартеновском, и говорить нечего.

Вот заводской садик, огороженный красивой решеткой, слева от него механический цех, напротив — прокатный. Сейчас Ораз обойдет его, а там уж мартеновский. Дня он не может прожить без того, чтоб не видеть ярко пылающего пламени в печи, пламени, которое обжигает лицо, волосы, оставляет черную сажу на руках... Об этом Ораз рассказывал своим родным, когда ездил к ним в прошлом году в отпуск в Ерейментау. Он так горячился, что родные начали посмеиваться: «Первый раз слышим: человек настолько любит огонь, что жить без него не может. В своем ли ты уме, дружок? С огнем братается один шайтан!»

В красном уголке мартеновского цеха бригада собралась на оперативку. Ждали начальника смены. Геннадий и Куан ожесточенно спорили о чем-то, а окружающие своими замечаниями подливали масла в огонь.

...Ораз остановился. Навстречу в зеленом жакете, в кепке и с очками на лбу шла Дамеш. Как она хороша! Даже в таком наряде. Кивнув головой собравшимся, она прошла к столу, и Ораз, забыв о своих тревожных думах, двинулся за ней.

Оперативка началась. Дамеш внимательно выслушала мастера, затем бригадир, записала в блокнот их просьбы и отпустила их к рабочим местам. Оразу нравился стиль работы Дамеш. Она на месте решала все вопросы, давала короткие, конкретные указания, дельные советы. Когда Дамеш была на курорте, начальником смены работал инженер Валуев. Нерешительный, медлительный, он часто повторял одну и ту же фразу, поправляя при этом свои большие роговые очки, и обычно старался получить указания свыше. Он подолгу за-

держивал каждого рабочего из-за пустяковых вопросов и затягивал оперативку до бесконечности.

Ораз не спускал глаз с Дамеш и продолжал думать о своем — сколько людей в цехе работают без суতোлки, в едином ритме, а он никак не может организовать свою бригаду. Это, очевидно, и есть то, что Серегин называет умением руководить.

— О чем ты задумался? — отпустив людей, спросила его Дамеш.

— Ла каула! — ответил Ораз, прикладывая руку к груди. Покойная мать Ораза от неожиданности всегда восклицала: «Ла каула!» — и Ораз с детства любил в шутку повторять это слово.

— Эй, лакаула! — засмеялась Дамеш. — Опять чугуи дашь сегодня?

— Когда я чугуи давал?! — насторожился Ораз.

— Ну да... Или тебе неизвестно, что тот, кто варит сталь с большим количеством углерода, превращает ее в чугуи? Вот и главный инженер говорит, что Ораз Курышбаев плавит чугуи... И его бригада не имеет права носить звание бригады коммунистического труда. О Тухфатуллинне этого не говорят.

— Вот и присваивайте ему звание, — отрезал Ораз. — Я не могу два дня устанавливать рекорды, а потом плестись в хвосте.

— Чего же ты хочешь?

— Надо добиться, чтобы рекорд закреплялся в бригаде навечно. Тогда-то повысится эта самая производительность, время сэкономим, качество продукции улучшим.

— Мечта красивая.

— Реальная, — твердо сказал Ораз.

Эти смелые мысли понравились Дамеш. Но она ничего не сказала и только, глянув на Ораза, бросила:

— Разогревай печь!

...В ловких руках Геннадия длинная черная кочерга. Стоит ему несколько раз пошуровать ею в печи, и она становится красной-красной, иногда даже раскаляется добела.

— Глянь, Ораз. Хорошее пламя?

Надев защитные очки, Ораз смотрит в «глазок» печи. Причудлива игра пламени. Брызги огня кажутся то огненно-красными, то ярко-белыми, то желтыми с синеватым оттенком. А затем все сливается в одну могучую,

неукротимую красную массу. Огоны! Он страшен, когда свободен, и полезен, когда его приручит человек. Не зря люди сочинили легенду о Прометее, который похитил огонь для человека...

— Пламени мало. Больше жару надо.

Ораз обернулся, ища взглядом своих помощников.

— А где Кеша и Куан?.. Эй, чего стоите? Куан, кати машину из-под шихты! Смотри, чтобы шихта в одном месте не скапливалась! Пламя должно быть равномерным. А ты, Кеша, побольше газа подай в печь, чтобы усилить пламя.

Ораз решительно направился к соседней печи. Сегодня он хотел добиться успеха. Во что бы то ни стало!

Но ему снова не повезло. Чрезмерное усердие и поспешность Геннадия испортили все дело. Не сказав ничего Оразу, он пустил чугунок в кипящую шихту. Шихта зловеще зашипела и с брызгами потекла из-за печной заслонки. Чтобы остановить ее, пришлось затратить много усилий, и время было безвозвратно потеряно.

...По арыку бежит теплая, отработанная заводская вода. Днем и ночью стоит над ней легкий пар. Там, где арык пересекает улицу, через него перекинут железный мостик. Ораз прислонился к перилам и уставился на свое отражение, которое дрожало на поверхности воды. Ярко горят электрические лампочки. Ночная улица светла как днем. Народу уже почти не видно. Лишь у Дворца металлургов нет-нет да промелькнет запоздалая парочка. Как же быть? Он плохой руководитель. В этом все дело! Ребята у него хорошие, а он плохой. Ораз почему-то вспомнил своего школьного преподавателя физкультуры, который был невнимателен и у которого ученики выполняли упражнения вразброд.

Кто-то подошел к Оразу и ласково взял его под руку. Знакомый запах духов. Ораз быстро обернулся. Дамеш!

Молча встав рядом с ним, она прислонилась к перилам, задумчиво вглядываясь в воду. Теперь уже два силуэта отражались на ее поверхности, то сливаясь воедино, то совсем исчезая.

— Ораз!— наконец сказала Дамеш.— Что у вас случилось с Ажар?

Неужели это объяснение! Она стоит рядом с ним... Так близко. Ораз почувствовал, как кровь застучала в висках.

— Ты разве сама не видишь?

— Не спрашивала бы.

Оразу хочется все рассказать Дамеш. Ведь это она, только она владеет его сердцем, его мечтами, и в этом все дело!

— Что же ты молчишь?— словно откуда-то издали слышит он ее нежный голос и вспоминает один далекий выходной день. Он поливает цветы перед окном дома, выпалывает сорняки. Всего лишь неделю не занимался ими, а к астре уже пристроилась полынь. Но вырвать ее не так-то просто. Нужна осторожность, чтоб не повредить цветов.

— Что ты там бормочешь, Оразжан?— высунувшись из окна, спрашивает Дамеш.

Ораз поднимает голову.

— Я посадил под твоим окном эти цветы, потому что у них тонкий аромат.

— Для меня посадил?— спрашивает она.— Спасибо.

Он хочет сказать ей про свою любовь, но не может, как сейчас вот. Он боится. А вдруг она холодно остановит его и скажет, что он ей безразличен. Нет! Страшно!

— Пошли домой!— отрывисто говорит он и первым идет с мостика.

— Не очень-то вежливо,— усмехается Дамеш.

Курышбай давно на пенсии. Быть советчиком детей — вот в чем видит он свое предназначение.

Дети выросли обзавелись семьями, сами стали родителями. Но жизнь прожить — не поле перейти. Стремительно шагающая вперед молодость не смотрит под ноги. Трезвые рассуждения считаются слабостью. Таким же непослушным джигитом был в молодости и сам Курышбай!

Его отца звали «седельником Қалдыбасм» — он искусно выдѣлывал сбруи и седла. Отец старался внушить сыну, что трезвый взгляд на вещи — необходимое условие жизненных успехов. Но Курышбай не слушал его. Повзрослев, он на некоторое время ушел к Джамбулу, пел и играл на домбре. Он был ловким, статным парнем. И нос у него тогда был не морщинистым, как теперь, а огневые глаза нравились девушкам. Ах, если бы он послушался отца и был поосторожнее! Когда один из

чабанов бая Кардена утонул, купая байских овец, Курышбай не сдержался и решил отомстить. Разве дело было в одном Кардене? Но Курышбай тогда ни о чем не хотел думать и угнал табун Кардена. Тот взял и упрятал Курышбая и помогавшего ему Жунуса, деда Дамеш, в Сибирь. Курышбай через некоторое время бежал и появился в родных местах к началу восстания 1916 года.

Жунус бежал вместе с ним.

А потом уж Курышбай поступал разумно: присоединился к Токашу Бокину и вместе с ним поднял восстание в Семиречье. Правда, попал в руки врагов и восемь месяцев отсидел в тюрьме. Февральская революция освободила его. Вместе с Токашем Бокинным и Сагатовым боролся за установление Советской власти, потом за первую пятилетку... Организовывал колхозы... И уже никогда не забывал советов отца.

В годы войны Курышбай работал в Караганде. Там дал образование младшему сыну — Оразу. Вместе с ним воспитал и Дамеш.

Дамеш была дочерью революционера Саха Сагатова, объявленного в 1938 году «врагом народа» и осужденного. Ее мать погибла в железнодорожной катастрофе.

Младший брат Саха — Асхар, тяжело раненный на Волге, приехал в Темиртау и жил некоторое время у Курышбая. Однако не прошло года, как арестовали и его.

После XX съезда партии дело Саха было пересмотрено. Его реабилитировали, но он не вернулся: пришло извещение о том, что он умер в лагере. А об Асхаре вообще ничего не было слышно. Только сегодня Курышбай получил письмо.

— Суюнши, Дамеш! — крикнул Курышбай, усаживаясь поудобней на балконе.

— Суюнши! — Тряхнув косами, Дамеш повернулась к Курышбаю. — Вы должны получить подарок, ата¹!

— Письмо от Асхара. — Достав свернутую вчетверо бумагу, Курышбай передал ее Дамеш.

«...В 1956 году меня реабилитировали. После этого

¹ У казахов есть обычай одаривать того, кто принесет хорошую весть, радость — с у ю н ш и. А т а — отец.

попал в больницу города Тайшета — дала себя знать старая контузия: не мог даже говорить. Пишу это письмо и не знаю, дойдет ли оно до вас. Боюсь, что вы переехали в Алма-Ату...»

Дамеш, прочитав письмо, тут же показала его Оразу, вернувшемуся с работы. Курышбай заметил, что руки девушки дрожали, когда она передавала письмо, а на глазах блестели слезы. Полгода назад, когда Дамеш переехала сюда из Алма-Аты, Курышбай сообщил ей, что по имеющимся у него сведениям Асхар жив и находится где-то в Сибири. Дамеш не поверила. «Не может быть, чтобы он не дал о себе знать». И вот теперь предположение Курышбая оправдалось.

— А что, если я съезжу за ним?!— предложила Дамеш.

— Можно и съездить! Но он пишет, что в ближайшее время приедет. Не лучше ли приготовиться к встрече?

Дамеш согласилась.

А Курышбай пристально посмотрел на Ораза. Он давно чувствовал, что тот скрывает от него какие-то душевные нелады. Из разговоров с Дамеш он понял, что и на заводе у Ораза неблагополучно.

— Что у тебя на работе творится?— спокойно спросил он, обращаясь к сыну.

— Ничего особенного,— иронически произнесла Дамеш.— Его бригада вот уже второй день кряду занимает на Доске почета первое место с конца.

— Плохо!— строго сказал Курышбай.

Ораз по-прежнему молчал.

— Да, уж хорошего мало...— вздохнула Дамеш.

— Пьешь опять, Ораз?!— Курышбай нахмурился.

Попав в какую-то сомнительную компанию, или, вернее, сам найдя ее, Ораз в последнее время стал пить. Дамеш не знала, что в доме был уже однажды скандал из-за этого. Курышбай и Ажар решили ничего не говорить Дамеш, но теперь Курышбай не думал об этом и, разволновавшись, начал высказывать сыну горькие истины. Он, Курышбай, всегда старался показать пример другим. Чем иным можно объяснить, что на старости лет он сделался сталеваром? Девать ему свою силу и энергию некуда было, что ли? Когда во время войны в Темиртау приехал Рахим, отец Каира, отобрал большую группу рабочих и направил всех в сталеплавильный цех,

среди них был и Курышбай. Рахим уважал Курышбая и доверял ему. Курышбай старался оправдать доверие и, несмотря на то, что болел в ту пору, исправно приходил на завод варить стали. Время было трудное. В стране не хватало продуктов, топлива, одежды. Вот в какие времена работал Курышбай! А сейчас жизнь другая. Чего же не хватает Оразу? Радио и газеты прославляют его: «Герой Социалистического Труда Ораз Курышбаев, один из передовых металлургов Казахстана...» Его имя известно не только в республике и в стране, но даже за рубежом. Что он? Разленился, или слава вскружила голову? Чем объяснить положение, создавшееся в бригаде?..

Когда Курышбай начинал читать нравоучения, останавливать его было невозможно. Ораз несколько раз порывался заговорить, но Дамеш останавливала его взглядом, и он смолкал, слушал.

IV

Перед тем как идти на заседание парткома, Муслим Муслин продумал доводы и соображения, которые он собирался противопоставить планам Дамеш. Все выглядело убедительно. Но у Муслима была привычка никогда не доверять даже себе. Прежде чем вступить в бой с противником, он должен был убедиться, что сделал все необходимое для победы. Привычка эта выработалась с годами. Стремясь добиться высокого положения, он придумывал различные хитроумные маневры, которые помогали ему избегать безвыходных положений.

...Однажды ему позвонили из ЦК и сказали: «Вас вызывает Жумекен!» Муслим подпрыгнул от радости, и, если бы у него были крылья, он взлетел бы в небеса. Потом он испугался. Чувства радости и тревоги попеременно овладевали им. «Зачем я ему понадобился?— мучительно думал он.— Может быть, кто-нибудь пожаловался на меня?» Но тогда Жумекен не вызывал бы к себе, а просто создал бы комиссию для проверки. В конце концов он тоже человек, этот Жумекен. Стало быть, Муслим сможет разгадать его замыслы и извлечь из них пользу.

Прежде всего надо расположить Жумекена к себе. Переступив порог кабинета Жумекена, Муслим держал-

ся подобострастно, соглашался со всем, что тот ему говорил, изредка вставляя ни к чему не обязывающие замечания. А потом на все лады начал расхваливать Жумекена, пересыпая свою речь заранее вызубренными цитатами из его выступлений. После долгого разговора Муслим решил, что оставил о себе неплохое впечатление, и, уходя, подумал, что наверняка может рассчитывать на большую карьеру.

Неизвестно, поддался бы секретарь ЦК хитроумным козням Муслима или нет, но один из друзей, выходец из Джетысу, подвел Муслима. Муслим рассказал этому человеку о разговоре с Жумекеном, а тот на следующий же день написал заявление на Муслима, в котором утверждал, что тот сын крупного бая. Неизвестно и то, сыграло ли это заявление роль, которую ему приписал Муслим, но с тех пор он очень не любит джигитов из Джетысу. Думая о Дамеш, тоже родившейся в этом краю, Муслим не делал исключения и для нее. Он уверял себя, что она затеяла историю со статьей в газете с целью занять его, Муслима, место и стать главным инженером завода. Нет! Муслим этого не допустит... Вдобавок ее дядя, врач по профессии, осужден. Муслим в свое время писал о нем в МВД и давал показания на следствии...

Но это никому не известно, а тем более Дамеш! Муслим отогнал тревожные мысли. Конечно, осторожность не вредит, но причин для беспокойства нет. И все-таки, когда Муслим пришел в кабинет Серегина на заседание партийного комитета, Дамеш, тихо сидевшая в углу, показалась ему подозрительно недружелюбной.

Садясь в кресло, Муслим скосил глаза на Серегина и подумал, что все зло, очевидно, исходит от него. Дамеш лишь игрушка в его руках. Сидит вот, улыбается. Виду не подает. Кто же из членов комитета будет защищать Дамеш? А-а, у нее есть сторонник! Вот он! Его зовут Кумысбек. Он тоже из Туркестана и всегда подчеркивает, что он родня Дамеш, что они земляки.

Когда собрались все члены комитета, Серегин открыл заседание и предоставил слово главному инженеру.

Муслим некоторое время молчал, как будто не зная, с чего начать. Затем заговорил с достоинством, неторопливо. Он не спускал глаз с Каира, который сидел в широ-

ком кожаном кресле и, разложив на коленях мелко исписанные листки, просматривал их, время от времени делая пометки красным карандашом. Волосы, черные как уголь, падали ему на лоб, и Каур, отбрасывая их, то и дело встряхивал головой. Глубокая морщина залегла между бровями. Не проект ли это решения бюро? Если так, значит, проект не из приятных. Муслим старался не думать об этом, не глядеть на Каура, но листки бумаги, которые тот просматривал, словно притягивали его взгляд.

В начале речи Муслим не касался существа дела. Он подчеркнул большое значение статьи и довольно лестно отозвался о Дамеш, как бы отдавая должное ее уму и таланту. Затем он перешел непосредственно к фактам, содержащимся в статье, и начал говорить об их незначительности... А те, что нельзя обойти, можно ведь объяснить по-своему!

— Простите за сравнение,— с чуть заметной улыбкой говорил он.— Но завод можно уподобить дойной корове! Если ей не давать корма, не ухаживать за ней, не перестанет ли она, в свою очередь, давать молоко? По-моему, перестанет. А корм для завода — это техника...

— Сравнение не из самых удачных,— вставил Каур, не поднимая склоненной над бумагами головы.

— Сравнение доказывает, что его автор неплохо знает деревенскую жизнь,— сказала Дамеш, и все засмеялись, так как знали слабость главного инженера к сравнениям из деревенской жизни.

— Но корм бывает разный! Тот, который предлагает Дамеш, не овес, не кукуруза, а прошлогодняя полынь... Если кормить скот полынью, разве он даст молоко?

— Кто же виноват, что вы не умеете отличать кукурузу от полыни?— вставила Дамеш.

Присутствующие снова дружно рассмеялись, и Серегин, призывая к порядку, застучал карандашом по столу.

— Мусеке!— Каур смеялся.— Докажи им, что ты разбираешься не только в коровах, но и в травах.

— За этим надо обратиться к Дамеш Сахневне.— Муслим криво улыбнулся.— Она показывает себя большой специалисткой. Впрочем, ей... она умеет доставлять

23. Шапки
УЛТТИК... 33
РЕСПУБЛИКА...
ИНН... 983814

неприятности даже очень близким людям, действуя у них за спиной.

Дамеш побледнела. Слова Муслима попали не в бровь, а в глаз. Все, кроме Дамеш и Каира, задвигались; начали переглядываться, так как всем было известно об их отношениях.

— Кто будет говорить?— спросил Серегин.

Заведующий техническим отделом Платон Сидорович, костлявый, с лошадиной челюстью человек, смутился и растерянно спросил Серегина:

— Вы ко мне обращаетесь?

У Муслима о Платоне Сидоровиче давно сложилось мнение, что он мухи не способен обидеть. «Если ты меня не тронешь, и я тебя не трону!»— таков его девиз. Вызовет его директор — идет, прикажет — выполнит. Привычка сидеть за чужой спиной стала его натурой, характером. Вот почему Муслим не беспокоился о позиции Платона Сидоровича. Ничего неприятного для директора и Муслима он не сделает.

— Обвинить можно ни в чем не повинного человека,— начал свое выступление Платон Сидорович.— Правда, газетам верят... И не зря... Наши газеты проверяют то, что печатают...

Муслим беспокойно заерзал на месте: как бы этот дурак не испортил дела.

— По мнению автора статьи, руководители нашего завода консерваторы. Кому же приятно подобное прозвище? Но раз их так называли, уже неважно, приятно им или нет,— Платон Сидорович с победоносным видом оглядел всех.

— По существу говори,— резко бросил директор, явно недовольный.

«Проваливает, проваливает дело»,— лихорадочно думал Муслим, ругая себя за то, что заранее не подготовил этого растяпу.

— Мое мнение: коксовальный газ и без пара будет отлично гореть! В голове не укладывается, как можно задувать печь воздухом, смешанным с паром?! В паре много водорода, а мы знаем, что от водорода сталь пузырится!— выпалил испуганный резким замечанием Каира Платон Сидорович.

«Кажется, пронесло»,— Муслим с облегченным вздохнул и перевел взгляд на Серегина.

• Вид у Серегина был мирный, беззаботный. Муслим

понимал, что доверять его виду не следует. Конечно, достанется Пллатону Сидоровичу. Перья полетят. А где гарантия, что и Муслиму не попадет? Или остережется Серегин задеть главного инженера?

Настроение у большинства членов парткома непонятное. Порой раздается смех, со всех сторон сыплются веселые реплики. Только огромный Нурбек, мастер прокатного цеха, сидит неподвижно и как будто дремлет. Видно, не спал ночью!.. Кого он поддержит?

Муслим поочередно вглядывается в лица присутствующих, пытаясь угадать их отношение к обсуждаемому вопросу. Он так увлекся этим, что не заметил, как Дамеш взяла слово.

— Уважаемый Муслим Сапарович в своей речи прибегал к сравнению. Ну что ж... Сравнениям нет конца, и каждый может выбирать их по своему вкусу. Надо, чтобы сравнения соответствовали истине, а главный инженер ими жонглирует. Но мы же не на цирковом представлении.

— Попрошу без грубостей,— прервал ее Муслим.

— Извините, если обидела,— глядя ему прямо в глаза, сказала Дамеш.— Я говорю правду.

— А мы чем занимаемся?— крикнул Муслим.

— Вы все равно не сожете меня,— спокойно парировала Дамеш.

Муслим вздрогнул и растерянно оглянулся.

— Спокойно, спокойно, товарищи,— Серегин снова постукал карандашом по столу.

— Если осуществится мой проект, завод выполнит семилетку в четыре года!— твердо сказала Дамеш.

— Где доказательства?— прервал ее Каир.

— Я долго думала о движении газа в печи, искала способ повысить в ней температуру без кислородной станции. И решила испробовать пар. Смешанный со сжатым воздухом, он быстрее нагреет печь. Сила пламени увеличится, и мы сократим время плавки, возможно, до шести часов...

— Возможно?— Муслим поверх очков насмешливо посмотрел на Дамеш.— Сама не уверена. А как нам прикажешь быть?

— Так, как вам велят разум и совесть,— ответила Дамеш.

— Дожил до седины, а сейчас вот нашел учителя,— Муслим засмеялся.

— Я все сказала.— Дамеш села на свое место.

— Кто еще хочет говорить?— Серегин оглядел всех.

Муслим заметил, что большинство присутствующих после выступления Дамеш заметно оживилось. Кумысбек даже в знак одобрения показал девушке поднятый большой палец. Пусть он лучше заботится о своей отстающей бригаде... Кто выступит? За или против? Не надо волноваться. Ни к чему, чтоб это заметили посторонние и расценили как слабость.

— Разрешите?— обратился Капр к Серегину.

Муслим вздохнул с облегчением и торжественно посмотрел на Дамеш.

Она же любит Капра, и получить отпор от него ей будет нелегко. Учись жить, Дамеш! Устроить пожар нетрудно, а вот потушить его иногда невозможно.

И с Капром столько лет она крутит! Он отлучно проживет без нее. Стоит ему мигнуть, и любая пойдет за него. Мусеке сам подыщет для него красотку. Как это он раньше об этом не позаботился?

Капр говорил коротко. Вначале остановился на газетной статье и согласился с постановкой вопроса.

— Позиция, которую занимает Дамеш, правильная!

Муслим волчком завертелся на стуле и начал вытирать платком лысину, хотя на сей раз она была сухой. Он знал за Капром умение одним метким словом зачеркивать все самые многоречивые доводы противников, но как бы он не промахнулся на этот раз.

— Конечно, не следует немедленно разрушать заводской производственный процесс на том основании, что мы признаем необходимость технического прогресса,— сказал Капр.

Муслим поднял голову: наконец-то речь Капра входит в нужное русло! Что бы ему сказать: «Рассуждения главного инженера правильны...» Ведь этот мальчишка директор без него, Муслима, шагу не смог бы ступить! Работая когда-то в министерстве, сам Муслим в нужных случаях не забывал поощрительно похлопать по плечу своих подчиненных.

— Коксовальный газ и без пара горит. Надо осторожно подойти к решению проблемы. Во сколько, например, обойдется рытье траншей и укладка труб?— спокойно говорил Капр.— Расчеты свидетельствуют, что дело предстоит нешутливое и не дешевое. Польза

возможна, но возможен и провал. Имеем ли мы право принимать непродуманное и поспешное решение?

После выступления директора все присмирели, задумались. И хотя Серегин предложил поручить проверку проекта техническому отделу завода, Муслим торжествовал победу. Главное — сбить темп наступления, задержать его, а там видно будет.

Главный инженер шел по центральной улице города. Вечер был прохладный. Площадь перед Дворцом культуры полна народу. Парочки влюбленных. Матери с детьми. Со стороны парка доносилась музыка и беспоконла Муслима. Он грустил...

Вот поседели его волосы. Не прория ли судьбы, что он, приехавший из столицы талантливый специалист, всего лишь главный инженер завода в каком-то захолустье?! А завистники вроде Сагатовой считают, что для него и этого много. Нет! Надо принять самые решительные меры.

На следующий день Муслим позвонил на завод своей секретарше и, сказав, что его вызвали в городской комитет партии, отправился в дом Капра к его матери Акмарал. Акмарал знает, о чем думает ее сын. Она уверена, что держит его в ежовых рукавицах. Муслим давно собрал нужные ему сведения об Акмарал. Она была снохой каркаралинского купца первой гильдии. Ее первый муж, адвокат, был осужден за какое-то должностное преступление. Молодая женщина не особенно горевала о нем и тут же выскочила замуж за отца Капра, Рахима, руководителя одного из учреждений города. А в Алма-Ате, куда после этого переехал Рахим, она прослыла одной из самых красивых и остроумных женщин. Она и сейчас интересна: полная, белолицая, с волосами цвета воронового крыла, с точеным носом и изогнутыми тонкими губами.

Поднявшись на второй этаж, он нашел Акмарал восседающей за круглым столом на стеганом одеяле, сложенном вчетверо. На столе — огромный самовар, из которого со свистом вылетали тонкие струйки пара. Акмарал с шумом потягивала из пилы густо заваренный чай. Спустошая пилу в два-три приема, она снова пополняла ее, ловко держа тремя пальцами.

— Говорят, один джигит был удачлив потому, что в одном доме его встречала женгей¹, которая не старела.— Муслим, поцеловав руку Акмарал, присел на низенький стульчик возле нее, вытащил носовой платок и принялся протирать стекла очков.

— О ты, исчезнувший после смерти Рахима! Приходишь в наш дом, когда мой сын сделался директором завода!— не слишком дружелюбно протянула хозяйка,

— О дорогая женгей!— Муслим засмеялся.— Люди способны исчезать по самым различным причинам, но сердца их остаются с теми, кто им дорог.

— Ладно, ладно! Пей чай!— примирительно сказала Акмарал, польщенная словами Муслима.— Но если ты недурно относишься к Рахиму, то к его сыну, Капру, не испытываешь горячей любви.

— Капржан верит мне! Однако нашлись люди, которые пустили между нами черную кошку.

Муслим отхлебнул чай из пазалы.

— Если вы будете дружить, сэл вдвойне прибавится, и чужая собака полает на вас, но укусить не рискнет...

— Твоими устами мед пить, Акмарал! Но иные, более близкие к Капру люди нашептывают ему другое.

— Кто ближе тебя к моему сыну?!— Хозяйка сердито вытерла губы длинным белым полотенцем и, скомкав его, небрежно отбросила в сторону.

Муслим молча встал, подошел к открытой форточке и закурил.

— Толкуют, что Капржан намерен жениться на дочери Курышбая.

— Собственного сына не пойму! Если он решил жениться, почему бы не сделать этого поскорее? Нельзя же уподобляться ослу, который остановился и стоит до бесконечности. Пришла пора нянчить внучат! Я хочу их нянчить!— с недовольным видом говорила Акмарал.

— Отлично, женгей!— Муслим, наконец, коснулся главного, ради чего пришел сюда.— Когда Капр женится на Дамеш? И женится ли?

— Мне-то откуда знать?— с деланным равнодушием ответила хозяйка.

¹ Женгей — жена старшего брата, уважительная форма обращения к женщине; женгей-ау — обращение с оттенком фамильярности; же не ше — подчеркнуто-уважительное обращение.

— А вам Каир какого мнения?— Муслим закурил потухшую папиросу и, вкладывая обгорелую спичку обратно в коробку, в упор посмотрел на Акмарал.

Акмарал не спеша отвела взгляд и с тем же деланным равнодушием протянула:

— Я советовала сыну жениться на девушке, которая уважала бы меня. На настоящей казахской девушке!

— Не знаю, подойдет ли для этой роли Дамеш!— Муслим понял, что Акмарал не хочет высказывать свое мнение о Дамеш.— Девушка она упрямая.

— Я прекрасно ее знаю!— отрезала вдруг Акмарал.— Сама воспитала!

— Тогда введите ее в свой дом,— проговорил Муслим безразличным тоном.— Только и всего.

Акмарал продолжала пить чай, пыхтя и отдуваясь, но брови ее угрожающе хмурились, на лице появилось недоброе выражение, и Муслим понял, что добился своего: раззадорил Акмарал, напомнив о возможности появления в этом доме Дамеш в качестве невестки.

— У нашей молодежи, дорогая Акмарал, нет ничего святого, пропади она пропадом! Это не прежняя молодежь, дорогая Акмарал, которая чтит законы отцов и умела уважать собственные чувства и собственную невинность.

— О чем ты?!— Акмарал насторожилась.

— Весь завод говорит о том, что между Дамеш и вашим зятем что-то есть. Когда двое влюбленных встречаются на улице, они уверены, что их никто не замечает. Но ведь со стороны виднее, дорогая Акмарал. И я счел своим долгом рассказать вам...

— Который мой зять гуляет с Дамеш?— Голос Акмарал зазвенел.— Кто он?! Что ж ты молчишь? Ну! Кто?!

— Ораз,— негромко и спокойно ответил Муслим.

...На завод Муслим пришел поздно. Он был доволен встречей с Акмарал. Теперь надо пританься и ждать. Он знал: пока Акмарал жива, Дамеш не переступит порога ее дома! Женгей тверда, как сталь!

V

О заседании парткома узнал весь завод. Слова главного инженера о коровах и кормах и остроумный ответ Дамеш пересказывали, как анекдот. Но реакцию вы-

звал он различную. Одни видели в нем только смешную сторону, другие, наоборот, считали его злой шуткой, третьи отмахивались, как от назойливой мухи.

К обеду анекдот выскользнул из ворот завода, став достоянием горожан, и вскоре о нем узнал первый секретарь городского комитета партии Базаров.

— Видно, недавняя статья в газете пришлось не по вкусу главному инженеру.— Базаров раскатисто смеялся.— А Дамеш окончательно его добила на парткоме.

На заводе образовались две группы: сторонников Дамеш и сторонников Муслима и Каира. Все отчаянно спорили, особенно молодежь. Конечно, никто не возражал против технической реконструкции завода. Кто стал бы оспаривать необходимость облегчить труд рабочих? Но производственный риск, связанный с решением проблемы, огромные затраты, которые потребовались бы для этого, не могли не заставить некоторых рабочих, как молодых, так и старых, настороженно относиться к доводам Дамеш.

И все-таки сторонников Дамеш было значительно больше; тем сильнее ожесточалось меньшинство. Их настроенные искусно подогревал Муслим. Он острил о Дамеш колко, зло. Эти остроты были так обидны, что Дамеш плакала ночами. А Ораз даже подрался с двумя молодыми вальцовщиками.

В своей бригаде он нашел полную поддержку и единомышленников. И Гена, и Куан, и Кена безоговорочно поддерживали Дамеш. Но вот вечером Ораз пошел в парк и возле пивного ларька повстречал двух парней, сторонников Муслима. Один из них, уже навеселе, завидев Ораза, крикнул: «Дорогу герою!» А второй, подмигивая, добавил: «Он не герой, а только близкий друг героини». — «Забыл, как ее зовут.. Героиню...» — забеспокоился первый. «Надо знать своих героинь,— укорял его второй.— Ее зовут Дамеш». Ораз дал ему затрещину, второй парень бросился на Ораза. Схватив обоих за шиворот, Ораз тряс их, пока подбежавший на шум милиционер не забрал всех троих в отделение.

Этот случай еще сильнее взбудоражил завод, а более всех Дамеш. Ее беспокоила острота создавшегося положения.

Серегин, встретив ее, сказал: «Из горкома партии справлялись, как обстоят дела с твоими предложениями». Но Дамеш ждала более решительных действий и

от горкома, и от Серегина. Ей казалось, что ее должны вызвать в горком, поговорить начистоту. Дамеш продолжала думать об этом, возвращаясь домой с вечерней смены, как вдруг машина, мчавшаяся навстречу, отчаянно закрипев тормозами, остановилась. Из нее выскочил Каир.

— Дамеш! Поехали в дом стыха на тот берег озера?! Погуляем.

— Я не одета.

— Хороша и так... Поехали!

Он взял ее под руку, почти насильно усадил в машину, и автомобиль стремительно помчался по мосту, который делил бывший поселок Самарканд на две равные части.

— Вот я и похитил тебя,— улыбался Каир.

Поднявшись по асфальтовой дороге, словно поясом охватившей рудную гору, машина, не досзжая вершины, остановилась. Гора Темиртау невысока, но крута, особенно со стороны озера. Дамеш, выйдя из машины, взобралась на вершину и, подставив лицо свежему ветерку, дувшему с озера, жадно вглядывалась в открывшуюся перед ней даль.

Теплый летний вечер. Яркая синева неба. Солнце прячется за горизонтом. Тишина. Поверхность озера гладко-зеркальная, лишь на самой его середине рябь — это плывет землечерпалка, очищающая дно. Лучи заходящего солнца багровыми струями разливаются по улицам города, высвечивая очертания многоэтажных домов. Величественно. Красиво. Каир стоит за спиной Дамеш и молчит.

Она слышит его жаркое дыхание. Ее охватывает безотчетный, детский страх. Ей хочется бежать. Скорее. Куда глаза глядят.

А Каир все молчит и только тяжело дышит за ее спиной. Он не подходит ближе, но у нее такое чувство, что он вот-вот схватит ее в объятия. Он не посмеет даже прикоснуться к ней! Она не хочет!

И она вспоминает, как много лет назад они стояли здесь, на этом самом месте... Сколько ей было тогда? Вместе с дедом она только-только приехала в Темиртау. Она любила надеть белый берет и белый джемпер и с коньками под мышкой мчаться к Самаркандскому озеру.

Каким жалким выглядел город в те годы! Всего три улицы. Заложили его в тридцать седьмом году, когда на

этом месте насчитывалось с десяток казахских мазанок. На своих низкорослых лошаденках казахи возили кирпич, закладывали дома — одним словом, строили город. Потом все они стали рабочими металлургического завода.

Оба помнят то далекое время. И она. И Каир. Годы летят. Она прислушивается к голосу Каира, который, пытаясь заглушить охватившее его волнение, вспоминает прошлое города, вспоминает, как люди заперли между двух скал порожистую Нуру и образовалось озеро.

Сейчас над ним собираются тучи. Появились волны и, пенясь, разбиваются о берега. Со стороны города стремительно летит моторная лодка — как раз в их сторону.

— Не вернуться ли на ней в город...

— Подожди! — умоляет Каир.

— Не хочу! — Дамеш упрямо встряхивает головой.

Каир кричит водителю, чтоб он ехал в город, а сам с Дамеш спускается по скалам вниз, к озеру.

Каир любит Дамеш и думает о том, что она мила ему даже своими забавными детскими капризами и упрямством.

— Надо слушаться друзей, — говорит он.

— Хорош друг! — сердится Дамеш. — На заседании парткома доказал дружбу!

— Друг тот, кто говорит правду.

— Хорош, хорош! Старался с Мусеке провалить мой проект.

— Уж не во сне ли я слышу твои слова? — Каир грустно усмехнулся. — Это я-то старался провалить?!

— Я надеялась хотя бы на каплю справедливости.

— А я то был уверен, что их во мне не одна.

— Глупые остроты!

— Существуют причины...

— Они неубедительны...

— А средства кто нам даст, например? Хочешь, чтобы министр финансов отдал меня под суд за незаконное расходование средств?

— Если это важнее справедливости и... и меня..., тогда твоя правда.

— Я люблю тебя, Дамеш!

— Слова, одни слова.

— Но я не желаю быть побрякушкой в чужих руках. Пусть в прекрасных.

— Что-то слишком часто говоришь мне комплименты...

— Это не комплименты...— Каир почувствовал, как у него опять кружится голова, и, не сводя глаз с губ Дамеш, невольно потянулся к ней.

— Если приблизишь свой длинный нос хотя бы на сантиметр — берегись. Щелкну,— угрожающе сказала Дамеш.

Каир вздрогнул, как будто она уже щелкнула по его носу, и выпрямился.

На озеро легли причудливые вечерние блики. Откуда-то издалека слышалось пение. Сумерки сгущались. Моторка, причалившая к мосткам у дома отдыха, глухо зарокотала, готовясь в обратный путь.

— Поехали,— сказала Дамеш.

Каир ничего не ответил. Он подумал, что и на этот раз их встреча ничего не изменила, и Дамеш так же далека от него, как много лет назад.

В ту ночь Дамеш снилась моторная лодка, точно ножницы плотную ткань, вспарывающая гладкую поверхность озера. Потом Дамеш стремительно падала с вершины горы, а Каир подхватывал ее на лету. Его широкое лицо с выпуклыми глазами красиво и как будто вылитое из бронзы... Бронзовый бог... Но был ли он ее богом?..

— Нет!— отвечает неведомый голос, почему-то похожий на голос Ораза...

«Не надо было ходить с Каиром в горы»,— подумала она, проснувшись.

Но, с другой стороны, ее подруги, даже некрасивые, давным-давно устроили свои судьбы. А она всегда считалась красивой.

Она знает, что Ораз равнодушен к ней. Они росли под одной крышей. Учились в одном классе, вместе готовили уроки. Он всегда слушался ее. Готов был нырнуть ради нее под лед, прикажи она только. Конфеты, которые приносил им дед, фрукты, гостинцы, которые присылали из Алма-Аты родственники Курышбая,— все доставалось одной Дамеш.

Она привыкла видеть в Оразе не только верного друга и заступника — он как бы превратился в ее собственность.

К шестнадцати годам в его разговорах появились новые интонации, он стал относиться к ней беспокойнее.

Когда Ораз уезжал в Караганду на учебу в техникум, он принес бутылку вина, а Дамеш нарвала в саду яблок. Они хотели отметить его отъезд. Но появился Каир. Дамеш давно не видела его. Он превратился в статного красавца. Инженерская форма ему шла. Он сразу завладел вниманием Дамеш, и она ушла с ним в парк, оставив Ораза одного пить вино, есть яблоки и мрачно размышлять о своей злой судьбе.

Дамеш и Каир бродили по парку. Он рассказывал о разных забавных случаях, и она от души хохотала. Повидимому, выглядели они достаточно эффектно — встречные провожали их глазами.

Домой она вернулась за полночь.

Ораз спал, положив голову на стол. Вино и еда были не тронуты. Дамеш стало жаль Ораза, когда он проснулся и яростно набросился на неё:

— Я тебя ненавижу!

Она не стала возражать и на другой день на вокзале делала вид, что провожает не его, а Каира, который тоже ехал в Караганду. Но перед самым отходом поезда не удержалась и спросила:

— Сердишься все?

— Ненавижу! — повторил он дрожащим от негодования голосом и поднялся в вагон.

Вскоре уехала и Дамеш в свой институт. Ораз не писал ей, а она не могла написать ему первой.

Прошел год, и в один прекрасный день пришла телеграмма от Курышбая, приглашающая Дамеш на свадьбу Ораза и Ажар.

Дамеш была рада, что теперь прекратится его ревнивое к ней отношение, и надеялась, что они встретятся как друзья.

В эти дни Каир засыпал ее письмами. Может быть, он думал, что она была равнодушна к Оразу и переживает его женитьбу? Глупый! Она просто грустила, что ее собственная судьба не устроена и неизвестно, когда и как устроится.

Каир был терпелив и настойчив. Трехлетняя пере-

писка сблизила их, они привыкли делиться мыслями, планами. Дамеш блестяще окончила институт и осталась работать в аппарате министерства. Каир приглашал ее в Темиртау, но она отказалась. Жить рядом с Оразом? К чему? Она не была уверена, что все не начнется сначала.

Каир прилетел на самолете в Алма-Ату. В тот день бывшие студенты, однокурсники Дамеш, пригласили ее на пикник в горы, вознамерившись «тряхнуть стариной». Они славно провели время, и Дамеш поздно вернулась домой. На столе у нее лежала телеграмма от Каира: «Вылетаю, встречай». Ей стало досадно, что она задержалась на пикнике. Она позвонила в аэропорт. Ей ответили, что самолет из Караганды давным-давно прибыл.

На другой день она принялась разыскивать Каира. Обзвонила знакомых, но безрезультатно. Наконец узнала, что он остановился в гостинице. Его телефон не отвечал и вечером. Дамеш сама зашла в гостиницу. Взбежав по широкой лестнице, разыскала нужный номер, открыла дверь и оторопела: Каир сидел на диване, а рядом с ним какая-то пышноволосая блондинка. Дамеш захлопнула дверь и опрометью побежала вниз по лестнице.

— Стой! Дамеш! — слышала она за собой крик Каира.

Он догнал ее и стал объяснять, что женщина у него по делу, что она работник министерства. Он клялся, умолял, но Дамеш молча спускалась вниз.

Каир стал звонить ей каждый день, вечерами караулил ее возле дома. Все было напрасно. Дамеш не желала с ним разговаривать. Каир писал ей письма, старался через друзей добиться свидания. Никакого результата.

Хорош джигит! Ну и пусть женится на своей блондинке! Сначала Ораз, а теперь он. Разговоры, клятвы... Кончено! Теперь Дамеш ко всем джигитам будет относиться с недоверием! И действительно: стоило ей заметить, что кто-нибудь начинал за ней ухаживать, она тут же давала отпор. Не подпускала на пушечный выстрел. В кино, в театр, на прогулки ходила одна или с подругами. В прошлом году она познакомилась с красивым парнем. Он был известным актером. Почти шесть месяцев ухаживал за ней, пел песни — и все о любви. Но Да-

меш вскоре наскучили песни, а то, что он по старинному казахскому обычаю жевал махорку, довершило дело.

Каир по-прежнему писал ей, и Дамеш мало-помалу начала привыкать к мысли, что злополучная блондинка была у него по делу.

Когда ликвидировали министерство и решили перевести Дамеш в другое место, снова приехал Каир и начал настойчиво звать ее в Темиртау. Дамеш показалось, что она любит Каира, и она решила переехать.

VI

Серегин больше часа беседует с первым секретарем горкома партии Базаровым о заседании парткома. Серегин уже догадался, что кто-то наговорил Базарову разного вздора про это заседание. Он готов об заклад биться, что это не кто иной, как Муслим. Никак не понять главного инженера! Что он за человек? Интуиция подсказывала Серегину, что Муслим не бескорыстен, но как узнать это и как доказать? Дело свое Муслим знает. Не выражает своих мыслей прямо, а сопровождает их тысячами оговорок. Когда Сагатова была на курорте и появилась статья, он говорил Серегину, что таких лжеинженеров надо гнать с завода, а теперь бегают к Базарову, чтобы напакостить Дамеш и одновременно спасти свой авторитет. Когда бурлит мутный поток, сбегаящий с гор, и стремительно сливается с большой чистой рекой — не разобрать, где чистые воды реки, а где мутные воды потока.

Базаров спокойно выслушал все объяснения и доводы Серегина, помолчал немного, а затем неожиданно сказал совсем о другом:

— Заводские бригады, которые борются за звание бригад коммунистического труда, хромают на обе ноги. Почему начали отставать твои ребята?.. Не было этого прежде...

После возвращения из горкома партии Серегин прошел в мартеновский цех и в цеховом партийном бюро встретился с мастером Кумысбеком Даировым.

— Ты что здесь делаешь, Даиров? Когда твоя смена?

— В двенадцать ночи. Пришел членские взносы платить.

— Давай потолкуем,

Серегин, а вслед за ним Даиров вошли в кабинет начальника цеха. Сели на диван, обитый кожей, и, одновременно достав пачки папирос, протянули их друг другу. Рассмеялись, каждый закурил свои.

— Бригада Ораза Курышбаева в твою смену работает?— спросил Серегин.

— В мою. Вчера его не было. Болен, говорят...— Кумысбек приглаживал рукой черные как смоль волосы и загадочно улыбался.— Болезни разные бывают. Одни проходят быстро, другие тянутся.

— Так что же с Курышбаевым?

— Здоров, а болен,— Кумысбек снова улыбнулся.

— Загадок я не люблю.— Папироса Серегина потухла. Он стал искать спички по карманам, но не находил их.

Кумысбек протянул ему свои. Толстые пальцы Кумысбека были красноватого цвета, словно их опалило огнем.

Серегин нервно мям папиросу.

Кумысбек вкрадчиво проговорил:

— Разобраться следует. На сердце у Ораза неладно. Сердечные дела... Вот и работа не клеится...

— Чепуха!— рассердился Серегин.— Он Герой Труда, один из лучших сталеваров. А сам ты где был? Кто здесь мастер?

— Иной раз захвалят человека, и он контролировать себя перестает,— сказал Кумысбек.

— Не вижу ничего дурного в поведении Курышбаева!— с недовольным видом отрезал Серегин.— Или ты, как некоторые, думаешь, что он незаслуженно получил звание Героя?

— Об этом спора нет,— Кумысбек снова улыбнулся.— Но почему он не дает стали прежнего качества и не выполняет норму?

— Вот это я у тебя и спрашиваю,— Серегин встал с дивана.

— Искать надо,— пробурчал, вставая вслед за ним, Кумысбек.— Печь как живой человек. Порою закапризничает и плохо варит сталь. Надо и ее понимать.

— Ораз не понимает?— Серегин начал сердиться.— Прежде понимал, а нынче разучился?

— Неспокойно у него на сердце,— Кумысбек вздохнул.

— А печь, правда, не в порядке?— Серегин подошел к столу и взял телефонную трубку.— Сейчас узнаем...

Он позвонил Дамеш, но ее не оказалось дома. К телефону подошел Курышбай.

— Да вот, старина, утверждают, что Ораз никакой не герой.

— Слушай завистников!— рассвирепел старик.

— Хочешь не хочешь, но Тухфатуллин и его бригада будут удостоены звания бригады коммунистического труда!

— Поздравляю,— глухо ответил старик.

— Ну, не сердись, не сердись...— Серегин засмеялся.— Давай помиримся!.. Зови своих детей к телефону! Ораз здоров? Пусть приходит на завод!..

Июнь — самая приятная пора в среднем Казахстане.

Яркие солнечные лучи играют в волнистых стеблях ковыля всеми цветами радуги, и степь делается похожей на океан. Хочется без конца вдыхать свежий воздух и идти, идти не останавливаясь.

Дамеш удивительно ясно вспоминает степь сегодня, тихим июньским вечером, вернувшись с работы.

Но вот звонит телефон, и Дамеш нехотя берет трубку. Это Каир; он предлагает ей прогуляться.

— Опять в горы?— Дамеш усмехается.

— Плохо было?

— Чудесно.

— На концерт приглашаю, Дамеш! Из Алма-Аты Серкебаев приехал. Захвати Ораза с Ажар.

— Успеем?

— Билеты заказаны.

— Ну хорошо,— согласилась Дамеш.

Она положила трубку и увидела Ораза, который слушал ее разговор.

— Каир?— Ораз пожал плечами.— Мы-то с Ажар для чего ему понадобились?

— Не понимаю тебя.

— Что ж... Раз он просит — надо выполнять.— Ораз вздохнул и пошел в свою комнату.

Дамеш распустила косу и принялась заплетать ее снова. Может, обрезать ее, изменить прическу? Дамеш

было приятно сознавать, что она красива. Одевалась она со вкусом и модно. Любила театральные премьеры, концерты, любила покупать книги, и их давно некуда было ставить. Но больше всего любила Дамеш музыку. Она пела сама и даже записалась на музыкальный факультет университета культуры

Ажар и Ораз вышли в гостиную, и Дамеш слышит их голоса.

— Отстань! Не пойду!— говорит Ажар.

— Будет, Ажар! Неудобно...— умоляет Ораз.

— Сам иди с ней! Она тебе сестра или кто там еще! Тебе лучше знать!

Дамеш замерла в ужасе. Не ослышалась ли она? Ажар ревнует Ораза?!

Ажар, Ажар! Она ведь жена Ораза. Пять лет минуло со дня их свадьбы. У них четырехлетний сын. Неужели Ажар допускает мысль, что Дамеш может разрушить ее семью? Даже если б она любила Ораза, а она его никогда не любила. Он ей безразличен! Абсолютно. Она любит Каира! Любит, любит!..

...Когда Каир заехал за ней, Дамеш обрадовалась. Она быстро закончила свой туалет и хотела уехать поскорее. Но, выйдя с Каиром в гостиную, увидела Ораза с Ажар, одетых и готовых ехать с ними.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Солнце поднялось высоко над горизонтом, а он не сделал ни одного выстрела. Кругом тишина. Капли смолы плавятся на солнце, остро пахнут. Над головой Ораза шелестят мохнатые ветви лиственницы. Шум леса сливается с плеском набегающих на берег волн Самаркандского озера. Ораз спозаранку переправился на один из островков поохотиться и, залюбовавшись лесной чащей, прилег в высокой мягкой траве.

Вот уже больше месяца ему не дают покоя тревожные мысли. Не покидают его ни днем ни ночью. Лежа на спине, он задумчиво смотрит в иссиня-голубое небо: пегие облака очертаниями напоминают то снежную бабу, какую он лепил в детстве, то зайчика с забавно торчащими ушами.

Ораз машинально срывает травинку, жует ее, морщится, сплевывает и снова жует.

Надо здраво разобраться в происходящем и попытаться обрести утраченный душевный покой. Вчера после возвращения из театра Ажар устроила ему сцену ревности. «Уходи,— сказала,— куда хочешь!» Отвернулась к стене и проплакала всю ночь. Он пытался успокоить ее, но она прогнала его. Он не может сосредоточиться на работе, все валится из рук. Вдобавок на заводе кто-то распространяет слухи, что звание Героя он получил «по знакомству». А он его получил за то, что закончил ремонт мартеновской печи досрочно и дал государству много тонн сверхплановой стали. Он улучшил качество стали, уменьшил брак. Он бережно и умело

использовал технику... А затем что он сделал? Смог ли закрепить достижения и превратить их в традицию? Нет! Он мечется, устанавливает новые рекорды, а на следующий день не может достичь завоеванного уровня.

Кумысбек, считающий себя его близким другом, говорит, что Ораз не понимает технологии плавки стали. Правда, Ораз не имеет звания мастера, но технологию он знает не хуже Кумысбека! И еще: он, Ораз, ведет плавку по штампованным инструкциям и знает недостатки этих инструкций. А ведь можно совместить некоторые операции, выиграть время... Выиграть время! Вот о чем думает он в последние месяцы. И никому не говорит, иначе может подняться ненужный шум и его того гляди обвинят в том, что он вместо плавки занимается бесплодными фантазиями.

Когда к ним в бригаду приходит Дамеш, и Куан, и Гена, и Кеша дружески внимательны к ней. Они верят в успех ее замысла. И Ораз видит, как Дамеш отдыхает душой в его бригаде, набирается сил. Приходит хмурой, а уходит улыбающейся, веря в себя, в свой проект, в победу. А вот с ним, Оразом, нет такого единения, потому что он скрытен, боится рассказать о своих планах, боится, что ребята не поддержат его! Вот самое страшное! Его планы дороги ему, и не получить поддержки у своей бригады было бы слишком тяжело.

...Стая уток-нырков с шумом взлетела в небо. Ораз вскочил. Где ружье? Ну и охотник! Для чего он пришел сюда? Вернется домой с пустыми руками, над ним будет смеяться отец, а Ажар заподозрит его в том, что он не охотился, а гулял с Дамеш...

Где нырки? Не подпустят ли они его на выстрел?

Ораз крадется между деревьями и выходит к берегу. На расстоянии пятидесяти шагов стая уток, выстроившись в ряд, как будто панизанная на пилку, степенно отплывает от берега. Впереди белорудый с фиолетовыми крыльями селезень — спешит собрать стаю на середине озера. Ораз вскинул ружье, прицелился и спустил курок. Утки с шумом поднялись, но на поверхности озера осталась одна, а другая, не поспевав за стаей, медленно взлетела и вдруг, перевернувшись в воздухе, упала камнем.

В два прыжка Ораз очутился в лодке и начал быстро грести, догоняя утку, которую уносила вода. Он греб изо всех сил.

Если бы и в жизни он был так проворен и меток!.. У иных людей с рождения каждый шаг складывается удачно. Без особых трудов находят они свое место в жизни и достигают поставленных целей. Меткий стрелок в жизни! Окончи Ораз институт, как Каир, он стал бы инженером, директором завода... И не разлучился бы с Дамеш...

Его считают счастливым. Знатный сталевар, Герой Труда... Бывает ли большее счастье? Верно, верно... Но почему так горько на душе, почему он забыл время, когда его смех доставлял радость ему самому, когда жизнь казалась легче, светлее?! Оно неполное, его счастье... День недостаточно ярок для него. А он сам подобен этой подбитой утке...

Курышбай сидит с внуком во дворе, под ветвями могучего карагача. Он смотрит на Ораза, который неторопливо шагает к дому; две подбитые утки болтаются у него за плечами. Скоро три часа, время идти на смену, а он не торопится. Воля божья, что случилось с его сыном? Каждый день у него скандалы с Ажар. Чего он мучает беднягу? Она плачет... Никто из них не говорит о причине раздоров, и Курышбай теряется в догадках. Дом у Ажар в порядке, за сыном она ухаживает прекрасно... Что же не нравится этому буяну Оразу? Народ его уважает, ему присвоили звание Героя, а теперь он позорит почетное звание.

Уж если последний из последних драчунов и задир Игламбек Надирханов стал насмеяться над ним. Позор! Ведь так может начаться самое страшное. Сегодня Игламбек, а завтра другие, и если завод осудит Ораза, ему несдобровать! Против всех не пойдешь и правды не сыщешь. Даже ребята из его бригады, Гена, Куан и Кеша, стали хмуриться, когда речь заходит об Оразе.

Курышбай вглядывается в сына, пытается угадать его настроение. Дети для родителей извечная, неусыпная забота: их болезни, огорчения и неудачи — это болезни, огорчения и неудачи прежде всего матерей и отцов. Отец готов прийти на помощь сыну, заслонить его от опасности. Но где она? В чем?

Время от времени Курышбай, досадуя на сына, собирается уехать в родные места, в золотое Семиречье, к

старшему сыну. Но ему жаль Ораза: хотя тот женат и сам имеет ребенка, для отца он по-прежнему босоногий мальчуган. Старший сын зовет отца: «Не надоела ли тебе холодная сторона? Вернись в теплые края. Поживи с нами в родном Узун-Агаче!» Но Курышбай непоколебим. Ему все равно где жить, в Сарыарке или в Семирежье. Все это земли родного Казахстана. Завод, которому он отдал многие годы жизни, завод, который обжигал его своим пламенем, стал ближе родного Узун-Агача.

По крайней мере через день старик бывает на заводе, «принюхивается», как он говорит, к кислотовому запаху стали, знакомится с положением дел в цехе, узнает последние заводские новости. Иначе он не в состоянии спокойно выпить чашку чаю.

— Вон папка с охоты идет!— Курышбай, указав Болату на Ораза, подтолкнул его вперед.

Хлопая от восторга в ладоши, Болат помчался к отцу. Но Ораз не поднял его, как обычно, на руки, не поцеловал, а только сказав: «Для тебя застрелил!», отдал мальчику одну из уток и вошел в дом.

Не приласкал Болата! Правда, и раньше он был довольно замкнутым, но сейчас стал угрюмым, подобно зимнему небу. Что с ним стряслось? Что?!

Курышбай направился следом за сыном в дом, но подошел почтальон и вручил телеграмму. Старик раскрыл ее и прочел: «Выезжаю. Асхар».

Курышбай поспешно вошел в дом, заглянул к Дамеш. Разложив на столе бумаги и чертежи, Дамеш работала. Курышбай нерешительно остановился в дверях, боясь помешать, но Дамеш, увидев его в зеркале, сама оглянулась.

— Дедушка! Посмотрите. Вот мартеновская печь. Ведь скорость плавки зависит от силы пламени. Если пламя сильное, печь накаляется. Так? Это знает любая женщина, готовящая обед... И в мартеновских печах то же самое. Вместе с воздухом мы вдуваем в печь коксовальный газ и поджигаем его. А я предлагаю продувать печь паром, смешанным с воздухом. Коксовальный газ с паром горит хорошо, и пламя становится намного сильнее. Я подсчитала и убедилась, что плавку можно будет провести за шесть-семь часов. Каир говорит, что потребуется много средств на компрессорную технику. Но средства окупятся.

Дамеш встала, обхватив руками плечи, как будто ей было холодно, и, тревожно поглядев на Курышбая, спросила:

— Что скажете?

— Из всего сказанного мне пришлось по душе, что за шесть-семь часов можно провести плавку. Серьезное дело!.. Говоришь, Каир против?

— А Мусеке слышать не желает.

Курышбай достал из кармана кисет, набил трубку. Долго пыхтел, раскуривая ее.

— Каир шага не сделает без Мусеке...

— Вы так думаете?— встревоженно спросила Дамеш.

— Если уверена в своей правоте, обратись в обком партии.

— В городском комитете уже знают об этом. Подождем! Хотя трудно ждать... И обидно... Время теряем. И деньги государственные...

Курышбай некоторое время молча попыхивал трубкой, потом поднял голову и произнес:

— Суюнши!

Дамеш удивленно посмотрела на него.

— Что случилось? Я отвыкла от радостей за последнее время.

Курышбай протянул Дамеш телеграмму. Девушка схватила ее, пробежала глазами и бросилась Курышбаю на шею.

— Дядя едет!..— Она закружилась по комнате.— Мы его встретим, дедушка! Как подобает встречать самого дорогого и желанного гостя.

В ту ночь Дамеш не заметила, как прошла смена. Она думала о дяде. Кажется, он похож на ее отца. У Курышбая сохранилась фотография делегатов краевой партийной конференции Семиречья, проходившей в 1929 году. На фотографии в самом центре отец Дамеш — Саха Сагатов. У него продолговатое лицо, прямой нос, густые брови сходятся на переносице. Это наследственная черта. У Дамеш тоже густые брови. Дядя Асхар любил говорить ей: «Единственная родственница, похожая на нас!» Он часто играл с ней, когда она была ребенком. Но в один прекрасный день исчез из ее жизни, будто в воду канул.

Дамеш ждала его, видела во сне, а когда просыпалась, неутешно плакала. В то время она не знала, кем

он ей приходится. Однажды, возвращаясь с озера после катания на коньках, Дамеш встретила с Айшой Байжановой, нынешней женой Муслима. Она работала врачом в одной больнице с дядой Асхаром.

— Дамеш! Ты умная девочка,— сказала Айша.— Ты не заплачешь, если я сообщу тебе неприятную весть. Арестовали твоего дядю!.. Он просил, чтобы ты не плакала...

Дамеш тут же залилась слезами и убежала, хотя Айша пыталась удержать ее, приласкать.. На следующее утро, надев черную дошку, остроконечную шанку, покрытую красным бархатом, с сумкой, полной продуктов, Дамеш пошла в МВД. В те годы зимы стояли суровые. Целый час торчала она на морозе у входа в комендатуру. У нее озябли руки, покраснел нос. Наконец вышел горбоносый толстый казах с красными веками. Он перевернул ее сумку и взял один табак.

Участливо отнеслась к Дамеш Айша-апай!¹. Встречая девочку на улице, она ласково расспрашивала ее об учебе, о родных, о том, пишет ли дядя. Она жалела Дамеш. Видимо, поэтому Дамеш и сейчас любит Айшу. Она симпатичная, изящная женщина. Раньше Дамеш считала, что в Темиртау красивее всех одевается она сама. Но недавно во Дворце культуры, на концерте, она увидела Айшу в красиво сшитом платье из черного панбархата, которое плотно облегалo ее стройную фигуру. В руках у Айши была шитая серебром сумочка, а улыбающееся, словно точеное лицо, красивый рот убедила Дамеш в том, что с Айшой-апай конкурировать трудно даже очень красивой женщине.

...В цехе было душно, и Дамеш вышла на минутку во двор. Чудесная ночь! Прохладный ветерок. Луна. Звезды... Плыть бы на лодке в такую ночь по Самаркандскому озеру...

Она совсем размечталась.

Подошел Ораз.

— Что с плавкой делать?— спросил он.

Дамеш посмотрела на свои золотые часики, улыбнулась.

— Прикажешь залезть в печь и поторопить? Я стараюсь убедить начальство, что печь следует продувать паром с примесью воздуха...

¹ А п а й — старшая сестра, уважительное обращение к женщине.

— Надо менять технологию плавки,— задумчиво говорит Ораз.— Она длится восемь часов... Много...

— Чтобы быстрее плавить сталь, нужно поднять температуру печи. Другого пути нет.

— Поразмыслить надо,— уклончиво отвечает Ораз.— Мы работаем по одной и той же инструкции. Без отклонений. Не используем все возможности печи... Пойдем взглянем.

На верхнюю площадку, где в мартеновских печах варилась сталь, они поднимались по винтовой лестнице. Ступеньки были крутые, скользкие. Дамеш, пропустив Ораза, с трудом карабкалась по ним.

На близком расстоянии пламя в печи обдает нестерпимым жаром. Дамеш нагнула на глаза защитные очки и заглянула в отверстие печи.

— Видишь?— Ораз вместе с ней смотрел в печь.— Вон синие пятна в разных местах. Вроде родинок на лице... Что это?

— Сталь не сварилась.

— Без пробы понятно. Она должна клокотать, бурлить и пениться, как кипит курт¹ в казане. Кумысбек утверждает, что я не понимаю технологии варки. И ты тоже меня в этом подозреваешь?

— Мало стали даешь, Ораз.

— То же самое я слышу от Серегина. И от хваленого Тухфатуллина. Нынешняя технология плавки устарела. Нельзя ли сократить промежутки между ее отдельными процессами и выиграть время?

Дамеш довольна. Ораз, оказывается, думает о работе, о том, чтобы улучшить положение бригады. А она была уверена, что он равнодушен ко всему на свете. Надо помочь ему.

— Когда из печи сливают шлак,— продолжает Ораз,— она освобождается постепенно, и мы ждем, чтоб она окончательно освободилась. Ошибка! Нужно немедленно готовить печь к новой плавке, засыпать ее магнетитовым порошком... Затем, когда сталь вытечет, сразу же загружать печь рудой при помощи машин. И не одной, а двух....

— Понятно.— Дамеш улыбнулась.— Сколько минут выиграешь? Подсчитывал?

¹ Курт — сыр.

- Нет!
- Вот подсчитай, потом поговорим с главным инженером.
- Ни слова ему!...
- Боясья Муслима?
- Надо прежде проверить, а уж потом сообщать всему свету! Как отнесся Муслим к твоему предложению?!
- Я докажу, что права!— Дамеш покраснела от негодования.
- Прав тот, кто победил.
- Борьба не кончена.— Дамеш сжала губы.— Борьба начинается.
- Если тебе потребуется дружеская рука, Дамеш... Вот она...
- Спасибо! Не ошибешься, Ораз.
- Надеюсь,— Ораз кивнул.— Хотя в последнее время мне кажется, что я ошибаюсь во всем. На работе, дома.
- Опять поссорился с Ажар?
- Ссора не прекращалась.
- Нехорошо, Ораз. Надо ладить с женой... Она мать твоего сына.
- Ораз, не желая продолжать этот разговор, подзвал Геннадия, хлопотавшего у крайней печи:
- Сюда, Гена! Снимем пробу.
- Гена принес ложку, насаженную на конец длинного железного прута, и, откинув крышку печи, зачерпнул бурлящую сталь. Куан к этому времени поставил рядом круглый металлический стакан. Ораз взял у Гены ложку с расплавленной сталью. Бурая жидкость тонкой струйкой потекла в стакан. Когда она застыла, ее вышибли из стакана, опустили в воду, затем ударом молотка отломли кусок. Ораз показал его Дамеш.
- Видишь, какой гладкий излом, будто ножом срезан.— Он взвешивал обломок на ладони, откровенно любовался им.— Крепко сварена! Можно со спокойной совестью посылать в лабораторию.
- Глаз сталевара и без лаборатории увидит, что положено,— вмешался в разговор Геннадий.
- Чумазый!— Посмотрев на него, Дамеш засмеялась.

— Для плавки тридцать минут большое время. Взяли бы пробу сразу, как пришли, качество было бы иным,— продолжал свои рассуждения Ораз.

— Молодец!— сказала Дамеш.— Где Кумысбек? Надо ему показать...

— Я сейчас позову!— откликнулся всегда готовый всем услужить Геннадий.

— Нет, чумазый, не нужно. Спущусь сама.

Дамеш хотела было уйти, но Ораз остановил ее.

— Кумысбек отлично знает, как мы варим сталь. Не в этом дело. Нам бы время отвоевать. Сократить продолжительность плавки с восьми часов, ну, до семи хотя бы. Вот в чем задача!..

— Мера жизни — время,— задумчиво проговорила Дамеш.— Все измеряется временем. Какой-то философ сказал...

— Значит, я другой философ, который хочет схватить время за узду!— весело подхватил Ораз.

Дамеш рассмеялась. Ей было приятно видеть веселого Ораза. Он давно не был таким.

Когда она уходила, Гена шеннул ей:

— А мы по-прежнему верим в тебя, Дамеш.

Дамеш посмотрела на его веселое лицо, на лица Куана и Кеши, тоже улыбающихся, как будто слышавших слова Гены, и ей захотелось смеяться, петь вот тут, сейчас же...

Ораз подождал Дамеш у ворот завода. Они идут молча. И каждый разматывает клубок собственной мечты.

Оразу не терпится высказать Дамеш все, что накопело, все, что наболело за это время. Пусть поймет. Он больше не в состоянии выносить эту пытку. Он не спит ночами, а когда заснет — мучают кошмары... И днем тоже Дамеш не выходит у него из головы... Стоит ей пройти мимо него, кровь ударяет в голову, а сердце стучит, точно молот.

Дамеш тоже молчит и задумчиво разглядывает цветы на уличных газонах. В лунном свете они кажутся серебристыми. Она чувствует, что Оразу хочется говорить. Но он молчит. Дамеш рада его перешительности. Она понимает, что им придется объясниться, и боится этого. Она может потерять в нем хорошего, преданного друга.

— Дамешжан...— шепчет Ораз.

В этот момент они замечают женщину, наблюдающую за ними из окна Это Ажар.

Дамеш входит в дом с улыбкой, чтоб не возбудить ревности Ажар Та встречает ее холодным молчанием, но, как только показывается Ораз, шум поднимается на весь дом.

— Зачем пришел? Оставался бы ночевать на улице!

Ораз молча уходит в гостиную. Задыхаясь от злости, Ажар идет за ним.

— Вой из дому!— кричит она.— И любовницу прихвати

Ораз оборачивается, стоит и смотрит на побагровевшую от гнева Ажар.

Думая, что он молчит потому, что чувствует себя виноватым, Ажар осыпает его новыми оскорблениями. Ораз смотрит на нее, и ему кажется, что Ажар удивительно похожа на свою мать Акмарал.

— Прекратить,— сухо говорит он.

Но остановить Ажар невозможно.

Ораз хватает со стола большие круглые часы, швыряет их на пол — они разбиваются вдребезги. Ажар умолкает. Никогда прежде она не видела Ораза в таком гневе. Испуганно вскрикнув, она убегает в свою комнату. В гостиную входит Курышбай, разбуженный шумом. Ораз стоит над разбитыми часами, нагнув голову, как бодливый бык. Тяжело дышит. Из другой комнаты доносятся приглушенные рыдания Ажар.

Дамеш слышала все. Нет! Больше она не может здесь оставаться. Правда, дедушке будет горько, но он умный и поймет опасность, которая угрожает дому.

Дамеш нелегко покинуть дом. Всю ночь она ворочается с боку на бок и не может заснуть. Только под утро, усталая, измученная, забывается. Ее будит сын Ораза. Его, видимо, послал Курышбай. Он ласкается к ней, обнимает, нежно называет «тетенькой» и упорно не отходит от нее.

Ничего ты еще не смыслишь в жизни, Болат! Все люди для тебя друзья, и ты для них утешение — ермек! А жизнь сложна и далеко не всегда приносит радость и счастье.

— Ермек, ермек...— повторяет Дамеш, обнимая Болата.

Накрапывает дождь. Дамеш идет, сама не зная куда. Улицы. Машины. Люди. Огромный двухэтажный дом из красного кирпича — заводская поликлиника. Здесь работает Айша-апай. Тот самый человек, перед которым можно излить душу и получить добрый совет. Дамеш входит в поликлинику.

Запах эфира и камфары всегда неприятен, а сегодня особенно. Пожилая женщина в белом халате останавливает ее:

- К какому вы врачу?
- К доктору Байжановой.
- Первая дверь налево.

Дамеш стучится в дверь. Оттуда доносится, как всегда спокойный, голос Айши: «Подождите, пожалуйста». Дамеш отходит к окну и смотрит во двор. Дождь усиливается. Крупные капли непрерывно барабанят по крыше.

Вскоре из кабинета выходит больная, а вслед за ней выглядывает Айша.

— Сестрица! Какими судьбами? Что с тобой?

— Я здорова,— говорит Дамеш, входя в кабинет.— Разве к вам должны приходить только больные?

— Боже упаси! Лучше не болеть! Ты никогда не заходила сюда, вот я и испугалась.— Айша улыбается.— Каким ветром тебя занесло, сестрица?

— Соскучилась и пришла...

— Не верю. Давно с курорта вернулась и не позволила. А теперь вдруг соскучилась? Нелогично, сестрица.

— С повинной пришла,— Дамеш грустно улыбается.

— Тогда я не в обиде.

— Во-первых, есть хорошая весть, апай.

— Будь счастлива, сестрица!

— От дяди Асхара... Освободили его. Домой едет.

Смятенная, то краснея, то бледнея, широко раскрыв глаза, Айша смотрела на Дамеш. Потом, кое-как совладав с собой, засмеялась, но смех получился деланным.

— Значит, жив...— Занулась, замолчала и торопливо заговорила о другом:— Чем же ты огорчена? Кстати, как твой спор с моим мужем?

— Почему вы об этом спрашиваете?— Дамеш видела, что Айша хочет скрыть волнение.

— Дома у нас не обсуждаются служебные дела, но однажды Муслим плохо отозвался о тебе...

Дамеш тут же без утайки рассказала Айше, что Муслим ставит капканы на ее пути и, по-видимому, мечтает убрать ее с завода.

— За что?— На лицо Айши будто туча набежала.

— Непонятно,— грустно подтвердила Дамеш.— Не влюбил меня сразу. Одно время говорил: «Разве девушка с маникюром может работать у мартена?..»

— Не падай духом!— Айша вздохнула.— Будь твердой.

— Я-то твердая.

Айша задумалась, потом с трудом сказала:

— Я говорила тебе, что мы с Асеке были в хороших отношениях... В близких... Муслим знает об этом...— Айша оборвала фразу и посмотрела на часы.— Перерыв. Надо идти домой...

— Выходит, он сердит на меня из-за дяди Асхара?— Дамеш пытливо смотрела на Айшу.

— Когда произносят имя Асхара, он меняется в лице,— неожиданно резко проговорила Айша.— У меня хранилась одна фотография Асхара. Он нашел ее и сжег.

Дамеш торопливо рассказала Айше о событиях прошлой ночи, о том, что в доме Курышбая ей больше нельзя оставаться.

— Хорошие отношения с родными, сестричка, легче всего поддерживать, когда живешь отдельно от них,— поучала ее Айша.— Ты уже не ребенок. И в этом доме тебе жить не следует... Пожалуй, я помогу тебе найти квартиру. Один старик... Дочь его работает секретарем у директора...

— Лида?..

— ...Дом на берегу озера. И сад. Зовут старика Иван Иванович Соколов.

Они вместе вышли на улицу. Дождь все еще накрапывал.

Когда Дамеш сообщила Курышбаю, что она переезжает на другую квартиру, тот от неожиданности слова не мог вымолвить. Он понимал, что ссоры и скандалы до добра не доведут, но не ожидал подобного оборота событий. Какой позор! Как он покажется людям на глаза, как объяснит им уход Дамеш?! Курышбай всю жизнь лелеял мечту устроить счастливое гнездышко

своей дочке, как он называл Дамеш. Нет, нет! Никуда она не уйдет из его дома! Задыхаясь от волнения, Курышбай закричал:

— Кто тебя прогоняет отсюда?

Поняв, что назревает скандал, Дамеш порывисто обняла старика.

— Никто... Я сама... Тесновато здесь мне, и потом скоро приедет Асхар...

— Отделиться от меня хочешь? Едет дядя, и я ненужным становлюсь?— сетовал старик.

Тяжело было Дамеш слышать эти слова. Но сказать правду она не могла. Она жалела старика и понимала, что ее откровенность не приведет к добру. Старик мог только догадываться об истинной причине ее решения. Дамеш заплакала. Курышбай заерзал на стуле, и на его глазах тоже показались слезы.

— Хорошо, хорошо, делай по-своему!

Что ж... Очевидно, судьба... Он давно заметил, что согласие и уют покинули его дом. Бросить все и уехать в Семиречье?! Пусть живут без Курышбая. Раз уж сын и невестка не уважают его седины, раз уж они не постарались уладить раздоры, пусть пожинают горькие плоды. Он не хочет удерживать Дамеш, потому что не имеет права обрекать ее на страдания. Счастливого пути, доченька!

Курышбай сам вызвал для Дамеш такси, сам помог погрузить вещи, сам поехал с ней в дом Ивана Ивановича.

Солнце, будто умытое дождем, ослепительно сверкало в небе.

Иван Иванович сидел на скамейке у дома и читал книгу. Увидев Курышбая, он засуетился, подхватил его под руку.

— Аксакал, дети подросли, и в доме им тесно, не так ли?

— Оперившиеся птенцы всегда улетают из гнезд,— возразил Курышбай: ему почудился скрытый смысл в этих словах.

— А я не спорю.— Иван Иванович рассмеялся.— Конечно, улетают.

Дамеш и Лида вносили в дом чемоданы, и Курышбай, глядя на них, сжал губы, стараясь не показать, что ему нелегко это видеть.

— Что нового на заводе?— спросил Иван Иванович.— Ты к нему ближе, чем я...

— Завод на месте.

— Правда, что бригада Тухфатуллина завоевала звание бригады коммунистического труда?.. Болтают, что Ораз отстал от него...

— Это так.

— Он же звание Героя имеет. .

— Э! Парню не повезло. День-два в плавке был излишек углерода... Еле месячное задание выполнил.

— А главный инженер?..— возмутился вдруг Иван Иванович.

— Фу-у! Стоит ли о нем упоминать? Настоящая лиса. Неудачи Ораза его наверняка радуют!

— А Каир?— не унимался Иван Иванович.— Или не сумел взять вожжи в руки?

— Что поделаешь, если на него влияет лиса?

— Каир на наших глазах рос... Его отец был серьезным человеком, мы любили его.

— Дети не всегда похожи на родителей,— отвечал Курышбай.

Дамеш и Лида подошли к старикам, и все вместе вошли в дом, в новый дом Дамеш.

II

У Акмарал дни проходят однообразно. Встает солнце, наступает утро. Садится солнце, наступает вечер. Один день похож на другой, и потому она не ведет им счета, ей безразлично, какое сегодня число. Акмарал различает лишь четыре времени года: весной она вздыхает, вспоминая ушедшую молодость, и когда солнце начинает греть настолько сильно, что тает снег, она выходит во двор и подолгу сидит у ворот. Самое любимое время года у Акмарал — лето. Летом она едет в колхоз, пьет кумыс, а когда остается в городе, каждый день отправляется на базар, разглядывает всевозможные товары. Осенью у Акмарал начинаются разные болезни, большей частью выдуманные. Она лежит в постели и пьет густой ароматный чай. С наступлением зимы усилению лечит свои воображаемые недуги и, собирая у себя соседок, с удовольствием слушает их сплетни.

Но сейчас Акмарал озабочена другим. Все разговоры вертятся вокруг ее сына и Дамеш. Как будто бы

других тем нет! Сын предупредил: «Будь осторожна, мама, чтобы люди не составили о нас ложного представления из-за неуместно сказанного слова». На днях, когда приходил Муслим, Акмарал вела себя сдержанно.

Но одна фраза Муслима заронила в ее душу сомнения. Сомнение стало расти и, подобно вьюну, обвило душу, запутало отношения между ее семьей и семьей Курышбая. «Дамеш не пара Каиру. Не бывать ей с ним». За чаем в присутствии Каира она как бы ненароком начала поругивать Дамеш. Каир молчал, а потом вышел из комнаты. И это сын, никогда не перечивший матери, считавший ее слово законом!

Но то, что осталось невысказанным между Акмарал и Каиром, обсуждалось между ней и Ажар.

Недавно Ажар пришла к Акмарал вся в слезах:

— Жизнь мне не мила, мама.

Акмарал строго посмотрела на дочь.

— Нюня бестолковая! Бельмо тебе на глаза! Все еще терпишь своего блудливого муженька? С тех пор как появилась Дамеш, испортился твой Ораз!.. А у такой плаксы, как ты, любая девушка отобьет мужа...

— Вы заставили меня встать между ними,— всхлипывала Ажар.— Когда я объясняла, что они любят друг друга и затея эта бессмысленная, вы не соглашались со мной... Вот мы и наказаны.

Обозленная Акмарал опрокинула чашку с чаем. Чай большой коричневой лужей разлился по круглому низкому столу.

— О чем болтаешь? Какое наказание? Себя вини, что не смогла прибрать мужа к рукам. Балуй его, гладь его по головке!

Ажар не может сдержать рыданий, захлебывается в слезах, шепчет:

— Муж, которого держат в оковах, может сделаться таким, как мой отец. Помнишь, чем он отплатил тебе?

— Не тронь покойника. Стреножь мужа, чтобы он не бродил.

— Не умею.

Акмарал ругала дочь, но сердце ее готово было разорваться от жалости. Как ей помочь? Бедная девочка!

— Надо, чтоб Дамеш уехала из нашего дома!

Разговор этот происходил за три дня до ухода Дамеш из дома Курышбая. А вот сегодня Ажар прибежа-

ла к собравшейся на базар Акмарал сообщить ей, что Дамеш нет в доме, а стало гораздо хуже.

— Ораз пьет каждый день... Вчера ночью вернулся поздно и почевал в гостиной...

— Пусть не петушится! Грош цена такому петуху. Иди, я сама поговорю с ним!

Акмарал отпустила дочь. Взяв в руки старинную резную налку, важно зашагала к Курышбаю.

Было воскресенье. Ораз куда-то ушел, а Курышбай в гостиной, завесив окно шторой, смотрел с внуком дневную детскую телепередачу. Болат, увидев бабушку, вскочил и ухватился за ее рукав.

— Вовремя пришла, бабушка! Иди посмотреть картину!

— Не за этим я пришла сюда. Отстань! — Акмарал первый раз в жизни не приласкала мальчика, не одарила его гостинцами. Сурово глянула на Курышбая. — Пока мы с тобой живы, Курышбай, кто в ответе за наших детей! Перед богом и перед людьми? Или тебе неизвестно, что в этот дом начала просачиваться вода!¹

Курышбай держал рукой свою клинообразную бородку, покусывал ее кончик и не торопился с ответом.

— Говори покороче, Акмарал, и без загадок, — вымолвил он нехотя. — О какой воде говоришь? Не о той ли, что течет из вашего дома?

— Видит бог, от нас к вам никакая вода не течет. Мы сухие! — Акмарал ехидно улыбнулась.

Курышбай не любил отступать. Он пожал плечами и спокойно ответил:

— Есть люди, которые умеют выходить сухими из воды.

— Да? Ты думаешь? Скажите, пожалуйста...

— Это не мое достоинство, а твое, — Курышбай криво улыбнулся.

— Ах, вот ты каков?! — вознегодовала Акмарал.

— Я ничуть не переменялся, — меланхолично отозвался Курышбай.

— Я бы ответила тебе, сват. Да боюсь оскорбить одну молодую ученую особу, которую зовут Дамеш.

— Она, правда, ученая и молодая, — резко сказал Курышбай.

¹ Народное выражение — символ неблагоприятия в доме.

— На одних подобных качествах далеко не уедешь,— Акмарал снова ехидно улыбнулась.

— У Дамеш есть и другие качества,— отрезал старик.

— Вот, вот... Их-то я и имею в виду,— подхватила Акмарал.— Какая польза в том, что человек с одной стороны хорош, если с другой он плох? А Ораз? Лучше ее? Пьянствует, гуляет по ночам... Можно подумать, что у него нет любящей жены и сына.

— А ты, вместо того чтоб успокоить Ажар, нашептываешь ей чего не следует.

— Моя дочь тебе нехороша? Она виновна лишь в том, что уважает мужа и тебя, его отца! Ухаживает за вами! Разве она нагрубила тебе когда-нибудь?!

Оскорбленная и задетая за живое, Акмарал начала размахивать палкой и стучать ею по полу, поднимая шум на весь дом.

— Меня оскорбляют в этом доме! Кто дал тебе право обижать бедных женщин? Если уж ты такой храбрый, образумь своего гулящего сына!..

Курышбай, нахлобучив на голову войлочную шляпу, подхватил Болата под мышки и поскорее, чтоб окончательно не рассориться с Акмарал, выбежал из дому.

Разговор с Акмарал многое прояснил Курышбаю. Он убедился, что единственной причиной ухода Дамеш была Ажар.

Объяснив свой уход иначе, Дамеш хотела избежать скандала. А Ораз? Почему он таится? Нелегко чувствовать, что сын, который вырос у тебя на руках, который всегда и во всем был с тобой откровенным, стал чужим, скрытым. Давно ноет сердце старого Курышбая, и ничто не может успокоить боль. Любимый сын! За последнее время он будто голову в плечи втянул. Вроде цапли, ожидающей опасности. Когда неудачи окружают человека плотным кольцом, надо обладать мужеством, чтоб не дрогнуть. Курышбай сперва думал, что сын огорчен из-за неполадок на работе. Этих бед достаточно, чтоб испортилось настроение. А тут еще семейные неурядицы... Но находить успокоение в пьянстве? Пасть так низко? Курышбай полагал, что сын пошел в него, а выходит... Не о таком наследнике мечтал старик Курышбай. Не смог он, стало быть, воспитать в сыне бойца.

Беспокойные мысли теснились в голове Курышбая, когда он вместе с внуком подходил к воротам завода. Он не видел Каира, который садился в машину, пока машина не тронулась и группа рабочих, стоявшая у ворот, не разомкнулась, чтоб дать ей проехать. Курышбай бросился навстречу, размахивая руками:

— Каир! Эй, Каир!

Каир, увидев старика, затормозил и вышел из машины.

— Здравствуйте, аксакал!— Он пожал ему руку, а Болата погладил по голове.— Озорничаешь все?

— Озорник не он, а его мать и отец.— Курышбай решил сразу брать быка за рога.

— Опять что-нибудь случилось?— Каир нахмурился.— Садитесь со мной. В дороге поговорим.

Посадив в машину Курышбая с Болатом, Каир помчался по направлению к «Казахстанской Магнитке».

— Куреке, бывали вы у нашей «Магнитки»?

— Однажды. Зимой.

— Стены домны уже готовы. Вон те высокие трубы — это кауперы домны... Я вам все покажу.

Каир начал рассказывать о Темиртау и не давал Курышбаю возможности поговорить о другом. Он боялся услышать от Курышбая что-нибудь касающееся Ораза, Ажар и Дамеш, особенно Дамеш. Курышбай слушал внимательно. Каир знал новости, о которых не прочтешь в газете. Директор есть директор. Он в гуще жизни, и поэтому ему известно многое.

— Куреке! По-моему, сталь есть кровь нашей страны. Без крови человек не в состоянии жить, а без стали страна не могла бы строить поезда, автомобили, самолеты, тракторы... Простое перо, которым мы пишем и которое прежде было гусиным, иголки, которыми шьют и которые прежде изготавливались из сухих березовых щепок,— все из стали! Вот она какая,— Каир не переставал объяснять старику все эти давно известные истины и ему казалось, что если он остановится, прервет свой рассказ, старик скажет ему что-то неприятное, страшное.

Дамеш! Любимая! Он не может жить без нее, как бы трудно ни складывалась его любовь к ней. Она не подозревает о глубине и силе его чувства. Разве слова способны выразить это?

— Понимаю тебя, Каиржан!— откуда-то издали

слышит он голос Курышбая.— С тех пор как началось строительство этой домны, меня беспокоит судьба нашего старого завода.

Курышбай долго говорит о заводе, о новой домне, о том, что сырье для нее начнут подвозить из-за Карагаиды, из рудников Атасу и Актау, с одного — известь, с другого — железную руду.

Каир поражается знаниям старика, интересу, который тот проявляет к делам. Мысли Каира принимают другой оборот — он думает уже только о новой домне, о чугуне, который получит страна... Ему становится легко, весело, как будто и не было никаких тревог.

— А что, Куреке,— обращается он к Курышбаю,— засучить бы тебе рукава и стать горновым к домне, плавить чугун?

— Куда уж мне, а вот Ораза поставить горновым можно,— отвечает Курышбай.

Ораз! Ревность снова нахлынула на Каира. До боли сжалось сердце... Но он нашел в себе силы улыбнуться Курышбаю.

— Дорогой Куреке! Не одного, а сотни Оразов надо выучить и подготовить.

— Верно, верно...— Курышбай кивал головой.— Здорово ты говоришь, Каир, насчет техники. Понимаешь, что к чему. Но вот предложения Дамеш не подерживаешь.

— Я защищаю планы выполнимые и безопасные,— отрезал Каир.

— Спокойно жить хочешь?

— Дело не в этом.

— С одной стороны, Каиржан, ты все понимаешь насчет техники, а с другой — выступаешь против нее.

— Извините, Куреке... Проекты Дамеш слишком дорого могут нам обойтись.

— Я старый человек, Каир, а осторожность свойственна старости. Похоже, однако, что ты старше меня.

— Я директор и отвечаю за судьбу завода.

— А я что? Не отвечаю? Перед совестью своей.

— Хватит,— Каир поморщился. Ему уже начал надоедать разговор со стариком.

Асфальт кончился с последним домом старого города. Дальше до самого нового города шла ухабистая мостовая дорога; она тянулась на десять километров.

И только в Казахстане, в Магнитке, как называли жители новый город, снова начался асфальт.

Машина свернула к восточному берегу озера. Курышбай увидел домну. Она была похожа на сидящего черного верблюда. С чем сопоставить богатырскую величину домны? С песнями-черными облаками на краю горизонта? По высоте они, пожалуй, не уступят друг другу. Во всяком случае, если Курышбай посмотрит на домну снизу, войлочная шляпа обязательно слетит с его головы.

На берегу озера белеют стандартные четырех-пятиэтажные белые каменные дома. Они образуют широкие и прямые, как стрелы, улицы и тянутся в глубь степи.

Подъемные краны, похожие на минареты мечетей, словно щепку, подхватывают железобетонные блоки. Всюду, куда ни помотришь, видны рабочие. От гула механизмов, скрежета железа стоит такой шум, что ничего не слышно, и Курышбай кажется, что это не стройка, а огромный муравейник.

Каир остановил машину у центрального здания треста Казметаллургстрой и вошел туда, а Курышбай с внуком отправился побродить по городку. Болат все время расспрашивал деда, и Курышбай не мог справиться с мыслями, обдумать то, о чем он хочет поговорить с Каиром.

...Этой осенью завершится строительство первой домны. Красивые дома поселка постепенно соединятся с Темиртау, и возникнет большой промышленный город. Темиртау станет центром казахской черной металлургии.

Рассказывая об этом внуку, Курышбай объяснил, что прежде казахи не строили городов в степи. На каждом невысоком бугорке стояло по небольшому аулу с пасущимся вокруг скотом и непрерывно лающими собаками.

Правда, когда Курышбай вспомнил картину жизни старого аула, его вечера, игры молодежи, у него тоскливо заняло сердце. Но он никогда не променял бы этот строящийся город, эту гигантскую домну, всю теперешнюю жизнь на прежнюю. Кроме юности, кроме близких ему людей, родителей, жены, ему нечего вспомнить без горечи. Тяжкая доля была у народа. Но вот пришла

Советская власть, народ восстал для новой жизни... Не забываемые годы! Годы строек.

— Вот, Болат, в чем счастье человека... В том, что он сам строит свою жизнь и знает, что она будет прекрасной... Нет, не зря есть поговорка: «Через пятьдесят лет страна обновляется...»

Машина мчится берегом озера.

Каир мрачен. Оправдались его худшие предположения. Курышбай подробно рассказал ему о своей стычке с Акмарал и — что самое неприятное — о переезде Дамеш на другую квартиру. Неужели дело зашло так далеко? Что у них? У Дамеш и Ораза... Любовь? Ну и день сегодня!

У начальника Казметаллургстроя Каир объяснял, что вскоре в Темиртау прибудет большая группа казахской молодежи и всех нужно разместить на «Магнитке», распределить по объектам, а потом послать на учебу: часть отправить в Череповец и Кузнецк, часть оставить при заводе, чтоб они учились, овладевали техникой.

Начальник треста, худощавый старичок с маленькой седой головой, ничем не хотел себя утруждать.

— Чего ты за них беспокоишься? — визгливым голосом говорил он. — Если тебе нужны кадры, забирай их на здоровье, обучай и готовь у себя. Я-то тут при чем?

Каир вспылил и начал доказывать, что все обязаны заботиться о завтрашнем дне. Кто же будет работать на строящемся комбинате? Разве не казахская молодежь придет на завод сталеварами, горновыми?

Но начальник был неумолим:

— Я со строительством домны не справляюсь, а ты мне о горновых толкуешь... Медведя не убил, а шкуру делишь. И вообще за чужой счет мы храбрые. А когда тебе твой инженер Дамеш Сагатова предлагает перестроить работу завода — возражаешь!

Каира словно током ударило. Он прекратил разговор с начальником, ушел, не попрощавшись, и вот сейчас узнал об этой истории с Оразом.

Глупая, легкомысленная Ажар! Будь она проницательней, приблизила бы Дамеш к себе... А она ослеплена ревностью. Допустим, что Дамеш и Ораз нравятся

друг другу. Может быть! Они с малых лет росли в одной семье...

Но Дамеш горда. В доме Ажар она близко не подпустила бы к себе Ораза. Если Ажар до сих пор не понял характера Дамеш, тем хуже для нее. Каиру стало немного легче.

Но, с другой стороны, вот уже несколько лет он ходит за Дамеш по пятам. Ему уже двадцать восемь лет. Мать каждый день говорит:

— Я молю бога, чтобы он дал мне внука. Светик мой, о чем ты думаешь?.. Жизнь не продолжается вечно.

— ...Значит, переехала?— спросил Каир.

— Горе наше,— прошептал Курышбай.

Каир ничего больше не сказал старику. Они ехали молча, и только Болат без конца задавал вопросы. Каир довез деда и внука до их дома, потом поехал к себе и, оставив машину перед подъездом, бегом поднялся по лестнице. Мать готовила чай.

— А я тебя заждалась, сынок,— заулыбалась она.

Каир схватил телефонную трубку, набрал номер.

— Кто говорит?.. Ажар? Тебя-то мне и надо. Приходи к нам. Сейчас же. Я жду.

Он бросил телефонную трубку, широко распахнул окно и оперся о подоконник, прерывисто дыша, жадно глотая воздух. Достав из кармана коробку папирос, взял одну, закурил, а коробку, в которой еще оставались папиросы, машинально выбросил в окно.

Мать, нахмурив брови, следила за ним. До сих пор Каир ни в чем ей не перечил.

Они ничего не сказали друг другу, пока не появилась Ажар.

Каир гневно двинулся ей навстречу. Ажар побледила и испуганно остановилась.

— Зачем выгнала Дамеш?— Каир подошел к Ажар вплотную и видел черные точки в ее карих глазах.

— Пусть не зарится на чужих мужей!— взорвалась Ажар.

Каир впервые видел свою робкую, молчаливую сестру столь непокорной.

— Сейчас же пойдешь к Дамеш, попроси у нее извинения и верни домой!

Молнии мелькнули в глазах Ажар. Она круто повернулась и пошла к выходу.

— Стой!— Он догнал ее и схватил за руку.

- Пусти... Мне больно...— вырвалась Ажар.
- Пойдешь к Дамеш...
- Нет.
- Я заставлю тебя!..
- Никогда.
- Заставлю!..
- Пусти!
- Пойдем вместе.

Акмарал почувствовала, что наступило время вмешаться, и крикнула:

— Эй, вы! Грызетесь, как щенята!

— Образумь свою дочь, мама! И внуши ей, что надо повиноваться.

— Она права!

— Ах, вы заодно?!

— Помолчи и слушай, что тебе скажут...

— Хватит!

— Что?!— Акмарал не столько испугалась, сколько удивилась неожиданному бунту сына.

— Хватит!— Акмарал словно во сне слышала голос Каира.— Я достаточно потакал вашим прихотям, но теперь сам буду решать, как вам поступать. И вы будете меня слушаться! Обе! Иначе нам вместе не жить.

— Сынок...— начала Акмарал.

— Объяснений не будет!— прервал ее Каир.

— Да ты с ума сошел...— повысила голос Акмарал.

— Просто стал умнее.

Каир повернулся и вышел из комнаты.

Каир приехал на завод угрюмый, взволнованный. Никак не мог взять себя в руки. Как он и Дамеш будут жить в одном доме с матерью? Расстаться с матерью он не может, а вся эта история окончательно ожесточит ее, настроит против Дамеш.

Секретарша Лида заглянула в дверь и сказала:

— Инженер Амиров.

Вошел работник лаборатории Амиров, с неизменной улыбкой на совершенно круглом лице.

— Кайреке!¹— заговорил он.— Докладывали вам,

¹ Кайреке, Мусеке и т. д. (от Каир, Муслим...)— уважительная форма обращения к мужчине.

что прошлой ночью смена Ораза дала сталь второй марки вместо третьей?

— Новая беда!— Каир вскочил со стула, снова сел, снова вскочил. Ему никто не доложил об этом. А главный инженер? Хороши порядки у него на заводе! Хорош директор, который терпит подобные порядки! Вторая марка стали?! Ораз?! Одно горе с ним! Один неприятности!

— Лабораторный анализ...— Амиров положил перед Каиром листок с данными лабораторного исследования.

Каир пробежал его глазами, нажал кнопку звонка. В дверях тотчас же появилась Лида.

— Муслима ко мне!— приказал Каир.

— Есть еще одно небольшое дельце,— Амиров замялся,— но это потом...

— Говори!

— Я ведь недавно получил новую квартиру. Хочу нечто вроде ерулика¹ устроить. Приглашаю.

— Ерулик мы тебе должны устроить,— рассеянно ответил Каир.— Ведь это ты перекочевал к нам поближе, а не наоборот.

— Все равно,— отозвался Амиров.— Мы соседи.

Каир, занятый своими мыслями, казалось, не замечал больше Амирова, и тот стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная, уйти ему или остаться. Но когда вошел Муслим и Каир разъяренно поднялся со своего места, инженер счел за лучшее уйти, и как можно скорее.

Муслим улыбался, как будто не знал, для чего директор вызвал его. Сейчас произойдет крупный и неприятный разговор; Муслиму он принесет выгоду. Он приготовил для директора неожиданность, которая устранит преграды к намеченным целям.

— Смена Ораза опять не смогла дать нужную марку!— почти выкрикнул Каир.

— Совершенно верно,— процедил сквозь зубы Муслим.

— Почему не сообщили сразу?

— Не было тебя.— Муслим отвечал миролюбиво, будто не стремился к обострению разговора.

— Мусеке, я считал вас человеком, который болеет

¹ Ерулик — угощение в честь приехавших соседей или родственников.

душой за производство. Но, кажется, с тех пор, как я стал директором, наш завод теряет темпы.

— О Каиржан, неужели ты думаешь, что все зависит от меня? И не один Ораз тут виноват. Начальники смен действуют своевольно. Не подчиняются мне.

— Кто не подчиняется? Имя!

— Конечно, у нее есть имя.— Муслим усмехнулся.

— Кто она? Дамеш?— нетерпеливо допытывался Каир.

— Да.

— В чем она самовольничает?— Каир нахмурился.

— У каждого находится враг,— Муслим сокрушенно вздохнул.— У нас с тобой молоденькая, красивая девушка. Враг достойный. Что и говорить!

— Дамеш не с нами борется. Она хочет осуществить свою идею.

— Неважно, под каким соусом есть баранину,— Муслим снова вздохнул.

— Оставь Дамеш в покое!— в голосе Каира послышались нотки угрозы.— Не в ней дело!

— Ты директор, Каиржан, а я твой раб.. то есть главный инженер. Ты приказываешь, а я выполняю приказы... Но рабу... то есть главному инженеру, обидно, когда его начальника обводят вокруг пальца.

— Хватит!— решительно оборвал Каир.

— Я заканчиваю,— покорно отозвался Муслим.— Поскольку у меня нет охоты быть проглоченным, пусть даже молоденькой и красивой девушкой, поскольку я не желаю из-за ее самоуправства отвечать перед своей совестью, прошу освободить меня от занимаемой должности.

— Мне не до шуток!— перебил его Каир.

— А я не шучу,— спокойно ответил Муслим.— Придется выбирать из нас двоих, Каиржан.

Каир едва сдерживал гнев. Он отлично понимал, что Муслим не остановится ни перед чем и, если понадобится, подаст заявление об уходе. Старая лиса! Он знал, что его уход из-за Дамеш будет выглядеть весьма странно и сделает девушку объектом всеобщего и неблагоприятного внимания.

— Напишите объяснительную записку о вчерашнем случае,— сухо сказал Каир Муслиму.

— Будет исполнено, товарищ директор,— Муслим понял, что победил и на этот раз.

Поезд прибыл в Караганду утром. Прильнув лицом к окну вагона, Асхар ждет. Сердце его учащенно бьется, на глаза навертываются слезы. Сейчас он увидит Дамеш, обнимет, поцелует ее.

Колеса вагона стучат в такт с сердцем Асхара. Вот уже много лет он не видел этих мест: сколько воды утекло...

Когда человек появляется на свет и начинает расправлять крылья, готовясь к взлету, годы не имеют той цены, как в период сознательной жизни. За одиннадцать сознательных лет человек способен сделать многое. Земной шар населяет около трех миллиардов человек, но никто не подсчитывал, сколько веков наберется, если каждый из них проживет на одиннадцать лет больше или меньше. Живя люди в мирных условиях, без войн, какого изобилия и благ жизни они бы добились! Кто это подсчитал?

Да! Коммунизм не случайно стал целью, к которой стремятся люди его страны.

Асхар не считает себя счастливым человеком. У него подорвано здоровье. Он одинок, у него нет семьи. Он возвращается в родные края, оставив свою молодость в далеких местах... Великая партия коммунистов восстановила справедливость. Правда восторжествовала. Но кто знает, как встретят его люди.

Вокзал! Он похорошел. Стал большим. Поезд замедляет ход и останавливается. Пассажиры спешат к выходу. Один из них нечаянно выбивает из рук Асхара старый чемодан, и, пока тот его поднимает, кто-то другой тоже нечаянно толкает его. Асхар решает, что встречают его в общем-то не очень любезно. Из тамбура вагона он выходит одним из последних, и ему сразу бросается в глаза фигура Курышбая.

Добрый Курышбай! Дорогой Курышбай... Стал ниже ростом, сгорбился! Неужели старость победила его?.. А Дамеш?

Асхар нетерпеливо ищет ее глазами в толпе; вдруг возле него — звонкий голос:

— Дядюшка!

Обернувшись, он видит Дамеш. Она смотрит на него глазами, полными слез.

Выросла стройной, нежной, точно степной цветком!

Радость его жизни! Копия отца: блестящие черные глаза, густые черные брови — потомственная черта Сагатовых. Асхар долго обнимает ее, целует и только после этого раскрывает объятия Курышбаю. Преданный друг! Перевернись земля — все равно Курышбай останется непоколебимым, всегда готовым сделать для него то, что нужно. Он умеет верить в друзей!

Кто еще пришел встретить Асхара? Ораз! Какой молодец! Красавец. Асхар пристально всматривается в лицо каждого встречающего. Он не хочет, чтобы его жалели. Никакого сострадания! Он вернулся домой не просителем. Он равноправный советский гражданин, с незапятнанной совестью и честью...

В Темиртау ехали все вместе, веселились, шумели. Громче всех смеялась Дамеш. Истосковавшийся по родным краям, по родственникам, по друзьям, по этому звонкому смеху, Асхар едва сдерживал себя, чтоб не заплакать.

Ему казалось, что солнце, едва выглянувшее из-за горизонта, в честь его приезда озаряет окрестности золотистыми лучами, а нежно-зеленые колхозные нивы разворачивают перед ним волшебный ковер. Прохладный ветерок, словно мягкая шелковая шаль, обвивает его, а ласточки с белыми манишками на груди, узнав Асхара, подлетают к его машине и приветственно кружат над ней.

А когда машины перевалили через гребни Муздыбая, перед Асхаром, точно на параде, вытянулись трубы завода Темиртау.

Родной край торжественно встречал его. Об этих цветущих степях Сарыарки, об этих людях, ехавших с ним в машине, тосковал, мечтал он. Асхар часто думал о том, как он вернется, но даже в самых смелых мечтах не представлял той радости, которую испытывал сейчас. Не верилось, что невзгоды, печали и муки позади.

— Дядюшка, милый, почему вы молчите? — спросила Дамеш, прижимаясь головой к его плечу.

— Воздух родной пьянит, — ответил Асхар.

— И я пережил подобное состояние, когда вернулся из ссылки и попал в долину Или, — кивает головой Курышбай. — Я упал на землю и целовал ее.

— Родная земля как родная мать, — задумчиво говорит Дамеш.

Ораз, сидящий за рулем, пристально смотрит на Дамеш, она поспешно отводит взгляд, и Асхару кажется, что между ними что-то есть. Но Ораз женат, насколько он знает.

Все молчат. Асхар украдкой наблюдает за молодыми людьми и все больше укрепляется в своих догадках.

Возглавляемая Серегиним большая группа гостей гурьбой ввалилась в дом. Среди гостей круглолицый инженер-лаборант Амиров, он же превосходный домбрист, всегдашний запевала Касымов, инженер прокатного цеха, завязанный танцор Базарханов — начальник смены, инженер.

Стол был накрыт. Дамеш переодевалась. Она устроила Асхара в комнате Лиды; он сейчас отдыхал там. Услышав шум, Дамеш заторопилась. Она ждала гостей несколько позже. Лишь бы они не помещали отдохнуть Асхару! Как они шумят!

Иван Иванович и Курышбай, встречая пришедших у входа, немедленно отправляют всех в сад. Кто-то громко требует Дамеш, а Лида испуганным голосом объясняет, что Дамеш переодевается. Кто это может быть? Ораз или Капр?

Ажар не придет. Курышбай предлагал устроить чай¹ в его доме, но Дамеш не согласилась. Лучше ей самой быть хозяйкой на тое, чем робко поглядывать на Ажар и мириться с ее капризами. А Акмарал?.. Неужели она не поздравит дядю с приездом? Капра не оказалось дома. Он уехал в область, в обком партии.

Когда Дамеш позвонила по телефону Айше и сообщила о приезде Асхара, та сперва обрадовалась, а потом заплакала. Айша-апай посоветовала ей не приглашать Муслима. Он, мол, все равно не придет. Почему? Когда Айша упоминала об Асхаре и Муслиме, Дамеш чувствовала, что она не договаривает.

Дамеш вышла в сад. Веселье было в разгаре. Увидев Дамеш, молодые люди окружили ее плотным кольцом, наперебой поздравляли с возвращением дяди. Затем Амиров заиграл на домбре, и Базарханов начал танцевать.

¹ То й — угощение, пиршество.

— Посвящаю танец Дамеш!— громогласно объявил он, танцуя вокруг девушки.

Базарханов еще не закончил танца, как вперед выскочил кудрявый озорник Гена. Прыгая на корточках и опережая Базарханова, он волчком закружился возле Дамеш.

— Он победил Базарханова!— кричали со всех сторон.— Победил!

Смех, шутки, вызванные неожиданным танцевальным поединком Базарханова и Гены, еще не стихли, а Касымов грудным высоким голосом уже затянул красивую протяжную песню. Вот это была песня! Она уносила куда-то ввысь, в ясную голубизну неба... Родная песня! Асхар слушал ее затаив дыхание. Он вспоминал детство, молодость, своих стариков, сверстников, многих из которых уже нет в живых. Но они живы в этой песне и в этих плясках, в лицах, блестящих глазах людей... А Дамеш... Его родная, любимая Дамеш... Что же все-таки между ней и Оразом? Молодой человек исподлобья мрачно наблюдает за Дамеш, и она старается не встречаться с ним взглядом, хмурится. А жена Ораза не пришла. Или беда стучится в сердце Дамеш и Ораза?.. И Капра нет. Его матери тоже. Айша... Сердце сжалось до боли... Замужем ли она? Он боялся спросить...

— Дядя Асхар! Вы не имеете права грустить,— громко сказала Дамеш.

— Я и не думаю!— Асхар попытался улыбнуться.

— Он грустит!— не унималась Дамеш.

— Друзья-приятели!— Курышбай поспешно встал, поднимая бокал.— Всем известно, в чью честь устроен этот той! А виновник той не имеет права грустить.

— Не имеет права! Нельзя!— неслось со всех сторон.

Асхар молчал и думал о том, что здесь среди этих людей, родных и посторонних, но одинаково близких, он познает великую истину: нет страданий, которые невозможно забыть...

— Я не грущу!— громко повторил он.

Все шумно аплодируют, а Курышбай говорит:

— Если беркут стареет, он начинает ловить мышей, Может быть, мои слова покажутся вам слишком незначительными и мелкими, поскольку дела, которые я имею в виду, велики и значительны...

— Он имеет в виду мышь, которую поймал беркут,— под общий смех шутит Серегин.

Курышбай возвысил голос:

— Перед вами сидит один из лучших казахских парней. Большевик. Он прочнее той стали, которую мы с вами плавим. Я говорю так потому, что знаю его как свои пять пальцев. И не только его, но и весь его род, его родителей, близких. Отец этого парня скитался в поисках справедливости и счастья для своего народа. А его брат нашел это счастье и был одним из тех, кто принес в нашу страну свет социализма. Этот парень, как вы знаете, немало пережил, но сохранил человеческое достоинство. Он вернулся в родное гнездо!

Однажды он пришел ко мне ночью и сказал: «Куреке, я пришел проститься, черные тучи сгустились над моей головой. Но я хочу, чтоб ты знал, Куреке: я не виновен. И если меня арестуют, как арестовали вчера моих друзей, за которых я могу поручиться своей жизнью, знай: перед Родиной, перед партией, перед всеми вами я не виновен. Для чего я говорю тебе это? Для того, чтоб ты позаботился о моих ближних с легким сердцем и чистой совестью. Наша семья была и будет верной тому, ради чего Саха Сагатов отдал жизнь. В жилах Дамеш и всех наших родичей течет кровь честных людей, а не изменников и предателей». Вот что сказал мне этот казахский парень в ту тревожную ночь. Слово в слово.

— Я всегда старался быть солдатом партии,— ответил на это Асхар.— Даже в лагере.

— Тише! Асхар хочет говорить!— крикнул Гена.

— Нет... Я не собирался... Но могу сказать...— Асхар встал и неторопливо оглядел собравшихся.— Вера в дело, которому отдана жизнь,— вот что составляет сущность человека. Я мучился, когда не находил этой веры в людях. Наша великая и мудрая партия научила меня этой вере и сама поверила мне. И она не ошибется...

На столе полно яств: холодные казы, карта и телятина; румяные пончики, перезимовавшие соленые огурцы, арбузы, мясо на блюдах... Асхар ел вволю.

— Appetit у него неплохой,— заметил Гена.

— Дай ты ему поесть,— рассердилась Дамеш.

— Не беспокойся, сестричка,— говорил Асхар.— Мне сейчас аппетита не испортишь.

Не дожидаясь чая, гости во главе с Курышбаем перешли в другую комнату покурить, а за столом остались Асхар, Дамеш и Ораз.

Оразпил рюмку за рюмкой, и Асхар спросил его:

— Любишь выпить, парень?

— Нет,— ответил Ораз и тут же налил себе еще рюмку.

— Он пьет,— сказала Дамеш.

— Нет, говорю — Ораз снова налил себе.

Асхар молча взял его рюмку и переставил ее подальше.

— Пойми...— Ораз уставился на него пьяными глазами.— Не потому пью, что нравится Ты вот человек настрадавшийся. Должен понять. Горе запиваю...

— А я никогда не пил и не пью,— отрезал Асхар.

— Сильный, значит А я слаб...— Ораз вздохнул

Дамеш встала. Лицо ее было бледным Она хотела что-то сказать, но только развела руками и вышла из комнаты.

— Люблю ее,— жарко зашептал Асхару Ораз.— Жить без нее не могу...

— Пить-то зачем же?— прервал его Асхар.

— Не моя она... И никогда моей не будет... Понял, дядя Асхар?..

Ораз встал и, пошатываясь, пошел из комнаты.

Асхар задумчиво сидел за столом, когда в комнату вошла Лида, ведя за руку Айшу.

— Еще одна гостья, дядя Асхар,— весело объявила девушка.

— Айша...— прошептал Асхар, поднимаясь с места.

— Вы тут поговорите, а я чай приготовлю,— сказала Лида и выбежала из комнаты.

Асхар и Айша молча смотрели друг на друга, не в силах ничего сказать, не в силах двинуться с места. Наконец Айша протянула ему руки, он схватил их, стал целовать.

— Не надо...— Айша вырвала руки.— Нельзя...

— Нельзя?!— Асхар отпустил ее.— Что ты хочешь этим сказать?..

— Прости меня...— тихо произнесла она, опуская глаза,— я виновата перед тобой...

Асхар с ужасом подумал, что она замужем. Зачем обманывать себя?! Вот она стоит перед ним, красивая, желанная и чужая.. У нее есть муж.

— Айша... Ты забыла меня?..— шепчет он.

Она опускает голову.

— Айша...— шепчет он.

— Я пойду,— не поднимая головы, говорит Айша.

— Подожди...

— Пойду...— Айша выходит из комнаты.

Асхар стоит и думает о том, что его солнце навсегда померкло.

IV

Упрек Каира не давал покоя Муслиму. В каком смысле сказал директор, что завод начал терять прежние темпы? Не самого же себя он винит. Он, как говорят казахи, белее молока, а значит, ни в чем не повинен. Не подразумевал ли он, что главный инженер должен отвечать за создавшееся положение?

Муслим усмехнулся. Тем хуже для Каира. Он и с ним сумеет справиться, если понадобится. Он знает его слабое место, его ахиллесову пяту. Это Дамеш! Не потому ли директор не позволяет ему окончательно раздаться с ней, что любит ее? Отлично! В случае чего и этот козырь можно использовать против Каира. А Ораз? С ним Каира связывают, помимо родственных, какие-то личные отношения. Возможно, все это из-за Дамеш, которую Муслим как-то видел с Оразом на улице.

Если говорить правду завод действительно едва справился с месячным заданием. Бригада Ораза не могла достичь прежних высоких показателей.. В чем была загвоздка, Муслим не знал, а узнать надо было.

Он вообще многое знал про сослуживцев. На всякий случай. Ему уже перевалило за пятьдесят, он многое видел в жизни и хочет предугадать ее течение. Случись что-нибудь завтра, он не окажется застигнутым врасплох. В глубине души Муслим давно лелеет мечту, что на заводе произойдет какая-нибудь крупная неприятность и Каира снимут, а он, Муслим, станет директором. Пора! Давно пора, Мусеке! Годы идут. Надо успеть взять от жизни побольше, а для этого надо вить паутину потоньше. Где тонко, впрочем, там рвется, но Муслим вовремя унесет ноги, если учует беду. А что, если

поссорить Дамеш и Каира? Пожалуй, нужно добиться их разрыва, чтобы они не пришли к согласию. Объединись они, несдобровать Муслиму. Однако пользоваться этим козырем следует осмотрительно.

Разумеется, Муслим хочет, чтоб завод работал хорошо. Но, с другой стороны, надо, чтобы люди видели его рвение, его любовь к заводу, его озабоченность судьбой завода. Ни у кого не должна возникнуть мысль, что его интересует одна лишь собственная персона. Потому-то Муслим, немного отдохнув после работы, снова идет на завод, обходит цехи. Это вошло в привычку. И хотя в его присутствии в общем-то нет необходимости, он делает так, что оно кажется необходимым.

Вот и сегодня, по заведенному правилу, Муслим в сумерках подходит к заводу. Навстречу ему идет Игламбек.

— Ва! Аксакал! Почему вы здесь?— спрашивает он, выпучив глаза, и короткими жирными пальцами поглаживает длинные усы.

— Как всегда, иду на завод,— удивленно отвечает Муслим.

— Приехал дядя Дамеш Сагатовой, и все наши инженеры ириуют на тое. А вы же главный инженер.

— Дядя?.. Какой дядя?

— Кажется, в лагере был. Сидел.

— Асхар Сагатов?

— Не знаю его имени.

Муслим бледнеет. Кровь приливает к голове, и дыхание становится прерывистым. Он молча идет дальше по территории завода, открывает обтянутую черным дерматином дверь кабинета. Включает свет. Входит. Садится на диван. Подобно вихрю, неожиданно-негаданно возникшему перед путником, появился перед ним враг! Тревожные мысли кружатся, точно черные вороны. Откуда он взялся, этот Асхар? Из-под земли вышел или с неба свалился? Муслим был уверен что он не вернется... Он убеждал себя, что Асхар погиб. Когда начали реабилитировать пострадавших в период культа личности, Муслим с мучительным страхом ждал его возвращения. Знает ли он правду? Или не знает?.. А Айша?! Холодный пот выступил на лбу у Муслима. Он достал из кармана платок, вытер лоб и начал ходить взад и вперед по комнате. Орнамент ковра, похожий на бараньи рога, чудодейственно превращался в мужское ли-

цо с густыми черными бровями, точь-в-точь как у Асхара, говорившее ему: «Ты написал на меня донос, Муслим!.. Отобрал мою невесту!»

Муслим встряхнул головой, распахнул окно и, подставив лицо порывам освежающего ветерка, долго стоял не шевелясь.

Да! Муслим написал донос на Асхара. Он сделал это из ревности. Он не мог поступить иначе. Айша любила Асхара, а он, Муслим, любил Айшу. И в тот черный день... Он был для него светел... Его соперник канул в вечность... Он выждал, пока Айша немного успокоится, а потом осторожно, неторопливо начал опутывать ее паутиной своей любви. Он воспользовался ее смятенным состоянием, он внушил ей, что Асхар дурной человек, что он никогда не был хорошим... Он придумал для Айши неопровержимые доказательства.. Правда, потом, позже, она начала сомневаться в них, но Муслиму было уже наплевать.

Не в силах побороть охвативший его страх, Муслим вышел на улицу. Он долго бродил и домой вернулся поздно. Вероятно, Айша и дочь крепко спят. Чтобы не разбудить их, надо лечь тихо. Совсем тихо

Муслим открыл дверь веранды, на цыпочках прошел в свой кабинет и, бросив кепку на обитое сукном кресло, осторожно вошел в спальню. Жаль, если впопыхах наткнется на что-нибудь и разбудит Айшу.

Лунный свет заливал комнату, и в ней было светло как днем. Что такое? Кажется, кровать Айши пуста?! Не может быть!

Муслим зажег свет. Ну да! Айши нет. Где она? Неужели она пошла туда? К нему... К Асхару...

Муслим схватился за сердце и долго стоял неподвижно, прислонившись к стене. С ума можно сойти... Впрочем.. Могла же она уйти на дежурство в больницу. Или ее вызвали. Какой-нибудь экстренный случай... В больницах часто бывает... Тик-так.. Тик-так... Что это?! Ах, часы... Сколько сейчас? Муслим посмотрел на большие стенные часы, тикавшие с безжалостным равнодушием. Без четверти двенадцать. Муслим сорвался с места, точно его толкнул кто-то, бросился в кабинет и дрожащей рукой набрал номер.

— Алло!.. Больница?.. Доктор Байжанова у вас? Алло!

— Ее нет,— ответил чей-то спокойный голос.

— Алло... Когда она ушла? Алло... Алло...

— Часа три тому назад.

Муслим бросил трубку. Он хотел разбудить свою сестру, жившую у него в доме, но потом раздумал. Что может знать сестра, да еще в таком деле... Холодный пот снова выступил на лбу Муслима... Она ушла от него... Айша... Ушла к Асхару... Навсегда... Ясно как день... Позор! Она обманула своего законного мужа и убежала к другому!

Муслим выбежал из дому. Узкие, мало освещенные улицы города пустыньны. Где-то за озером играет гармонь. Куда он бежит? Впрочем, ему говорили, что эта проклятая Дамеш переехала из дома Курышбая. Но куда? Муслиму неизвестно... Куда он бежит?..

На улице Ленина, центральной улице города, он остановился перед домом Курышбая. В окнах темно.

И у Дворца металлургов никого. Обычно здесь до поздней ночи толпится народ... Все разошлись. Город обьят сном.

Точно побитый пёс, бредет Муслим обратно домой... Он будет ждать Айшу. До утра... Пока не рассветет... Муслим сел на крыльцо и, обхватив колени руками, уставился в темноту. Ждет. Но вот из-за угла показываются силуэты трех людей. Кто они? Муслим напрягает зрение. В ночной тишине он отчетливо слышит голоса.

— Спасибо, что пришли к нам, Айша-апай.

Муслим сразу узнал голос Дамеш.

— Ведь говорят, если издалека приедет хотя бы шестилетний ребенок, то девяностолетний старик обязан его встретить. Таков обычай, сестрица Дамеш!— Это Айша, это ее голос!— Разве можно противиться такому прекрасному обычаю и не выполнить своего долга?..

Голос Айши становится тихим, и, как ни старается Муслим, он ничего не слышит. Ему чудится, что именно сейчас Айша говорит Дамеш самое главное, самое ужасное. О своей любви к Асхару, о том, что она уйдет к нему. Муслим, Муслим! Ты окончательно решился ума и придумываешь то, чего нет и не будет. А почему бы нет? Она же любила Асхара. А любила ли она его, Муслима?

Поднимаясь по лестнице, Айша увидела Муслима.

— Мусеке... Не спите?

Ах, лукавая! Ее поймали за руку, а она разговаривает с таким невинным видом.

— Что за гулянка?— Муслим старался сдержать себя, но проклятый голос дрожал.

— Меня пригласили на той. Туда и ходила. Приехал дядя Дамеш. Тот самый Асхар, которого ты хорошо знал.— Айша прошла мимо Муслима и скрылась в доме.

Он ожидал, что Айша будет лгать ему, а она все выложила начистоту

Сердце Муслима заныло, будто кто-то воткнул в него иголку. Он не мог двинуться с места. «Тот самый Асхар, которого ты хорошо знал»,— повторял он слова Айши. Что она хотела этим сказать? Это намек! Ну да! Прямой намек. Он слишком хорошо знал Асхара.

Услышав стоны Муслима, Айша вернулась к нему, послушала сердце, дала лекарство и уложила в постель. Ему было приятно, что она возится с ним. Он не спал всю ночь, а наутро Айша, снова выслушав сердце, сказала, что ничего страшного нет, но велела лежать. Она ушла на работу, а Муслим остался в постели, хотя ему хотелось вскочить и бежать за женой. Множество неприятных мыслей, подобно змеям, жалило беснощадно.

Только начнут смыкаться веки — и он летит в бездонную пропасть, тщетно стараясь выкарабкаться.

Он ничего не сказал своей сестре, которая принесла ему завтрак. Не стал есть.

Пришла дочь. Усевшись рядом, она весело щебетала, рассказывая о невероятно интересной кинокартине, которую смотрела вчера с подружками.

А что, если и ее заберет с собой Айша?! Ужас обуял Муслима.

А когда пришел Серегин, постукивая своей палкой, Муслим уставился на него, как на архангела, явившегося за его душой. Побледнел, съежился в комок. Удивленный Серегин начал успокаивать Муслима:

— Ба! Болезни на каждом шагу!.. Если не беречься, они заставят нас лететь вниз кувырком... В последнее время у меня тоже ноет нога. Покоя не дает, проклятушая! В ненастные дни особенно...

Муслим слушал его настороженно, ожидая, что вот-вот скажет ему Серегин недоброе. Не для того же он в

самом деле пришел, чтобы дружески похлопать его по плечу.

Серегин неловко сел в кресло напротив Муслима и, отбросив падавшие на лоб волосы, рассказывал:

— Ногу я ведь потерял в сорок третьем году, в Крыму. Когда наши окружили Ялту, немцы бросились спасаться в море. Наш батальон первым проложил дорогу в Ялту из Симферополя. Мы мчались на машине и наскочили на мину. Машина отлетела в одну сторону, а мы с шофером в другую... Вот я и не уберегся. А ведь шофер предлагал ехать кружным путем... Был бы с целой ногой... Впрочем, кто знает! Лучше не задумываться об этих вещах. Идет человек и пусть идет по дорогам жизни, а то будешь гадать, петлять, начисто с пути собьешься.

Муслим пристально смотрит на Серегина. Сейчас он наверняка скажет о приезде Асхара... Может быть, Айша уже говорила с ним... Может быть, он пришел подготовить его к разрыву с ней... Чего же он кружит вокруг да около?! Говорил бы уж прямо!

— Приехал Асхар, дядя Дамеш Сагатовой,— сказал Серегин.— Вчера устроили той в его честь! Слышал, наверное?

Вот! Начинается! Муслим затаил дыхание. Он искал в улыбающихся глазах Серегина грозовые молнии.

Глаза Серегина похожи на воду в голубой стеклянной посуде. Спокойные...

— Нехороший был человек Асхар!— Муслим решил сам пойти навстречу предполагаемой беде.

— Его освободили и реабилитировали.— Серегин с удивлением посмотрел на Муслима.

— Плохой человек. Завистник. Ябедник,— настаивал Муслим, не спуская глаз с Серегина.

— Впервые слышу столь нелестный отзыв о нем,— протянул Серегин.

— Мне-то он знаком,— Муслим подобрался, как перед прыжком.— Мы ведь с ним в одну девушку были влюблены. В Айшу.

— Вон что?— Серегин заметно смутился и слегка покраснел.— Не подозревал.

Все в порядке! Опасность не угрожает Муслиму. Серегин зашел не за этим. И уже неважно зачем. Муслим разом ослаб, сник, но одновременно ему стало необыкновенно покойно.

— О предложении Дамеш Сагатовой хочу потолковать,— нерешительно начал Серегин.— Да вот не уверен, что можно с вами на серьезные темы беседовать.

— Тема, которую имеет в виду наш дорогой партийный вождь, несерьезна,— Муслим говорил лениво, насмешливо.

— Все зависит от точки зрения, не правда ли?— как можно мягче ответил Серегин.— Время у нас уходит, а предложение Сагатовой застряло где-то в отделах...

— Для проверки нужно время...— Муслим приложил руку к сердцу и охнул.

— Что? Что?— перепугался Серегин.

— Пустяки,— успокоил его Муслим.

— Я пойду лучше. А то расстраиваю вас.— Серегин встал.— Ну, поправляйтесь!

— Спасибо, дорогой партийный вождь,— Муслим нежно смотрел на Серегина и думал о том, как ловко он провел этого большого, сильного и умного человека.

Ничего, ничего! Он еще не так его разделает. И эту Дамеш, и Асхара, и Каира — их всех. Они узнают, каков он, Муслим Мусин...

Серегин был недоволен. Он не смог поговорить о проекте Дамеш, ради которого зашел к Муслиму. Судя по всему, проект решили держать в техническом отделе как можно дольше. А время уходит, драгоценное время... Муслим обернулся для Серегина новой сторсоной. Оказывается, он легко осуждает людей, даже таких, как Асхар... Вот где корни его натянутых отношений с Дамеш. Мусин ненавидит Асхара, а значит, и девушку...

Войдя в свой кабинет, Серегин нашел там Дамеш. Она сидела у письменного стола и читала газету.

— Я жду вас давно,— поспешно объявила она.— Нас вызывают в горком партии. Вместе.

— Что случилось?— Серегин нахмурился.

— Наверное, опять будут о моем предложении спрашивать.

— А отвечать что?— Серегин сердито перебирал бумаги, лежавшие на его столе.— Директор в отъезде, главный инженер болен, а мы с тобой — люди заинтересованные и менее всего повинные в задержке.

— И мы повинны,— твердо сказала Дамеш.

— Вот как?— Серегин удивленно посмотрел на нее.— В каком смысле?

— Надо бороться, а не ждать, когда кто-то другой двинется с места. А если он через год двинется? Я уверена, что директор заслал проект в технический отдел, чтобы выиграть время...

— Тяжелое обвинение,— прервал ее Серегин.

— Я говорю то, что думаю.

— Понимаю,— бросил Серегин.— Что ж... Идем в горком. Держать ответ.

...Первый секретарь горкома партии Базаров говорил мало — предпочитал слушать других. Но когда Серегин и Дамеш вошли к нему, он встал, пошел к ним навстречу и, изменяя своей привычке, заговорил первым:

— Входите, входите, товарищи. Здравствуйте. Садитесь. Я сегодня вызвал вас для того, чтобы попросить у вас совета.

Покраснев, Дамеш оглянулась на Серегина. Тот улыбнулся и сказал Базарову:

— Постараемся помочь. Правильно, товарищ Сагатов?

— Да...— согласилась Дамеш.

— Очень хорошо.— Базаров сел за стол.— Допустим, мы решили направить инженера Сагатову работать секретарем парткома на один из больших заводов.

— Меня?— Дамеш ожидала чего угодно, но не этого.

— Возражаю категорически!— с необычной для него горячностью воскликнул Серегин.— Надо дать ей возможность реализовать свои предложения на нашем заводе. Их примут. Я в этом уверен.

— Я не хотела бы остаться в стороне,— сказала Дамеш.

— Вашу кандидатуру выдвинул главный инженер завода Мусин. Он уверял нас, что вы справитесь.

— Ах, Мусин!— Серегин успокоился и подумал, что Мусин фигура куда более сложная, чем он предполагал.

— Я очень горжусь доверием...— Дамеш разволновалась настолько, что голос ее дрожал.— Я была бы счастлива... Хотя у меня опыта работы нет... Но я тоже считаю, что мое место на нашем заводе.

— А вы что, товарищ Серегин, добавите?— обратился к нему Базаров.

— Начальники нелегко расстаются с хорошими работниками. Для перевода они предлагают обычно ненуж-

ных им людей. Главный инженер подсказал вам кандидатуру Сагатовой не потому, что она плоха как работник, а потому, что она негодна ему.

— Вы так думаете?— строго спросил Базаров.

— Уверен,— глядя ему прямо в глаза, ответил Серегин.— Вам известно отношение Мусии к проекту Сагатовой?

— Вот мы и пригласили вас сюда, товарищи. Посоветоваться. Но давайте не будем делать скоропалительных выводов. Подождем. Присмотримся. Проверим самих себя.

— Товарищ Базаров, позиция директора и главного инженера неверная... Мы теряем время... А они... Они его тянут,— сказала Дамеш.

— Не следует связывать людей по рукам,— покачал головой Базаров.— Надо дать им спокойно подумать, проверить...

— Мы не имеем права терять время. Это ущерб государству,— волновалась Дамеш.

— Как считаете, Николай Иванович?— спросил Базаров.

Серегин помолчал, обдумывая ответ, а потом твердо сказал:

— Я согласен с инженером Сагатовой.

Итак, война объявлена! Дамеш ясно понимала это. Теперь между ней и Каиром легла пропасть вражды. И главный инженер с ним, по ту сторону пропасти... Что ж!.. Она будет бороться со всей страстью и непримиримостью. Она не остановится ни перед чем. Даже если Каир навсегда отвернется от нее.

V

Дамеш вскоре убедилась, что предположение Серегина верно. Муслим решил избавиться от нее.

Два дня пролежал он в постели. Сердечные приступы прекратились, боли прошли, и он чувствовал себя здоровым. Что это было? Простое недомогание или пенит? А вдруг это предвестие надвигающейся старости? Он не хочет стареть. У него молодая жена... Ему надо еще пожить веселой, счастливой жизнью... А сейчас, когда появился Асхар, он должен быть особенно крепок... Кто знает? Может быть, предстоит борьба за Айшу. И борьба не легкая. Всюду борьба... Надо иметь сто сердец...

Приехав на завод, Муслим неторопливо идет по его огромной территории к мартеновскому цеху.

Он проходит мимо механического цеха, мимо прокатного, пересекает узкоколейку, видит, как маленький пузатый паровозик торопится в шихтовый двор.

Муслим идет по асфальту. Этот асфальт уложен под его руководством, и он ревностно следит, не появились ли трещины, выбоины. Если появятся — тут же заставляет заливать их. Иначе вся территория окутается пылью. Пять лет назад здесь пройти нельзя было. Ноги рабочих, колеса грузовиков утопали в пыли. Муслим вспоминает об этом и думает, что хорошее состояние асфальта на заводе он забавным образом связывает с собой, со своим здоровьем.

Ночная смена только окончила работу, и когда Муслим пришел в мартеновский цех, Дамеш готовилась сдать ОТК выплавленную сталь.

В легкой синей куртке, в шапке, сдвинутой на затылок, она о чем-то горячо спорила с начальником ОТК. Вокруг них толпились рабочие. Муслим подошел, надеясь, что случилась беда. Рабочие расступились, давая ему пройти.

— Что за сборище?

Начальник ОТК, толстый смуглый мужчина с круглыми испуганными глазами, неуклюже повернулся к нему.

— Навар на конце стального куска. Брак. Если они его не отсекут, не приму работу.

Этот толстяк всегда казался Муслиму малосообразительным, но сегодня он слушал его с наслаждением. Правда, пять дней назад Муслим напугал его. Разве он не видит, что творится в смене Сагатовой? Внутри стальных кусков имеются пустоты, встречаются навары, за брак в конце концов спросят с начальника ОТК, ему придется распрощаться с должностью! Перепуганный толстяк придирается теперь к безобидной в общем корочке на конце стального куска.

— Взгляните,— пыхтит он.— Наверняка внутри пустота!

— Записывайте брак,— спокойно сказала Дамеш.— Это ваше право. А наше право опротестовать решение.

Обнагдела! Муслим едва сдерживал себя, чтоб не накричать на девчонку. Слишком многое себе позволяет! Сейчас он укажет ей место. Сейчас он осрамит ее перед рабочими. Это тот случай, которого он ждал.

— Вы сердитесь на начальника ОТК, товарищ Сага-това, а ведь он прав!

— Нет!— отрезала Дамеш.

— Нет? Отлично.— Муслим указал пальцем.— Что это по-вашему?

— Корка.

— Очень хорошо!— Главный инженер оглянулся и по-дозвал стоявших в стороне сталеваров.

— Сколько времени прошло, как разлили сталь в из-ложницы?

— Около часа!— Дамеш посмотрела на часы.

— Пора, стало быть. Доставайте из изложницы и охладите,— приказал Муслим двум сталеварам.

Рабочие вдели трос крана в ушки изложницы и пода-ли знак крановщику. Кран, двигавшийся наверху на боль-шой высоте, загудел и оторвал изложницу от стани. Кусок стали лежал, покрытый корочками, похожими на ворсинки.

— Видишь?— спросил Муслим.

— Вижу!— яростно ответила Дамеш.

— Отчего это?

— Внутренность изложницы изношена! Вот отчего. Давно нужно было заменить!

«Настунишь на один конец палки, а другой конец тебя по лбу стукнет»,— подумал Муслим.

Дамеш стояла против него, готовая к бою.

— При сливе стали температура была очень высокая, это раз.— Муслим загнул палец.— Во-вторых, изложни-ца установлена неправильно, косо. А в-третьих, она не очищена и не смазана. Вот и причины...

Через час в кабинете начальника мартеновского цеха была созвана оперативка, и Муслим объявил инженеру Сагатовой строгий выговор.

Каир вернулся из Караганды к полудню. Он созвонил-ся с Муслимом и попросил его приехать к нему домой.

Дома Каир застал осунувшуюся, постаревшую за по-следние два дня мать. Он попытался разговаривать с ней так, будто ничего не случилось, расспрашивал о здоровье, но она отвечала односложно, нехотя, выказывая полное к нему нерасположение.

Каир устал. Он беспокоился о заводе, и во время поездки его мысли, подобно птице, витали вокруг Темиртау. Стычка с матерью и сестрой, обида, нанесенная имн Дамеш, ее отъезд из дома Курышбая — все это отдаляло осуществление его желания жениться на ней. А тут еще отдел пропаганды обкома, где его пропесочили! За живое задел его редактор областной газеты. Рта не дал ему раскрыть. И все из-за статьи Дамеш. Надо же было послушаться Муслима и не ответить газете! Редактор сначала шутил: «Вероятно, вы думаете, что у нас ишачьи мозги и мы не понимаем подоплеку ваших слов, когда вы признаете, что статья написана правильно, а потом ее же опровергаете! Выходит, что газета напечатала ошибочную статью! Вот это и называется: с большой головы на здоровую».

Каиру не приходилось еще попадать в столь неловкое положение. Он ничего не мог ответить редактору, но затем взял себя в руки:

— Уж не вы ли, товарищ редактор, покроете расходы, которые в случае неудачи понесет завод? Имейте в виду — расходы немалые. Жалованья вашего не хватит.

Вокруг засмеялись и, как это бывает всегда, когда возникает угроза больших убытков, замялись, и на этом закончили совещание.

Каир не в силах был идти на завод и сейчас ждал Муслима, решив поговорить с ним наедине. Муслим из рода Куандык, и они связаны узами дальнего родства. Раньше Каир не знал, что такое род. Если кто-нибудь из стариков спрашивал, кто он, Каир отвечал: «Я казах!» А о том, что казахи делятся на роды, что представители одного рода — родственники, Каир узнал только после того, как сблизился с Муслимом, рьяным сторонником деления на роды. Но, разделяя людей по признакам рода, нетрудно, например, возненавидеть Дамеш за то лишь, что она принадлежит к другому роду! Глупости! Муслим просто пытается воздвигнуть хоть какую-нибудь преграду между ними и Дамеш.

У Муслима походка степенная, и держится он важно. Каир сидит на диване в гостиной. В открытую двустворчатую дверь он видит, как Муслим входит; взяв руку Акмарал, долго говорит ей комплименты, а Акмарал кохочет. Он, безусловно, оборотистый человек, этот дядюшка Муслим. Умеет угождать людям.

По долгу гостеприимства Каир встал и пошел навстре-

чу гостю. Муслим, взяв его за руку, словно они не виделись годы, стал расспрашивать о здоровье, о настроении и даже о самочувствии его шофера.

— Похудел как, родной!— сокрушался Муслим.— Очень жаль.

— Говорят, худоба красит человека,— парировал Капр.— Но дело не в этом. Я сомневаюсь в том, что мы правы, задерживая проект Дамеш.

Муслим изменился в лице, откинулся назад, как будто его ударили по лбу.

— Э, братец! Я вижу, твоя поездка была не особенно приятной. До все у тебя были другие, более правильные взгляды на вещи.

— Взгляды могут измениться.

— Бойся этого, Капр. Где видаю, чтобы ветреная женщина добивалась всеобщей любви и уважения?

— Косный мужчина тоже не многого достигает,— ответил Капр.

«Вот как, директор?— думал Муслим.— Неужели нашла коса на камень?..» Ладно же... Он покажет щенку его место... Сомневается, видишь ли... Когда Муслим совершит задуманное и Капр придет к нему в директорский кабинет на поклон, он напомнит щенку о его ничтожестве, посмеется над ним.

— Завтра же надо заняться проектом Дамеш,— сказал Капр.

— Я умиряю руки, Капржан,— ответил Муслим.— Я не хочу лишать себя на старости лет должности и уважения. Впрочем, будь я молод, как ты, я тоже не губил бы своей карьеры.

— Дело не в карьере,— оборвал его Капр.

— Жалко все-таки,— вздохнул Муслим.— Талантливые люди могут принести много пользы. А если их снимут с работы?

У Акмарал к приходу гостей всегда готов чай. И на этот раз она быстро накрыла на стол. На белой скатерти — коньяк и закуски. И любимое лакомство Капра — сочные, золотистые дыни. Капр, взяв нож, отсек оба конца, а потом сделал продольные разрезы.

За чаем разговор обострился. Акмарал подливала масла в огонь, отпуская язвительные замечания по адресу Дамеш. Капр едва сдерживался, чтобы не встать из-за стола и не уйти.

— Капржан, какая польза от того, что мы будем дер-

гать друг другу нервы... Мы сидим в одной лодке, и наши недруги обрадуются, если она перевернется. Что за муха тебя укусила? Насплетничал на меня кто-то? — говорил Муслим.

— Когда вы перестанете подозревать своих товарищей по работе, Мусеке, и во всем видеть сплетни и интриги? — Каир палил коньяк в рюмки, одну поставил перед ним, другую перед собой. — Дурная привычка, Мусеке.

— Интриги и сплетни не я выдумал, — с деланным весельем продолжал Муслим. — Мне не к лицу дурно отзываться о сестрице Дамеш, и я самого себя ругаю за это, но обжегший губы избегает горячего.

— Старый человек знает, в чем мудрость мира, — вздохнула Акмарал.

— Умные слова, женеше! — Муслим церемонно поклонился ей. — Кстати, Каиржан, известно ли тебе, что приехал дядя Дамеш, Асхар?

— Когда приехал?

— Они устроили той и пригласили всех инженеров завода, кроме меня. И женеше обошли.

— Ажар отделили от мужа! — задыхаясь от негодования, вмешалась в разговор Акмарал. — Ораза пригласили, а жену нет! Дамеш сеет смуту!

— Я не хочу сказать дурное о Дамеш. Я уже объяснял... И, может быть, невежливо с моей стороны упоминать об этом, но не я один замечаю, что Дамеш и Ораз больше, чем друзья детства.

— Хватит! — Каир резко отодвинул чашку.

— Каиржан... Что с тобой? — радуясь, что попал в цель, с невинным лицом спросил Муслим.

— Ничего... Извините меня, — хрипло сказал Каир. — Нервы...

— Да... да... — заохала Акмарал. — Все мы ужасно нервные. Забываем приличия.

— Дамеш совсем отбилась от рук. Ни до чего ей дела нет... — монотонно бубнил Муслим, исподволь наблюдая за Каиром. — Приказам не подчиняется, потому что ей никто не перечит. Потакают ей. Не обижайся, Каир, на старого друга. Друг всегда правду в лицо говорит. Когда он вдобавок близкий родственник, из одного рода... А Дамеш... Что Дамеш... После тоя ее смена брак выдала.

— Дамеш — брак?! — воскликнул Каир.

— Разливать сталь поручила мастеру, а сама ушла неизвестно куда. Где была, с кем — одному богу извест-

но.— Муслим собирался добавить, что Дамеш ушла с Оразом, но по выражению лица Каира нетрудно было догадаться, что тот подумал именно об этом.

— Дамеш погубит нашу семью,— негромко причитала Акмарал.— Ажар и Ораза она уже погубила, а теперь взялась за завод.

— Как хочешь, Каиржан,— бубнил велед за ней Муслим,— но я предупредил тебя.

Он переглянулся с Акмарал, которая тоже наблюдала за сыном, и едва заметная улыбка тронула его губы.

Каир сидел неподвижно, уставившись в одну точку, и мучительно думал о том, как трудно бывает угадать, где правда, а где ложь. Неужели Муслим и мать правы и Дамеш обманывает его? Неужели эта любовь, которая оставляет его холостым, без семьи, без детей, принесет ему новые несчастья?

Он думал о том, что ему не в чем упрекнуть себя. Молодой человек с его положением без труда мог бы устроить свою судьбу. Он сам этого не хочет. Он любит Дамеш. А то, что его любовь несчастна, совсем другое дело. Не повезло. Счастье найти нелегко. Вот Ораз женился, у него сын, а где счастье?

Когда Каир пришел на завод, уже спустились сумерки. Сейчас он увидит Дамеш! Сейчас произойдет еще одна стычка, и они окажутся еще немного дальше друг от друга. Смешно думать, что девушка ответит любовью человеку, который преградил путь ее планам, ее мечте.

Каир миновал контору мартеновского, по длинному узкому коридору прошел в цех, поднялся на железный балкон и посмотрел на работавших внизу сталеваров. Будто в пчелиные соты разливали они сталь из ковшов в изложницы. Золотые брызги, как струи воды из фонтана, рассыпались во все стороны. «Если разбить солнце, разлетелись бы такие же золотые брызги»,— подумал Каир. Он искал глазами Дамеш. Она должна быть там. Сейчас они встретятся...

Вот она! В синем кителе, с собранными на затылке волосами, защитные очки сдвинуты на лоб... У Каира сильно забилося сердце. Прошла неделя, как он не видел ее. По железной лестнице, установленной вдоль стены

цеха, Каир медленно спустился в сталеразливочный пролет. Увидев директора, Дамеш, улыбаясь, пошла на встречу.

— Поздравляю, Дамеш!— Каир сильно сжал ее пальцы.— Жаль, что мне не довелось принять участия в твоем.

— Я знаю. Ты была в отъезде,— Дамеш слегка покраснела.— К тому же для тебя, как для директора, надо было бы заколоть целого барана.

— Но для матери и сестры директора целый баран не понадобился бы,— сухо отозвался Каир.

— Не к чему звать людей, которым приглашение не доставит удовольствия.

— Странно звать мужа и не вспомнить жену.— Каир смотрел на нее в упор.

— Ах, ты об Оразе?— Дамеш говорила совсем спокойно.— Кого-то из твоего дома надо же было пригласить...

— Неубедительно,— Каир нахмурился.

— Уж как есть,— меланхолично отозвалась Дамеш.

— Мне сообщили, что твоя смена вчера опять выдала брак.— Каир двинулся вдоль канавы, где были установлены изложницы.

— «Опять»?

— Ах, значит, ты берешь на себя лишь последний брак? А предыдущий?

— Ни того, ни другого я на себя не беру!

— За что же ты получила выговор?

— Спроси главного инженера!

— Я специально пришел, чтобы спросить тебя.

— Начальник ОТК не прав.

— В чем именно?

— Брак случился потому, что изношены изложницы. Идем! Посмотришь.

Дамеш повела Каира к изложницам. Она шла так быстро, что он еле поспевал за ней.

— Изволь,— она показала рукой.— Видишь щербинки на внутренней стороне?

— Почему же ты не обратила на них внимания до того, как начали разливать сталь? Почему не посмотрела? Мастеру доверилась? Или пожалела бригадира?

Дамеш никогда не возражала против справедливых замечаний. Не возражала она и на этот раз.

Каир смотрел на нее и пытался разжечь в себе гнев, но ничего не мог поделать с чувством беспредельной тоски, охватившим его, делавшим его покорным, безвольным.

VI

После тоя, устроенного в честь возвращения Ашара, отношения между Оразом и Ажар испортились окончательно.

В тот вечер пьяный Ораз, нагая и спотыкаясь, кое-как добрался до дому, но Ажар не помогла ему раздеться и не уложила в постель. Она визгливо кричала, что эта проклятая Дамеш нарочно устроила той, чтобы внести полный разлад в ее семью. Иначе она пригласила бы их вместе! Зачем он вернулся домой! Оставался бы насовсем у этой шлюхи!

Никогда не слышал Ораз столько бранных слов, сколько услышал в ту ночь от Ажар. И хотя был пьян, ясно отдавал себе отчет в том, что Дамеш оскорбляет незаслуженно и жестоко...

Он в гневе шагнул к Ажар, но налетел на стул, упал и разбил в кровь лицо. Перепуганная Ажар убежала в свою комнату и так закричала, что разбудила весь дом.

...Проснувшись на другое утро, Ораз вспомнил о ночном происшествии, и ему стало совестно. Можно подумать, что он бить ее собирался! У него рука не поднялась бы на нее, да и вообще на женщину! Как бы ни был пьян. А вот то, что она Дамеш оскорбляла... Ярость снова охватила Ораза...

Ажар не разговаривала с ним. Акмарал не ответила на приветствие. Он чувствовал себя одиноким, всеми гонимым. Даже Болата увели к соседям. Да! Дальше так продолжаться не может.

Ораз пошел к Геннадию. Тот совсем недавно получил квартиру в доме возле сквера в самом центре города, и Ораза, когда он вошел, сразу же охватило ощущение покоя и счастья. Гена и его жена радушно приняли гостя. Наполнили его чаем, а он, присев на большой, удобный диван в столовой, спросил их:

— Не возражаете, если я посплю на этом диване несколько дней?

— Эй, парень, не разыгрывай нас!— Геннадий засмеялся.

— Если не пустите, пойду искать пристанища в другом месте,— буркнул Ораз.

Но Геннадий и его жена смеялись и не верили ему.

— Не морочь нам голову, парень! Нашел дурачков! Давай питайся! Маша, а ну-ка добавку ему.— Гена любил, когда в его доме хорошо ели.

— Не хочу.— Ораз отодвинул от себя тарелку.

Большого оскорбления хозяевам этого дома нанести было невозможно.

— Не вкусно?— тихо спросила жена Гены.— У меня другое блюдо есть...

— Вкусно,— буркнул Ораз.— Не в том дело...

Ораз замолчал, а Гена и его жена переглянулись, не зная, что подумать.

До них дошли слухи о неурядицах в доме Ораза. Ажар не могла удержаться, чтоб не излить душу подругам и знакомым. Ей казалось, что от этого становится легче...

— Ты серьезно говоришь?— спросил Гена озадаченно.

— Серьезно.

— Маша!— Геннадий повернулся к жене.— Кажется, похоже на правду.

— И я думаю,— согласилась жена.

— Диван твой,— Геннадий хлопнул друга по плечу.

— Спасибо,— коротко сказал Ораз.

— Мы с женой слышали, что в твоём доме не все в порядке,— Геннадий сделал хитрое лицо.— И я по-дружески хочу сказать: не придавай большого значения домашним ссорам. И не делай трагедии. Поживи у нас. Отдышись. За это время и жена твоя образумится.

— Если жизнь поломалась, ее не склещь,— ответил Ораз.

— Ты уверен? Может, ошибся? Пену за воду принял?

— Нет, дружище.

— Бери отпуск и уезжай на месяц. Отдохни от всех. А?

— Нельзя, Гена... Везде у меня беда... И дома. И в бригаде... Сам знаешь...

Геннадий сделал знак жене, чтобы она оставила их вдвоем. Он собирался сказать Оразу то, что думал давно.

Кому, как не ему, Геннадию, волноваться о бригадире, который в последнее время довёл бригаду до такого состояния, что людям в глаза стыдно смотреть.

— Я давно хотел поговорить с тобой наедине, — начал Гена. — В цехе некогда. После смены все спешим домой... Что с нашей бригадой? Сможем завоевать звание бригады коммунистического труда или это мечта?

— Отложим разговор, — прервал его Ораз.

— Нет, — твердо сказал Гена. — Поговорим. Смогги сам: сталь варим слабо, производительность труда низкая.

— Старые новости.

— Старые и невеселые.

— Хорошо! Поговорим. — Ораз встал и прошелся по комнате. — Плохи наши дела. Признаю. А в чем причина? Догадываешься?

— В тебе, — коротко ответил Гена.

— Согласен. Запутался. Мне один Герой, такой же, как я, на слете передовиков рассказывал, что с тех пор как ему дали звание, он будто на крыльях летит... А я вот ползаю. В семье мира мне не найти. Выхода не вижу...

— Надо искать.

— Ищи не ищи...

— Когда человек в горе, ему всегда кажется, что и податься-то некуда.

— Хотел бы я посмотреть, что бы ты на моем месте делал.

— Что бы я?! — Гена вскочил из-за стола. — Песни бы пел.

— Ври, да знай меру. — Ораз криво усмехнулся.

— Думаешь, я не любил?! Думаешь, мне трудно не было? Еще как! Пересилил себя. Честное слово...

— А вот насчет работы... — перебил его Ораз. — Тут, пожалуй, прав ты... Не могу я вас объединить одной мечтой... В этом дело. Я все об одной вещи думаю... Давно уж... Мысль одна.

— Выкладывай, — весело поддержал Гена.

— Как думаешь, почему я подолгу у мартеновской печи простаиваю?

— Куан уверяет, что ты того... — Геннадий постучал пальцем по лбу. — Тронулся.

— Похоже! — Ораз впервые после прихода сюда засмеялся. — Будем бороться, Гена... Но мою мысль отдельно осуществить нельзя. Вместе с предложением Дамеш надо. С техническим переоборудованием... Вот тогда-то и завоюем наверняка звание бригады коммунистического труда.

— Воевать я готов!— Гена с удовольствием видел, как улетучивается безысходная тоска Ораза.— Приказывай.

— Будем, будем воевать,— твердо сказал Ораз.— А когда победы, тогда и мне звание Героя в тягость не будет.

— Если оно тебя очень тяготит, давай его мне!— шутил Гена.

— Нет уж... Завоюй сам...— Ораз обнял его за плечи и подумал, что дружба все-таки чертовски хорошая штука.

Серегин пришел на работу в подавленном настроении. Всю ночь будто болели пальцы на отсутствующей ноге. С переменой погоды всегда начинается такая пытка.

Он настежь распахнул окно в кабинете. Какой свежий и влажный воздух врывается в комнату! Нависшие над Самаркандским озером черные облака похожи издали на черных птиц. Они медленно ползут на город, наверно, приносят дождь. Вот нога и поет...

Лида, заглянув в дверь, сказала:

— Николай Иванович, вас просит директор.

— Что это он так рано?— выходя из кабинета, размышлял Серегин.— Тоже неспокоен сегодня? Погода влияет и на настроение. Впрочем, какое у него может быть настроение! Молод, бодр и, как говорят казахи, ум как у сытого орла.

— Вид невеселый, Николай Иванович. Не болеете ли?— спросил Каир, когда Серегин вошел к нему.

— Без солнца веселье неважное.— Серегин не любил говорить о своей болезни.

— Садитесь, Николай Иванович. Прошу вас,— Каир любезно указал на стул.— У меня к вам несколько вопросов. Хочу посоветоваться. Решать надо с предложением инженера Сагатовой. Да или нет. Как считаете?

— Давно пора,— Серегин улыбнулся, покачал головой.— Но проект передали в технический отдел.

— Передать-то передали.— Голос Каира стал жестким.— Скорее всего для того, чтоб утопить его там.

— Приятная откровенность. Я-то думал, что мы дело делаем, что без технической проверки не обойтись.

— Чепуха! На днях примем решение.

Серегин разом забыл и о своей больной ноге и о своем дурном настроении.

— Это Муслим Сапарович виноват в задержке, — резко говорил Каир. — У меня, сами знаете, маловато опыта, и я доверился ему в некотором роде. Впрочем, обвинять его не собираюсь и за свою долю вины сам отвечаю.

— Вы были в обкоме, и вас спросили о проекте Сагатовой? — спокойно осведомился Серегин.

— Да... Разговаривали. И мне надоело по два раза в день отвечать за задержку с проектом. Выслушивать обвинения чуть ли не во вредительстве. Кстати... В мое отсутствие главный инженер объявил выговор Сагатовой.

— Мы с ним спорили до хрипоты.

— Считаете — несправедливо?

— Травля, по-моему.

— Травля — громкое слово, Николай Иванович, — возразил Каир. — Мусин сказал, что выговор согласован с Базаровым.

— Пусть не спекулирует именем Базарова, — Серегин тоже заговорил резко.

— А что вы об этом скажете? — Каир протянул Серегину лист бумаги.

«...Бригада Курышбаева стала недисциплинированной... Выдает брак... Ораз Курышбаев пьянствует... Начальник смены Сагатова не сумела обеспечить руководство. Не имеет опыта... Предлагаю перевести инженера Сагатову в техотдел, а вместо нее...» — Серегин бегло просмотрел докладную и бросил ее на стол.

— Вот и подтверждение моих слов. Травля.

— Но бригада Курышбаева действительно снизила производительность труда. Ораз устроил пьяный скандал. Похвально для Героя, не так ли? Ну вот, Николай Иванович, пора кончать со всем этим. Мы обязаны соблюдать интересы государства. И защищать их.

В тот же день Серегин поехал в городской комитет партни. Дождь лил как из ведра. На улицах стояли огромные лужи. И когда машина Серегина проезжала по ним, брызги поднимались сплошной завесой.

Разговор с Каиром убедил Серегина, что столкновения не избежать. Он чувствовал, что пора дать бой, начать активные действия.

В приемной Базарова Николая Ивановича остановила секретарша.

— Минуточку, Николай Иванович. Там люди.

Серегин все-таки вошел в кабинет. Базаров подписывал какие-то бумаги и отдавал их стоявшему у стола помощнику. В кресле напротив него сидел инструктор — смуглый, невысокого роста человек — и о чем-то бойко рассказывал.

— Здравствуйте, Василий Федорович,— сказал Серегин, останавливаясь перед Базаровым.

— Сейчас, сейчас...— Базаров, продолжая подписывать бумаги, закивал головой.— Садитесь, Николай Иванович.

— У меня заседание парткома, и я вынужден просить выслушать меня.

— Говорите, Николай Иванович.

Серегин сел. Посмотрел на помощника и на инструктора.

— С глазу на глаз надо.

— Хорошо,— сказал Базаров.

— Значит, съездить на «Магнитку»?— тихо спросил инструктор.

— Ознакомьтесь с материалом и в первую очередь проверить магазины!— подтвердил Базаров. Он подписал последнюю бумагу и отпустил помощника с инструктором.

— Рассказывайте!— Базаров закурил и откинулся в кресле.

Серегин думал, что улыбающийся и приветливый, как обычно, Базаров будет изумлен, услышав от него то, что он собирался сказать ему. Но он скажет. Все равно. И как можно резче. Война так война.

— Когда вы наконец перестанете руководить нами, сидя в своем кабинете?!

Базаров, как и предполагал Серегин, удивленно уставился на него.

— Я спрашиваю: до каких пор?— Серегин встал.— Что вы знаете о нашем заводе, если не бываете на нем?

— Но у меня есть и другие заводы,— ответил Базаров.

— А ваши инструкторы?

— Они у вас бывают,

— И вы думаете, что горком в курсе всех дел, которые происходят на нашем заводе?!

— Надеюсь.

— Нет, Василий Федорович. Плохо вы руководите нашим заводом, если допускаете, чтобы с вашего согласия объявляли выговоры нашим лучшим людям.

— Ах, вот вы насчет чего! — Базаров улыбнулся. — Нельзя запрещать главному инженеру завода поставить горком в известность, что он объявил выговор своему работнику.

— Вы обязаны интересоваться, справедлив ли выговор.

— Я интересовался.

— Звонили мне? Не помню!

— Дорогой Николай Иванович... — примирительно начал Базаров. — У меня не хватило бы времени проверять все выговоры, все мелочи, которые происходят на заводе.

— Это не мелочь! Это травля!

— Ну, ну... Спокойнее, Николай Иванович. Садитесь.

— Не хочу быть спокойным! Не имею права! Сейчас вызывает меня директор и сообщает, что он хочет расправиться с проектом Сагатовой. Это он тоже с вами согласовал?

— Первый раз слышу. — Базаров перестал улыбаться. — Расскажите подробнее.

— Главный инженер собирается сразу двух зайцев убить: избавиться и от Сагатовой и от ее проекта.

— Каким образом?

— Перевести ее из цеха.

— Я уж думал, уволить хочет с завода!

— Это хуже, чем увольнение!

— Николай Иванович, я ценю ваше отношение к делу, но горячиться нам не следует.

— Я волнуюсь потому, что вижу, как легко плетет свою паутину Мусин. Объявил выговор, снял, уволил...

— Но я же вам объяснил.

— Плохо объяснили. Ладно — я пришел бороться за Сагатову, а если б не пришел?

— На то вы и секретарь, чтоб прийти.

— Ну, а если бы?

— Плохим секретарем были бы. — Базаров закурил новую папиросу.

— Что вы думаете о предложении Сагатовой?— в упор спросил Серегин.

— Нельзя решать с маху, Николай Иванович,— медленно ответил Базаров.— Все зависит от фактов.

— Я не сидел бы у вас сегодня, если бы считал, что вы придерживаетесь этого золотого правила в отношении Мусина.

— Но я в равной степени должен и его защищать от несправедливых нападков.

— Не мы, а он занимает неправильную позицию.

— Где факты, Николай Иванович? Докажи вы мне сегодня, что проект Сагатовой не вызовет хаоса на заводе, я бы не стал слушать Мусина.

— Я верю Сагатовой!

— Факты пока что на стороне Мусина.

— Что же нам — отдавать ее ему на съедение?

— Мусин не волк. У вас есть факты, которые подтверждают его неправоту?

— Фактов нет.

Серегин встал.

— Прошу вас, товарищ Базаров, правильно понять цель моего прихода...

— А я понял,— ответил Базаров.— Вы приходили предупредить меня, чтоб я не поддерживал Мусина. Значит, будете бороться?

— Всеми возможными средствами,— твердо сказал Серегин.

— Не сомневаюсь.— Базаров тоже встал.— Вот за эту-то, Николай Иванович, принципиальность вас и выбрали секретарем парткома.

Когда Серегин вышел из горкома, выглянувшее из-за облаков солнце уже клонилось к горизонту. Серегин устал, но был доволен. Подобно скакуну, выигравшему состязание, он никак не мог утихомирить разбушевавшиеся в нем силы, и чтоб немного успокоиться, зашагал к берегу озера.

Какой здесь воздух! Бодрит и пьянит одновременно! Глубоко вдохнув, он зажмурил глаза, почувствовал прилив сил, и ему сделалось легко и радостно.

Ну что ж!.. Он сказал Базарову все как есть, и Базаров понял его.

Серегин был рад, что Каир сам затеял разговор о

проекте Дамеш, сам пошел на обострение обстановки. У Серегина руки были связаны этим техническим отделом. Но уж коли сам директор говорит, что это уловка, маневр... Смелый человек Каир! Не всякий сознался бы, что, не зная, как правильно решить вопрос, он попросту отложил его в долгий ящик. Борьба за проект Дамеш возобновится с новой силой. Во всяком случае, кончилось время мирных переговоров.

Серегин мысленно перебирал «за» и «против», которые повлияют на эту борьбу. В ней не должно быть нейтральных и равнодушных. Он отлично понимал, что в случае неудачи придется отвечать, что она была бы тяжелым ударом для всего завода... А Ораз? А его бригада? Все сплелось в один запутанный клубок, и Серегин не сомневался, что осуществление проекта Дамеш поможет распутать его. Выдержат ли борьбу люди? Не дрогнут ли они? Он вот был уверен, что знает Ораза, с его мягким характером, умного, скромного. А теперь с ним неладно... Вот так-то, товарищ секретарь. Впрочем, теперь Ораз говорит, что «дать рекорд нетрудно, трудно удержать его, сделать постоянным». Настаивает на пересмотре технологии плавки. Вот тут и поможет ему проект Дамеш, предусматривающий изменение режима печи. Одно к другому!

Подойдя к берегу озера, Серегин увидел человека, который медленно шел ему навстречу. Асхар Сагатов!

Асхар тоже узнал его. Они обменялись крепким рукопожатием, вместе поднялись на высокий берег.

— Как отдыхаете, Асхар Жунусович?..

— Соскучился по родным местам и людям. Смотрю на них и не насмотрюсь.

— Разве вы родились в Сарыарке?

— Любой уголок Казахстана — моя родина. Я не делю его на три жуза, как некоторые казахи.

— Это делает вам честь. Я русский, но спокойно не могу слышать о делении на роды. Злюсь. Ведь стоит последовать этому принципу, и мы докатимся до расовой теории.

— Согласен с вами,— сказал Асхар.

— ...Значит, родились в Алма-Ате?— говорит Серегин.

— А вы откуда?— Асхар поворачивается к Серегину.

— Я из-под Москвы. Но в тридцатых годах бывал в Алма-Ате. Город мне тогда очень понравился. Потому-

то и попросил направить меня после демобилизации в Казахстан.

— А на каком фронте воевали?

— В армии генерала Ватугина.

— А я в сорок третьем был ранен, уложили меня в госпиталь, и с этого начались все мои злоключения, вплоть до ареста...— Асхар вдруг замолчал.

Серегин понял, что этого рано поседевшего человека нужно оберегать от боли, от воспоминаний.

VII

«И горе имеет свой предел: рая душу, оно либо превращается в тяжелый недуг, либо, как обыкновенная рана, зарубцовывается и заживает». Эти слова древнего философа, прочитанные когда-то, вспомнились теперь Асхару. Видно, его рана еще не зарубцевалась. Он медленно шел, опустив голову. Появилось пропавшее было чувство щемящей тоски и безразличия к окружающему.

Когда Асхар подошел к дому, он увидел у подъезда грузовую машину. Из кабины выпрыгнула Дамеш. Слышался звонкий голос Лиды.

— Дядюшка! Я пианино купила!— крикнула Дамеш, указывая на большой ящик в кузове.

— Поздравляю!— Асхар поцеловал обнявшую его Дамеш.

— Из Ленинграда выписала. Давняя мечта!

Дамеш подбежала к шоферу.

— Что ж вы сидите? Вылезайте! Мы приехали. Как будем выгружать?

— Очень просто,— ответил за шофера Асхар.— Откроем борта машины, установим две доски и по ним спустим пианино.

Асхар снял свой клетчатый пиджак, аккуратно повесил его на ветку дерева и вместе с подошедшим шофером, откинув борта машины, хотел было приняться за пианино, но тут на шум вышел из дома Иван Иванович.

— Столько людей собралось — и не можете выгрузить одно несчастное пианино. Эх вы, силачи! А ну, давай... Слушай мою команду!

Дамеш и Лида заволновались и зашумели еще больше. Чтоб старый человек, с больной ногой, взялся за такой груз? Они не допустят!

— Не рановато ли, дед, ушел на пенсию?— с усмешкой спросил шофер.

Дамеш и Лида продолжали наперебой отговаривать старика, но он, не обращая на них внимания, подставил плечо под ящик с пианино.

— Помогайте!.. Я сегодня свою силу испытываю! Увижу, что не потерял ее, — проживу лет двадцать...

Асхар быстро просовывает толстые доски под ящик — одним концом они упираются в землю — и вместе со стариком и шофером осторожно спускает пианино. Дамеш и Лида тоже поддерживают ящик. Старик стоит довольный, счастливый, важным кивком головы отвечает на приветственные крики соседей и разглаживает пышные седые усы.

— Что ж... Годен еще к работе, выходит. А что? Возьму вот и вернусь в цех. Чем я хуже других?

Асхар не сводит глаз со старика. Вот они, люди старшего поколения, вынесшие на своих могучих плечах бремя забот, которые взвалила на них страна, тогда еще молодая и неустроенная. И они шли и несли эту ношу без жалоб, без отдыха сквозь грозы гражданской войны, сквозь дни и ночи боев за пятилетки, сквозь тяжкие испытания Отечественной войны. И сейчас, на верном пути к нашей полной победе, к коммунизму, могучее племя отцов не сдастся. А новые люди — каковы они? Вот Дамеш — приятная, милая, — но есть ли в ней сила и упорство отцов? Может ли она так же, как Иван Иванович, поспорить со временем? За годы, которые Асхар провел вдали от жизни, выросло новое поколение... Примут ли они эстафету отцов? Пронесут ли ее с тем же достоинством и бесстрашием?

Дамеш... Как хорошо играет она на пианино, играет светлого и могучего Грига. Он напоминает Асхару пору далекой юности. Иван Иванович слушает вместе с ним, а потом говорит:

— С малых лет люблю музыку. Хорошая песня помогает жить. Радость вместе с ней приходит. Большая радость! Когда я был мальчишкой, в моем родном городе жил старый мастер. Музыкальные инструменты делал. Балалайки, мандолины... А мы, ребятишки, частенько заходили к нему в мастерскую, помогали. Он обучал нас своему искусству, и мы постепенно сами стали делать балалайки и мандолины. А потом мы с моим другом решили сделать пианино. Целых полгода готовились, про-

поднять особую выучку у нашего мастера, а когда начали, я, обрубая сучья на дереве, покалечил палец на руке. Какой же мастер без пальца?.. Нет мастера. Так я и расстался с моей мечтой. Думал, не найду своего места в жизни, буду болтаться в ней без любви к делу, которое выберу. А что вышло? Сталеваром стал. Завод ни на что не променяю. И неизвестно, был бы я более полезен как музыкальный мастер. Выходит, Асхар Жунусович, мечта у человека не одна... Много их...

Асхар благодарен старику. Многим его мечтам не суждено было осуществиться... Вот сегодня одна из них опять растревожила сердце. Айша!

Асхар подошел к Дамеш, которая, кончив играть, тихо-тихо сидела, думая о своем.

— Дамешжан, а где работает Айша?

— Простите меня, милый дядя!— Дамеш улыбнулась.— Айша вчера просила передать вам привет. Совсем забыла! Она хочет встретиться с вами и поговорить. Но, видите ли, милый дядя... У нее муж очень ревнивый человек...

— Кто он?— жестко спросил Асхар.

— Он главный инженер нашего завода, Муслим Муслим,— с готовностью ответила Дамеш, не подозревая, какой эффект произведут ее слова.

Асхар испуганно попятился, наткнулся на этажерку, свалил ее. Опустился на стул.

— Что с вами? Дядя... дорогой!— Дамеш бросилась к Асхару.

Асхар молчал, но лицо у него было такое, что у Дамеш слезы навернулись на глаза.

— Муслим,— чуть слышно произнес Асхар.— Это Муслим оклеветал меня...

Дамеш побледнела. В комнате стало тихо. Слышно было только тяжелое дыхание Асхара и Дамеш. Так вот каков он, Муслим! Он, видно, способен на любую подлость. А может, Асхар ошибся? Разве есть неопровержимые факты? Дамеш осторожно спросила об этом, но Асхар повторял только: «Я знаю...»

Асхар не спал ночь.

Муслим... Теперь понятно, почему он оклеветал его. Из-за Айши! Ну, конечно, из-за нее... Ревность. Вот что толкнуло Муслима на подлость. Решил избавиться от соперника! А в те времена достаточно было простого наговора, и человек погибал...

Утром председатель совнархоза позвонил Каиру и сообщил, что завтра они летят в Москву на совещание председателей совнархозов и директоров заводов.

Каир давно не ездил в Москву и был доволен новостью, но вместе с тем его не устраивала отлучка именно сейчас, когда он твердо решил навести на заводе порядок и раз и навсегда закончить с проектом Дамеш.

Совещание в Москве обсудит вопросы автоматизации производства, вопросы эффективного использования техники. Вот там он, пожалуй, и выскажет свои соображения о проекте Дамеш и получит такую поддержку, что никто уж не сможет стать поперек дороги ему и Муслиму.

Каир вызвал Муслима и заместителя главного технолога и поручил им к вечеру подготовить и представить сведения о том, то сделано по замене старой техники новой. Сам он сел в машину и поехал на квартиру Дамеш. Со дня их последнего объяснения ему никак не удавалось встретиться с ней наедине. Каждый день намеревается он заехать в дом Ивана Ивановича, и, как назло, то у него совещание, то неотложное дело. Сейчас, когда он твердо решил выступить против ее проекта, ему хотелось повидать Дамеш, поговорить с ней. Как знать! Может быть, она окончательно отвернется от него, когда узнает о его новой, непримиримой позиции.

Ну что ж... Он не может рисковать заводом ради нее или, вернее, ради своей любви к ней. Он против проекта Дамеш — и все.

Когда он приехал к Дамеш и вошел в ее комнату, его охватили обычные при встречах с ней беспокойство и робость.

Дамеш, разложив на круглом столе лист ватмана, усердно чертила, но при виде Каира поспешно, как ему показалось, заслонила чертеж, а потом унесла его в другую комнату.

— Дамеш! Я завтра уезжаю в Москву.

— Что ж... Тебе можно позавидовать.

— У тебя есть поручения?

— Безусловно... И очень важные... Ты, конечно, пойдешь в Центральный Комитет партии?

— Как знать, — нерешительно протянул Каир, чувствуя, что Дамеш собирается разыграть его,

— Когда ты приедешь в ЦК, прошу, Каир, скажи там, что ты очень плохой директор и думаешь, что тебя надо скорее снять с должности!

Большие черные глаза девушки блеснули, алые губы улыбались, густые темные брови были похожи на крылья птицы. Каиру хотелось поцеловать ее.

Он молча взял ее за руку, но она отдернула ее.

— Пусти! Что тебе надо от меня? Я не уважаю людей, которые мешают правде.

— Мне надоели бесплодные споры, Дамеш,— сказал Каир.— Я решил поставить точку. Я пришел предупредить тебя.

— Очень любезно с твоей стороны,— отрезала Дамеш.

— Я не могу быть хорошим человеком для тебя и дурным для завода.

— Какая самоуверенность! Кто дал тебе право решать мою судьбу?

— Я хотел бы поговорить с тобой, Дамеш, о более приятных вещах.

— Так приятно я еще никогда не разговаривала.

— Я понимаю, ты сердита на мою мать...

— Пришел оскорбить меня?

— Что ты, что ты, Дамеш...— испугался Каир.— Я во все не считаю, что моя мать права...

— Она не оригинальна. Подражает своему же сыну. Всего-навсего.

— Дамеш...— Каир снова попытался взять ее руку.

— Не смей!— Дамеш вырвала руку.— Я не терплю двуличных людей. То улыбается и клянется в дружбе, то вместе со своим возлюбленным Муслимом старается превратить мой проект в грудку ненужных бумаг.

— Неужели ты не понимаешь, какой радостью было бы для меня угодить тебе?

— Тошно слушать сладенькие речи о чувствах, которых нет и не было. Мы говорим о нашем заводе, о его обязательствах перед страной, и каждый из нас должен выполнить свой долг.

— В том-то вся загвоздка, Дамеш!

— Ты трус и боишься риска. А кроме того, ты игрушка в руках Муслима!

— Дамеш!— Каир повысил голос.— Всему есть мера!

— По-моему, тоже.

— Да!— Каир едва сдерживал себя.— Я пойду в Москве в ЦК и скажу, что не дам твоему проекту хода. Пусть меня снимают!

Не прощаясь, он повернулся и вышел из комнаты.

IX

На заводе стало известно, что Каир и Муслим решили окончательно утопить проект. Дамеш почувствовала, что война разгорается.

Раньше Серегин и Муслим Мусин просто не любили друг друга и их враждебность ограничивалась недружелюбными взглядами. Но в последние дни они тоже вступили в открытую борьбу. Муслим преследовал Дамеш, придирался к ней, доводил до слез. Его внимание привлек всегда находившийся возле Дамеш Ораз. Зная об их сложных отношениях, Муслим не упускал возможности досадить Оразу на любых собраниях, совещаниях, летучках; он отмечал других бригадиров, другие бригады. Оразу, который и без Муслима знал слабости своей бригады и свои собственные, враждебные действия главного инженера, естественно, не нравились, но он поначалу не придавал им значения. Серегин, разгадавший цель главного инженера, защищал Дамеш и Оразу, старался помешать исполнению несправедливых приказов Муслима. Привыкший за долгие годы самолично верховодить на заводе, Муслим тоже не собирался отступать, злился на Серегина, обвинял партийное руководство в подмене руководства завода. Отъезд Каира в Москву Муслим считал своим козырем. Он был уверен, что директор сможет заручиться поддержкой Москвы, хотя бы потому, что в высоких инстанциях разговор поведет сам Каир. Там не будет Дамеш и Серегина. А уж Каир сумеет доказать свою правоту.

Муслим форсировал события — втайне от Серегина подготовлял приказ о снятии Дамеш с работы.

Когда страсти разгорелись, Ораз подлил масла в огонь, и пожар разбушевался вовсю.

Завком решал вопрос о том, какие бригады соревнуются за звание бригад коммунистического труда. Совершенно неожиданно выступил Ораз и во всеуслышание заявил, что его бригада не имеет права соревноваться за такое высокое звание, и он требует, чтоб ее вычеркнули из списка.

Заявление Ораза вызвало общее замешательство. Муслим Мусин был счастлив. Он воспользовался тем, что на заседании завкома не было Серегина, и, несмотря на позднее время, пошел к секретарю горкома Базарову.

— Беспрецедентный случай в истории нашей страны! — закричал он в кабинете Базарова. — Из ряда вон выходящий, позорный! Ораз Курышбаев выступает против участия в соревновании за звание бригады коммунистического труда! Политическая близорукость!.. Во всем виноват Серегин! Он не проводит воспитательной работы, а поддакивает Оразу! Вот и получается!..

Базаров на следующий день созвал бюро горкома. Муслим произнес громовую речь, взвалив всю ответственность на Серегина.

— Товарищи члены бюро! — взывал он. — Что ж это происходит? Может быть, все это в чужой стране? Или во сне? Дискредитировать то, что стало священной традицией советских людей?! Нельзя допустить!

— Ближе к делу, товарищ Мусин. — Базаров поморщился. — Нам известно значение движения бригад коммунистического труда.

— Я настаиваю! — не унимался разбушевавшийся Муслим.

Вслед за Муслимом выступили остальные члены бюро, спор разгорелся, а Муслим, теряя присутствие духа, вмешивался в выступления, поминутно бросал реплики, и Базаров вынужден был его осаживать:

— Товарищ Мусин, вы на заседании бюро горкома партии. Вас выслушали, дайте спокойно высказаться другим. Безусловно, секретарь парткома несет ответственность за то, что происходит у него на заводе, но надо разобратся, а не наклеивать ярлыки.

Члены бюро не собирались умалять значение происшедшего, но допустить произвол в отношении Серегина они тоже не хотели. Надо его самого выслушать. Пусть скажет.

— Я предлагаю начать с элементарного, — спокойно сказал Серегин. — Вызвать Ораза Курышбаева и спросить, почему он так поступил. Может быть, у него есть серьезные причины.

И хотя Муслим кричал, что важен сам факт, а не причины, его вызвавшие, Базаров прервал заседание бюро и послал машину за Оразом.

Когда Сраз приехал, Базаров попросил у него объяснений.

— Я отказался от участия в соревновании не потому, что не уважаю соревнование и почетное звание бригады коммунистического труда.— Ораз говорил спокойно.— Я считаю, что такого почетного и высокого звания мы пока заслужить не можем, а значит, не можем бороться за него. Это было бы обманом. Бригада, удостоенная такого высокого звания, должна быть примером для других, работать по-коммунистически. Ни про меня, ни про мою бригаду этого пока сказать нельзя.

— Возможно, ты считаешь себя недостойным и звания Героя, которое тебе присвоили?— выкрикнул Муслим.

— Тогда я был его достоин, а сейчас нет!..— ответил Ораз.

— Вот, слышите, Василий Федорович?— Муслим повернулся к Базарову.— Вот оно, воспитание Серегина!

— Успокойтесь, товарищ Муслим!— строго проговорил Базаров.

— По-моему, ничего плохого в словах Курышбаева нет! Наоборот!— не выдержал Серегин.— Он критически к себе относится. И потом...

— Он плохо относится к себе и к нам,— прервал его Муслим.— Наши люди должны быть борцами, а не самокритичными меланхоликами.

— Спокойно, спокойно, товарищи,— остановил их Базаров.— Товарищ Курышбаев, благодарю вас. Вы свободны.

— Одну минуту!— не унимался Муслим.— Для полноты картины мне нужно задать товарищу Курышбаеву вопрос.

— Пожалуйста.— Базаров опять поморщился.

— Вот вы, товарищ Курышбаев, хотите показать себя бюро с наилучшей стороны.— Муслим сидел на своем стуле вытянувшись и постукивал пальцем по столу.— Вы хотите показать себя сознательным, честным. А ведь человек не может быть хорошим и плохим одновременно. Не объясните ли вы бюро, как обстоят ваши семейные дела?

Ораз опустил голову. Он молчал, хмуро разглядывая носки своих ботинок.

— Не хотите отвечать?— прикрикнул Муслим.— Тогда я за вас скажу. В семье у вас неладит. Просто плохо

у вас в семье! Вы на грани развода с женой. А она прекрасная женщина. Образцовая жена. Ребенок у вас тоже прекрасный. Но вы-то, вы-то! Сознательный человек! Тот самый, который отказывается от борьбы за почетное звание из-за своей необыкновенной честности. Хорош честный! Но вам ничего не страшно. Вы под крылышком у секретаря парткома Серегина. Он прикроет ваши грехи, прикроет и вдобавок обернет их себе на пользу...

На следующий день осунувшийся, побледневший Серегин вызвал в партком Ораза с его бригадой и Дамеш. Дамеш, узнав о событиях прошедшего дня, сама хотела зайти к Серегину, и его вызов был более чем кстати.

Ораз, Геннадий, Иннокентий и Куан — все четверо, подобно набедакурившим детям, сидели рядышком на диване, хмурые, злые.

— Ну, Курышбаев, давай разбираться, — начал Серегин после того, как в кабинет вошла Дамеш и села возле Ораза.

— Я же все вчера рассказал! — ответил Ораз, недовольный тем, что его поступок вызвал столько шума. — Ребята не возражают, хотя каждый мечтает о почетном звании. Самый справедливый судья человека — его совесть!.. Что скажет совесть, то и надо делать. Так мне кажется... Я получил звание Героя, но сейчас жалею об этом. Я не оправдал этого звания. Мне и моей бригаде надо еще хорошо потрудиться. А звание от нас никуда не убежит!.. Неделю тому назад, в конце прошлого месяца, бригада кое-как дотянула план до ста процентов. Кто тогда кричал: «Не давать бригаде Курышбаева премии, пусть получит ее Тухфатуллин!»? Разве не главный инженер кричал? А через неделю мы можем бороться за звание? Можно, по-вашему, такое почетное соревнование пустить на самотек?

— Не все это понимают, — сказал Серегин. — К сожалению, приходится доказывать. — Он помолчал. — Есть одна истина, товарищи: хотя вы и снизили производительность труда, но ваши силы и возможности известны. Вы все учитесь заочно, ведете общественную работу. А кто университет культуры посещает?

— Все! — ответил Кеша.

— Но вот моральная сторона. Она тоже важна. Не

так ли?— Серегин спросил это, глядя Оразу в глаза.— Как скажешь, Ораз?

— Испорядок,— тихо ответил Ораз.

— То-то и оно!— Серегин вздохнул.

— Ну, повздорили немножко с женой,— Гена провел рукой по своим кудрявым волосам.— С кем не случается?

— Мы не повздорили,— глухо оказал Ораз.— Вроде разойтись придется...

— Обрадуется Мусин, когда узнает.— Серегин иска-са наблюдал за побледневшей Дамеш.

— Он не виноват,— тихо, но твердо сказала Дамеш.— Это я...

— Ты тут при чем?!— возмутился Ораз.

Серегин был рад словам Дамеш. Он ждал их, потому что знал ее честность.

— Из-за меня у него неприятности с женой.— Голос Дамеш зазвенел.— Ажар ревнует его ко мне, но между нами ничего нет.

— Вы слышали ее слова?— обратился к присутствующим Серегин.— Я думаю, они оправдывают Ораза и не доставят удовольствия тем, кто хочет его опозорить.

Вернувшись домой, Дамеш переделалась и начала готовить обед. Живи она одна, обедала бы в столовой, но теперь дома Асхар. Он уютно устроился у окна и читает книгу, то и дело поверх очков поглядывая на Дамеш.

— Все ли у тебя в порядке, сестренка? Что-то ты поздно вернулась сегодня.

— Извини, дядюшка.— Дамеш улыбнулась ему.— Сейчас будет готов обед.

— Я поздно завтракал, сестренка. Не беспокойся.

Дамеш открыла холодильник, достала лежавшую там курицу, ловко разрешила ее на куски и сложила в кастрюлю...

— Дамешжан, ты не встречала больше Айшу?— спросил Асхар, закрыв книгу и положив ее на колени.

— Я хочу тебя предупредить, что ее муж... Ты ведь лучше меня знаешь Муслима. Он совершает сейчас еще одно преступление и действует такими же грязными методами.

— Он хочет и тебе причинить зло?— В голосе Асхара

послышались металлические потки.— Я не из тех, кто любит сводить счеты, но он не посмеет тронуть тебя... Или Айшу... Я с ним разделаюсь...

— Нельзя устраивать самосуд,— возразила Дамеш, все еще хлопоча у плиты.— Надо вывести его на чистую воду.

Асхар потребовал, чтоб Дамеш рассказала ему без утайки все, что произошло. Потом сказал:

— Сейчас не те времена, когда можно было безнаказанно очернить и погубить человека.

— Он хитер и изворотлив.

— А ты идешь прямым путем.

— Разве не случалось, что зло побеждало?

— Будем надеяться на лучшее,— встав и подойдя к ней, сказал Асхар.— Всегда надо надеяться на лучшее.

Они сели обедать, оживленно переговариваясь, но Асхара не покидали мрачные мысли: этот человек стоит на пути его Дамеш. А Айша? Каково ей с таким мужем? Вряд ли она счастлива...

Х

Дамеш берет бутылку с парзаном и, налив стакан, залпом выпивает. Приятно! Сталевары любят утолять жажду этой водой.

Рудоразгрузочная машина длинным передком, похожим на хобот слона, зацепляет нагруженную рудой мульдду, напоминающую корыто, неторопливо вносит ее в пень и там опрокидывает. Дым, пламя и сажа клубами вылетают из дверцы печи наружу. Гена и Куан исчезают в дыму, и виден только отдающий распоряжения Ораз.

По старой привычке Дамеш направилась в сталеразливочный пролет, проверила чистоту и готовность канавы, заглянула в изложницы и подошла к ковшу. Здесь она встретила Кумысбека, беседующего со сталеразливщиками.

— Готов ковш, Кумысбек?

— Готов!— Кумысбек обнажил в улыбке зубы.

Дамеш доверяет Кумысбеку, одному из старых мастеров, он разливает сталь много лет. Кумысбек веселый, добродушный и жизнерадостный, постоянно смешит всех, говоря, например, о том, что, когда в ковш по желобу течет сталь, ему слышится бульканье воды, падающей с высокого утеса. Когда же сталь сливают из ковша в

изложницу, он, не обращая внимания на брызжущие во все стороны золотые искры, ходит как ни в чем не бывало, хотя знает прекрасно, что, упади на него одна капля стали, сгорит одежда и обожжет тело.

Дамеш чувствует себя спокойно, когда сталь в ковше Кумысбека.

Большой кран, медленно двигаясь над головой, поднес к изложницам ковш величиной с юрту.

— Сколько минут сталь в ковше?— Дамеш посмотрела на часы.

— Минут пятнадцать,— ответил мастер.

— Открывай стопор,— приказала Дамеш.

Мастер бросился выполнять приказание, но стопор не открывался. Дамеш, волнуясь, смотрела на ручные часы и отсчитывала минуты. Кумысбек сказал, что прошло пятнадцать минут. А сейчас уже семнадцать... Восемнадцать... Двадцать!.. Передержать сталь — это значит дать кислороду соединиться с углеродом, дать стали закипеть. Дамеш подбежала к стопору.

— Что случилось?

Она поспешно нагнулась и попробовала сама открыть стопор, но он не поддавался...

Отверстие на дне ковша закрывают стаканом из шмота, который не плавится даже при температуре расплавленной стали. Этот стакан затыкается длинным металлическим стопором. Если потянуть за прикрепленную к концу стопора цепь, он отойдет, и сталь начнет выливаться из ковша. А сейчас пробка стопора как будто прилипла к стакану, и отверстие не открывается... Неисправность? Что же делать? Придется прожечь стакан кислородом!.. Дамеш опять посмотрела на часы. Прошло ровно двадцать пять минут. Опоздали... Сталь закипит — и тогда...

— Прожгите стакан кислородом. Быстро!

Отдав распоряжение, Дамеш опять подбежала к ковшу. Она смотрит то на часы, то на ковш. И прислушивается. Вместе со сталью в ней как будто закипает кровь, а на лбу выступают капельки пота. Что это? Бульканье... Неужели сталь закипела? Надо уберечь людей от ожогов. Сейчас посыплется брызги расплавленной стали.

— Назад!— закричала она иступленно.— Не подходите! Назад!

Бледный как полотно Кумысбек расталкивал обсту-

пивших ковш сталеваров, отгоняя их. Гена грозил ковшу кулаками и кричал: «Есть труд пропал! За всю смену!»

Поднявшись в ковше подобно вскипевшему молоку, сталь переливалась через край, и золотые брызги разлетались во все стороны. Цех наполнился густым сизым дымом, острый запах гарн был нестерпим... Подойти близко к ковшу было невозможно, оставалось ждать, когда сталь остынет, а затем разрезать ее и очистить цех. На это требуется целый день.

Вот то, чего всегда так боялась Дамеш. Авария.

У Дамеш закружилась голова, и она упала бы, не подосней в этот момент Ораз. Он подхватил ее на руки...

* * *

В тот вечер Муслим, хмурый и злой, сидел в своем кабинете и никак не мог успокоиться. Он ждал Айшу... Пытался читать газеты, взялся было за книгу, но бросил... Спать тоже не мог.

Муслим заметил, что в последние дни Айша под различными предлогами отлучается из дома. То она на собраниях, то на срочном консилиуме. Она перестала быть откровенной с ним. Прежде она часто шутила; ее звонкий смех нравился Муслиму. Теперь все переменялось. Стоит Муслиму сказать что-нибудь, она не соглашается, стоит приказать — отвечает резко.

Конечно, это влияние Асхара, будь он проклят! Может быть, он рассказал ей правду? Хотя, если бы рассказал, Айша не смолчала бы. Айша не из тех женщин, которые держат в тайне то, что им известно. И потом, откуда Асхару знать правду? Никто теперь не знает... И не узнает...

А вдруг они договорились не подавать виду и в один прекрасный день уехать вместе? Грянь такая беда, Муслиму трудно придется... Он любит Айшу... Что поделаешь... Он привык к Айше...

А дочь? Он останется один. Он не хочет... Он не позволит! Почему он должен страдать?! Его будут называть брошенным мужем! Какой позор! Муслиму хотелось закричать.

Спокойно, Муслим Сапарович... Ты становишься чересчур мнительным!.. Собака лает — ветер носит. Слова какого-то Асхара, возвратившегося из лагеря, ничего не стоят! Будет благоразумнее взять себя в руки и самому распустить об Асхаре компрометирующие слухи. Слу-

хи могут быть разными. На выбор. Важно, чтобы достигли цели.

А вот и Айша! Веселая, розовощекая.

Он посмотрел на часы. Двенадцать! Ему почудилось, что кто-то стукнул его по затылку, в глазах потемнело, сердце защемило. Она вернулась от Асхара! Наверное, на ее губах следы его поцелуев...

Муслим вскочил, как разъяренный зверь, но тут же упал обратно в кресло. Как будто кто-то сжал его сердце.

— Айша! — Он кричал, не помня себя. — Айша!

Айша бросилась к нему. Она хотела пощупать пульс, но Муслим отдернул руку.

— Пусти... Ты убьешь меня!

— Ты принимал лекарство, которое я дала? Это очень хорошее лекарство... Оно должно помочь. Где оно? — Айша сидела возле него, красивая, привлекательная. Он не отдаст ее никому. Он будет бороться... Любими средствами...

Когда Айша дала мужу лекарство и ушла в спальню, Муслим начал думать, как он расправится с проклятым Асхаром и его «сестричкой» Дамеш... Они узнают, кто такой Муслим! Один раз уже узнали, но не поумнели...

Зазвонил телефон, Муслим схватил трубку.

— Да, слушаю.

— Мусеке?! Вы? — услышал он испуганный голос Кумысбека.

— В чем дело?

— Мусеке, авария в цехе!.. Сталь вытекла! — кричал Кумысбек.

Муслим продолжал держать трубку в руке даже тогда, когда в ней послышались тонкие частые гудки.

Авария! Удача, Мусеке! Авария, которая даст ему в руки оружие... Законное... Никто не придерется... Никто не опровергнет... Никто не побежит жаловаться к Серегину и в горком партии... Серегин! И с тобой мы сведем теперь счеты! А наш талантливый и непревзойденный инженер-новатор забудет о своих претензиях на место Муслима... Хе-хе... Веселая ночь! Радостная! Нет, не простой сон он видел вчера. Будто он стоит на вершине Рудной горы. А далеко внизу на берегу озера, по колено в воде, — Дамеш. В руках у нее ружье. Она целится в него, стреляет, но попасть не может... Он смеется, а она стреляет... Тогда он сам поднимает ружье. Выстрел. И Дамеш падает... Вода смыкается над ее головой... Мус-

лим кричит: «Дамеш! Дамеш!» Никто не откликается. Муслим хохочет.

— Что? Победила? Мсня победила? Муслима?

Да! Таких приятных снов он не видел давно... Пожалуй, с той поры, как унек в тюрьму Асхара...

Едва дождавшись утра, он вызвал машину, поехал на завод, чувствовал себя легко, свободно. От вчерашней боли в сердце не осталось и следа.

Перед его кабинетом стояла группа людей; все оживленно переговаривались. Среди них были начальник цеха Епифанов, мастер Иващенко, а вот мастера Кумысбека Даирова и инженера Сагатовой не было видно.

— По-твоему выходит, что сменный инженер не отсечает?— говорил Епифанов.— Кто же тогда?

— Отвечать придется.— Иващенко вздохнул.

Муслим подошел к ним, бросил короткое «здравствуйте» и подумал о том, что сейчас он верховный суд. Пусть трепещут враги! Опытный боец не упустит момента, как упустила его эта слюнявая Дамеш!

— Идемте ко мне,— сказал Муслим, обращаясь ко всем стоявшим.

Он прошел за стол, уселся поудобнее и сменил очки на пенсне, которое любил больше.

— Рассказывайте, что за авария.

Епифанов подробно рассказал о случившемся.

— Кто был начальником смены?— делая вид, будто не знает этого, спросил Муслим.

— Инженер Сагатова.

— Где она находилась в момент аварии?

— Возле ковша. Но кто может помочь беде, когда сталь кипит и брызгает во все стороны?— сказал Епифанов.

— Как думаешь, товарищ Епифанов,— вкрадчиво проговорил Муслим,— кто должен держать ответ?

— Сменный инженер.— Епифанов вздохнул.— Кто же другой... Почему не проверила механизмы стопора? Она обязана знать, что иногда конец стопора не попадает в стакан и его нужно осыпать размельченным графитом. Но наши ребята утверждают, что подобные аварии частенько случаются и, если за это наказывать, не останется ни одного сменного инженера...

— Плохих не останется!— Муслим рассек рукой воздух.— Где твой рапорт?

— Еще не написал!— ответил Епифанов.

— Сейчас же навиши и подай мне.— Муслим встал.— Идемте.

Он повел всех в цех.

Там только что разрезали остывшую сталь и очистили пролет. Главный инженер несколько раз обошел ковш, потрогал механизмы стовора, заглянул в стакан, проверил его, потом молча вышел из цеха, вернулся в свой кабинет и вызвал к себе секретаршу Лиду.

— Пиши приказ,— сказал он ей.

Лида принесла машинку и устроилась за маленьким столиком возле письменного стола Муслима.

Расхаживая по кабинету, Муслим резким голосом диктовал:

«По вине начальника смены на заводе произошла авария, равной которой не было за последние десять лет. Завод понес серьезный ущерб. Начальник смены Сагатова Дамеш Сахиевна из-за отсутствия надлежащего опыта не смогла обеспечить необходимые условия для нормального производственного процесса.

Учитывая, что ранее инженер Сагатова имела выговор, но не извлекла из него необходимых выводов, освободить ее от должности начальника смены...»

— Муслим Сапарович!— вскрикнула Лида.— Как же так?.. Ведь она всегда была неплохим работником... На хорошем счету была...

— А выговор?— Муслим засмеялся.— Откуда же выговор? У хороших работников их не бывает...

После того, как Лида напечатала приказ, Муслим неторопливо, с удовольствием подписал его и передал в цех на обсуждение, а второй экземпляр велел вывесить на доске у самого входа на завод.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Асхару было приятно стоять перед зданием городского комитета партии и думать, что сейчас он войдет туда. С детских лет в нем было воспитано безграничное уважение к партийным организациям. Они самые справедливые, мудрые и неподкупные, говорил ему брат.

Асхар пронес эти чувства, это доверие через самые тяжелые испытания. Иногда он спрашивал себя: «Какая же справедливость в том, что меня, невинного человека, лишили свободы?» Но тут же восставала его совесть. Он понимал, что стал жертвой произвола группы людей. Партия всегда оставалась чистой, великой, неподкупной и справедливой. Эти убеждения Асхара предохранили его сердце от ожесточения, давали ему силу, надежду — и вот теперь надежды сбылись, оправдались.

Асхар вошел в приемную первого секретаря горкома партии.

— Можно на прием?— спросил он.

— Идет совещание...— ответила ему секретарь, пожилая приветливая женщина.— Вы договорились с товарищем Базаровым?

— Нет,— ответил Асхар.— Я врач... реабилитированный... Моя фамилия Сагатов... Асхар.

— Присядьте, пожалуйста,— сказала секретарь.

— Может, лучше завтра прийти?

— Как пожелаете, товарищ Сагатов. Я вас запишу на завтра,— секретарша любезно кивнула.— На девять утра.

Выходя из приемной, Асхар столкнулся с каким-то человеком. Отступив назад, тот сказал: «Простите!» — и Асхар сразу узнал Муслима. Узкие глаза за стеклами очков, острый нос... Асхар похолодел. Как быть? Ударить его?.. Взбредут же в голову дикие, нелепые мысли! Ничего он не станет делать... не тронет гадину... Пачкаться не будет... Унижать себя тем, что сводить с ним счеты? Много чести! Интересно, узнал его Муслим или не узнал? С тех пор прошли годы... Судя по всему, узнал. Съездившись, шмыгнул мимо Асхара в дверь...

День выдался жаркий. Люди стараются идти в тени, а ее мало на тротуарах, хотя всюду густые деревья. Асхар не помнит этих деревьев. Их не было раньше. Они высажены только теперь и кажутся прекрасными символами его новой жизни. Вокруг люди. Улыбающиеся, довольные...

Вот она, жизнь! Разве горе и страдания могут заглушить ее красивую, яркую песню? Песню жизни! Будь благословен твой день, жизнь! Будь долговечен он, чтоб никогда мрак несчастий и несправедливостей не омрачил его.

Асхар идет по улицам, мимо скверов, в которых растут удивительно красивые цветы...

Сегодня он должен был встретиться с Айшой, но она позвонила, что занята в больнице. Они встретятся завтра...

Вернувшись домой, Асхар переоделся и, усевшись поудобнее, взял в руки домбру, подаренную ему Курышбаем. Напевные звуки народной песни наполнили комнату, успокаивая его и возвышая. Песни народные! Сколько в них тепла и родного простора! А сколько песен он пел, вспоминая Айшу!..

Асхар играл на домбре и не подозревал, что рядом в комнате лежит и плачет Дамеш.

Она лежит уже давно. Она потеряла ощущение времени. Она может лежать так день, два, год. Никогда еще она не была такой несчастной.

Вчерашняя авария на заводе сковала волю, лишила сил. Надо успокоиться и подумать обо всем по порядку... Когда ее направляли на завод, друзья из Алма-Аты надеялись, что Дамеш быстро освоится с производством. После приезда ей предлагали поработать в заводоуправлении, чтобы лучше ознакомиться с заводом. Она настоятельно отказалась. Она настояла, чтобы ее направили

в цех. Она должна работать на производстве. Кроме того, ей нужно было собрать материал для диссертации.

Когда Дамеш в первый раз пришла в цех, ее встретили с почетом. Дамеш знала, что в цехе гордились ею, женщиной-сталеваром, а один старый рабочий сказал ей: «В хорошее время ты родилась. Для высокой цели!» И вот она, молодой инженер, с ее высокими целями и мечтами, не успев проработать года, допустила аварию в цехе, не смогла ничем помочь бригаде Ораза, которая до ее прихода успешно боролась за звание бригады коммунистического труда.

А ее проект? Недруги сегодня ликуют. Правда, Геннадий, Куан и Кеша, не говоря уже об Оразе, проявили к ней трогательное внимание, старались ее утешить. Это было приятно, потому что всегда приятно чувствовать, что у тебя есть друзья, но одно из сочувствие, к сожалению, не поможет делу. А тут еще Акмарал с Ажар распространяют по городу слухи, будто она, Дамеш, виновата в том, что ей пришлось уйти из дома Ораза. Недавно Курьшбай пригласил их с Асхаром к себе в гости. Ажар с откровенной ненавистью смотрела на нее, ни разу не обратилась к ней, не заговорила...

Дамеш вышла из своей комнаты лишь к часу дня. Асхар весело приветствовал ее. Сели обедать.

Не желая огорчать Асхара, девушка не сказала ему о случившемся.

Но Асхар был достаточно проникательным человеком. Сперва он молча наблюдал за ней, а потом спросил напрямик:

— Ты бледна сегодня. Не заболела ли?

— Поздно вернулась с завода, — ответила она быстро.

— Иван Иванович сказал, что ночью на заводе была авария.

— Да... Авария была...

— Иван Иванович утверждает, что причина — устаревшее оборудование.

А что?! Вот она, настоящая правда! Дамеш перестала есть. Нужно осуществить ее проект! Авария — лишнее доказательство. Есть русская поговорка: «Нет худа без добра»... Неважно, что ее снимут с работы. Не в ней дело. Она согласна на все, лишь бы это помогло ее проекту и заводу.

— Надеюсь, авария не имеет отношения к тебе,— сказал Асхар.

Дамеш поднялась, быстро начала одеваться. Ее смена приступает к работе в четыре часа.

Асхар проводил Дамеш до двери.

— Милая сестренка!— Он обнял ее за плечи.— Будь осмотрительна и добросовестна в работе. Наш род всегда отличался трудолюбием...

Дамеш, кивнув головой, поспешно вышла. Она не помнит, как шла по улице. Кто-то из прохожих задел ее, но она не обратила внимания, инстинктивно шла привычной дорогой. Подойдя к заводу, Дамеш увидела двух инженеров — Базарханова и Касымова, отчаянно спорящих у заводских ворот. Маленький Касымов, приподнявшись на цыпочки, чтоб сравниться с длинным Базархановым, кричал высоким фальцетом. «О чем они могут спорить? Один из них неплохой певец, другой танцор; весельчаки, неразлучные друзья и никогда не спорят»,— подумала девушка.

Базарханов первым заметил Дамеш. Он так ткнул рукой Касымова, что тот вскрикнул от неожиданности, но оглянулся. Оба, подобно расшалившимся и застигнутым врасплох детям, смутились и начали пятиться.

— Здравствуйте.— Дамеш протянула им руки.

Касымов торопливо схватил ее руку и начал трясти изо всех сил.

— Дамеш? Откуда?

— Из дому,— удивленно ответила Дамеш.— Иду на смену.

Касымов и Базарханов переглянулись.

— Ты... разве не слышала?— пролепетал Касымов.

— О чем?

— Ну, это... На твое место назначили Базарханова.

— Базарханова? На мое место? Когда?

— Сегодня... Разве тебе не сообщили?

— Нет...— прошептала Дамеш, чувствуя, что у нее немеют ноги и руки...

— Безобразне!— возмутился Базарханов.— А я думал, вопрос согласован с тобой.

— Думал!— передразнил его Касымов.— О чем я тебе твержу, глупая твоя голова! Зачем согласился? Не имел морального права!

— Я-то при чем?— огрызнулся Базарханов.— Спрашивали меня?..

Они сіюва заспорили. А Дамеш точно во сне вошла в приемную заводоуправления. Лида, увидев Дамеш, охнула, вскочила, всплеснула руками, потом торопливо достала какую-то бумажку из папки и протянула ей.

— Уже знаешь, Дамеш? Слышала?

— Да.

— Извини... Я не смогла послать тебе приказ... Хотела... но потом подумала, будет лучше, если позже узнаешь... Он здесь, Муслим... Я тебя пушу к нему...

Дамеш не слушала ее. Она читала приказ главного инженера, и каждое его слово больно отдавалось в сердце... Это конец... Она ждала его, но не думала, что будет так страшно.

Дамеш вошла в кабинет главного инженера. Муслим беседовал с начальником мартеновского цеха.

— А, Дамеш! Я ждал твоего прихода, — с деланным сочувствием начал Муслим. — Присаживайся. Что поделаешь, Дамеш... — Он развел руками. — Жизнь состоит не из одних радостей. К сожалению. Мы постараемся смягчить твою участь. Я понимаю. Если будет хоть какая-нибудь возможность, мы устроим тебя... Заведующей техкабинетом, например. Чем не место? Тихое, спокойное, никаких аварий.

— Я пришла не за подачкой! — гневно сказала Дамеш. — Я пришла спорить.

— О боже! Мы-то в чем перед тобой провинились? — Муслим страдальчески закатил глаза. — Голубушка! Зачем ссориться? Тебе тяжело работать в цехе! Не можешь.

— Я буду работать там, где мне следует работать.

— Женская логика, — Муслим пожал плечами и повернулся к начальнику цеха. — Вы не находите?

Начальник цеха, высокий и строгий, молчал.

— Нам надо обо всем поговорить, — сказала Дамеш.

— Не о чем, дорогая Дамеш, — ответил Муслим. — Если не хочешь в техкабинет, у меня больше нет работы для тебя.

— Не вы приняли меня на эту работу... И не вам распорядиться моей судьбой. — Дамеш старалась говорить спокойно, но невольно повышала голос. — Вам не удастся расправиться со мной.

— Если не согласишься с приказом, можешь пожаловать-

ся на меня,— сказал Муслим и, давая понять, что разговор окончен, повернулся к ней спиной.

— Авария имеет причину... серьезную,— продолжала Дамеш более спокойным голосом.— Она доказала, что оборудование в цехе устарело, что мой проект механизации необходим...

— Вон куда загнула!— Муслим криво усмехнулся.— Хочешь извлечь капитал даже из ошибок?

— Мои ошибки никуда не денутся. Я за них отвечу. Но за ваши ответите вы!

— У меня ошибки?— Муслим сделал круглые глаза.— Очень интересно...

— Посмотрим, чья возьмет!— сказала Дамеш. И вышла из кабинета.

Перед тем как поговорить с Серегиним, она прошла в цех. Ей хотелось повидать Ораза и всю его бригаду, повидать людей, которые — она знала — верят в нее.

— Дамеш! Не огорчайся! Мы за тебя!— крикнул Гена, как только увидел ее

— Мы с тобой, Дамеш!— подхватил Куан.

— Ничего они с тобой не сделают,— поддакнул Кеша.

Ораз ничего не сказал, но его молчание было красноречивее слов.

— Многие за тебя, Дамеш!— говорил ей Кеша.— Выше голову! Ты не одна!

Дамеш сразу вздохнула свободнее, появилась уверенность. Она зашагала энергичнее, а к Серегину вошла даже не постучавшись.

— Разрешите, Николай Иванович?..

Серегин улыбнулся.

— После того как ты вошла, просить разрешения бессмысленно.

— У вас, я вижу, отличное настроение,— напустилась на него Дамеш.

— Не сказал бы.— Серегин помрачнел.— Авария в цехе...

— Она доказывает необходимость самого решительного и срочного осуществления моего проекта,— перебила Дамеш.

— Вон как?— Серегин внимательно посмотрел на нее.— А я думал, ты пришла просить у меня заступничества.

— Я не о себе беспокоюсь.

— Молодец!— сказал Серегин.

— И ваших похвал мне не надо! На заводе создается нетерпимое положение.... Меня могут уволить, перевести куда угодно, даже на другую планету переселить, но от правды вы никуда не уйдете!

— Я всегда за правду.

— Я говорю о том, что есть. Муслим сейчас объясняет аварию моим личным просчетом.

— Пожалуй, ты права.— Серегин задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Надо обратиться в обком, в ЦК.

Серегин встал. Прошелся несколько раз по кабинету, остановился у окна, выглянул зачем-то из него, потом подошел к Дамеш и положил руку ей на плечо:

— Согласен.

— Вот и хорошо,— Дамеш облегченно вздохнула.

— А насчет тебя как решим?..

— Неважно...

— Очень важно сохранить тебя на заводе, Дамеш,— прервал ее Серегин.— Формально Муслим прав, и его приказ справедлив.

— Я знаю,— опустил голову, прошептала Дамеш.

— Когда я попробовал с ним объясниться, он произнес большую речь: мол, тебя встретили в свое время с распростертыми объятиями, окружили вниманием, создали необходимые условия для плодотворной работы. Захотела поработать в цехе — предоставили и эту возможность. Захотела поехать на курорт — пожалуйста. Муслиму палец в рот не клади. Он все о тебе знает. И не отстывает от фактов при этом. Точно бусы наизывает. У него все продумано, проверено, взвешено. Он, например, утверждает, что ты выдвинула проект, дабы прикрыть свои грехи, неумение работать, руководить.

— Муслим умеет плести цитриги, но в конце концов сам в них запутается.

— Согласен,— вставил Серегин.— Но вот как тебя сохранить на заводе?

— В кабинет техучебы я не пойду,— твердо сказала Дамеш.— Я виновата. Не спорю. И отвечаю за смену. Но признать себя неспособной работать на этом посту... Никогда!

— Подумаем.

— У меня все.

— Ступай домой,— Серегин ласково посмотрел на

нее.— Есть хорошая пословица: «Утро вечера мудренее».. И не переживай так...

Дамеш идет по улицам города. По щекам ее капля за каплей катятся слезы. Она то краснеет, то делается блее бумаги. Она задыхается от волнения. Как она глупо попала в сети Муслима! Точно паук, поджидал удобного случая и дождался! Надо было предвидеть...

Косы ее расплелись, и пряди волос рассыпались по плечам. Тесемка, которой она их завязала, куда-то исчезла — обронила, наверно. Она идет с распушенными, как у русалки, волосами. Русалка! Смешно! Вообще пора укоротить волосы. Они не модные! Вспомнила! Тесемка развязалась, когда она сдернула с головы платок. Неловко вышло. Может быть, ей подойдет высокая прическа? Надо будет попробовать...

Дамеш поймала себя на том, что думает только о прическе. Это сейчас-то, когда столько неприятностей и забот.

Подойдя к огромному зданию универмага, Дамеш заметила женщину, похожую на Ажар. Ну да! Это она. С сумкой в руках выходит из магазина. Как будто кто-то шепнул ей, что Дамеш пойдет этой дорогой, и сейчас она поджидает соперницу. Земля слухом полнится, а неприятные новости распространяются быстро. Как говорит старик Курышбай, нехорошая весть имеет тысячу ног и в один миг разбегается в разные стороны. Ажар, наверное, слышала об аварии и об ее увольнении. Можно себе представить, как она злорадствует. По сияющему лицу видно. Дамеш думала, что Ажар зайдет в хлебный магазин, но та пошла дальше, оглядываясь на нее. Она наслаждалась видом поверженной Дамеш, униженной, оскорбленной Дамеш.

II

Недавно Иван Иванович прихворнул, и Асхар все свое искусство употребил на то, чтобы вылечить старика. Он врачевал его собственными, оригинальными методами, и теперь Иван Иванович чувствует себя бодро, будто помолодел, и всем рассказал о чудодейственном лечении Асхара. Слух о чудесном докторе быстро распространился среди жителей города, особенно среди стариков. Не проходит дня, чтобы к Асхару не приходили люди с просьбой: «Вылечи и омолоди, как Ивана Ивановича!»

Они и слушать не хотят объяснений Асхара, что у него нет никаких эликсиров молодости. Асхар обещает начать работу в лечебном учреждении. Но люди не успокаиваются. Они правы в конце концов. Он не должен отказывать им. Он должен начать работать как можно скорей. Именно затем ходил он сегодня в горком партии и пойдет туда завтра. Он хотел поделиться своими планами с секретарем горкома, попросить его поддержки. Возможно, система лечения, продуманная им в дни войны, даст свои результаты, и он сможет принести большую пользу людям.

Обо всем этом Асхар часто беседовал с Иваном Ивановичем, в его доброте, здравом отношении к жизни, к обязанностям людей черпая уверенность и силу.

От Ивана Ивановича, которому позвонила Лида, он узнал и об аварии в цехе. Но старик хоть обладал мужественным характером и настаивал на том, что правду надо говорить в лицо, как бы сурова она ни была, не решался сказать ему о приказе Муслима. Он вертел вокруг да около и обрадовался, когда увидел идущую к дому Дамеш.

— Вот и она!— Старик перегнулся через подоконник.— Сама расскажет.

— Почему она возвращается с работы? Может быть, забыла что-нибудь?— Асхар забеспокоился, встал с кресла-качалки и, перегнувшись через подоконник, следил за Дамеш, которая по мере приближения к дому шла все медленнее...

— Дамешжан, не больна ли ты?— с тревогой спросил ее Асхар.

Дамеш бросилась к нему на шею и расплакалась.

Асхар перепугался.

— Родная моя! Что случилось?

Иван Иванович взял Дамеш за руки, усадил в кресло, сам сел рядом.

— Отдохни, Дамеш, и успокойся! Давайте помолчим. Втроем.

Тихий летний вечер, гладь широкого озера, нежный, прохладный ветерок с гор создавали ощущение покоя и безмятежности... Тишина! Все трое сидели молча, и Дамеш постепенно успокаивалась, перестала плакать и задумчиво смотрела на озеро, на асфальтированное шоссе, на бесконечный поток автомашин. Она хотела что-то сказать, но Иван Иванович погрозил ей пальцем. Со сторо-

ны озера донеслась песня. Кто-то под гармонь пел «Подмосковные вечера». Временами песню заглушали веселые крики детей, игравших в большом сквере на площади. Так бы сидеть и сидеть...

Асхару почему-то вспомнилось, как Дамеш маленькой, четырехлетней девчушкой сидела у него на коленях.

Он подошел к ней.

— Спокойно расскажи, что случилось...

Дамеш, всхлипывая, начала говорить...

— Ах, негодяй! Шею сверну! — не выдержал Иван Иванович.

Асхар молчал. Странная судьба! С этим человеком у него связано все самое тяжелое в жизни. Этот человек отнял у него лучшие годы. Сейчас он калечит судьбу Дамеш. Судьбу Айши он уже искалечил. Надо бороться!

Асхар не стал утешать Дамеш, не стал негодовать на Муслима. Вместе с Иваном Ивановичем он постарался развлечь девушку, как обычно развлекают детей. Иван Иванович подробно рассказал, как он расправится с Муслимом, как схватит его за шиворот, понесет в таком положении на мост и, держа за перилами, над рекой, потребует, чтоб тот объяснил свои поступки. Иван Иванович живо изобразил состояние Муслима, его жалкие мольбы о пощаде, его клятвы, уверения в преданности и нижайшие просьбы не бросать его с моста, потому что он с детства не любит холодной воды. Дамеш, не выдержав, рассмеялась. А Асхар тут же начал объяснять ей, что потопить Муслима на самом деле невозможно, потому что таких негодяев вода не принимает.

Дамеш окончательно развеселилась, вспомнила вдобавок, как много людей на заводе сочувственно отнеслось к ней, и вскоре, сидя с Асхаром и Иваном Ивановичем за чаем, беззаботно беседовала с ними.

Поведение Муслима не только возмутило, но и удивило Асхара. Хвататься за старые методы отнюдь не прозорливость, а глупость! Или он не хочет понять, что на обложке книги, куда вписываются великие деяния наших отцов, наново золотыми буквами начертано имя Ленина и новые страницы начали повествовать о великих изменениях в жизни народа и партии. Нет, Муслим, ты смотришь назад, хочешь жить старыми законами, или, вернее, беззакониями, а теперь они ушли из жизни народа. Осторожно, Муслим! Тот, кто не хочет шагать в ногу с народом, окажется на отшибе, в стороне от пути.

Асхар вышел из дому и направился к Дворцу культуры, возле которого был телефон-автомат. Он решил позвонить Айше, но ему не хотелось делать это дома. Если суждено сбыться его счастью, об этом станет известно всем, если же нет, он не поставит Айшу в неудобное положение.

Позвонив в больницу, Асхар вызвал ее к телефону.

— Айша, это ты? Я хочу повидаться с тобой. Важное дело.

Айша согласилась, и Асхар, повесив телефонную трубку, посмотрел на часы. Еще час. Он решил пойти в парк.

Свернул на боковую пустынную аллею и медленно шел по ней. Имеет ли он право разрушать чужую семью?.. Но у него похитили невесту — и он хочет ее вернуть... А ее ребенок? Дочь Айши и Муслима... Чем виновата девочка? Что, если она будет несчастной из-за него, Асхара?

Больше десяти лет Айша живет с Муслимом. Может быть, уже привыкла к нему... Как поступить? Вот он свободен, он нашел свою Айшу, любимую, желанную... Отказаться от нее? Никогда!

Асхар не заметил, как подошел к больнице. Он посмотрел на часы. Ровно восемь.

Дверь больницы открылась, и на крыльце показалась Айша.

— Здравствуйте, Асхар.

— Айша...

Он пожал протянутую руку.

— Куда пойдём?— спросила она.

Асхар не думал об этом.

— Город твой... Решай сама. Я готов идти за тобой хоть на край света.

— Зачем так далеко...— Айша засмеялась.— Возьмем такси и поедем в «Восток». Это хороший ресторан... Проведем там часок, отдохнем...

Они зашагали рядом и вскоре вышли на центральную улицу. Оба говорили о малозначительных вещах, все время чувствуя, что разговор, ради которого они встретились, неизбежен.

— Нам надоедают письмами старики и старухи. Требуют врача Асхара Сагатова. Утверждают, что у вас имеется лекарство против старости.

— Эликсир молодости?

— Вот-вот... Выкладывайте, как вы его готовите.

— Чему не научитесь хаджи, ездивший в Мекку за чудесами...

На площади они нашли свободное такси. Айша молча смотрит на мелькающие мимо машины, дома, скверы, площади...

Идут люди... Может быть, среди них Муслим?.. Она откинулась на спинку сиденья...

Она понимает, что Асхару неудобно говорить в присутствии шофера, но ей хочется, чтоб он скорее сказал ей, почему он хотел увидеться с ней. Объяснение в любви? Он не скрывает, что по-прежнему любит ее. Это видно по всему, по каждому взгляду, по каждому его слову.

Он любит. А она? Будь он ей безразличен, она не стала бы встречаться с ним и уж наверняка не поехала бы в ресторан! Муслим узнает. Найдется услужливый подлец, который не преминет донести, что Айша на глазах у всего города разъезжала на такси с человеком по имени Асхар, а потом обедала с ним в ресторане «Восток»... Пусть знает! Она не аульная женщина, которая и любить не смела. И она не воровка, которая будет тайно встречаться с посторонним мужчиной...

Она виновата перед Асхаром. Она не дождалась его. Она вышла замуж за другого...

Асхар смотрит на нее, и ему вспоминается далекая, молодая Айша, Айша его юности. Она была лукавой пересмешницей и шалуньей. И ему кажется, что ничто не изменилось в ней с тех далеких времен. Она оставалась той же Айшой. Его Айшой.

Высунув голову из оконца, Асхар пристально оглядел разворачивающуюся перед ним стройку комбината.

— Самостоятельный город! Больше, чем Темиртау!

— Разве вам не приходилось бывать здесь?.. Это наша гордость! Не зря мы называем его Казахстанской Магниткой,— объясняла Айша.

Между городом и новостройкой есть небольшая возвышенность. Машина поднялась на нее и остановилась. Айша и Асхар вышли и, стоя на вершине холма, смотрели на ночную панораму Казахстанской Магнитки.

В безлунную темную ночь бархатное небо Сарыарки висит низко над головой, и кажется, что оно опускается все ниже и ниже, а кауперы, подобно анстам-великанам, вытянувшим вверх шеи, как бы подпирают небо, не давая ему упасть.

Строящийся в степи новый город уже сейчас не охватишь взглядом. Он теряется в туманной дали.

Четырех-пятиэтажные дома. Окна, подобные мерцающим звездам, длинными рядами вытянулись в степной глади.

— Правда, прекрасно?— спросила Айша.

— Устроюсь на работу только сюда,— с детским восхищением оглядывая город, заметил Асхар.

— Здесь есть новая больница.

Асхар нехотя сел в машину. Он готов был без конца любоваться новым городом. И все время, пока они ехали, заставлял Айшу рассказывать о том, как был построен город.

Машина остановилась перед рестораном. Он занимал первый этаж двухэтажного белого дома. Сквозь большие окна, сквозь ажурные занавеси видны были посетители, сидящие за столиками, официанты...

Сколько лет Асхар не заходил в ресторан! Сегодня он с Айшой... Как она красива! Особенно сейчас, когда поправляет волосы. Пышные, красивые волосы... Они входят в зал ресторана, и Асхару кажется, что он молод, что рядом с ним идет прежняя, молодая Айша...

Они сели за столик, стоявший в стороне, у окна. Отсюда им видны и весь зал и панорама города. Когда к ним подошел официант, Айша оживилась. Она любила заказывать блюда, тщательно изучив меню и важно советуясь с официантом. Она заказала и салат, и жареную индейку, и еще много различных блюд. Правда, неизвестно, кто будет их есть, но Айше всегда был важен процесс заказа, а не сама еда.

В ресторане стоит гул голосов — ровный, как жужжание мотора. Мягко играет джаз-оркестр. Асхар не спускает глаз с Айши.

— Приглашая меня, вы сказали, что у вас важное дело,— заметив его волнение, говорит Айша.

— Да... Дело важное.

— Интересно,— Айша отложила вилку.

— Айшажан!.. Разреши мне так называть тебя, хотя я, может быть, не должен... Твой милый образ, Айша, долго служил мне путеводной звездой. Память о тебе поддерживала меня в трудную минуту, дарила меня надеждой, придавала мне силы. Я не напрасно считаю тебя моим спасителем, Айшажан...

Асхар разволновался, заговорил торопливо, ему труд-

но было дышать. Он уже ничего не видел, кроме Айши, ничего не помнил, кроме желания вернуть ее себе во что бы то ни стало...

— Айшажан! Самое трудное в жизни — терпеть несправедливость. Я не о лагерной судьбе моей говорю. Тогда многие терпели... Трудно знать, что бесчестный человек благоденствует, а тот, кого он обокрал, несчастен. Я не виню тебя, Айша, что ты не ждала меня... В то время люди не знали, что творится беззаконие, и ты тоже, конечно, не знала. Я не осуждаю тебя...

Айша молчала, задумчиво глядя на Асхара.

— Ты была молода и слишком неопытна, Айша, чтоб различать добро и зло, чтобы понять...

— Я не бросала вслед тебе камни¹, я плохо понимала, что случилось, но я не бросала...

— Я говорю об одном бесчестном человеке.

— Кто он?

— Твой теперешний муж, Айша.

— Что он сделал?! — Айша судорожно вцепилась обеими руками в скатерть и, предчувствуя недоброе, наклонилась вперед. — Асхар Жунусович... Говорите...

— Я скажу... Скажу...

Асхар замолчал, но отступить было некуда.

— Он любил тебя тогда, твой теперешний муж, — глухо промолвил Асхар. — Но ты любила меня. И он решил избавиться от меня. И избавился...

— Пощадите... Не надо... Асхар Жунусович... Умоляю... Вы хотите сказать, что это он виноват в том... В аресте... Он?! Скажите...

Асхар молчал, и Айша, ослабев, выпустила из рук скатерть.

— Айшажан... Дорогая... Прости! Я не мог не сказать тебе.

— Я понимаю... — тихо ответила Айша, вставая. — Пойдемте.

Асхар рассчитался с официантом, вышел с Айшой из ресторана, и они тут же сели в стоявшее у входа такси.

Машина остановилась перед домом Айши. Она вышла и, повернувшись к Асхару, твердо сказала:

¹ Символическое пожелание человеку, чтобы он не вернулся обратно в родные места и нашел смерть на чужбине.

— Вы поступили правильно.

— Айша!— Асхар взял ее руку.

— Пустите,— спокойно сказала она.— Муж смотрит в окно...

Трудно передать чувства, которые охватили Муслима, когда он увидел выходящую из машины Айшу и Асхара, взявшего ее за руку.

Айша быстро поднялась на крыльцо, вошла в переднюю. Там ее ждал Муслим.

— Я все видел!— прошипел он злобно.— Гулять ночью с мужчинами? Отлично! Великолепно!

— Подлец!— сказала Айша.

— Что?! Кто?! Как ты смеешь?! Ложь! Он наговорил на меня! Он сам подлец! Сам!

— Пропусти,— холодно сказала Айша.

— Айша...— взмолился Муслим.

— Пропусти.— Оттолкнув его, она прошла в свою комнату и закрыла за собой дверь на ключ.

— Подлец!

Она бросилась ничком на кровать и залилась слезами...

Айша приехала в Темиртау после окончания медицинского института. Отец ее, профессор медицины, считал, что для дочери это будет неплохой практикой. Строительство большое, людей много. Айша была единственной дочерью, но ее не очень-то баловали. Она с ранних лет полюбила специальность отца и охотно поехала в Темиртау. Здесь она встретила Асхара. Он был капитаном медицинской службы, приехал с фронта после ранения. Они быстро сдружились. Им часто приходилось вместе оставаться дежурить в больнице, и, чтобы не заснуть, они как могли развлекали друг друга: Асхар на память читал стихи Гёте, Гейне, Пушкина, Блока, Абая... Они спорили о литературе, об искусстве, часто не соглашаясь друг с другом.

Айша писала в Алма-Ату матери:

«Я познакомилась с одним молодым человеком. Вежливым, образованным. Скоро приеду в отпуск вместе с ним, и вы убедитесь, как он хорош...»

Вот тогда-то и появился Муслим. Айша прекрасно помнит день, когда по телефону вызвали врача к главно-

му инженеру завода. Айша только что ездила по вызову, но главный врач сказал ей:

— Поезжайте, Айша. Пока будем ждать дежурного врача, время потеряем.

Айша поехала. Осмотрев Муслима, она хотела отвезти его в больницу, но он не согласился. Пришлось лечить на дому. Айша приходила к Муслиму каждый день. Вот тогда-то она и приглянулась ему. Он подумал, что такая красивая, скромная девушка вполне могла бы стать хорошей женой.

Как только Муслим выздоровел и вышел на работу, он дал Айше квартиру в заводском доме и обеспечил ее топливом, что было нелегко по тому времени. Познакомился он и с Асхаром. Они начали бывать всюду втроем и в свободное время устраивали маленькие, но веселые вечеринки в четырехкомнатной квартире главного инженера. Мусеке без конца жаловался Айше на неудобства холостяцкой жизни, объяснял, что такая жизнь не по нему. Он скрыл, что был однажды женат и развёлся. Айша узнала об этом значительно позже. С Асхаром Муслим вел себя как ближайший друг. Клялся в любви и преданности...

Когда Асхара арестовали, Айша не находила себе места. А Муслим уверял ее, что Асхар изменщик Родины.

Не могла же она предположить тогда, что творятся беззакония, что Асхар не виновен, подобно многим другим.

Муслим показался ей спасителем в ее страданиях... Два года ждала она Асхара... Два бесконечно долгих года!.. Все это время Муслим неотлучно был возле нее со своим неизменным вниманием, заботливостью, со своими уверениями, что Асхар не вернется, что он недостойн ее, что он преступник...

III

В соседней комнате не находил себе места Муслим. Он ложился, вставал, снова ложился. Колело сердце. Не заболеть бы окончательно. За несколько дней — третий приступ. Стоит немного погорячиться, расстроиться — начинает болеть сердце, и он не в состоянии двинуться...

Муслим распахнул окно и выглянул на улицу. Город спит. На улице ни души. Вон луна — корявое лицо — выскочила из-за тучи и, глядя на Муслима, как будто подмигивает ему: «Не поддавайся! Держись!»

О, Муслим не из тех, кто поддается невзгодам. «Убью Асхара». Муслим сжал кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не броситься в комнату Айши.

Как быть? Откуда приехал Асхар? Кто проверял его документы? Реабилитирован ли он? Надо узнать. Быть может, здесь-то и найдет Муслим нужную лазейку!

А если поехать в Караганду и обстоятельно рассказать в Комитете госбезопасности, что человек, вернувшись обратно в жизнь, разрушает его семью?

Или нет. До моей семьи им дела нет. А вот сказать, что Асхар ведет антисоветскую пропаганду... Муслим, потирая руки, подошел к окну и долго стоял возле него. Луна спряталась за тучу и больше не подмигивала. На улице темно. Поздней ночью по темным улицам не всякий пойдет. Его может подстеречь бандит, нанести удар пожом и затем удрать, остаться безнаказанным. На Казахской Магнитке работают тысячи людей. Среди них наверняка найдутся пьяницы, головорезы, готовые за приличное вознаграждение совершить небольшое нападение на случайного прохожего, которым может оказаться Асхар... Пожалуй, это вернее и спокойнее, чем ездить в Комитет госбезопасности. Времена другие, и его самого могут хорошенько встряхнуть.

Вернуть бы события пятьдесят первого года. Заявить, что Асхар — врач-отравитель, враг народа!.. Только бы его и видели...

К утру Муслим забылся тревожным, тяжелым сном. Ему почему-то снились пустыня, колючие кустарники, сквозь которые он продирался, а они царапали его...

Он проснулся часов в девять утра. Трещала голова. Под глазами синяки. Где сестра? Почему она не разбудила его? Когда нужно, ее не найдешь, а не нужно — торчит перед носом.

— Жайбала! — крикнул Муслим.

Со стороны кухни послышались шаги, и вошла Жайбала.

— Проснулся? — она улыбнулась.

Да! Жайбала единственный человек в доме, который жалеет его.

— Сейчас приготовлю завтрак, — говорит она. — Вкусный. Твои любимые кушанья.

— Жайбала!.. — Муслим никогда не баловал ее вниманием. — Какой бес тебя понутал, что ты не разбудила меня вовремя?

— Я спрашивала Айшу, — Жайбала растерянно замигала. — Она сказала, что тебя не следует будить.

— Она, значит? — У Муслима задрожали губы. — Айша не захотела, чтоб я встал... У нее, наверное, были причины? Как ты думаешь, Жайбала?

— Она хочет тебе добра, — удивленно ответила сестра.

— Ты уверена?

— Не понимаю, Мусеке.

— Где Айша?

— Ушла на работу.

Муслим с трудом поднялся. До чего же грузное у него тело. Слишком располнел. Нельзя так!

— Ну, ладно. Готовь чай, Жайбала!

Взяв телефонную трубку, он набрал номер горкома партии. Долго говорил с помощником Базарова и, чтобы задобрить его, уверял, будто весь городской актив восхищен его, помощника, деловитостью. Кто еще способен проворачивать кучу дел и разговаривать сразу по двум телефонам? Волшебник! Неслыханная работоспособность!

От помощника Муслим узнал кое-какие интересующие его новости и, в частности, реакцию в горкоме на его приказ о снятии Дамш.

Базаров ничего не говорил по этому поводу, и помощник не смог утешить Муслима.

Через час Муслим вызвал машину и поехал на завод.

Войдя в кабинет, он послал Лиду за Серегиным. Он любил хотя бы таким образом унижить его. Но тот каждый раз спокойно являлся на зов и ничуть не обижался на Муслима. Вот и на этот раз, приволакивая ногу, он вошел в кабинет и спокойно сказал:

— Здравствуйте, Муслим Сапарович.

— Приветствую наше партийное руководство, — Муслим прищурился. — Необходимо посоветоваться. Как вам известно, инженер Сагатова снята с работы и направлена в кабинет техучебы...

— Мы обсуждали с Сагатовой этот вопрос, — буркнул Серегин.

— Тем лучше, — Муслим исподволь наблюдал за Серегиным. — Надеюсь, вы ее уговорили?

— Да. — Серегин улыбнулся, с интересом рассматривая стоящую перед ним на столе массивную пепельницу

с фигурой льва.— Я ее уговорил, чтобы она не шла на эту работу.

— Вот как?— Муслим выпрямился.

Серегин быстро поднял голову и резко спросил:

— Вас это не устраивает?

— Я от вас другого и не ожидал,— процедил сквозь зубы Муслим.— Кстати, вопрос о Курышбаеве до сих пор не рассматривался... Брак тоже не веселое дело. Разобрали бы обоих на партбюро.

— Разберем. И разберемся.

— Давно пора, секретарь,— в голосе Муслима послышались строгие нотки.— А то ты кулаками после драки машешь.

— Вы так думаете?

— Вообще, чем раньше завод освободится от Сагатовой и Курышбаева, тем лучше.

Серегин подошел к нему вплотную. Лицо у него было такое, что Муслиму стало не по себе. Он испуганно прижался к спинке кресла и подумал, что этот сумасшедший, чего доброго, может ударить его.

Серегин молча отошел к окну, распахнул его и шумно вдохнул воздух. Некоторое время в кабинете было тихо, а затем Муслим испуганно и нерешительно спросил у Серегина:

— Хочешь курить?

Серегин повернулся к нему, подошел, взял папиросу и, не закуривая, начал мять ее.

Зажженная спичка, услужливо поднесенная Муслимом, сгорела, обожгла ему пальцы, а Серегин все мял папиросу и, видно, не собирался закуривать.

— Почему вы преследуете Сагатову?— спросил он.

— Преследуют те, кто получает от этого выгоду, а не те, кто выгоды не получает. Поскольку, товарищ секретарь парткома, мы затеяли столь неприятный разговор, считаю долгом сказать, что и вы в равной степени отвечаете за проступки Сагатовой и Курышбаева.

— И меня заодно хочешь убрать? Понятно! Теперь слушай: Сагатова подала проект, который принесет производству большие выгоды. Ты провалил его или, во всяком случае, хочешь провалить.

— Плохой проект вообще не может принести выгоды,— закуривая папиросу, протянул Муслим.

— Доказал ты, что он плох? Нет! А сейчас придрался

к аварии, в которой Сагатова действительно виновата, и хочешь разделаться с ней?!

— Вот и отлично. Сам признался, что она виновата. Значит, заслуживает наказания.

— Наказание наказанию рознь.

— За аварию отвечают по всей строгости!

— Я знаю, почему ты преследуешь ее...

— Ну? Почему?— Муслим со страхом подумал, что Серегин узнал о его отношениях с Асхаром.

— Боишься ее,— Серегин швырнул измятую вконец папироску.— Боишься, что займет твое место!

— Ха-ха-ха!— Муслим расхохотался, и, хотя Серегин угадал одну из главных причин его вражды к Дамеш, он почувствовал облегченно.— Я боюсь пигалицу, которая не умеет работать?!

— Дамеш Сагатову и Ораза Курышбаева мы тебе на съедение не отдадим!

— На съедение? Фу, какое нехорошее слово!— Муслим побагровел и встал со стула.— Похоже, Николай Иванович, что ты путаешь меня с каким-то хищным зверем.

— Я называю вещи своими именами,— спокойно ответил Серегин.— И никогда не отказываюсь от того, что сказал.

— Факты!— закричал Муслим.— Где факты? Давай факты?

— Если бы ты заботился об интересах государства, то проявил бы максимальную терпимость к женщине-инженеру, казашке. Помог бы ей. А ты заботишься только о себе...

— Я не...

Серегин повернулся и, не слушая Муслима, вышел.

Муслим опустил в кресло и обхватил голову руками. Серегина тоже необходимо убрать... И как можно скорее... Жаль, что нет Каира... Вот ширма, за которую удобно прятаться и вершить дела, оставаясь в тени. Приказ, например, подписал бы не он, а Каир... Подписал бы? Нансе бы удар Дамеш, которую он любит, но которая забавляется с ним игрой, очень похожей на «кошки-мышки»?

Что же предпринять в отношении Серегина? Если он явится к Базарову и будет чернить Муслима... Ну и нусть! Уж в этом-то деле Серегин вряд ли его обговит. Да и не пойдет он к Базарову...

Надо все-таки забросить словечко о Серегине и его подозрительной заинтересованности в Дамеш! Это сразу насторожит Базарова. А потом съездить в Караганду и там тоже предпринять кое-что... Тем более что Серегин не одинок. И у этой Дамеш есть поддержка на заводе. Бригада Ораза... Да и другие... Это надо учесть!

Муслим вызвал Лиду и сказал ей, что уезжает по срочному делу,

Базаров собрался пойти обедать, когда к нему ворвался Муслим и умоляюще спросил:

— Василий Федорович! Минутку. Не сердитесь, я по срочному делу... Еду в Караганду. Слышали об аварии на заводе?

— Слышал.

— Я снял Сагатову. Она виновна во всем и должна отвечать. Как вы считаете?

— Раз вы там сами решили, очевидно, правильно... Только вот директора следовало подождать.

— Завод не выполнил плана. Как можно ждать директора? У нее уже был выговор... Она не пользуется авторитетом среди рабочих. Бригада Курышбаева тоже работает из рук вон плохо и дает брак. Положенне тяжелое. Серегин не помогает. Занимается чепухой... Борется с ветряными мельницами. Осенью получу отпуск и уеду отсюда. Опереться не на кого, Василий Федорович!

— Разбирали дело бригады Курышбаева?

— Сегодня как раз я говорил об этом Серегину, но он уперся, обругал меня и ушел.

— За что обругал?

— Серегин упорно поддержививает Сагатову. Я не хочу сказать ничего дурного... Не люблю сплетен...

— Завтра я сам приеду к вам на завод!— сказал Базаров.

— Милости просим.

— До завтра.

Перед отъездом в Караганду Муслим решил зайти к Акмарал. Не сегодня-завтра из Москвы должен был прилететь Каир, и Муслим боялся, как бы он, узнав об увольнении Дамеш, не поднял скандала. Надо заблаговременно заботиться обо всем,

Акмарал повела Муслима в комнату Каира: там потолок и стены были только что отремонтированы, расписаны замысловатыми узорами, а пол поверх краски покрыт лаком и блестел, как зеркало.

— Откуда явился,— спрашивала Акмарал.— Как перелетная птица — покажешься, а потом исчезнешь до следующего года.

— Я всегда возле вас,— с улыбкой говорил Муслим.

Акмарал достала из кармана посеребренную шакшу — круглый, плоский, сделанный из полированного рога коробок для табака, взяла щепотку, понюхала, потом спросила:

— Есть что-нибудь от Каира?

— За этим я к вам и приехал, женгей.

— Дней пять тому назад он позвонил из Москвы и сказал, что останется на важное совещание.

— Должен был состояться пленум ЦК.

— Что за шум ты поднял с этой Дамеш?

— Приятный шум, женгей.

— Подождал бы Каира. Кто директор? Он или ты?

Муслим заметил насмешку в глазах Акмарал и вздохнул.

— Женгей беспокоится за свою будущую любимую невестку?

— Он директор или ты?— повторила Акмарал.

— Женгей решила поиграть со мной в прятки!— Муслим засмеялся.

— Уайбай!¹ Пропадни ты пропадом!.. За что Дамеш уволена с работы?

— За хорошие поступки не увольняют.

— Сюда приходил старик Курышбай и грозился обшипать тебя, как курицу, если ты попадешься ему в руки. С Дамеш ты поступил неосторожно.— Акмарал кивком показала на стол Каира.— Мой сын не спустит тебе этого.

Муслим повернулся к столу и увидел на нем фотографию Дамеш в маленькой изящной рамке.

— А вам известно, женгей, что означают слова «интересы государства»?— бесстрастно спросил он.

— Важная штука?— улыбаясь, осведомилась Акмарал.

— Более важная, чем настроение директора, который

¹ У а и б а и — насмешливое восклицание.

не хочет увольнять свою возлюбленную. Надеюсь, дорогая Акмарал, Каир будет доволен. Моими руками свершилось правосудие, и ему не придется изменять долгу перед любимой девушкой.

— Думаешь, он будет доволен?

— По городу ходят слухи, дорогая Акмарал, что Ораз из-за этой девушки тоже...

— О чем только не говорят, Мусеке! — Акмарал опять понюхала щепотку табаку. — Язык, он ведь без костей...

— Толкуют, что Ораз уже развелся с Ажар...

— Нельзя повторять глупости... Пока я жива, этого не будет. А если случится нечто подобное, то добьюсь, чтоб Ораза вместе с его почтенным отцом Курышбаем сослали на тескентау¹...

— Женгей-ау, не сердись. За что купил, за то продаю.

— Довольно, — внезапно став серьезной, сухо сказала Акмарал. — Подурачились — и хватит.

— Давно бы так, — согласился Муслим.

— Пока эта девка живет в нашем городе, никому не будет покоя.

— Вы угадываете мои мысли, женгей.

— Хорошо, что ты убрал ее с завода, но завод не город, Мусеке.

— Поглядим, что дальше будет, — уклончиво ответил Муслим. — Когда жизнь становится невмоготу, люди стараются уехать.

— Бедная Дамеш... — Акмарал снова понюхала щепотку табаку.

Муслим вышел от Акмарал в отличном настроении и, сев в машину, помчался в Караганду. Его союзница начеку. Это хорошо! Надо еще подготовить руководителей совнархоза. Он, Муслим, сделает все необходимое.

IV

У Ораза плохое настроение. Все тело ноет, будто он таскал мешки с песком. На охоту бы сегодня... Чудесная погода: прохладно, небо в белых облаках. Только на горизонте виднеется бахрома туч. Дождь в Караганде. В такую погоду под горой Кызылтау пасутся архары. Сидеть бы сейчас в засаде возле большого камня.

¹ Тескентау — народное выражение: «Гора, откуда никто не возвращается».

Ажар, разозлившись, спрятала ключ от машины... Думает, что он уедет на прогулку с Дамеш... Ревнует... Извела себя и его. У Геннадия попросить мотоцикл, что ли?

Ораз стоит у края обрыва. Поверхность озера вся дрожит, вся в морщинах, в мелких, пенящихся волнах. Когда по ущелью между горами Темиртау и Жаур проносится буйный северный ветер, озеро яростно плюется пеной и вздымает могучие волны. Буйное озеро.

На сердце у Ораза тревога.

Дамеш... Его мечта.

Он вспоминает, как давным-давно, еще школьниками, они на лодке переправились однажды на другую сторону озера. Там, в горах Темиртау, растут фиалки, там много ягод...

Вот они идут вместе... Совсем дети... Ораз несет корзину вишен, и все лицо у него измазано вишневым соком. Дамеш смеется. И Ораз смеется...

Кругленький, величиной с пуговицу фиолетовый айгул — лунный цветок трепещет возле большого замшелого камня.

— Дамеш! Айгул!

— Как хорошо! — Дамеш вслескивает руками.

Он не решается сорвать цветок, она кружит около. Но Ораз джигит. Он срывает айгул и подносит его девочке.

Как он мог упустить ее и жениться на Ажар?!

Когда Дамеш переехала из Алма-Аты в Темиртау, и Ораз увидел ее после долгой разлуки, он понял, что любит ее. С тех пор он не находит покоя.

Но теперь не время заниматься сердечными делами. Сейчас тяжкая пора для него и для Дамеш. Кто бы мог подумать, что Муслим посмеет уволить Дамеш с работы. Ей плохо, и Ораз не должен оставлять ее в одиночестве. Должен защитить ее. Добиться справедливого решения дела...

Но когда он хотел поговорить в обкоме и потребовать, чтобы прислали комиссию, Дамеш воспротивилась и не позволила действовать самостоятельно...

Наступили сумерки. Накнуив черный халат, приближалась ночь. Ораз огородами подошел к дому Ивана Ивановича. Подкрался к окну и заглянул в него. За круглым столом сидит Курьшбай и гудит своим густым басом, обращаясь к стоящей рядом Дамеш:

— Уеду на родину. Не останусь тут! Что за жизнь!

Поедем со мной, Дамеш. Найдется для тебя работа в Джетысу... Вчера написал письмо старшему сыну, чтобы он приехал и забрал нас к себе...

— Успокойтесь, ата,— уговаривает его Дамеш.

— Не успокоюсь!

— Не торонитесь, ата!— убеждает Дамеш.— Вы же сами говорили прежде: всему приходит конец! Всем несчастьям и бедам!

— Тебя выгнали,— не унимается старик.— Ораз на заводе отстает... Где же честь нашей семьи?..

Ораз обогнул дом и через огород вышел обратно к озеру.

Посреди озера ослепительно сияют огни землечерпалки. Издали она похожа на корабль, стоящий на рейде. Возле нее плывет лодка. В лодке две девушки. Гребут и поют.

Ораз сидит на берегу, съезжившись, обхватив руками колени и упираясь в них подбородком. Вдруг вода в озере окрашивается в кроваво-красный цвет. Ораз удивленно взглядывается. Что за чудо? Небо загорелось, что ли?

Да это же пламя вырывается из мартеновской печи! «Мой цех... Плавит сталь...»— думает Ораз, и ему становится тоскливо.

Какое мощное пламя! Восемь часов держат его в тесной печи, не давая выхода, а потом оно неудержимо устремляется в небо. Им сейчас управляют люди из бригады Тухфатуллина. Его соперника. Наверняка Тухфатуллин покручивает свои щеголеватые усики...

Они добились звания бригады коммунистического труда. Но Ораз не завидует Тухфатуллину. Пускай будет хоть трижды героем и заслужит всенародную славу. Раз он приносит пользу, слава ему положена. Ораз грустит о другом. Тухфатуллин — укор его совести, живой укор. Он добился того, чего не смог сделать Ораз, он сплотил свою бригаду в одно целое, он повел ее на штурм...

Ораз вскакивает и снова через огород идет к дому Дамеш.

Он решительно входит в комнату, где Дамеш сидела с Курышбаем. Старика нет. Дамеш одна, за пианино. Играет что-то веселое. Увидев Ораза, она испуганно встает.

— Зачем ты?.. Ночью?!

Дамеш заметно похудела.

Протянула свои длинные пальцы. Какне они нежные,

тонкие... Не поверишь, что это рука инженера, работающего у мартеновской печи.

Ораз молчит, и Дамеш начинает разговор:

— Ко мне заходил ата. Только что... Вызвал твоего брата, хочет уехать.

— Я знаю,— говорит Ораз.— Подслушал у окна...

— Зачем ты пришел? Вдруг узнает Ажар!.. Ей будет неприятно...

— Все равно.

— Не понимаю...

— Я ее не люблю.

— Ораз, опомнись!.. Она твоя жена... Долг твой...!

Я женился на ней со зла,

— Замолчи!

— На тебя разозлился.

— Ораз! Не надо!

— Я люблю тебя.

— Перестань!..

— Не перестану.

— Ораз...

— Я, я Ораз... Я не сошел с ума. Я в здравом рассудке и в твердой памяти.

— Не хочу слушать.

— Заставлю.

— Попробуй.

— Дамеш... Без тебя нет жизни...

— Я не слышу.

— Слышишь!

— Нет!

— Люблю...

— У тебя сын, Ораз.

— Тебе кажется... Ты неразумен... Невозможно все это... Надо беречь семью, уважать меня и твоего отца. Нельзя обижать близких, позорить их. Особенно сейчас, когда Муслим следит за каждым нашим шагом... И потом, Ораз... Я всегда любила тебя как друга.

До этого разговора Ораз еще надеялся. Теперь надежды не стало. Он молча встал и вышел из комнаты.

— Ораз!— крикнула Дамеш.— Подожди...

— До свидания!— не оборачиваясь, бросил он.

— Ораз!

Он не ответил. Все кончено.... Ждать больше нечего...

Всю ночь плутал Ораз по городу. Дважды подходил

к своему дому и видел в спальне свет. Ажар ждет! Он поворачивал обратно....

Рано утром Ораз зашел к Геннадью, взял у него мотоцикл, ружье и поехал охотиться к Кызылтау.

Он уже был там однажды вместе с Кумысбеком. Тогда их застала в горах осенняя непогода, и они ни с чем вернулись домой. Сегодня он наверстает упущенное.

Мотоцикл мчится вперед. Ораз вспоминает: Кумысбек говорил, что на южном склоне много архаров, лисец, зайцев... После полудня архары группами пасутся в горах. Убить двух-трех, взвалить на мотоцикл... А потом что? Неважно. Надо отвлечься! Он не хочет больше думать о Дамеш... Слишком больно... Стоит вспомнить — и темнеет в глазах, не видно дороги...

Он едва успел повернуть руль. Мотоцикл чуть не сорвался с крутого обрыва...

На лицо капнула дождевая капля. Ораз посмотрел вверх. Тучи затянули Баянаульские горы. Ветер дует со стороны Кызылтау и относит их в сторону. Дождя, наверно, не будет.

Из синего тумана выглянула вершина Кызылтау. Дорога, извиваясь, поднимается все выше и выше. Ораз не отрывает глаз от южного склона, куда вскоре должны выйти архары. Показалось солнце. Блестит листва на деревьях. Дамеш... Дорога сворачивает в сторону.

Дамеш! Потеряна... Навсегда... Он снова теряет управление, мотоцикл соскальзывает с края дороги и катится вниз...

...Ораз открыл глаза и увидел, что лежит в колючих зарослях, возле разбитого мотоцикла. Он попробовал встать, но не смог — будто ему переломили спину. На лице кровь. Вокруг тишина. Щебечут птицы. Что же делать? Еще раз попытаться встать — или поползти наверх? А наверху что? Кто? В этих местах редко ездят.

Ораз прислушивается. Не слышно ничего, кроме пения птиц и непонятных лесных звуков. Неужели ему суждено ждать, пока его не заклюют птицы или не растерзают звери!.. Сердце тревожно забилось... Трудно дышать... Пересохло в горле, мучительно хочется пить. Он протерпит день, а потом умрет от жажды. Глупо.

Надо кричать. И он кричит. Ему трудно. Больно. Но он кричит... Потом замолкает.

Если ему суждено погибнуть в овраге так нелепо и глупо, его последние думы будут о родном заводе, о лю-

дях, которые труднились вместе с ним. «Джигит был», — скажут одни после его смерти. «Жил неладно и умер неладно», — скажут другие. Как же он жил? Сделал ли он все, что положено сделать?

Ничего не успел... Снять с себя обвинение в том, что отстал со своей бригадой. Снова выдвинуться. Доказать...

А Дамеш? Любимая... Муслим будет доволен! Рад...

Что ж? Так вот добровольно уступить и погибнуть? Без борьбы?

Ораз прислушивается. Сверху, с крутой скалы, доносится тоненький писк кобчика. Неистово вторит ему какая-то другая птица. Быть может, защищая свою жизнь или жизнь своих птенцов, она кого-то царапает, отгоняет когтями, борется... Вот бы попался один из архаров, дал бы ухватиться за хвост, помчал бы наверх...

Тьфу, бред, что ли, начался? Всякая чепуха лезет в голову. Какие там архары... Ораз с трудом перевернулся и, опираясь на локти, попробовал подняться. Дикая боль!

— Ничего... Немного... Совсем... — Он поднимает голову. Сесть не может. Пробует двинуть ногой, но от боли чуть не лишается чувств...

Он снова пробует ползти на локтях... Нужно усилие... Еще... Еще... Он ползет... Медленно, но ползет. Он будет ползти... Сколько сил хватит... Каждый метр кажется огромным расстоянием. На него уходит уйма времени, но иного выхода нет...

Он так в три дня не доберется до дороги... Пусть не доберется. Но он не будет лежать и ждать смерти.

Где-то там, на берегу зеркального Самаркандского озера, есть красивейший из земных городов — Темиртау. В этом городе на самой широкой и самой нарядной улице стоит его дом. Там живет его семья... Там его старый отец Курышбай, его четырехлетний сын Болат, его жена Ажар... Как они дороги ему... Он часто был несправедлив к ним...

Надо ползти... Один сантиметр, два, три... Больше он не может. В глазах потемнело, закружилась голова, он больно ударился о твердую землю.

Но вскоре он снова открыл глаза. Как бы пробудившись от глубокого сна, не сразу понял, где находится, что с ним. Овраг... Чертов овраг!.. Могила... Нет! Он не сдастся!

Немного прояснилась черная тьма, отступила. И вместе с сознанием вернулась память. Он снова ползет...

Солнце катится к краю оврага, выглядывает в последний раз. «До свидания, Оразжан, до завтра».

Есть ли у него спички в кармане? Ораз холодеет от волнения. Тут наверняка волки, а от волков спасет только огонь. Пока не сгустились окончательно сумерки, собрать бы щепок, веток для костра... Место голое, но сбоку виден кустик таволги. Добраться бы до него.

Волки... Говорят, они за много километров чувствуют запах человека и быстро его находят... Добраться бы до таволги, развести костер...

Он снова ползет, оставляя за собой кровавый след. Одежда его изорвана в клочья.

Что за шорох? Он не ошибся. Еще шорох... Ораз замер, прислушиваясь. Затаил дыхание. Волки? Надо добраться до кустика. Собрал все силы, он ползет — один сантиметр, другой, третий... Кровавый след окрасил щебенку...

Он не хочет умирать. Он не хочет оставлять сиротой маленького Болата... И Ажар... не хочет делать вдовой... Они будут безутешны... всю жизнь... Он знает... Дамеш не любит его... Ей не будет так трудно... А они... Его родные, близкие...

В лесной чаще опять зашуршало. Волки! Ораз дрожащей рукой начал искать в карманах спички. В левом кармане спичек нет, может быть, в правом?.. А вдруг совсем нет?

Говорят, когда смотришь волку прямо в глаза, он не смеет прыгнуть. Но невозможно смотреть в глаза всем волкам сразу...

Он нашел спички. Вот они! Но их надо зажечь. Как? Пальцы онемели, не гнутся.

Огромным усилием воли Ораз заставил пальцы повиноваться. Зажег спичку и бросил ее на кустик таволги. Вспыхнул, затрещал веселым огнем кустик... Ораз потерял сознание.

Геннадий внезапно проснулся. Вчера Ораз уехал на охоту на его мотоцикле и до сих пор не вернулся. Мотоцикл старый, быть может, что-то случилось?

Геннадий встал и закурил папиросу. Потом попробовал снова заснуть, но не смог, Непокойно на сердце. Снова встал, закурил.

Оразу он обязан жизнью. В прошлом году в выходной день он ловил рыбу на озере. Не обращая внимания на ветер, увлекшись, далеко отплыл, а затем, убрав весла, закинул удочку. Через некоторое время ему показалось, что удочку дернуло; он попробовал поднять ее, но крючок что-то держало. Удача! Не иначе! Или сом размером с быка, или громадная щука!

В пылу восторга Геннадий позабыл, что в этом озере сомы вовсе не водятся. Изю всех сил дернул удочку, она неожиданно взметнулась над головой, и он, потеряв равновесие, упал, перевернув лодку.

Несколько раз Геннадий пытался выплыть на поверхность, но каждый раз ударялся головой об лодку, накрывшую его. Геннадия охватил животный страх. Вместо того чтоб уплыть из-под лодки, он беспомощно барахтался под ней.

В этот момент чья-то сильная рука вытащила его из воды. Это был Ораз. Увидев перевернутую лодку друга, Ораз прямо в одежде бросился с берега в воду...

Геннадий уважает Ораза. Он верит в него так же, как верит в Дамеш. Ораз никогда не ругает рабочих, не кричит на них. Он уважает людей, и люди отвечают ему тем же.

Иван Иванович много рассказывал ребятам о прошлом: он говорил, что прежде мастера мартеновской печи вздохнуть не давали подручным, гоняли их целый день без передышки. Сейчас все по-другому...

К чему он вспоминает это? Можно подумать, что надгробную речь произносит над Оразом...

В чем дело? Уехал человек на охоту — и точка. Задержался на охоте... Ничего особенного... Спать... спать!.. Вот он докурит папироску и заснет.

Он действительно заснул, но сон его был беспокойным. Он видел Ораза: тот смотрел на него грустными глазами и молчал. Геннадий кричал ему, а он все молчал.

Геннадий снова проснулся в тревоге. Наступило утро. Он встал, умылся и, не будя Машу, вышел на улицу. Одинокие прохожие торопливо шагают по улице. Бородатый дворник метет площадь. Время от времени проезжают машины. Но город еще спит, подернутый утренней дымкой...

Геннадий постучался к старику Курьшбаю. Возможно, Ораз вернулся домой и не захотел ночью беспокоить Геннадия...

Дверь открыл сам Курышбай. Он с удивлением смотрел на пришедшего.

— Не приезжал Ораз?— спросил Геннадий.— Вчера днем уехал на охоту, обещал вернуться к вечеру...

— Думаешь, случилось что-нибудь?— заволновался Курышбай.— Надо искать. Едем...

— Я сам поеду. Можно вашу машину?

Вдвоем с Курышбаем они заправили машину, и через четверть часа Геннадий уже выезжал со двора.

Солнце поднялось над горизонтом, осветило крутые склоны ущелий, густые заросли, глубокие провалы обрывов. Геннадию отлично видна узкая дорога. Она извиляется змеей вдоль оврага. Легко сорваться вниз. Геннадий уже проехал два опасных места. Он внимательно всматривается в дорогу. Стоп! Что это?! Ружье!

Геннадий резко затормозил, выпрыгнул из машины, подбежал к краю оврага. Его ружье! Ораз брал его на охоту...

А вот следы падавшего мотоцикла: машина взбороздила землю, помяла кусты, столкнула с места камни.

Не раздумывая, Геннадий прыгнул вниз и, подняв тучу пыли, вместе с потоком камней и щебня начал скользить по склону на дно оврага.

Внизу Геннадий закричал. Ответа нет! Спотыкаясь и продолжая кричать, он побежал по дну оврага и наткнулся на опрокинутый мотоцикл. Ораза не видно. Геннадий огляделся. Тихо стоят деревья. Замерли кусты. Если Ораз упал вместе с мотоциклом, он должен быть здесь.. Обязательно здесь... Надо искать... Геннадий двинулся вперед... Следы! Кровь...

В десяти шагах он увидел Ораза, лежащего неподвижно, ничком.

Геннадий привез Ораза прямо в больницу, помог положить на носилки, помог внести их, а когда вышел обратно на улицу, возле машины уже стояла целая толпа народа. Геннадий не успевал отвечать на вопросы. Он сел в машину, чтоб схватить за Курышбаем, но к больнице подлетела другая машина, и из нее вышли Асхар и мертвенно-бледный Курышбай. Геннадий бросился к ним,

— Жив?— шепотом спросил Курышбай,

— Жив! Все будет хорошо,— поспешил успокоить его Геннадий.

Они быстро поднялись по лестнице, но в вестибюле их остановила медсестра.

— К нему нельзя. Понятно, что отец. К сожалению, это не меняет дела. Можете посидеть здесь.

Курышбай опустился на стул, Геннадий тоже, а Асхар на правах врача попросил привести его к Айше.

— А Ажар где?— спросил Геннадий.

— Ушла на базар. Не знает ничего.

— Поехать за ней?

— Не надо... Ее встретят соседи, и чем позже она сюда попадет, тем лучше. Нет! Не могу... Я должен его видеть...

— Нельзя же...

— Я отец!..

Курышбай решительно направился к двери, распахнул ее и вошел в палату.

Геннадий видел через щель неплотно закрывшейся двери, как Курышбай подошел к лежащему без сознания Оразу. Медсестры, раздевавшие Ораза, зашикали на старика, но он, не обратив на них внимания, поцеловал сына в лоб.

С верхнего этажа спустились несколько врачей, среди которых были Асхар и Айша. Они прошли в операционную и туда же через некоторое время повезли Ораза. Курышбай шел следом, не спуская с сына горестного взгляда.

И вот тут-то вбежала Ажар. Увидев Ораза, она замерла, потом закричала и упала без чувств.

V

Каир проснулся рано, но продолжал лежать в постели. Он лениво перебирал московские впечатления. Десять дней — срок немалый. Состоялось совещание руководителей черной металлургии, на котором обсуждались вопросы увеличения выпуска стали в нынешнюю семилетку.

Особенно понравилось Каиру выступление управляющего одного из трестов, который назвал сталь «кровью государства». Разве может нормально существовать живой организм, если кровообращение неправильно? Каир разделял мнение выступавшего.

Совещание шло напряженно, выступления давали общую картину развития металлургии в стране. Выступали

представители таких гигантов, как Кузнецкий, Череповецкий, Магнитогорский металлургические заводы, и Каиру вдруг показалось, что его завод в Темиртау рядом с этими гигантами мал и ничтожен. Это в масштабе Казахстана его предприятие выглядит необыкновенно крупным...

Постой, постой! Незачем переоценивать себя, но и недооценивать не надо. Вот пустим три новые домы Темиртау и тогда посмотрим, мал ли Темиртау, ничтожен ли по сравнению с заводами-гигантами! Каир с гордостью услышал прозвучавшее под сводами Большого Кремлевского дворца упоминание о Темиртау как о сердце черной металлургии востока страны.

Во время перерыва Каир встретился с управляющим, выступление которого ему так понравилось, расспрашивал его о новых способах плавки стали.

Управляющий был человек высокого роста, с клиновидной бородкой, приветливый, словоохотливый. Когда он узнал, что Каир из Темиртау, он проявил к нему особый интерес. Они долго беседовали.

Да! На крупных заводах черной металлургии применяются технические новинки. Многие процессы плавки механизмируются. Если раньше весь процесс литья производился вручную, то теперь широко применяются механизмы. Расплавленная сталь, подобно струе воды, непрерывно разливается в формы, в этих формах режется на куски, которые механизмами грузятся в вагонетки. Грузные вагонетки автоматически отодвигаются и дают место следующим.

Каир слушал управляющего, вспоминал речи на совещании и все больше и больше убеждался, что затевать разговор в ЦК о ненужности предложения Дамеш по меньшей мере неразумно. Совещание было как раз пронизано мыслью о механизации и автоматизации производства. Об этом же говорилось на открывшемся пленуме ЦК. А он будет убеждать ЦК, что его надо избавить от домогательств Дамеш, которая ставит вопрос именно о механизации.

А может быть, она права?

Да! Убытки от реконструкции будут огромные. Но ведь потом пойдут доходы. Они возместят сторицей то, что будет затрачено...

Муслим уверяет, что проект Дамеш принесет им гибель, что они с Каиром наверняка слетят со своих кресел. Муслим хитер и умен, но его нет на этом совещании, и он

не знает, что кое-кто уже слетел с весьма высоких кресел именно за то, что преграждал путь техническому прогрессу.

Нет, Каир не будет ставить вопрос о проекте Дамаш. Не потому, что он боится потерять свое место. Его не испугаешь. Он не тщеславен. Он боится, что принесет вред делу... Хорошо, что он приехал на совещание! Побольше бы таких совещаний! Они обогащают человека, заставляют думать, искать истину...

Каир встал с постели... Посмотрел на часы. Открыл форточку и занялся утренней зарядкой. Умывшись, он по телефону заказал завтрак: чашку кофе, бутерброд и порцию сосисок. У Каира с детства выработалась привычка есть мало. Покойный отец шуточно поучал его: «Каир-жан, не налегай особенно на еду, а то будешь похож на меня. А я пузатый!»

Позавтракав, Каир вышел на балкон. С шестого этажа гостиницы «Москва» перед ним как на ладони лежали красивые московские улицы, полные людей, движения, шума. К Каиру должен был зайти приятель. Они вместе хотели сходить за покурками.

В дверь постучали. Вошел товарищ по институту, которого Каир ждал. Они пошли в ГУМ.

Огромный магазин, занимающий целый квартал, напоминал муравейник: люди длинными вереницами беспрерывно входили в одни двери и выходили в другие.

Каир и его товарищ нырнули в могучую людскую волну. Их тотчас закружило, как щепки, попавшие в водоворот, и они сами не заметили, как очутились в отделе детской одежды.

Каир выбрал красивый шерстяной костюм для Болата.

— Очень удачно мы сюда попали, а то, чего доброго, забыл бы про племянника.

— Каир, Каир,— сокрушался приятель,— как бы тебе не состариться холостяком. Останешься на старости лет наедине с хроническим ишнасом! Кстати, что это за блондинка, с которой ты вчера гулял по бульвару?

— Нравится?— осведомился Каир.

— Ничего... Интересная.

— По-моему, тоже.

— Давно знаком?

— Изрядно... Но встретились только теперь.

— Понятно,— промямлил приятель.— Выходит, она временный заместитель нашей Дамеш?

— С Дамеш мы росли вместе. Она мне никто!— резко сказал Каир.

— Всей республике известно, что ты любишь ее много лет и верен ей.

— Я не люблю ее! И никогда не любил. Вот возьму и женюсь. На другой. Вот на этой... блондинке... И все поймут, что любви к Дамеш нет и не было! Хватит об этом.

Когда они бродили у витрины с сувенирами и драгоценностями, приятель посоветовал:

— Купи золотое кольцо, и пусть ювелир выгравировет на нем надпись: «Моему другу Дамеш»... И все будут знать, что вы только друзья...

— Дарить кольцо — русский обычай.

— Что же тут плохого? Перенимай все хорошее. Раньше и у казахов существовала традиция — джигиты и девушки дарили на память друг другу кольца, браслеты и ожерелья. Ничего предосудительного в этом нет. Если Дамеш примет подарок, значит, согласна с тобой.

— Ты прав,— Каир купил кольцо и тщательно спрятал его. Да, он не хочет коротать старость наедине со своим ишнасом. Надо действовать, пока не поздно! Он решил.

Валя. Девушка, которую увидел приятель. Валентина Васильевна. Вот кто поможет ему забыть Дамеш. Он избавится наконец от проклятого наваждения и перестанет быть Дон-Кихотом. Валя живет в Москве, она инженер-конструктор. Уже три года, как они знакомы. Она любит его и ждет. А он медлит, придумывает тысячи причин.

Вчера они обедали в ресторане, танцевали, и Каир подумал, что ему нужна именно такая жена. Спокойная, положительная. А не эта сумасшедшая, неуравновешенная Дамеш. И красота у Вали тихая, спокойная. Но он против воли продолжал думать о Дамеш.

...Когда Дамеш заканчивала учебу в Алма-Ате, Каир приехал к ней из Караганды. Это было весеннее время, и город, утопавший в зелени, походил на птицу, сбросившую старое оперение и одевшуюся в новое, свежее, нарядное. Каир ехал в столицу, радуясь, что увидит Дамеш. Перед отъездом из Караганды он телеграфировал ей о дне приезда, но она не встретила его. Каир был обескуражен. Он старался успокоить себя: может быть, она не

получила телеграмму или какая-нибудь срочная работа помешала ей прийти к поезду. Мало ли что могло случиться. Но сердце все-таки ныло, и он томился от нетерпения и неизвестности.

Он устроился в гостинице и сейчас же позвонил по телефону Дамеш — та жила у своей тетки.

Ему ответили, что Дамеш уехала в горы на экскурсию.

— Получила она телеграмму из Караганды? — спросил Каир.

— Была такая телеграмма. А вы кто?

Каир молча повесил трубку. Понятно! Она не захотела его встретить. Он приехал специально ради нее, а она умчалась в какие-то горы!

В нем заговорило самолюбие, а потом ревность. Не одна же она поехала в эти проклятые горы! С ней кто-то есть! Вряд ли одни только девушки.

Что же ему делать? Глупому, доверчивому человеку... Она любит кого-то другого, того самого, который поехал с ней в горы...

В этот вечер Каир не находил себе места, не знал, куда идти, что делать. Он бесцельно бродил по улицам и с завистью смотрел на прохожих. Он вглядывался в лица встречных девушек. Надеялся увидеть Дамеш, искал ее, хотя знал, что она в горах.

Не останется же она там ночевать! Вдруг вернулась и прогуливается со своим джигитом по городу? Все возможно... Он глупец! И слепец!

В последнем письме она писала: «...в эти дни я много передумала».

Закончила институт и завтра выхожу на работу в министерство. Я теперь инженер, и диплом лежит у меня в кармане. Могу ли я считать себя счастливой?.. Что такое счастье? В чем оно?»

Каир долго размышлял над этим письмом, перечитывал его, не знал, как ответить, и, наконец, написал: «Счастлив тот человек, который достигнет поставленной цели и принесет пользу своему народу. Вот что такое счастье». Потом зачеркнул написанное. Не то, чтобы оно ему не нравилось. Оно показалось слишком искусственным, книжным. Каждый школьник понимает, в чем состоит предназначение человека, и Дамеш совсем не это имела в виду. Она спрашивала о своем, о личном.

«Ты мое счастье. А где твое, я не знаю!» — написал он ей.

Сейчас Каиру казалось, что он виноват перед Дамеш. Он не смог ей ответить, и она нашла свое счастье без него. Она не любит его, не нуждается в нем. А он продолжал считать ее невестой и хотел жениться на ней.

Не зная, куда идти, Каир отправился в Академический театр оперы и балеты имени Абая. У входа в театр стройная светловолосая девушка спросила: «Сколько вам билетов? У меня два, но если вы с девушкой, я уступлю оба».

Каиру нужен был один билет. Он купил его.

— Моя подруга не смогла пойти,— объяснила девушка.

Они вместе вошли в театр, разыскали свои места, уселись. Каир решил, что ему здорово повезло: и билет достал без хлопот и сидит рядом с красивой девушкой. Она правда красива... Валя... Валентина Васильевна... Инженер... Из Москвы.

После спектакля они зашли в ресторан, расположенный над гостиницей «Алма-Ата», и поужинали. Оказалось, что Валя проводила в Алма-Ате отпуск. Здесь жила ее близкая подруга, та самая, что не смогла пойти в театр. Они вместе учились в институте.

Ну вот и отомстил Каир изменнице Дамеш! Быстрее, чем можно было бы ожидать! Вот он сидит с красивой веселой девушкой, которая не потешается над ним, не мучит его.

А когда город погрузился в сон, они гуляли по тихим пустынным улицам. Было светло как днем. Они шли по направлению к главному арыку, среди деревьев, которые выстроились по сторонам улицы зелеными шпалерами.

Каир проводил девушку до дома ее подруги. Это был уютный особняк, окруженный густым садом. Они условились встретиться завтра в номере Каира и вместе поехать в горы на прогулку.

Да! Это будет его мезью! Он тоже поедет в горы на экскурсию. И если с Дамеш был молодой и красивый джигит, у Каира будет молодая и красивая спутница.

На следующий день в условленное время Валентина зашла к нему. Каир вызвал такси, и, когда они уже собирались уехать, в номер влетела Дамеш. Увидев Валентину, она замерла и несколько секунд, которые всем трем показались вечностью, стояла и молча смотрела. Каир побледнел и только беспомощно разводил руками.

Дамеш, густо покраснев и не сказав ни слова, выска-

чила из номера. Каир растерянно посмотрел на Валю и выбежал вслед за Дамеш. Она так быстро шла по коридору гостиницы, что он едва поспевал за ней,

— Я ждал тебя...

— Я этого не заметила.

— Ты не встретила меня...

— Тебя встретили другие.

— Ты уехала в горы.

— И правильно сделала.

— Дамеш...

— Отстань!

Она побежала.

Да... Немало потребовалось потом усилий с его стороны, чтобы как-то оправдаться. Дамеш долго не хотела поверить, что Валя была у него по служебным делам. Эта довольно наивная ложь была единственным, что смог придумать Каир.

Каир вспомнил, как трудно заслужил он снова расположение Дамеш. Но его личная судьба так и осталась нерешенной.

Все! Хватит! С этим кончено! Он убедился, что Дамеш не любит его. С каким наслаждением он сообщит ей, что женится на той самой девушке, которая сидела у него в номере. Дамеш угадала! Она была у него совсем не по служебным делам! Он любит ее. Он везет Дамеш кольцо... В знак вечной дружбы... И только. А надпись на кольце «Моему другу Дамеш» будет звучать иронически и поставит точки над «и».

VI

На самолете «ИЛ-18» Каир летел от Москвы до Караганды всего четыре с половиной часа. Полет проходил нормально, погода была прекрасная, и под вечер они приземлились на карагандинском аэродроме.

Как обычно, Каир остановился на квартире дяди-шахтера, того самого, у которого останавливалась Дамеш. Дядя встретил Каира шутками:

— Втихомолку едешь, Каир. Приезжаешь без предупреждения, будто некому встретить... В Караганде, слава богу, Куандыков достаточно. Подал бы телеграмму о своем выезде — собрал бы я родню и повел бы целым отрядом встречать. А в нашем котле давно бы варилось мясо и рекой лилось бы шампанское. Приезжать втихомолку — это насмешка над нами,

— Зато от какого расхода я тебя избавил...

— Не оскорбляй родного дядю!— грозил пальцем старик.

Каир достал из чемодана подарок для тетки — шелковую шаль с бахромой, и дядя, потрогав ее, заявил, что она ему нравится и он прощает Каира.

Быстро накрыли на стол. Вскоре зашумел блестящий латунный самовар, появились вина разных сортов, закуски...

Дядя Каира напился крепкого чаю и, разгладив свои черные как смоль усы, опять принялся подшучивать над Каиром:

— Ты забыл справиться о здоровье своей матери. По-видимому, это не беспокоит тебя...

— Ах, дядя, дядя...— защищался Каир.— Нельзя жить и мыслить по старинке. Вчера я по телефону разговаривал с матерью и сказал ей, что сегодня приеду. Не на верблюдах же мы ездим, дорогой дядя. Долго пришлось бы возвращаться.

— Родственников не нашел бы в живых!

Они долго пили чай, перебрасываясь шутками, но вскоре Каир заметил, что старик шахтер шутить-то шутит и смеется оглушительно, но за этим у него скрывается какое-то беспокойство.

— Верно, верно, Каир... Время другое. Удобное,— продолжал он.— Вот ты разговаривал вчера с Акмарал по телефону и узнал, конечно, последние новости.

— Какие?— быстро спросил Каир.

— Говори прямо,— заметила тетушка, недовольная нерешительностью мужа.— Видно же, что Каир ничего не знает о Дамеш.

— Что с Дамеш?— Каир встревожился, и разом улетучились куда-то все его бесповоротные решения порвать с ней.

— Говорят, она освобождена от работы, но что за беда стряслась с ней, нам неизвестно... По слухам, на заводе произошла авария...— хмуро пробормотал дядя.

— Дамеш здесь, я вчера ее видела!— выпалила тетушка.

Каир недоумевал. Каким образом Дамеш сняли с работы? Кто мог взять это на себя?! В его отсутствие?!

— Говорят еще, что Ораз узнал с машины и в безнадежном состоянии доставлен в больницу,— сообщил дядя.

Каир вскочил, прошелся по комнате. Как же мать не сказала ему вчера об этом? Не хотела расстраивать? Как быть?

— Где вы видели Дамеш?— спросил он у тетки.

— Обычно она останавливалась у нас,— ответила тетка.— Но на этот раз почему-то не заехала. Стесняется, наверное... Я ее видела из окна автобуса. Она стояла перед гостиницей, а потом вошла туда. Там, наверное, и остановилась.

Вот что, оказывается, произошло за те десять дней, которые Каир провел в Москве! Надо разыскать Дамеш!

Каир позвонил в гостиницу. Предположение тетушки оказалось правильным. Дамеш остановилась там. Горничная, которая убирала номер Дамеш, ответила, что сейчас ее нет, но она скоро вернется.

Каир помчался в гостиницу, поднялся на второй этаж и постучал к Дамеш. Она ответила: «Войдите!» У Каира сильно забило сердце. Дрожащей рукой он открыл дверь. Дамеш сидела возле стола и читала книгу. Увидев Каира, она слабо улыбнулась, поднялась с места и быстро протянула ему руку. Каир так радостно и так решительно поцеловал протянутую руку, что Дамеш поспешно ее отдернула.

— Я узнал, Дамеш... Случайно... Расскажи по порядку...

— Беспокоившись обо мне?

— Это Муслим? Да? Его приказ?

— Не надо быть особенно догадливым... Кто мог, кроме него, сделать такую гадость!

— Это безобразно...— Каир негодовал, и голос у него дрожал.— Дорогая Дамеш... Бедная...

— Покажи-ка мне, товарищ Альжанов, глаза. Не плачешь ли ты случайно?— рассердилась Дамеш, не выносившая, когда ее жалели.

Каир давно привык к резкостям Дамеш. Он не обратил никакого внимания на ее слова и все проклинал Муслима, посмеявшегося поднять на нее руку.

— У него были основания меня снять,— с певинным видом сообщила Дамеш.

— То есть как?— Каир удивленно уставился на нее.

— Очень просто. Я виновата. Я отвечаю за цех. За его работу. Но дело не в этом. Дело в том, что авария в цехе доказала необходимость замены старого оборудования.

Она доказала необходимость осуществления моего проекта.

— Об этом мы позже поговорим.

— Нет, сейчас!..

— Хорошо, хорошо... я обдумаю все...— Каир смотрел на Дамеш и с ужасом убеждался, что все его решения забыть ее, все его клятвы Вале ничего не стоят и он безнадежно любит эту прелестную девушку.

— Когда ты приехал?— спросила Дамеш,

— Только что,— отрывисто ответил он.

— А как узнал, что я здесь?

— Сердце подсказало.

— Не знала, что у тебя такое чувствительное сердце.—

Дамеш усмехнулась.

— Ты еще многого не знаешь.

— Например?

— Поговорим о деле.

— Разве мы разговариваем о чем-то другом?

— А это что?— Каир указал на бутылку шампанского, стоявшую на столике.

— Шампанское, как видишь...— Дамеш густо покраснела.

— Для кого?

— Для тебя. Сердце подсказало, что придешь. Могу в общем объяснить.— Она пожала плечами.— Был у меня в гостях редактор областной газеты. Торопился на обед, но хотел со мной поговорить и решил, чтоб не терять времени, потребовать обед сюда... И заказал эту бутылку. Но, как видишь, мы не пили. Я не хотела. И он тоже.

Каир знал редактора газеты, и ему нетрудно было поверить Дамеш. И то, что все объяснилось так просто, привело его в восторг.

— Дамеш! А что, если мы немного кутнем?!

— Светлая мысль!— насмешливо заметила Дамеш.— Не знаю, как у тебя, но у меня поводов для веселья уйма.

Каир не слушал ее. Он быстро откупорил бутылку шампанского, раздобыл бокалы, наполнил их и протянул бокал Дамеш.

— Мне не следует пить. Я быстро пьянею...

Она все-таки взяла бокал.

— Нельзя же все время заниматься делами и награждать друг друга колкостями. Мы уже потратили на это достаточно времени. Выьем за нашу встречу,

— Хорошо, — согласилась Дамеш. — Отчего бы раз в жизни не повеселиться? Даже когда нет причины.

Они небольшими глотками пили шампанское и продолжали разговор.

— Расскажи про Москву, — попросила Дамеш.

Он начал рассказывать ей о совещаниях, которые были в Москве, о своих впечатлениях. Правда, не сказал о том, что отношение его к проекту Дамеш изменилось, что он готов уступить.

— А в ЦК был? — спросила она.

— Был. Но второй просьбы не выполнил. Не сказал, что я плох.

— Я просила передать другое слово.

— Не будем вспоминать.

— Ухаживал, наверное, за москвичками?

Каир, стараясь скрыть смущение, расхохотался и ни с того ни с сего начал рассказывать историю о том, как он перепутал в гардеробе одного из учреждений кепки, взял чужую, и ее владелец искал его по всем гостиницам, а когда нашел, оказалось, что они жили в соседних номерах.

Бутылка кончилась. Каир вызвал официанта, потребовал еще бутылку и, вспомнив, что он голоден, заказал для себя и для Дамеш ужин. Дамеш старалась повернуть разговор к совещанию, к пленуму ЦК. Каир не сдержался и, рискуя выдать свое новое отношение к ее проекту, с разгоревшимися глазами рассказывал ей о пленуме, о будущем казахстанского металлургического завода. Недалек день, когда основные работы будут выполнять машины. Погрузка шихты, задувание печи, плавка стали будут производиться с помощью радиоэлектроники. Заводом — с помощью телевизионной техники — будет управлять один человек.

Сталеплавильная печь даст продукцию в нужном количестве. И тут уж понадобится счетная машина. Она будет определять ход работ и рассчитывать темпы. Вот он, завтрашний облик завода, реальность, кажущаяся сегодня сказкой.

Дамеш захлопала в ладоши.

— Привели все-таки тебя в чувство в Москве?.. Я знала! Я надеялась! Понял существо моего проекта?

— Посмотрим, подумаем... Проверим...

— Время не ждет, Каир... Пойми...

— Значит, несмотря на то, что тебя сняли с работы,

тебе не безразлична судьба завода?— Каир лукаво прищурил глаза.

— Мне?!— с яростью ответила Дамеш.— Разве обо мне разговор? Да если б мне совсем запретили работать, все равно я боролась бы за проект... Грош мне цена в противном случае. Уважать себя перестала бы. И пойми, я не одна. Со мной многие! Они верят в меня. А разве верят неправде?

Каир пристально смотрел на нее. Она права... А как же Муслим? Неужели он, Каир, до такой степени ошибся в нем?

— Муслим негодай!— будто угадав его мысли, сказала Дамеш.

— Чернить людей, Дамеш,— недостойное занятие.

— Я не черню его... Невозможно чернить грязь.— Дамеш задумчиво смотрит сквозь бокал, наполненный шампанским — оно пенится, золотистые пузырьки поднимаются кверху, лопаются. Но им на смену возникают все новые и новые, поблескивая, точно рыбы глазки. Она вспомнила, как не хотела ехать сюда, в Караганду, ее буквально заставили Гена, Куан, другие рабочие, дядя Аехар, Иван Иванович. Они убеждали ее, что надо ехать, драться.

— Давай выпьем за справедливость,— она подняла бокал.

— Э! Да ты, оказывается, пьяница!— Каир засмеялся.— Раньше за целый вечер бокала не выпивала.

— А сегодня хочу...— Дамеш встряхнула головой.— Раз в жизни...

— А что с Оразом случилось?

Дамеш не ответила.

Узнав о несчастье, она помчалась в больницу и у входа в палату, где лежал Ораз, столкнулась с Ажар. Та стояла неподвижно, точно изваяние. И лицо у нее было суровым, безжизненным.

— Тебе здесь делать нечего,— сказала она.

Дамеш вздрогнула и опустила голову. Что она могла ответить? Да и вообще надо ли было ей приходить сюда?

— Уходи,— сказала Ажар.

Что ж! Она права. Это ее муж. Она его любит, а Дамеш не должна давать ни малейшего повода для подозрений. Хотя она ни в чем не виновата перед Ажар...

Дамеш не хочет больше думать об этом и просит Каира:

— Шампанского!

Каир послушно наполняет бокалы, и они снова пьют. Дамеш глядит на Каира затуманенным взглядом... Он смотрит на нее как зачарованный.

Из радиоприемника льется нежная музыка, поет их любимая певица Бибигуль. Дамеш кажется, что это не Бибигуль, а она сама поет Каиру:

Оживи мое сердце
И сумей овладеть им...
Прочь упреки, обиды,
Обними, поцелуй...
Мы забудем былое.
Обними, поцелуй...

Каир, теряя власть над собой, обнимает Дамеш и целует, целует... Вот то, о чем он мечтал столько лет.

— Дамеш! Радость моя! Любовь моя!

— Нет!— Дамеш вырывается из его объятий.

— Дамеш...— молит он.

— Не тронь...— шепчет она.

Дамеш неподвижна... Глаза ее закрыты. Она как будто не с ним, не с Каиром, а где-то далеко-далеко.

«Дамеш! Вернись! Я тут! Я с тобой...» Он хочет снова обнять ее, но она отталкивает его.

— Дамеш!— Он протягивает к ней руки

— Нет...— твердо говорит она.

VII

Изящная голубая «Волга» — байге-кок¹ — мчится по гладкой асфальтированной дороге, и вместе с ней стремительно летят мысли Дамеш. Утром Каир заехал за ней на машине, хотел сам отвезти в Темиртау, но она отказалась ехать с ним. Ей хотелось побыть одной, разобраться в себе, в том, что произошло в ее жизни за последние дни, такие стремительные, наполненные событиями.

А что случилось в прошлую ночь?.. С Каиром?..

Пила шампанское... Целовалась... Нехорошо. За каждым шагом ее следит противная бабушка-совесть. Если Дамеш случайно оступится, бабушка сразу же начинает недовольно качать головой: «Ай-яй-яй, Дамеш, как тебе не стыдно!» А сегодня она особенно сердита: какой демон

¹ Байге-кок — скакун.

опутал тебя вчера ночью?.. Негодница! Какую песенку пела вчера?

Оживи мое сердце
И сумей овладеть им...

Отношения ее с Каиром теперь изменятся...

Так ли это? Не ошибается ли она? Не свернет ли она с этого пути, как сворачивала прежде?

Может быть, не стоит испытывать долго терпение Каира? Тогда все разом успокоится. И Каир, и Ораз, который окончательно потеряет надежду, окончательно вернется в семью, к Ажар. Все, все будут довольны. Только Акмарал огорчится, когда Дамеш войдет в ее дом женой Каира. Покоряться ей Дамеш не намерена, и Акмарал придется считаться с невесткой.

Но все это потом. Прежде надо позаботиться о проекте, надо бороться с Муслимом, потому что борьба с ним — борьба за справедливость.

В Караганде в обкоме ее внимательно выслушали, задали кучу вопросов, на которые она обстоятельно ответила.

Нет! Нелегко расправиться с человеком в нашей стране!

Ну вот. Она подъезжает к дому. Асхар, наверное, заждался ее. И Иван Иванович. Милые люди! Асхар очень переживает, беспокоится за нее, а Иван Иванович молчит, но за его молчанием скрывается многое.

Дома ее ждали с утра. Накупили всякой всячины, приготовили обед. Но Базаров прислал за Асхаром машину, и тот поехал в горком.

Наступила минута, которую Асхар ждал с замиранием сердца. Руки у него дрожали, и мысли, которыми он хотел поделиться с Базаровым, спутались и, как встревоженные птицы, разлетелись в разные стороны. Изволь собери их!

— Успели вы отдохнуть в Темиртау?— начал Базаров с таким видом, как будто давным-давно знал Асхара.

— Спасибо. Отдохнул... Думаю вот поступить на работу. Нельзя сидеть без дела.— Асхар был недоволен, что беседа пошла не по тому руслу, собственный голос казался ему чужим, жестким.

— Не торопитесь с работой...— Чувствуя его волне-

ние, Базаров улыбнулся ему.— Съездили бы сперва на курорт.

— Думаю поехать ближе к осени.— Асхар уселся поудобней и почувствовал себя свободнее.— Моя племянница готова раздобыть мне путевку хоть завтра. Но я истосковался по родной стороне и пока никуда не хочу уезжать.

— Вы курите?— Базаров заметил, что Асхар смотрит на папиросы.— Берите, пожалуйста.

Асхар давно бросил курить, но взял папироску и, затянувшись, вопросительно посмотрел на Базарова.

— Я слушаю вас, товарищ Сагаатов,— сказал тот.

— Извините, Василий Федорович, волнуюсь, по сегодня у меня радостный день. Наконец-то нахожусь в доме, в который много лет не входил, но который оставался родным домом. Я давно ждал этого дня и боялся, что не дождусь его... Я сегодня пришел не просто к секретарю Темиртауского горкома партии товарищу Базарову. Я пришел сказать спасибо родной партии за то, что она восстановила справедливость!

— Я рад, что вы вернулись к нам с незапятнанной совестью и честью, с непоколебленной верой!..— Базаров поднялся и еще раз крепко пожал ему руку.— А теперь поговорим, товарищ Сагаатов, обо всем с самого начала.

— Поговорим,— согласился Асхар.

Они беседовали почти два часа.

В заключение Базаров сказал:

— О партстаже не беспокойтесь. Он будет восстановлен.

Вышел Асхар из горкома помолодевшим, счастливым. Сегодня он вернулся в родное гнездо. Он не представляет жизни вне рядов партии великого Ленина... Ему захотелось как можно скорей увидеть Айшу, поделиться с ней радостью.

После несчастья с Оразом Асхар часто заходил в больницу. Сперва он не вмешивался в лечение Ораза, только через Айшу советовал иногда, как сделать лучше, но затем фактически взял лечение в свои руки. Его первым помощником стала Айша. Он получил возможность часто видиться с ней, разговаривать, пусть о вещах, не имеющих отношения к ним двоим.

Айши не было в больнице, и Асхар, которому не терпелось увидеть ее, позвонил ей домой.

— Я хотел узнать, придешь ли ты на вечерний обход?

— Приезжай к нам,— услышал он.

— Когда?— вырвалось у него.

— Сейчас... Жду...— Айша повесила трубку.

Асхар растерялся. Идти или нет? Но Айша рассудительна и навряд ли поставит себя и его в ложное положение. Он решил поехать. Вероятнее всего, Муслим в отъезде и Айша хочет показать ему дочь...

Асхара поразила нарядная и дорогая обстановка квартиры, особенно гостиной. Прекрасный рояль, телевизор, радиоприемник, дорогие ковры на стенах и на тахте.

Айша встретила Асхара в изящном халате с короткими рукавами и шалевым воротником.

— Хорошо, что вы пришли. Раньше я не могла пригласить вас в гости!

— Айшажан, мы условились обращаться на «ты».

— А вот моя дочка.— Айша указала на девочку, которая вошла в комнату. Тоненькая, слишком высокая для своего возраста, она чертами лица и копной пышных волос удивительно походила на Айшу.

— Здравствуйте,— вежливо сказала она Асхару.

— Подойди! Познакомимся,— Асхар протянул к ней руки.

— Иди, Софьяжан!..— обратилась к дочери Айша.— Это дядя, про которого я тебе говорила.

Девочка, не робея, подошла к Асхару и, когда он обнял ее, поцеловала его в щеку.

— Правда, что вы хороший?

— Кто тебе сказал?

— Мама.

Асхар рассмеялся, крепче прижал к себе девочку и, взглянув на Айшу, увидел, что она покраснела.

— Дети всегда выдают секреты родителей.— Айша смущенно опустила глаза.

Асхар сразу нашел с девочкой общий язык, и они завели необыкновенно серьезный разговор о том, какие волосы приличествует носить девочкам — стрижку или косички.

— Софьяжан! Ступай в свою комнату и готовь уроки,— прервала их спор Айша.

Девочка вприпрыжку, напевая песенку, выскочила из комнаты, а Асхар, глядя ей вслед, с грустью подумал, что у него тоже могла быть такая дочь.

— Вам нездоровится?— спросила Айша с тревогой.

— Устал,— Асхар попытался улыбнуться.— Пройдет...

— Может быть, отдохнете?

— Нет, Айша... Стоит посидеть с тобой пять минут — и сил прибавляется. Лучшее лекарство...

Айша смеется. Асхар подходит к ней.

— Всю жизнь, Айша, ты была для меня счастливой звездой... И вот теперь... Я не мог бы еще раз расстаться с тобой...

— Асеке, прекрасную мечту не следует путать с действительностью. Завтра в вашей жизни появится другая женщина, и ты, подобная мне, исчезнет бесследно.

Асхар понял, что она не шутит. Но он не хотел говорить о любви в доме Муслима.

— Айша! Прошу тебя. Пойдем куда-нибудь.

— Я понимаю, Асеке...— Айша сделалась серьезной.— Я сейчас...

Она побежала в спальню, быстро переоделась, вернулась с дочкой, и Асхар на прощание крепко поцеловал девочку.

Они вышли на улицу, их сразу охватило очарование теплого вечера. Сумерки сгустились. Улица была пустынной. Как много лет назад...

— Айша... Любимая...— Асхар начал страстно целовать ее руки, потом плечи, лицо...

— Асеке... Пусти...— Айша вырвалась.— Не надо...

— Люблю...— точно безумный шептал Асхар.— Ты будешь моей... Только моей...

Айша вырвалась из его объятий, шепча:

— Я не могу... Не могу...

Асхара назначили главным врачом в новую больницу Казахстанской Магнитки.

Город Темиртау состоит из четырех частей: старый город с металлургическим заводом, рядом с ним Соцгород — четырехэтажные кирпичные дома-новостройки; дальше, по дороге на Караганду, — город молодежи, а на восточном берегу озера — Казахстанская Магнитка. В трех километрах от Магнитки строится домна. Издали она напоминает небоскреб, и ее чугунная шея будто упирается в небо.

Местные жители называют новый город Восток. На площади посреди города — трехэтажное здание больницы, в которую назначили Асхара.

Когда он первый раз пришел на работу, в кабинете его ждали врачи. Они встали, и самый старший сказал: «Добро пожаловать, Асеке».

Асхар поздоровался с каждым из них, поблагодарил за внимание.

Сестра принесла ему белоснежный халат и шапочку. Неторопливо, чтобы продлить удовольствие, он надел их и в сопровождении врачей начал обход.

Вот они, палаты, где лежат люди, которых он будет лечить. Сколько раз в прошлые, тяжелые годы мечтал он об этом обходе, Мечты стали явью, Асхар счастлив,

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

— Сколько времени я спал, мама?

— Около часа, сынок. Вставай. Пора! Я приготовила ванну.

Каир вскочил с постели, взял полотенце и побежал в ванную комнату. Он долго, точно ребенок, с наслаждением плескался в прозрачной воде. Старая пословица гласит: «Человек в своем доме чувствует себя лучше, чем в роскошном дворце».

Каир устал с дороги, не спал всю прошлую ночь. Приехав домой, он прилег отдохнуть. Чудесный сон снился ему. О Дамеш. Сплошная романтика. Надо ей рассказать. И матери он расскажет. Завтра же надо пригласить в гости Дамеш и Асхара!

— Каиржан! Вылезай из воды. Звонят с завода. Что передать?— спрашивает Акмарал через дверь.

— Пусть позвонят минут через пятнадцать.

Каир вытерся махровым полотенцем, надел халат, вышел из ванной. Подойдя к зеркалу, причесал волосы, мягкие, волнистые, черные. Мать стояла поодаль за его спиной и с одобренным следила за каждым его движением.

— Говорят, Ораз разбился...— сказал Каир.

— Ах, этот сумасбродный неме¹. Бесится, бесится и погубит себя наконец!..

— Я найду к нему сегодня.

¹ Неме — шалопаи.

— Он в больнице. Ажар каждый день носит ему передачу и оберегает от Дамеш.

— Ваши с Ажар сплетни о Дамеш ничего не стоят.

— Истина не требует доказательств, сын мой.

— Вот именно.

— Люди судачат, будто Дамешжан пересажает в Алма-Ату...

— Никуда она не поедет... Надо пригласить ее в гости вместе с Асхаром,— твердо говорит Каир.

К удивлению Каира, мать не возмущается и не возражает. Что с ней случилось?

— Каиржан! Наш дорогой Муслим считает тебя своим братом. Он всегда желает тебе успеха. Может, и его пригласишь в гости вместе с теми, кого ты назвал?— спрашивает мать.

— Нет,— Каир нахмурил брови.

— Нет так нет,— Акмарал больше не произносит ни слова и уходит на кухню, повергнув сына в изумление своей необычной покорностью.

— Ассалаумалейкум!— В комнату входит Муслим.

Он хорошо одет, аккуратен, как всегда, и держится дружески-покровительственно. Тщательно протирает платком очки, а затем пожимает Каиру руку.

— Здоров ли, баурым²? Мы с женгей не раз вспомнили тебя.

— Хорошо или дурно?

— Только твои враги плохо думают о тебе, Каиржан,— Муслим кланяется.

— Айша-женгей и Софа здоровы?

— С таким повелителем, как я, им печалиться не о чем,— Муслим смеется.

Каиру не понравились ни слова Муслима, ни его смех. Он замолчал. Муслим решил зайти к Акмарал, чтобы выведать у нее причину сдержанности Каира.

— Пойду поздоровуюсь с женгей.

Каир включил радио. Передавали симфоническую поэму Тулебаева «Огни коммунизма». Но Каир не слышал музыки любимого композитора. Он думал о Дамеш, о том, что наконец-то близок к цели.

Раздумье Каира было прервано голосами Муслима и Акмарал, доносившимися из кухни. Они говорили то очень громко, то переходили на шепот. Что за разговоры

² Баурым — родной.

они ведут? Опять интриги против Дамеш? Возможно. В этом их интересы, безусловно, совпадают.

— Его надо женить! Задача номер один... Я нашел для него невесту. Изумительная девушка!— слышался голос Муслима.

Муслим хочет его женить? Неспроста! Трудно предположить, что Муслим не находит себе покоя просто из-за того, что он, Каир, ходит в холостяках.

— Других забот у вас нет?— спросил Каир, входя в кухню.— Можно подумать, что с моей женитьбой исчезнут все беды нашей семьи.

— Каиржан!— Муслим приятно улыбался.— Между братьями всегда существует взаимное уважение. Есть подобная традиция и у казахов. Я считаю тебя близким человеком и, значит, должен заботиться о тебе.

— Трогательно, черт возьми!

— Что поделаешь, женеше,— Муслим развел руками, обращаясь к Акмарал.— Добрые намерения никогда не встречают благодарности. Я нашел невесту для Каиржана. Мечта, а не невеста. Она окончила медицинский институт и скоро прибудет сюда на работу. Девушка-врач...

— Муслим Сапарович, я весьма благодарен вам за вашу трогательную заботу обо мне.

— Для тебя, Каиржан, готов сделаться сватом.

— Не обременяйте себя.

— Женатые мужчины покладистее неженатых.

— Я, кажется, был слишком покладист.

— Я плохо отгадываю загадки, Каиржан.

— Тем хуже для вас.

— Осторожнее обращайся с верными друзьями, Каиржан. Их надо беречь. Им надо верить.

— Вот с этим я абсолютно согласен, Мусеке. Дружья есть дружья!— Каир лукаво улыбнулся.

— Ай-ай-ай, Каиржан... Грех смеяться над своим соратником, тем более над таким преданным!

— Визирь?— Каир улыбнулся.— Новые времена, Мусеке. Можно обойтись без визирей.

— Без друзей не проживешь, Каир,— сердито заметила Акмарал.— Прав Мусеке.

— Удачно ли прошло твое путешествие в столицу нашей Родины, Каиржан?— Муслим счел за лучшее переменить тему разговора.— Какие новые установки привез? Может быть, вышестоящие организации объяснили

тебе, что не стоит рисковать заводом ради сомнительных проектов?

— Я хотел бы узнать сперва — много ли выплавлено стали на заводе? — перебил его Каир.

— Ты слышал, вероятно, об аварии? — вкрадчиво спросил Муслим. — И кто виновен...

— Я о многом слышал.

— Тот, кто виновен, Каиржан, тот, кто причинил материальный ущерб государству и опозорил родной завод, должен нести наказание.

— Моя мать... — Каир повысил голос, и Акмарал, делавшая вид, что хлопочет у плиты, вздрогнула, — моя мать рассказала мне новости по телефону, а про эту вот не сообщила. Забыла, наверно. Не так ли, мама? Шутка сказать! Сняли с работы молодого инженера, да еще автора большого проекта...

— Я понимаю твое волнение, Каиржан, — вкрадчиво заговорил Муслим. — Со стороны обстоятельства выглядят именно так, как ты сейчас заметил. Молодой инженер! Автор проекта... Но с тех пор, как она приехала на завод, беды преследуют нас. Сколько ни убеждайте меня, но казахская девушка не доросла до того, чтоб работать у мартеновской печи инженером.

— Передовые взгляды, товарищ главный инженер! — Каир покачал головой. — С подобными теориями в коммунизм попадешь через тысячу лет. Не раньше.

— Можешь насмеяться надо мной, Каиржан, — смиренно ответил Муслим. — Я-то думал, что оказываю услугу, сняв Дамеш до твоего приезда и избавляя тебя от этой печальной необходимости.

— Ты уверен, что прав?

— Мое мнение, Каиржан, немногого стоит, но есть инстанции повыше. Им виднее.

— Какие инстанции?

— Обком, например.

— Обком хочет, чтоб сняли Дамеш?

— Мои недруги всех собак на меня вешают, но тебе, Каиржан, не к лицу обижать верного друга.

— Обидеть друга недолго, — Акмарал вздохнула.

Каир хотел резко ответить ей, но сдержался. А что, если он спешит, не разобравшись в фактическом положении дел на заводе и в цехе? Его любовь к Дамеш способна затмить рассудок, увести от правды. Он руководитель! Он обязан быть хладнокровным и рассудитель-

ным, вполне возможно, что Муслим и Акмарал плетут интриги за его спиной, хотят использовать его положение. Но надо выяснить и отношение обкома.

— Директор может принять любое решение,— как бы невзначай промолвил внимательно наблюдавший за ним Муслим.— Но надо собственными руками пощупать товар, прежде чем купить его.

Каир ничего не ответил. Муслим и Акмарал переглянулись. Они поняли, что битва если не выиграна, то по крайней мере приостановлена.

Муслим остался доволен разговором. Важно сегодня быть на коне, а завтра увидим, как повернется судьба. Будь он один в комнате — потер бы руки от удовольствия.

Пришли Серегин и Кумысбек. Акмарал тотчас же пригласила всех к столу, угостила чаем. Все слушали Каира, который рассказывал о совещаниях в Москве, о Пленуме ЦК.

Да, первый секретарь ЦК выступал на Пленуме! Он говорил о завтрашнем дне заводов и фабрик, о важности технического прогресса сегодня.

И другие выступавшие на Пленуме, на совещаниях говорили о том же. Прогресс! Только прогресс! Забота об этом — основная задача руководителей предприятий.

Муслим слушал Каира и понимал, откуда вдруг у директора такая нетерпимость к нему и Акмарал. Дамеш, выходит, в точку попала со своим проектом...

— Очень интересно!— воскликнул он.— Но нам надо быть бдительными и не открывать путь тем, кто под видом технического прогресса несет вред, а не пользу.

— Нельзя, прикрываясь бдительностью, мешать прогрессу,— возразил Серегин.

— Само собой!— Муслим засмеялся.— Кто ж спорит, что прогресс нужен?!

— Общие фазы, Муслим Сапарович.

— Вновь призрак несбыточного проекта Сагатовой?!— Муслим воздел руки к небу.— Кажется, мне надоест спасать вас от него, я отойду в сторонку и буду равнодушно смотреть, как завод полетит в пропасть, а вместе с заводом все вы.

— Не пугайте, Муслим Сапарович!

— Нас не очень-то испугаешь!— поддержал Серегина Кумысбек.

— Кстати, Николай Иванович,— обратился Каир к

Серегину.— Партком поддержал приказ главного инженера о снятии с работы Сагатовой?

— Нет.

— Еще бы!— Муслим хихикнул.

— И рабочие не поддерживают,— добавил Кумысбек.— Вчера в цехе обсуждали приказ. Считают — неправильный.

— Наградить надо Сагатову за аварию!— вставил Муслим.— Орден ей!

— Орден не орден, а выбрасывать с завода нужного работника, да еще автора интересного проекта, нельзя!— сказал Серегин.

— За такие дела орденов тоже не дают,— подхватил Кумысбек.

— Нет худа без добра,— продолжал Серегин.— Сагатова виновата и должна понести наказание, но авария показала, что наш завод действительно нуждается в технической реконструкции.

— Хотите, чтоб Сагатова не один цех, а весь завод подвела? Посмеюсь я над вами!

— Значит, и партбюро и рабочие считают, что приказ о снятии Сагатовой неправилен?— снова спросил Каир.

— Неправилен,— сказал Серегин.

— Неправильный,— поддержал его Кумысбек.

— Отменяйте!— засмеялся Муслим.— Легче легкого. Я свой долг выполнил, а отвечать вам придется.

— Во время еды не спорят!— Акмарал умела прекращать споры, когда они принимали нежелательный оборот.— У меня один знакомый был. Он спорил во время еды, подавился костью и умер.

— А я разгрызаю кости!— Кумысбек развеселился.— Они меня боятся...

Больше никто не упоминал о Дамеш. Все молча ели, предоставляя Акмарал говорить за всех, что она и делала, с тревогой поглядывая на Муслима. А он ел, причмокивал и посмеивался.

Когда гости уехали, вернулась Ажар. Она носила передачу Оразу. Отбросив в сторону пустую сумку, которую держала в руках, она обняла брата.

Каира огорчало неприязненное отношение сестры к Дамеш, но он любил Ажар и был рад ее видеть. До замужества Ажар, до того, как она начала ревновать Ораза

к Дамеш, они делились друг с другом всеми радостями и горестями.

— Как Ораз?— спросил Каир.

— Лучше... Гораздо лучше... Он ждет тебя. Уверяет, что у него будет секретный разговор с тобой. Что за секреты?— Ажар улыбнулась, но за этой улыбкой без труда можно было угадать обычное для нее в последнее время смятение.

На завод Каир приехал рано. Он с особенным удовольствием шел по цехам, здоровался с рабочими. Да! Завод дорог ему. За время пребывания в Москве почувствовал, как сроднился с людьми, работавшими здесь. И хотя завод приносил ему массу хлопот, огорчений и он часто проклинал и день и час, когда приехал сюда, ничто в мире не было для него сейчас более важным.

Каир беседовал с рабочими, спрашивал их о злополучном приказе главного инженера. История с Дамеш нервировала людей, вызывала недоверие к руководству. Да. Она виновна в аварии, но нельзя убирать с завода молодого специалиста! Каир чувствовал, что его приезда ждали, что рабочие надеются на него... Ему было приятно сознавать, что его считают человеком достаточно справедливым, несмотря на то, что до отъезда он не только не поддерживал проекта Дамеш, а, наоборот, выступал против него.

Особенно волновались, разговаривая с ним, Гена, Куан и Кеша, три неразлучных друга из бригады Ораза. Они возмущались бездушием Муслима, его формальным отношением к Дамеш. Не враг же она заводу, в самом деле?! Каиру приятно было убедиться, что Дамеш любят на заводе.

Каир вошел к себе в кабинет, вызвал Лиду и продиктовал ей распоряжение об отмене приказа главного инженера и о восстановлении Сагатовой в прежней должности, но с объявлением ей строгого выговора.

— Один экземпляр пошли Сагатовой!— добавил он.

Когда новый приказ был напечатан, Каир позвонил Серегину и попросил его зайти.

— Твое мнение?— Он протянул приказ Серегину.

Серегин пробежал бумагу глазами, и лицо его посветлело.

— Правильно, директор! Но имей в виду — Муслим Сапарович боец опытный. Он наверняка согласовал вопрос в обкоме или совнархозе.

— Есть инстанции повыше — Алма-Ата, ЦК.

Каир велел Лиде вызвать к нему Муслима, а до его прихода говорил с Серегиним о том, что пришло время решить судьбу проекта Дамеш. Если сидеть да посиживать — их все заводы страны обгонят. Он-то теперь знает!

Пришел Муслим, вежливый до приторности.

— Муслим Сапарович, вы, конечно, считаете, что правильно поступили, сняв инженера Сагатову с работы? — Каир говорил подчеркнуто холодно.

— Я отвечаю за свои действия. — Муслим льстиво склонился перед ним. — Авария — болсе чем достаточное основание.

— Я счел необходимым отменить ваше распоряжение.

— Очень жаль, дорогой товарищ директор, но когда я подписал приказ о снятии с работы Сагатовой, то согласовал его с вышестоящими организациями.

— С кем? — резко спросил Каир.

— С совнархозом хотя бы.

— Прием и увольнение рабочих — обязанность директора!

— Не следует забывать, дорогой товарищ директор, что совнархоз утверждает прием и увольнение.

— Я не забываю.

— Меня ведь только это беспокоит, дорогой товарищ директор. Чтобы ты не доставил себе хлопот и неприятностей.

— Я сам о себе позабочусь.

— Как бы дело не приняло серьезного оборота, Каиржан. Завод не твоя собственность, — не величая его больше «дорогим товарищем директором» и отбросив полшутливый тон, говорил Муслим. — Я больше не нужен?

— Благодарю, — подчеркнуто официально сказал Каир.

— Отлично, отлично... — Муслим опять склонился перед ним. — Воля директора для нас закон.

Он неторопливо вышел из кабинета. Серегин, нервно постукивая палкой о пол, заметил:

— Судя по его поведению, он заручился крепкой поддержкой. Ну да ничего... Поборемся!

— Итак, будем заниматься проектом Дамеш вплотную, Николай Иванович. Я считаю, что пришло время со всем заводским коллективом поговорить о будущем.

— Очень своевременно, — согласился Серегин. — Пле-

нум, на котором ты побывал, как видно, принес тебе пользу. Соберем партийное собрание. Пусть коммунисты скажут свое слово... Заслушаем твой доклад о решении Пленума ЦК по механизации и автоматизации, о том как осуществить это решение на нашем заводе.

Каир перестал ходить по кабинету, остановился перед Серегинным.

— Умно придумано, Николай Иванович.

— Вот и договорились.— Серегин встал и протянул ему руку.

— Ладно, я сделаю доклад.— Каир пожал руку Серегина.— Поборемся...

После ухода Серегина Каир начал прием ожидавших его рабочих. Один просил квартиру, еще один хотел, чтобы его перевели на другую работу. Иные жаловались на своих начальников, иные приходили с новыми проектами, соображениями, планами.

Каир работал сегодня с особой энергией, стараясь из каждого предложения, из каждой новой мысли извлечь для завода пользу.

Никогда прежде двери его кабинета не были так гостеприимно открыты. И все как будто почувствовали этот внутренний подъем директора.

Потом Каир был в цехах, сам проверял работу смен и лишь в половине шестого почувствовал, что он голоден и устал. Зато какой день прожит!

II

На следующий день Лида вызвала на завод Дамеш, вручила ей приказ директора и провела в его кабинет. Там уже сидели инженеры из технического отдела, занимавшиеся ее проектом. Каир встал, поздоровался с Дамеш, остальные инженеры, кроме начальника технического отдела, по примеру Каира тоже встали и приветствовали ее.

Дамеш была смущена не только потому, что она прочла приказ о своем восстановлении, не только потому, что попала на совещание, где обсуждали ее проект,— она вспомнила о встрече с Каиром в гостинице, о поцелуях, и краска стыда залила ее лицо.

— Так вот, товарищ Сагатова... Мы обсуждаем ваш проект,— Каир пододвинул Дамеш стул.— Садитесь. Вы прочли приказ?

— Да... Я прочла...

— А теперь за работу!

Дамеш смотрела на Каира и думала о том, как, оказывается, трудно разобраться в людях... Она была убеждена, что Каир не захочет заниматься ее проектом, не захочет понять, а уж тем более поддержать его. Он же оказался лучшим другом. Правда, он пока еще не сторонник проекта, но готов стать им, он сам хочет этого. Он настоящий руководитель!

Дамеш со всем жаром, на какой была способна, принялась объяснять основные положения проекта. Перестройка предстоит огромная! Она захватит основные вехи и потребует новых форм работы.

Каир внимательно слушал Дамеш, не прерывал ее, но, когда она коснулась сути дела, начала рассказывать о том, какими путями будет проводиться реконструкция, он принялся задавать вопросы. Это были вопросы по существу. Дамеш едва успевала отвечать. Потом он снова замолчал и до конца совещания не вымолвил ни слова.

Когда Дамеш вместе со всеми выходила из его кабинета, Каир сказал ей:

— Не забудь — сегодня твоя смена.

Дамеш шла в свой цех. Ей было приятно идти знакомой дорогой, и она, так же, как и Каир после приезда, почувствовала, что соскучилась по заводу, что он стал ей близок, что она сроднилась с ним.

Первым, кого она встретила в цехе, был старик Курышбай. В брезентовой шапке сталевара, с кочергой в руках, он давал указания подручным. Он пришел на завод вместо больного Ораза — заменить его у печи. Подойдя к Курышбаю, который в это время выпускал шлак, Дамеш окликнула его:

— Здравствуйте, дедушка! Со шлаком воюете?

— Э, дитя мое, чем скорее избавимся от него, тем скорее к коммунизму придем. Вот ты на меня смотришь и думаешь, наверное: «Зачем на старости лет в цех вернулся?» А я тебе экзамен учиню. Смотри вот, шлак пенится. Отчего?— Курышбай испытующе смотрел на Дамеш.

— Углерода много, дедушка!— Дамеш засмеялась.

— Верно, дитя мое. Но отчего углерода больше? Об этом думай... Предыдущая бригада, загружая печь ших-

той, остудила ее. А надо усилить жар в печи. Не снижать. Наверное, наш Ораз частенько такие ошибки допускал, вот и отставал от других. Недаром говорят старые сталевары: «У кого хороший шлак, у того хорошая сталь».

— А он не жидкий?— Дамеш, надев защитные очки, взглянула на шлак.

— Наоборот, густой.

Курышбай направился к Гене и Куану.

Дамеш с улыбкой смотрела ему вслед. Семидесятилетний старик не захотел, чтобы место его сына осталось незанятым, не побоялся вступить в бой с буйным пламенем, бушующим в печи! Он похож на могучий дуб, исполненный сил и готовый противостоять любым бурям. Гордый, сильный дуб, корнями глубоко ушедший в родную почву...

Вчера Курышбай и Иван Иванович вдруг решили серьезно поговорить с Дамеш о рабочей гордости. Они поочередно объясняли ей, что такое рабочая гордость: она есть основа основ рабочего человека. И тот, кто поступится ею, навсегда потеряет право идти в одном строю с остальными, смотреть им в глаза, утверждать, что у него чистая совесть. Старики явно хотели вознаградить ее за правильные поступки, дать ей понять, что ничто не ускользает от внимания людей. Вот потому-то так приветливы с ней все рабочие. Они уважают ее рабочую гордость.

К Дамеш подходят сияющие Гена и Куан.

— Дамеш Сахиевна, разрешите поздравить вас с возвращением в родной цех!

У них в общем-то нет времени на разговоры, и Дамеш, поспешно пожав им руки, спрашивает, где Кеша.

— Навешивает мульду на шихтосвалку. Молча!— смеется Куан.— Это мы с Геной любим потрепаться.

— Мы веселые!— вставляет Гена.

Все трое смеются и не замечают, как к ним подходит Курышбай. Старик сердито кричит:

— Прекратить разговоры! По местам! Инженер Сагатова, не задерживай их!.. Назад! Назад!

— Ну и сердитый вы у нас, дедушка,— шутливо жалуется Гена.— Поздороваться не дадите...

— Сталь плавится.— Старик сердито щурит глаза.

Дамеш кивает ему и спешит на свое место. За работу, Дамеш! За работу!

Ораз, опираясь на костыли, стоит перед больничным окном.

В коридоре, длинном и ослепительно белом, никого нет. Ораз стоит у окна уже давно.

Он смотрит на небольшой сад перед больницей и вспоминает парк, где когда-то они бродили с Дамеш. ...Высоко подняли головы пирамидальные тополя, нахотлились мощные дубы, вытянулись сосны и березы, карагачи осыпают землю золотыми, изумрудными и яхонтовыми листьями, напоминающими шашу¹. Оразу кажется, что он идет по парку, поднимает эти листья, любитесь ими. Но вот перед ним возникает фигурка Дамеш. Девушка улыбается ему, и Ораз спешит к ней. Его ноги скользят в шуршащей листве... Она близко... Совсем близко...

Ораз шумно вздыхает. Парк исчезает, перед ним снова маленький больничный садик. На ветке ели беспокойно чирикает одинокий воробей.

Ораз переводит взгляд на курчавые облака, повисшие над горизонтом. Нижние их края будто охвачены багровым пламенем. Нет, это сравнение, пожалуй, не точно. Скорее всего на горизонте развернули ковер из красного бархата. Сквозь просветы между облаками буйно пробиваются солнечные лучи. Будь Ораз художником, он нарисовал бы этот фантастический пейзаж.

Как ни странно, главное, о чем он думает здесь, в больнице,— это проект Дамеш. В течение месяца он проверил расчеты. Он уверен, что вместе с проектом Дамеш его предложение сократить сроки отдельных операций и промежутки между ними даст огромный эффект. Скорее бы выйти из больницы! Он каждый день просит об этом врачей, но они не разрешают. А как его бригада? Душа изболелась... Хорошо, что отец заменил его у печи.

Много времени прошло с тех пор, как Ораз разбился... У него обнаружили вывих бедренного сустава, трещину в правой голени, повреждение поясницы. Вывихи вправили, голень его уже не беспокоит, а вот поясница долго не давала возможности двигаться. И тут-то помогло искусство Асхара. Он велел Айше делать уколы новокаина, и Ораз сразу почувствовал себя лучше.

¹ Шашу — монеты и сладости, которые разбрасывают перед гостем во время торжественной встречи.

Ораз вышел в больничный вестибюль, большой и пока пустынный. Сегодня день свидания с родными. Ораз скучает по сыну. Но он ждет и Ажар.

Она приходит одна.

— Где Болат?— беспокоится Ораз.— Почему ты не привела его?

— Нездоровится ему со вчерашнего дня.— Ажар смутилась, как будто виновата в этом.

— У врача были? Что у него болит?

— Гвоздем ногу поцарапал и не может ходить.

— Какая неосторожность!— говорит Ораз.

— Я вот принесла тебе...— Ажар кладет перед ним на стол большой сверток.

Ораз знает, что она с особым старанием готовила для него его любимые кушанья.

Ораз думает о том, что она всегда была ему верной спутницей. Она мать его сына, которого он так любит. Как он мог причинить боль этой нежной маленькой женщине, готовой пожертвовать ради него жизнью? Вот она время от времени поднимает на него глаза, полные надежды, света... Надо же было ему только на дне оврага, перед лицом смерти понять... До чего же он был слеп!..

В вестибюль чинно входит вся его бригада: Гена, Кеша, Куан и с ними Дамеш! Ораз поспешно встает. Ребята шумно обступают его, жмут руки, протягивают пакеты с подарками. Ораз не спускает глаз с Дамеш. Ажар сидит съежившись, испуганно глядя на нее.

— Здравствуй, Ажар,— спокойно говорит Дамеш.— Рада тебя видеть. Не рассердишься, если мы побудем немного с Оразом и помешаем вашей семейной беседе?

— Нет... Пожалуйста...— Ажар теряет, у нее краснеют глаза, и кажется, что она вот-вот заплачет...

Все рассаживаются вокруг стола и наперебой начинают рассказывать Оразу, что на заводе наступили новые времена.

— Проект мой обсуждают. Сам Каир взялся,— говорит Дамеш.

Ораз насторожился, когда она упомянула о Каире. Они видятся, стало быть! А если Каир благосклонен к ее проекту, то она благодарна ему...

— Директор молодец!— объявляет Геннадий.— Не чета бешеному Муслиму.

— Душа у Муслима в пятки ушла,— вторит ему Кеша.

— Скоро засверкают его пятки,— добавляет Кеша.

— Я верю в Каира,— говорит Дамеш.

— И я,— добавляет Гена.

— И мы с Кешей,— подхватывает Куан.

— А как отец?— спрашивает Ораз.

— Мировой старик!— восклицает Кеша.— Как бригадир — несколько очков вперед тебе даст!

— У Курышбая без конца идеи,— поддерживает его Гена.

— И у меня идея. Хочу с вами посоветоваться,— говорит Ораз.

— Послушаем.— Геннадий приготовился слушать.— Тихо! Ораз выкладывает идеи. Сколько идей! Кругом идеи! И у молодых и у старых!

— До сих пор мы не полностью использовали время работы печи. Слишком медленно загружали ее шихтой и проигрывали кучу времени. Печь успевала остыть, и на выплавку стали требовалось больше восьми часов.

— Разрешите уточнить, товарищ бригадир,— прервал его Геннадий.— Восемь часов и двадцать минут.

— Ну вот!— продолжает Ораз.— А некоторые операции можно проводить параллельно с другими. Например, во время пуска стали в освободившейся части печи сверху и сзади сразу надо начинать заправку. Сколько времени мы выиграем? Это выяснится, когда будем работать по-новому, но время выиграем.

— Это, пожалуй, похоже на истину,— заметил Куан.

— А сколько все-таки времени мы можем выиграть? Секунду?— спросил Геннадий.

— Хотя бы секунду,— вмешалась Дамеш.— Из секунд складываются минуты, а из минут часы...

— Выиграем достаточно,— продолжал Ораз.— Обычно мы перемешиваем чугуи с известняком, но надо известняк разместить тонким слоем в различных местах печи... Тогда быстрее будет плавиться масса.

— Интересное предложение,— сказала Дамеш.— Как считаете, ребята?

— Оказывается, во время болезни у тебя полезные мысли появились,— Кеша похлопал Ораза по плечу.— Болей почаще.

— Твое предложение, Ораз, надо подкрепить автоматикой и новыми механизмами. В мой проект включить,— добавляет Дамеш.

Все четверо горячо спорят о предложении Ораза, за-

быв, что находятся в больнице. Больные и пришедшие к ним посетители с интересом смотрят на разгорячившихся друзей, а некоторые из них, рабочие завода, тоже вставляют свои замечания, и вскоре беседа делается общей, шумной, веселой, особенно когда Гена, Куан или Кеша отпускают шутки.

Ораз смотрит на ребят и с радостью видит, что они действительно воодушевлены. Они шутят, но глаза их горят. Вот теперь-то он сумеет их объединить! Они верят ему. В этом и была вся трудность. Он метался, сомневался в себе, и они не могли положиться на него, не могли поверить.

Ажар, сидящая в сторонке, не принимает участия в разговоре. Она тревожно следит за Дамеш и Оразом. Никто не знает, каких усилий стоило ей сдерживать себя, когда она увидела Дамеш. Хотелось преградить ей путь, как в первую встречу здесь. Хотелось выгнать. Но вдруг она подумала, что из разговора Дамеш с Оразом она окончательно уяснит их отношения.

Да, конечно, все переменялось. Ораз стал другим, совсем другим. Но не так-то легко отделаться от прежних подозрений.

Дамеш понимала, что Ажар следит за ней. Когда Ораз слишком долго смотрел на нее, она хмурилась и громко начинала говорить о Канре. А когда пришло время уйти, она подчеркнуто вежливо попрощалась с Ажар и подчеркнуто официально с Оразом, оставив Ажар в состоянии радостной надежды.

— Я пойду, — Ажар тоже поднялась с места. — Что принести в следующий раз?

Когда Ажар ругала его, устраивала скандалы, Ораз ожесточался, ненавидел ее. А теперь ее покорность обезоруживала.

— Приходи завтра, — сказал он.

— Хорошо. — Она растерялась и поспешно вышла, чтоб он не увидел ее вспыхнувшего румянцем лица.

На другой день к вечеру явился Курышбай и вызвал сына на улицу. Курышбай немного похудел, а борода и усы совсем побелели — болезнь Ораза, семейные нелады, видимо, подействовали на старика. Еще в прошлом году люди удивлялись: «Ой-ой, Куреке совсем не стар. Язык не повернется сказать, что он вступает в восьмой десяток». Оразу совестно перед отцом. Он должен бы вести себя так, чтоб отец мог гордиться им, радоваться, на него

глядя, а получается наоборот — старик замещает сына в цехе.

Ораз молчит, не зная, что сказать. Он ждет, когда заговорит отец, но тот тоже молчит. Из посеребренной костяной шакши старик берет табак, закладывает за губу и с достоинством ждет, пока заговорит сын. Ораз смущается и, не придумав ничего другого, начинает разглазговать о шакше.

— Не изнашивается твоя шакша. Она мне ровесница.— Он берет в руки пробку от шакши, украшенную кисточкой, и рассматривает ее так внимательно, будто видит в первый раз. Потом нюхает пробку. Ну и запах!

— Эта шакша постарше тебя,— говорит Курышбай.— Среди людей, живших под Каскеленом, устроился некогда пройдоха Мергенши. Он украл эту шакшу из кармана Ордабая и продал мне за барана. Потом сообщил хозяину: «Твою шакшу украл Курышбай, я видел ее у него». Целое лето тянулась тяжба из-за этой шакши. Это был год твоего рождения.

— Да, отец...

— В том году я подвергся божьему проклятию: вознамерился жениться на приезжей девушке — колхозной учетчице — и убежал из дома. Тогда твоя мать, покойная Халима, сказала: «Ты мне больше не нужен, уйдешь сегодня или завтра — воля твоя... Только дети, когда вырастут, не простят тебе сиротства». Эти слова крепко засели у меня в сердце, и я вернулся в семью.

Некоторое время Курышбай молчит, искоса поглядывая на сына, но, видя, что тот не намерен поддерживать разговор, хмурится и отчаянно сопит.

Ораз спрашивает его о заводе, и старик, дав волю гневу, начинает осуждать порядки, которые Ораз установил в бригаде.

— А еще Герой Труда! — возмущается он. — Да у тебя же главного в бригаде нет: дисциплины. Без нее не то что сталь — воду не вскипятишь. Держать надо! Вон у Дамеш планы какие...

— Верно, верно, отец... — Ораз думает о том, как прощателен Курышбай, как быстро он разглядел, в чем беда сына.

— Было время, и я походил на перекасти-поле,— говорит старик.— Ветер гнал меня, а овраги останавливали, Твое время другое, мой милый, пойми это!

— Я многое понял, отец,— задумчиво говорит Ораз.—
Очень многое.

— Я все сказал тебе, шырагым¹! И если ты опять заведешь старые песни, можешь не вспоминать, что у тебя есть родной отец.

Курышбай встал.

— Старые песни все спеты,— говорит Ораз.

— Правильно, сынок,— у Курышбая дрогнул голос, и он совсем тихо сказал:— Я хочу верить тебе, сынок.

III

В большом зале Дворца культуры началось открытое партийное собрание. Накануне Лида передала Дамеш записку от Серегина: «Подготовься к выступлению». Дамеш растерялась. Она понимала, что собрание решит все...

Лида, печатавшая днем на машинке тезисы выступления Капра, придя с работы и сидя за чаем с Дамеш и Иваном Ивановичем, сказала: «Тот, кто не придет на завтрашнее собрание, пожалеет об этом. Но жалеть будут и некоторые из тех, кто придет».

Услышав столь интригующую фразу, Иван Иванович не усидел дома и вместе с Дамеш отправился на собрание.

Во Дворце культуры стоял непрекращающийся гул голосов. Люди прогуливались по залу, отовсюду слышны были оживленные разговоры, смех, выкрики. Дамеш, взяв под руку Ивана Ивановича, поднялась с ним на верхний этаж.

Проходящие мимо люди здороваются с ними. Вот обер-мастер прокатного цеха, похожий на борца-тяжеловеса Нурбек с вальцовщиком Мирзаханом. Вот обер-мастер мартеновского цеха Иващенко с мастером Кумысбеком. Все, знакомые, все товарищи по труду. Дамеш в первый раз видит их вместе.

Вот и Курышбай. Они с Иваном Ивановичем пошли в зал, а Дамеш осталась в фойе. Казалось, не будет конца потоку людей. Вон шумливая толпа ребят с металлургического завода. Дамеш знает их. Рядом, в синей рубашке,— знаменитый футболист из прокатного цеха. Его сосед, белобрысый юнец из мартеновского цеха, часто

¹ Шырагым — обращение: светик, мой свет.

выступает во Дворце культуры — поет чудесные песни. Напротив них смуглый великан, жестикулирует, басит — кузнец механического цеха, отчаянный любитель и собиратель книг. Возле них группа молодых людей во главе с Гсной... Кеша... Куан... Они смеются... Они заметили ее и машут ей руками.

Они поддержали ее, когда ей было трудно, не оставили в одиночестве, отстояли. Они хозяева Темиртау. Старые и молодые. Учителя Дамеш и ее сверстники...

Оглушительный звонок прервал мысли Дамеш, она даже вздрогнула от неожиданности.

Зал переполнен. Она проходит вперед. А вот и местечко между Тухфатуллинным и Кумысбеком.

— Если я напутаю что-нибудь в своем выступлении, поможете мне, — обращается к ней Кумысбек. — С места подскажите!

— Обещаю. Но и вы мне помогайте в случае чего! Дамеш смотрит вокруг.

— Тут не только ваши друзья, — шепчет ей на ухо Кумысбек. — Гляньте влево... Вои! У стены...

Дамеш смотрит туда и видит главного инженера, нескольких работников технического отдела и нескольких вальцовщиков и мастеров из прокатного цеха, возглавляемых Игламбеком.

— Враги? — спрашивает Дамеш.

— На них опирается Мусеке... — поясняет Кумысбек.

Дамеш не спускает глаз со своих противников, которые тоже исподволь поглядывают на нее. Ну хорошо! Положим, работники технического отдела — по должности помощники главного инженера — вынуждены петь под его дудку, но зачем туда же лезут люди из прокатного цеха во главе с Игламбеком? Что нужно Игламбеку? Зачем он нанялся в оруженосцы к Муслиму? А впрочем... Пожалуй, нетрудно понять. Игламбек — сокол в руках главного инженера. Муслим противопоставляет его Оразу... Ну да... Гадость какая! В наше время! В наше время, в наши дни плести подобные интриги!

Шум в зале стих. Серегин открыл собрание и попросил назвать кандидатов в президиум. Со всех сторон слышались возгласы, называли имена. Дамеш с удовольствием услышала фамилии Курышбая и Ивана Ивановича. Кумысбек хотел было выкрикнуть фамилию Дамеш, но она вовремя схватила его за руку, и он так и замер, успев произнести только «Сага...». В зал вошел

Базаров с группой горкомовских работников. Его тоже выдвинули в президиум. После того как проголосовали, Серегин попросил всех избранных подняться на сцену, занять свои места, а когда все расселись и успокоились, предоставил слово Каиру.

Каир поднялся на трибуну. Он был в черном костюме и ослепительно белой сорочке с темным галстуком. Дамеш нашла, что он одет со вкусом и выглядит хорошо. Лицо его показалось Дамеш бледным — он будто похудел немного.

Каир заговорил. Он рассказывал о работе Пленума ЦК, выступлениях, о том, что ему запомнилось больше всего.

Дамеш понравилось, что Каир начал доклад со своих личных впечатлений, Слушали его с интересом. Дамеш смотрела на него, как будто впервые увидела. Молодец Каир!

Разговаривая, Каир энергично жестикулирует. Чем дальше, тем обстоятельнее и убедительнее его речь. Отбрасывая рукой падающие на лоб черные волнистые волосы, он внимательно смотрит на сидящих в зале. Но Дамеш кажется, что смотрит он только на нее и говорит для нее.

— Техника на наших заводах за последние двадцать лет не обновлялась, осталась прежней, устарела,— продолжает Каир.— Конечно, легче жить без хлопот и забот, ничего не изменяя... Наш завод построен сравнительно недавно, в первые годы войны, но с того времени и в технике произошли серьезные сдвиги, а мы ни одного винтика у себя не переменили. Все крутим и крутим старые винтики и ждем, пока они выйдут из строя!.. А когда они выходят из строя, мы их выбрасываем, выписываем из Москвы или Ленинграда новые, и опять в том же ритме их крутим. Верно, товарищи? Остановите меня, если в моих словах есть неправда.

— Правда!— закричали со всех сторон.

— На этом старом винтике мы не прибавили даже нарезки. Не увеличили производительности труда. Мы были во власти индифферентных настроений. У прежних руководителей завода не хватало решимости провести техническую реконструкцию. Даже когда им предлагали осуществить что-нибудь новое, они всячески отмахивались, медлили и говорили, что завод работает хорошо, что новаторство связано с производственным риском.

Муслим, сидевший в президиуме, беспокойно заерзал на стуле и с волнением зашептал что-то своему соседу справа, Серегину.

Каир заметил это, улыбнулся и сказал, кивнув в сторону Муслима:

— Вот Муслим Сапарович наверняка шепчет Николаю Ивановичу, что не он один виноват. Правильно, Муслим Сапарович. И я работал при старом руководстве. И я несу свою долю ответственности...

— С себя и спрашивай!— крикнул из зала Игламбек.

— Не только с меня спрос,— поправил его Каир.— Спрос со всех нас.

— Мы-то при чем?!— не унимался Игламбек, видимо, имевший прямые указания Муслима сорвать выступление директора.

Серегин зазвонил в колокольчик.

— Спокойно, товарищи. Давайте не будем прерывать оратора!

— Пусть себе прерывает,— не согласился с ним Каир.— Я не боюсь, что меня собьют. Я говорю правду и буду ее защищать.

— А ты уверен, что говоришь правду?— снова выкрикнул Игламбек.

— Несколько месяцев назад инженер Сагатова,— продолжал Каир,— предложила нам проект автоматизации и механизации выплавки стали. Как мы отнеслись к ее предложению?

— Тебе лучше знать!— крикнул кто-то из зала.

— Я вместе с другими отнесся к проекту Сагатовой равнодушно. Я не поверил в него. Сомневался в нем.

— Теперь поверил?— ехидно спросил Муслим.

— Да, Муслим Сапарович! Я поверил. Понял, вернее. И не только сам проект понял, но и то, что нельзя ставить подножку человеку, который хочет принести пользу. А чем мы помогли Сагатовой?

— Я никому не ставил подножек!— крикнул Муслим.— Я принципиально против проекта.

— Принципиальность — вещь превосходная,— Каир повернулся к нему.— Но разве принципиально противиться техническому прогрессу?

— Надо еще доказать, что проект Сагатовой прогрессивен!

— Я понимаю, что только после осуществления проекта можно будет оценить пользу, которую он принесет. Но

если внимательно с ним ознакомиться, что я и сделал за последние дни, то поверишь в него и пойдешь на любой риск.

— Инженер Сагатова уже устроила нам одну аварию в цехе, а если ее проект осуществится, весь завод пострадает!— не сдавался Муслим.

— Насчет аварии, за которую Сагатова, безусловно, ответственна, я хочу сказать следующее: будь у нас новое оборудование, аварии не случилось бы.

— Правильно!— послышался голос Гены.

— Директор прав,— поддержал его Куан.

— Молодец директор!— вызвав общий смех, добавил Кеша.

В зале раздались аплодисменты, и Дамеш, взволнованная, счастливая, оглянулась на Кумысбека; тот шепнул ей:

— А директор наш совсем не плох.

Дамеш молча кивнула.

— Сегодня я прочел в газете «Советская Караганда» следующие слова.— Каир развернул газету.—«...проект инженера Сагатовой на металлургическом заводе положили под сукно. Мы поместили в свое время статью инженера Сагатовой. В ней критиковались порядки на заводе и излагалось существо ее проекта. За это молодого инженера Сагатову подвергли гонениям...»

— Неправильная статья!— Муслим вскочил с места.— Сагатову никто не подвергал гонениям.

— А вы?— Каир резко повернулся к нему.

— Я?!— Муслим задохнулся от гнева и не мог произнести ни слова, только нелепо разводил руками.

— Вы преследовали инженера Сагатову,— твердо повторил Каир.— Вы подписали приказ об ее освобождении! Вы или не вы?! Отвечайте...

— Здесь что?!— прохрипел Муслим.— Собрание или суд?

— И то и другое,— ответил Каир.

В зале вспыхнули аплодисменты, Дамеш глядела на Каира с благодарностью. Как трудно, оказывается, узнать человека по-настоящему!

— Я встречался на Пленуме с руководителями крупнейших заводов страны. Я слушал выступавших на Пленуме,— голос Каира звонко разносился по залу,— и думал о нашем заводе. Все они говорили как будто о нас с вами. Я многое понял. И свои ошибки тоже. Мыслить

мы должны с вами по-новому, горизонты новые видеть должны, а не то безнадежно отстанем от жизни.

Если машина будет осуществлять непрерывную плавку стали, значит, она облегчит нам самый сложный и самый тяжелый труд. Это ведь и есть коммунизм — облегчение труда человека!

И нашим вальцовщикам не придется с опасностью для себя хватать клещами извивающийся раскаленный металл. Если машина сама будет вытягивать его и готовить прокат, Нурбеку и его товарищам останется только приказывать машине и контролировать ее работу. А время? Сколько мы его выиграем? Нурбек и Кумысбек, например, заканчивали бы работу за пять-шесть часов, а остальное время уделяли бы книгам, театру, охоте, чему угодно. Вот какие возможности открывает перед нами прогресс техники. Отказываться от него, Муслим Санарович? Никогда! Иначе нам закрыта дорога в будущее.

Зам дрогнул от аплодисментов. Взволнованная Дамеш не спускала с Каира глаз до конца доклада.

После Каира слово получил Игламбек.

Дамеш не видела скакунов в аулах. Но она представляет их себе со слов Курышбая: скакун, привязанный между двумя юртами, сильно возбуждается от топота скачущих мимо коней, поводит ушами, грызет удила, взвизгивает на дыбы, оглушительно ржет. Игламбек словно такой конь: перебивал речь Каира, а когда тот закончил выступление, первым побежал на трибуну и сразу же взял Каира в оборот. Словами, подобными увесистому шокпару¹, он наносил удар за ударом.

Дамеш думала, что Игламбек мягче и лучше, но теперь видит, что это не так. Запоспичивый и задиристый человек! Как он смеет так говорить о Каире, выступившей честно и прямо?! Он утверждает, что директор не знает жизни завода, поддерживает своих родных и только им дает возможность расти... Что Ораз — хвостун и лентяй. Бригада его разбрелась, потеряла завоеванные высоты, а он сам неспроста попал в больницу...

— Прекратите безобразия! — крикнул Гена.

И тут всех как прорвало: понеслись возмущенные крики, поднялся шум, и Серегин тицетно звонил в свой колокольчик, пытаясь восстановить порядок.

— Доло-о-ой! — неслось из зала.

¹ Шокпар — длинная палка с набалдашником.

Игламбек стоял обескураженный, не зная, как быть, но крики, свист нарастали, и он счел за лучшее сойти с трибуны.

Зал долго не мог успокоиться. Когда наконец водворился порядок, Серегин сказал:

— Я считаю, товарищи, что Игламбек не прав, но высказаться ему надо дать возможность. Вот я и предлагаю товарищу Игламбеку снова занять место на трибуне. Я понимаю ваши чувства. Честно говоря, самому хотелось свистнуть как следует...

В зале захохотали, зааплодировали, а Серегин, улыбаясь, продолжал:

— Для чего, спрашивается, лить помой на честных людей? Нельзя этого делать, товарищ Игламбек! Не для этого вам трибуна предоставляется. А по существу дела — пожалуйста. Говорите сколько желаете. Прошу вас на трибуну, товарищ Игламбек.

Зал молчит, и Игламбек, не зная, что ему делать, тоже молчит.

— Подождем немного, — Серегин улыбается. — Но долго ждать не сможем.

Зал раздражается хохотом, и Игламбек, окончательно потеряв всякое желание выступать, кричит:

— Не хочу выступать! Я все сказал.

Слово предоставляется Платону Сидоровичу, начальнику технического отдела. Он поднимается на трибуну, большой, неленый, со сбившимися в клоchy седыми волосами.

Беда Платона Сидоровича, как известно, заключалась в том, что он никогда не имел своего мнения и всегда предпочитал выполнять распоряжения свыше. Вот и сейчас он беспомощно оглядывается на президиум, на начальство.

— Предложение Сагатовой мы рассматривали, — бубнит он. — И мы считаем... Н-да... М-м-м...

Платон Сидорович кашляет, пьет воду, но сидящие в зале отлично понимают, что он не знает, к кому прикинуть, к Каиру или к Муслиму, главный инженер утром припугнул его, сказав, что обком не поддержит директора и Сагатову.

— Вот и я говорю... — нерешительно тянет Платон Сидорович, — рассмотрели мы проект Сагатовой... Да...

Некоторое время он невразумительно рассуждает о том, что проект может быть хорош, как проект, а на прак-

тике не оправдывает себя и, наоборот, может быть хорош на практике... Все может быть...

Он долго разглагольствует подобным образом, а потом обращается к Серегину:

— Скажите, я не много говорю? Может быть, мое время истекло?

Зал хохочет, а Серегин отвечает:

— По-моему, ваше время, Платон Сидорович, уже давно истекло, но вы сами этого не заметили.

— В каком смысле?— под общий хохот спрашивает Платон Сидорович.

— В смысле проекта Сагатовой,— поясняет Серегин.— И боюсь, если вы не поразмыслите над этим, трудно вам будет жить на свете, запутаетесь окончательно. Хотите еще что-нибудь добавить?

— Да... Хочу... Нет... Не хочу... Хочу... Нет...— окончательно запутывается Платон Сидорович, а потом, решившись, видимо, на что-то определенное, кричит:— Я поддерживаю проект Сагатовой!

Зал снова смеется, а Серегин замечает:

— Вот когда, Платон Сидорович, вы не поддаетесь чужим влияниям, а собственное мнение излагаете, никто вас не упрекнет, что вы неверно живете на свете. Человек должен быть самостоятелен. Как бы он ни поступал: правильно или неправильно. Естественно, лучше правильно поступать.

После Платона Сидоровича выступили еще несколько коммунистов. Они остро критиковали руководство и защищали проект Дамеш.

Серегин предоставил слово Дамеш. Для нее это было полной неожиданностью. Она не собиралась выступать, предупредив об этом Серегина запиской, и поднялась на трибуну растерянная.

— Я не собиралась говорить,— начала она,— но я хочу, чтобы вы знали... Все, кто здесь... Весь завод... Мой родной завод... Вопрос не во мне... Буду я или не буду... Другие будут... Все равно... Завод не может жить прошлым... У нас права нет оглядываться назад... Я рада, что директор понял это... Пусть с опозданием... Он был моим противником... Но нельзя... Против технического прогресса выступать — все равно что против движения вперед, против жизни выступать... Я не о себе хлопочу, товарищи... Мой проект, он условно мой... Не будь меня, сама жизнь постучалась бы к вам в двери, кто-то другой вмес-

то меня предложил был... А насчет Ораза Курышбаева тоже неверно... Я верю, что он и его бригада покажут себя в недалеком будущем с лучшей стороны... Надо идти вперед, не бояться опрокидывать старое, отжившее. И верить людям надо. Вот тогда мы победим. Вот тогда мы делом ответим Пленуму ЦК.

Дамеш сошла с трибуны под шумные аплодисменты.

— Умница!— сказал ей Иван Иванович, когда она проходила мимо него.

— Слово предоставляется товарищу Мусину,— провозгласил Серегин.

С Дамеш мигом слетело ее радостно-приподнятое настроение. Начинается бой. Предполагать, что Муслим сдастся без борьбы, уступит свои позиции и добровольно признает себя неправым, было бы смешно. Те, кто хоть немного знали Муслима, понимали, что он противник опасный.

Муслим, взойдя на трибуну, по обыкновению протер очки и, достав из кармана блокнот, положил его перед собой. Важно оглядев зал, он откашлялся и начал речь издали, с общих утверждений о том, что Советская власть добилась больших успехов, особенно если сравнивать нынешнюю промышленность, скажем, с промышленностью дореволюционной России. Муслим привел огромное количество цифр, сопоставил их, затем перешел к Казахстану. Он сказал, что большая часть территории Казахстана прежде пустовала, а в настоящее время превратилась в цветущую страну. Он снова приводил цифры, снова сопоставлял их, и, после того как перешел наконец, к характеристике Караганды, его время истекло.

Серегин прервал его:

— Ивините, товарищ Мусин, но ваше время истекло!

— Ай-яй-яй! Ничего не успел сказать. Что поделаешь.— Муслим снял очки и, собрав бумаги, начал слезать с трибуны.

— Дайте ему время!— крикнули из зала.

— Он не высказался!

— Сколько просите времени, Муслим Сапарович?— спросил Серегин.

— Но я могу и не говорить,— предложил Муслим.— Совсем не обязательно.

В зале зашумели, а Муслиму только этого и надо было. Он поставил Серегина в неловкое положение. Полу-

чалось, что тот не дает Муслиму говорить, себя же Муслим показал скромником, вовсе не добивающимся объяснений и борьбы. Кроме того, он возбудил интерес к своему выступлению.

Дамеш разгадала намерение Муслима и насторожилась. Сейчас последуют жестокие удары. И на нее они обрушатся и на Каира. Что-то будет?..

— Я начну с последней аварии в смене Сагатовой.— Муслим снова разложил перед собой бумаги.— Это не просто авария, а результат того, что мы попустительствуем Сагатовой.

Вон он куда тянет. Ну и хитер! Дамеш крепко сжала кулачки.

Муслим спокойным голосом доказывал, что причина аварии не халатность отдельных работников, она куда более серьезна: Сагатова не овладела заводской техникой, не знает ее. До нее на заводе работало много инженеров, и «черный котел» исправно плавил сталь. Никто не слышал, чтобы раньше инженеры жаловались на «котел». Получается, что только после прихода Сагатовой техника оказалась плохой и изношенной, вызвала аварию в цехе. Как говорят казахи: «Плохой сапожник винит шило».

— А вот товарищ директор либо по легковернию, либо по иной причине...— тут Муслим сделал небольшую паузу,— защищает Сагатову и подготавливает почву для аварии гораздо более крупной, серьезной, которая угрожает уже не отдельному цеху, а всему заводу. Он поддерживает проект Сагатовой, который принесет неисчислимые бедствия заводу. Вот это будет «котел»! Все в нем сваримся!

— Я хотел бы знать, что имеет в виду главный инженер, когда он говорит о причинах, по которым я поддерживаю инженера Сагатову,— резко сказал Каир.

— Извольте, товарищ директор, я отвечу вам, хотя на вопросы отвечают в конце собрания.— Муслим с любезной улыбкой повернулся к нему.— Прежде всего о технике. Техника, товарищи, нам нужна не вообще. Нам такая техника нужна, которая принесет заводу максимальную пользу. Техника же, которая принесет славу человеку, ее предложившему, а потом погубит завод, нам не нужна. И это не демагогия, а глубокое убеждение старого инженера, который начисто не верит в проект Сагатовой. Я его изучил досконально... Второй вопрос

деликатный. Поскольку товарищ директор просит его разъяснить, я вынужден это сделать. Известно, что он равнодушен к Сагатовой, а сердце ведь плохой советчик, товарищи.

— Вот тут-то вы и попались, Муслим Сапарович,— Каир засмеялся.— Да... Я люблю Сагатову. Давно люблю. И хочу, чтобы она стала моей женой...

Зал притих, а Дамеш, испуганная, покрасневшая, вся подалась вперед, не веря своим ушам. Вот какой он, Каир... На таком собрании, среди множества людей открыто сказать о своей любви к ней...

— Главный инженер запомнил, что до сегодняшнего дня я выступал против Сагатовой. А ведь я ее любил все это время,— закончил Каир.

В зале зааплодировали. Муслим с гримасой уткнулся в свои бумаги, а когда аплодисменты и шум стихли, продолжал:

— Я настаиваю на том, что проект Сагатовой принесет нам убытки. Я не против техники! Надо быть глупым и слепым, чтоб выступать против реконструкции завода, особенно после Пленума ЦК. Но нужен другой проект. Настоящий!

Атмосфера на собрании накалилась. Муслим постарался использовать все свое красноречие, всю свою хитрость для того, чтоб убедить зал, напугать его, развенчать проект Дамеш.

Неужели ему поверят? Дамеш не подозревала, что Муслим умеет убеждать аудиторию. Ловок! Ничего не скажешь...

Главный инженер говорил долго. Серегин не останавливал его, чтоб не вызывать новых нареканий и не давать Муслиму повода для провокаций.

Когда Муслим закончил выступление, ему никто не аплодировал, кроме его сторонников, но чувствовалось, что в зале посеяно сомнение. Дамеш так разволновалась, что вцепилась в ручки кресла, будто боялась упасть. И вот тогда сидевший рядом с ней Иван Иванович шумно засонел и попросил слова.

— Мне не понравилась речь главного инженера,— начал он, взгромоздившись на трибуну.— Товарищ Муслин нас испугать старается. Способ известный, только теперь им уже не пользуются. Теперь побеждают ум и знание. Каир и Дамеш — молодые инженеры, которых

мы, старшее поколение, вырастили на нашем заводе. Вспомните, какими неопытными, желторотыми птенцами пришли они к нам. Они от нас, стариков, принимают эстафету... Они наши... И мы за них отвечаем. А насчет проекта Дамеш — я «за»! Я его изучил не хуже, чем главный инженер. Попросил у Дамеш, и она мне принесла все свои бумаги... Посидел не одну ночь. У нас, стариков, глаз придирчивый, недоверчивый. Каждую песчинку в расчет берем...

После Ивана Ивановича, которого зал проводил горячими аплодисментами, один за другим выступали рабочие, старые и молодые.

Потом поднялся на трибуну Кумысбек и сказал:

— Я обращаюсь к Игламбеку! Он на каждом собрании, на каждой летучке задевает Ораза.

— Э! Нельзя критиковать, что ли? — закричал с места Игламбек.

— Критика критике рознь! Ты не критикуешь, а клеузничает! Сколько ни отрезай хвост змее, она справится с жалкой ящерицей. Сколько ни ругай Ораза, он всегда тебя за пояс заткнет. Ни одного дня не было, когда бы бригада Ораза не выполнила план!.. Правда, ваша бригада раньше получила звание бригады коммунистического труда. Но это благодаря сидящему здесь Тухфатуллину и другим товарищам. А как ты сам работаешь, нам известно.

— Клевета! — заорал Игламбек.

— Ораз тоже принял эстафету... Вон сидит в президиуме семидесятилетний старик, его отец. Когда Ораз заболел, отец заменил его в цехе. Если ты такой справедливый, объясни, что это значит.

Зал дружно зааплодировал. В этот момент Лида подошла к Дамеш и шепнула ей: «Тебя вызывают к телефону из совнархоза».

Дамеш на цыпочках вышла из зала. Вместе с Лидой они поднялись в кабинет директора Дворца культуры. Тоненький женский голосок пропищал в трубке: «Товарищ Сагатова, с завтрашнего дня вы должны выйти на работу в Казметаллургстрой. Завтра получите приказ совнархоза о вашем переводе».

Дамеш едва не выронила из рук трубку и смогла только сказать: «Я никуда не уйду отсюда», на что ей тот же женский голосок пропищал: «Приказ есть приказ!»

Муслим! Безусловно, это его происки. Лида тоже не сомневалась, что Муслим — единственный виновник нового осложнения. Дамеш поспешно написала о случившемся на клочке бумаги и вернулась в зал на свое место. Выступал Серегин. Дамеш передала записку сидящим впереди, те отправили ее дальше, и через полминуты она оказалась в президиуме, в руках у Каира. Он внимательно ее прочел, тут же встал, подошел к трибуне и передал ее Серегину.

Серегин, не прекращая речи, пробежал глазами записку, а затем поднял ее высоко над головой.

— Вот еще одно свидетельство того, что главный инженер преследует Дамеш Сагатову. Совнархоз решил перевести ее с нашего завода.

Зал возмущенно загудел. Муслим досадливо поморщился. Надо же было случиться — позвонили именно сейчас.

— Вот методы, которыми пользуется главный инженер! Они не имеют ничего общего с нашими, коммунистическими нормами поведения. Нельзя так, Муслим Сапарович! — Серегин повернулся к Муслиму. — Мы вам говорим: так нельзя!

Зал грохнул аплодисментами, и Муслим съежился на своем стуле, как от удара.

— Мы обязаны быть осторожными, — продолжал Серегин. — Мы обязаны предотвращать аварии, не допускать их. Но ведь эта авария свидетельствует о том, что надо принять решительные и быстрые меры для замены старой, негодной техники!

Дамеш слушала Серегина, и ей казалось, что это говорит она сама — настолько точно и глубоко раскрывал он перед слушателями достоинства ее проекта. И, глядя на искаженное яростью лицо Муслима, она радостно сознавала, что побеждает ее правда, что не зря она все это время через все преграды идет к своей цели, ибо нет ничего выше, чем польза, которую мы приносим общему делу...

IV

Сегодня Дамеш должна заступить в смену с двенадцати ночи. Днем она занялась подготовкой к докладу — завтра она выступает во Дворце культуры и расскажет о стали. Это один из разделов курса «История техники»,

который читается в университете культуры. Сделать доклад ей поручил Серегин.

Сталь! То, чему она решила посвятить свою жизнь. Без стали невозможно была бы сегодняшняя цивилизация! Она убеждена. Гений казахского народа Абай сказал: «Между тем земные недра суть неисчислимо богатая казна для людей, в ней много металлов, но среди тысячи драгоценных самое бесценное — железо!» Он прав, великий Абай. Она не ошиблась, выбрав эту специальность...

В дверь постучали. Вошла заводская курьерша — розовощекая веселая девушка — и сообщила Дамеш, что ее вызывают в партком.

Что случилось? Почему так срочно? Дамеш знала, что Лида не любит зря присылать курьера. Уж в самых крайних случаях... Дамеш собрала бумаги, спрятала их и вместе с курьершей вышла на улицу.

Зачем ее вызвали? Иван Иванович рассказывал ей, что вчера он был в парткоме, и там Каир горячо спорил с Серегиним... Да и сам он поспорил... Славный старик! Не может спокойно сидеть на месте: идет на рыбалку или отправляется на завод — смотрит, как трудятся рабочие; если надо, — подскажет, поможет и, если их работа правится ему, — хвалит и возвращается домой в великолепном настроении. Иногда спорит до хрипоты с кем-нибудь. Или идет к директору и поднимает страшный шум по поводу замеченных неполадок или несправедливостей. Начальники цехов, когда увидят, что идет старик, сразу настораживаются — как бы чего не случилось в его присутствии... А то быть буче...

Дамеш вошла в кабинет Серегина. Николай Иванович и Каир склонились над планом завода, лежащим на длинном, покрытом синим сукном столе. Николай Иванович не отрывал глаз от плана, Каир, покусывая нижнюю губу, энергично чертил что-то карандашом. Оба они были одеты в светло-серые костюмы, и Дамеш показалось, что они оба какие-то радостные, веселые.

— Дамеш! Мы ждем тебя! Входи же! — Каир первым заметил Дамеш.

— Спасибо.

— А! Вот она! — Серегин быстро повернулся к ней. — Ну-ка! Пожалуй сюда. На расправу...

— За что расправа? — с улыбкой спросила Дамеш.

— За преступления! — Серегин засмеялся. — За что же еще?

— Преступники сами не приходят — их приводят.

— Некоторые вот сами являются, — заметил Каир.

— И все-таки, Дамеш Сахиевна, не подходите вы для должности инженера. Слишком нежны. Надо бы вам другую специальность подобрать! — говорил, смеясь, Николай Иванович. — Есть такое мнение.

— Нетрудно догадаться, кто автор этой потрясающей мысли! — ответила Дамеш.

— Понятия не имею! — Серегин захохотал.

— Бедный Муслим! Он сейчас икает и не понимает, кто может его вспоминать, — сказал с притворным сожалением Каир. — Недооценил он вашу нежную душу.

— Вы меня позвали для того, чтобы говорить глупые комплименты? — Дамеш сделала вид, что рассердилась.

— Говорят, женщин легче всего приручить именно так, Дамешжан. — Каир взял ее руку. — Они становятся добрыми...

— Я не дикая птица, чтобы меня приручать. И если вы ради этого меня вызвали, скажу заранее: напрасно беспокоились...

Николай Иванович, смеявшийся громче всех во время этой пикировки, сообщил Дамеш:

— Вчера приходят ко мне два наших старика. Лица — одинаково суровые. И у Ивана Ивановича и у Курышбая. Начал, как всегда, Иван Иванович. Напомнил мне, что бригада Тухфатуллина получила звание бригады коммунистического труда. Напомнил, что такое звание должно присваиваться не только за выполнение производственных заданий. Наряду с этим члены бригады должны быть честными, а не эгоистами или кляузниками. Однако один из членов бригады, Игламбек, не обладает упомянутыми качествами. Он дрянной человек, интриган и подхалим. На последнем партийном собрании наговорил всяких гадостей, пытался опорочить Ораза, Каира, Дамеш. Необходимо, твердо заявил мне Иван Иванович, пересмотреть решение о присвоении бригаде высокого звания.

— Молодцы! — Дамеш улыбнулась.

— А Курышбай грозно предупредил меня, — продолжал Серегин, — что, если я не приму мер, они пойдут в горком, обком, а в случае чего до ЦК дойдут.

— Они дойдут, — убежденно сказала Дамеш.

— Тем более, что они правы, — закончил Серегин. — И я согласен с ними.

— А я очень высок и вижу только крупных зверей. Не заметил Игламбака, но увидел Мусеке! — пошутил Каир.

— Ты слишком длинный, — подхватила Дамеш. — Верно. Жуков вроде Игламбака тебе не разглядеть. Куда там! Но они не менее опасны, чем крупные звери.

— Муслим со мной ведет себя так, будто ничего не случилось. Он мне ага, а я ему — ини¹, — сказал Каир.

— Затишье перед бурей. Он обдумывает, с какой стороны и как нанести удар. Я знаю Мусеке не хуже вас и стараюсь угадать, куда он нацелился. — Николай Иванович закурил папиросу и откинулся в кресле.

— Пощады не жди, — согласился Каир.

— Для чего вы меня вызвали? — спросила Дамеш. — Для приятного разговора о Муслиме?

— Мы вызвали тебя, чтобы сообщить следующее: мы с Николаем Ивановичем примерно потрудились над твоим проектом. Поразмышляли. Пора приступить к его осуществлению, — сказал Каир. — Час пробил, Дамеш!

— Благословенный час... — Дамеш задумчиво смотрела на лист с планом завода.

— Это мы еще увидим, — Каир тоже посмотрел на план. — Победим — слава к нам придет великая, потерпим поражение, что ж... Всякое случается...

— Надо думать только о победе, — решительно сказал Серегин.

— Если ты трусишь... — Дамеш вдруг рассердилась на Каира.

— Я же шучу! — удивился тот.

— Ну да... Да... Это я так... По привычке, — смутилась Дамеш. — По старой привычке...

— Очень трудно, когда тебя принимают за кого-то другого, — грустно сказал Каир.

— Я во многом перед тобой виновата, Каир, — тихо ответила Дамеш.

Серегин молча курил и старался не смотреть на молодых людей. Он с удовольствием ушел бы, оставил бы их одних, но было неудобно. Сказать что-нибудь он боялся — спугнешь еще, прекратят разговор и не скажут друг другу нужных слов. Серегин видел, что у Дамеш и Каира отношения складываются трудно и сложно, и ему от всей души хотелось, чтоб они нашли наконец свое

¹ Ага — старший брат; ини — младший брат.

счастье. Он молча курил и думал о том, что никто не знает, как он одинок и несчастлив в личной жизни. Никому не рассказывал этот «заядлый холостяк» о маленькой русоволосой связистке, с которой судьба свела его в годы войны. Она погибла...

— Итак, я начинаю, Дамеш. Смотри,— словно откуда-то издалека услышал Серегин голос Каира.— Вот форсунка, по которой мы подаем в печь коксовальный газ с воздухом. Вероятно, по ней придется подавать пар. Откуда выгоднее его подвести?

— Как откуда?— Дамеш удивленно подняла брови.— У завода есть своя котельная. Надо будет оттуда проложить трубы. Всего сто метров! Закладка траншей будет стоить недорого. А сколько времени это займет и какова будет общая стоимость, я написала в докладной.

— Все подсчитано.— Серегин бросил курить и повернулся к столу, обрадованный тем, что интимный разговор Дамеш и Каира закончился.

— Ну что ж... Котельную можно реконструировать,— сказал Каир.

— Безусловно,— поддержал его Серегин.— Объясним людям, в чем дело, и они быстро справятся... Реконструкцию проведем в ударном порядке.

Все трое углубились в чтение проекта, начались споры, поиски лучших решений. Время летело незаметно.

Вошла Лида и сказала Каиру, что председатель совнархоза вызывает его к телефону, а через десять минут у него начнется совещание начальников цехов, которое он сам назначил.

— Иду,— Каир нехотя встал со стула.— Загляни попозже, Дамеш. Закончим разговор.

Когда Каир и Лида вышли и Дамеш осталась наедине с Серегиным, она, краснея и чувствуя себя неловко, заговорила:

— Николай Иванович! Я вам хотела сказать... Понимаете... Я должна сказать вам правду...

— Что может быть лучше правды?— видя ее замешательство, весело поддержал Серегин.

— Правду иногда говорить нелегко... Стыдно...

— Ух ты! До чего же она трудная, твоя правда...

— Николай Иванович... Я прежде не надеялась на вас... Не верила в вас... Не считала другом... Даже потом, когда вы на мою сторону встали... А вы, оказывается, друг... До конца... Настоящий...

— Значит, считала меня фальшивым? — Серегин лукаво подмигнул ей.

— Я хочу... Мне хочется, Николай Иванович... Поблагодарить вас хочу...

— Вот те на!

— Большое вам спасибо.

— Нет, Дамеш! Меня благодарить совершенно незачем. Я ведь не тебе одной одолжение сделал. Запомни, Дамеш! Будешь для общей пользы трудиться — не переведутся у тебя друзья. Верные. А если, как Муслим, лишь о себе будешь беспокоиться — быть тебе в одиночестве.

...Только сейчас поняла Дамеш, как чудесна жизнь! Город сегодня особенно красив, на улицах — веселые люди, такого прелестного сквера с пышными цветами Дамеш не видела даже в Алма-Ате.

Или ей кажется все таким прекрасным сегодня? Люди, улицы, дома, цветы, небо?.. Нет! Они прекрасны! Прекрасны! Прекрасны! Ей хочется петь...

Вернувшись домой, Дамеш принялась готовить обед. Асхар и Иван Иванович не зря утверждают, что никогда не ели такого балкаймака, оладий, лагмана, мант¹...

За этими хлопотами и застал ее Ораз. Сегодня он пришел к ней впервые после выздоровления. Он наладил отношения с Ажар и дал себе слово не нарушать мира, который, и к великой радости Курышбая, воцарился в его семье.

И вот он пришел. Не выдержал. Дамеш внимательно смотрит на него: прежний Ораз, цветущий, красивый, но в чем-то он все-таки переменялся... Дамеш не может понять, в чем именно.

— Когда ты выписался? — спрашивает она.

— Уже несколько дней.

— И не приходил? Почему?

Ораз опустил голову и сел на стул. Дамеш поглядывала на него, теряясь в догадках. Наконец он поднял голову и глухо сказал:

— Я не хотел приходить к тебе. Я вернулся в семью.

— А сейчас почему пришел?

— Не знаю... — Он опять опустил голову.

¹ Балкаймак — блюдо из сливок, манты — из мяса и муки,

Дамеш накрыла на стол и села возле Ораза.

— Когда ты выходишь на работу? Курышбай устал. Семидесятилетнему человеку нелегко стоять у мартеновской печи.

— Завтра.

Оба молчат, Дамеш бонется, как бы Ораз не начал говорить о прежнем.

— Прошое не вернется...— задумчиво произносит Ораз.— Не должно вернуться.

— Правильно, Ораз,— тихо говорит Дамеш.

— Да.

— Надо быть мужественным.

— Понимаю.— Ораз долго смотрит на нее, потом круто поворачивается и выходит.

Они встретились снова уже на заводе, в ночной смене. Ораз первым подошел и спокойно поздоровался, потом подозвал Геннадия. Пора было выпускать сталь.

Гена и Куан принялись за работу. Когда начали выпускать сталь из первой печи, Гена засыпал магнезитовым порошком освободившееся наверху пространство, а Куан из двух машин молниеносно загрузил печь шихтой.

— Эй, Куан!— кричал ему Ораз.— Небольшие куски укладывай поглубже, а тугоплавкие, тяжелые,— сверху.

Дамеш с удовольствием наблюдала за Оразом. Его не узнать. Ни тени обычного уныния, тоски... Оживлен, деятелен, настоящий командир производства. И бригада работает в новом темпе. Ребята довольны.

Ораз, не обращая внимания на языки буйного пламени, быстро открывает заслонку. Бушующий огонь не умещается в раскаленном пространстве печи, колышется, вот-вот выплеснется наружу. В этот момент Геннадий загружает печь шихтой. Клубится густой черный дым, взвивается вверх. Дамеш смотрит на часы— загрузку кончили на две с половиной минуты раньше срока.

— Теперь пять минут разогревай, а потом кладь вторую мутьду!.. Только разбрасывай, а не кучей кладь!..

Дамеш любит работу бригады. Она продолжает наблюдать за ними и после того, как входит в стеклянную будку, где находится измерительная аппаратура.

Ораз, черный-пречерный, сосредоточенно смотрит в окошко печи. Часто пьет воду из ведра.

Сегодня в цехе все идет по-новому. Люди работают

собранно, интенсивно — и впереди всех бригада Ораза. И он, и Гена, и Куан, и Кеша, словно сказочные богатыри, повелевают огнем. И Дамеш кажется, что они все действительно сделались другими, освободились от какого-то сдерживавшего их груза и теперь легко шагают вперед по ровной, прямой дороге.

V

Сколько дней прошло после партийного собрания, а разговоры о нем, не кончаяются, по-прежнему будоражат людей. Асхару приятно, что его Дамеш — победительница, что ее проект осуществляется.

Но больше всего занимает Асхара Муслим. Он достаточно показал себя на собрании. Айша, конечно, узнала обо всем. И Асхар рад случившемуся не потому, что его сопернику пришлось плохо. Теперь Айша не будет относиться к его, Асхара, словам с недоверием. Когда он рассказал ей о Муслиме, сразу почувствовал, что она не совсем верит ему.

Сделав утреннюю зарядку, приняв холодный душ и, наскоро позавтракав, Асхар отправился в больницу.

Сегодня прохладно и безоблачно. Город уже пробудился. Везде полно народу, везде шум, возгласы, смех...

Немного времени прошло с того дня, как он начал работать в больнице, но изменения в ней произошли большие. Асхар открыл несколько новых кабинетов, а главное, весь район, который обслуживала больница, разбил на три участка и к каждому прикрепил медсестер. Они совершали обход своих участков и, обнаруживая тяжелобольных, немедленно направляли их в больницу. При легких заболеваниях оказывали медицинскую помощь на месте.

Люди теперь в больнице не теряют времени в очередях. Всем понравились новшества, введенные Асхаром, и о них одобрительно написали в городской газете.

Асхар надевал халат, когда к нему вошел секретарь горкома Базаров. Недавно Асхар пригласил его осмотреть больницу.

— О товарищ доктор! Поздравляю с началом работы. — Базаров крепко пожал руку Асхару.

Базарову дали халат, и он отправился с Асхаром путешествовать по больнице. Потом он долго беседовал с

Асхаром, расспрашивал его о планах, обещал помочь и, поблагодарив, уехал очень довольный.

— Мы не ошиблись, назначив вас главным врачом, — сказал он на прощание Асхару. — Желаю успехов.

Асхар каждый день рано уходит из дому и поздно возвращается с работы. Обедает он чаще всего в столовой стронтельства и иногда даже остается ночевать на Магнитке. Ему дали квартиру тут же, возле больницы. Он не хотел расставаться с Дамеш, но она взрослая девушка, у нее своя жизнь, не сегодня-завтра она совет свое гнездышко. Да и Асхар не собирается жить холостяком.

Сегодня к нему приедет Айша! Им пора окончательно объясниться, тем более что с ней происходит что-то неладное. Дальше так продолжаться не может. Надо рубить узел, если она вообще хочет его рубить.

В семь вечера, как и было условлено, к его дому подкатило такси, и Асхар увидел Айшу. Он бросился навстречу, распахнул перед ней двери и, когда она вошла, взял ее руки и начал целовать...

— Довольно... Не надо... — Она отняла руки. — Я приехала ненадолго.

— Вот тут я живу, — ведя ее по квартире, говорил Асхар.

— Квартира хорошая... — рассеянно промолвила Айша.

Асхар не спускал с Айши глаз, но она упорно смотрела в сторону.

Они вошли в кабинет Асхара. Айша села в глубокое кресло, а Асхар примостился возле нее на скамеечке.

— Забавно! — весело говорил он. — Вчера работал здесь и мечтал когда-нибудь так вот сидеть у твоих ног. А сегодня мечта сбылась.

Айша молчала, по-прежнему смотрела куда-то в сторону. Асхар умолк и грустно задумался. Сколько времени они так сидели — час, может быть, два, а может, всего несколько минут?.. Потом Асхар нерешительно поднял голову и увидел, что Айша смотрит на него.

— Айшажан... Моя Айшажан, — бессвязно бормотал он, покрывая ее лицо поцелуями.

Она страстно отвечала ему, но потом вырвалась и, защищаясь, протянула вперед руки.

— Не надо... Асеке... Прошу.

— Айша... Любимая... Ты любишь меня?.. Я понял... Мы должны быть вместе.

Айша заплакала тихо и горько. Асхар встал, прошелся по кабинету и остановился у окна. Лицо его стало суrowым.

— Я был бы бесчестным негодяем, Айша, если бы ради своего счастья испортил тебе жизнь. Я могу уйти, и ты никогда больше не увидишь меня.

— Асхар!— Она в ужасе встала.— Не говори так, Асхар... Неужели ты не видишь, что я люблю тебя... Но моя дочь... Моя семья... Мне трудно. Так трудно...

— Айшажан!— Он бросился к ней, схватил ее руки.— Все будет, как ты захочешь... Как решишь... Как нужно...

— Пойми, Асхар... Моя жизнь была невеселой, но разбить ее трудно...

Они долго сидели, взявшись за руки...

Вечером Асхар проводил Айшу до остановки такси и, посадив в машину, долго стоял, глядя вслед. Как все трудно и сложно! Где выход? И есть ли он вообще?

Асхар не хотел возвращаться в дом, который сейчас казался ему особенно одиноким. Он решил ехать в Темиртау.

Дамеш не оказалось дома. Лида сказала, что она, наверное, пошла в гости к Каиру. Асхар позвонил Каиру. Дамеш там не оказалось, но Каир попросил Асхара зайти к нему, тем более что у него в гостях Курышбай, Ораз и Ажар.

Асхару ничего не оставалось делать, как ехать к Каиру.

Дверь открыл сам хозяин. Ворот его белой рубашки был расстегнут, лицо раскраснелось. Он радушно встретил Асхара.

— Добро пожаловать, дорогой гость.

— Почной,— усмехнулся Асхар.— Скажу вам по секрету, мне сегодня не хотелось быть одному.

— Неприятности?

— Да нет, ничего особенного.

Каир сообщил Асхару, что Дамеш уехала по делам в Караганду, затем повел его в гостиную. Ораз, Ажар и старик Курышбай сидели за столом, уставленным кушаньями и бутылками с вином. Все встали, здороваясь с Асхаром.

— Видно, Асеке хорошего мнения о нас,— сказала

Акмарал.— Ему захотелось второй раз посетить этот дом.

— Я хорошо отзываюсь о своей женге!— Асхар поклонился.

— Садись, Асеке,— сказал Курышбай, протягивая Асхару тарелку с бараньей головой.

— Я не старше вас, Курыш-ага!

— Прав у тебя больше. Я был сотрапезником твоего отца Жунуса и брата Саха,— ответил Курышбай.— Твое право первым отведать баранью голову.

— Кто знает? Если бог даст, и мы с Асеке породнимся,— не удержалась словоохотливая Акмарал.

— Мама со всеми готова породниться,— шутливо заметил Каир.

— А что? Чем плохо?!— Акмарал надулась.

Асхар, ловко отрезав бараньи уши, передал их Оразу, для себя же взял кусочек от бараньей щеки; голову передал обратно Курышбаю.

— Асхар, шырагым, мои дети смеются надо мной, считая, что я слишком много говорю,— снова начала Акмарал.— Как же мне молчать? Приходится все время говорить... Сегодня мы хотели собрать всех и тебя с Дамеш по двум очень важным причинам. Этот вот мой беспутный зять спасся от смерти — чем не причина? Во-вторых, мы имеем намерение кое-кого сосватать, но Дамеш вот в город уехала...

— Мама!— недовольным тоном прервал ее Каир.— Давайте ужинать!

Асхар смотрел на сидящих за столом людей, думал о них и о себе. Вот Ораз и Ажар... Они сидят рядом, сызнова начиная свою жизнь. Как сложится их судьба? Найдут ли они в себе достаточно сил, чтоб забыть то, что было, и никогда не оглядываться назад?

А Каир? Хотел устроить сватовство сегодня? Но Дамеш ничего не сказала Асхару. Значит, она еще ничего не знает... Судьбы... Судьбы... А его судьба? Какой-то она будет? Кто знает...

VI

После партийного собрания Муслим потерял покой. Но сегодня ему особенно тяжело. Он заперся в своем кабинете и мечется, точно зверь в клетке. Победит он или потерпит поражение? Жизнь всегда представлялась ему

игрой: кому везет, тот выигрывает. До сих пор Муслиму везло, но в последнее время удача отвернулась от него...

Нет, Мусеке! Надо засучить рукава и решительней вести бой. Он опытный боец, и ему нечего бояться! Что же предпринять? Время идет, два часа ночи, а он все сидит за столом, и перед ним лежит чистый лист бумаги. Надо писать. Пиши, Муслим!

...«Каир Альжанов превратил завод в свою вотчину. На заводе работают его родные и близкие: зять, отец зятя, невеста...» Чепуха, Муслим Сапарович! На заводе трудится масса рабочих — и среди них три родных человека? Маловато, Муслим Сапарович!

...«Каир Альжанов не терпит критики. Вместе со своими приближенными он преследует тех, кто их критикует...» Тоже не очень. Факты нужны. А Игламбек? Он критиковал Ораза, и за это его ненавидят. Но ведь Игламбека не уволили с работы? Мало ли кто кого ненавидит...

Муслим бросил ручку и встал. Нет, не те нынче времена. Раньше любые факты годились, только пиши! Кто такие Ораз и Дамеш?.. Почему директор связан с ними и поддерживает их? Может ли он поручиться, что эти люди принесут пользу заводу? Без разрешения совнархоза он принял обратно на работу свою невесту, которая виновна в аварии и принесла заводу неслыханный ущерб. Она плохой инженер. Но есть ли это использование служебного положения в личных целях? Муслим окончательно запутался и уже не знает, что писать... Уже утро...

Вчера директор предупредил его, что с утра надо быть у Базарова на совещании. Что еще за совещание? Не до него Муслиму сейчас. Но придется поехать. Машина ждет... Вот и Базарова он теперь не может понять. После того проклятого собрания он заметно охладел к Муслиму...

Муслим едет в горком и старается уверить себя, что фортуна обернется спиной к его врагам. Он бодро входит в приемную. Секретарша Базарова говорит:

— Вас ждут!

Муслим заторопился, вошел в кабинет и увидел там Базарова, Серегина и Каира. И еще двух секретаршей горкома. Наверное, насчет проекта Дамеш? Посмотрим...

— Я, кажется, опоздал... — Он попытался улыбнуться.

— Совсем нет,— Базаров указал ему на кресло.—
Прошу садиться.

— Задержался с завтраком...

— Голодный человек, как говорят казахи, раздражителен, а у сытого человека и слова приятные и настроечные хорошее!— Базаров улыбнулся.— Ну что ж!.. Начнем... Нам следует, товарищи, обменяться мнениями по поводу последнего партийного собрания на заводе и по поводу проекта инженера Сагатовой.

Так оно и есть! Муслим схватился за ручку кресла. Бой будет... Не на жизнь, на смерть! И Муслим должен выиграть...

— Вы были недовольны проектом Сагатовой, товарищ Мусин, и на собрании выступили против тех, кто ее защищал. Может быть, вы и начнете разговор?— обратился к Муслиму Базаров.

— С удовольствием...— Муслим еще крепче ухватился за ручки кресла.— Так вот... Руководство завода... Вот здесь сидят директор и секретарь парткома. Они всячески стремятся выжить меня, интригуют, следят за каждым шагом... Мои приказы и распоряжения директор отменяет.

— Товарищ Альжанов! Что вы скажете?

— Главный инженер извращает факты,— ответил Каир.— Вообще я хочу сказать Мусину именно здесь, что методы, которыми он пользуется для достижения своих целей,— это наследие Берия и подобных ему людей. Пора бы вам, товарищ Мусин, излечиться от этой болезни!

— Я протестую!— Муслим вскочил и ударил кулаком по столу.— Это оскорбление...

— Спокойно, товарищ Мусин!— Базаров поднял руку.— Когда вы говорили, вас никто не перебивал...

Муслим почувствовал, что задыхается, и, расстегнув пуговицы воротника, отошел к окну.

— Одумайтесь, товарищ Мусин!— словно во сне, слышал он...

После Каира говорил Серегин, потом Базаров, но Муслим не слушал их. Он понимал, что игра проиграна, все эти собравшиеся здесь люди думают, как большинство на том проклятом партсобрании! Что предпринять? Есть ли путь к спасению? О победе уже нечегомышлять.

Когда совещание закончилось, Базаров, подойдя к нему, коротко сказал:

— Все, товарищ Муслим. Надеюсь, вы сделаете необходимые выводы.

Словно в тумане, вышел Муслим из горкома, сел в свою машину. Скорей, шофер! Вперед! Мчи что есть сил! Вперед!

Похожее на золотую тарелку солнце сняло мягко и безмятежно. А буйный знойный ветер, обгонявший перекасти-поле, как будто подталкивал машину Муслима. Вперед, шофер! Вперед! Не все еще потеряно. Для ловкого человека всегда найдется лазейка... Он придумает новую хитрость... Есть еще Алма-Ата... У Муслима всюду найдутся друзья... или глупцы, которых можно будет околпачить, провести, сделать послушным орудием. Наконец, есть Москва. Важно заварить кашу, да покруче, да чтоб не разобрались подольше... Муслим не сдастся!.. Он поспорит еще и с Канром, и с Серегинным, и с самим Базаровым.

Лихорадочно обдумывая новые планы, Муслим не заметил, как машина доехала до его дома. Он вышел, велел шоферу ехать в гараж и направился к двери.

Прогуливавшийся возле дома человек, увидев его, пошел навстречу. Муслим замер. Это Асхар. Что ему надо здесь? Ждал Айшу? Или его самого?! Как быть? Разговаривать или удрать? Поздно Слишком поздно...

— А! Товарищ Сагатов! Добрый вечер!— Муслим говорил громко, не решаясь, однако, протянуть руку.— С тех пор как ты приехал из дальних краев, я не навещал тебя.

— Не думаю, что встреча со мной доставит тебе удовольствие,— сказал Асхар.

— То, что было, прошло, как дождь.— Муслим попытался засмеяться.

— Дождь, который лил столько лет?

— Что тебе надо от меня?— закричал Муслим, пытаясь наглостью замаскировать страх.— Я не виновен в твоих несчастьях и знать тебя не хочу! А то, что ты увидаешься вокруг моей жены... Берегись!.. Если я увижу тебя возле моего дома!.. С дороги!..

— Ты остался таким же, каким был,— не шелохнувшись, спокойно сказал Асхар.

— Вон! Вон!— истерически орал Муслим.— Я не зна-

ком с тобой и не желаю быть знакомым... Я не желаю слушать тебя... Вон!..

Продолжал истерически вопить, Муслим скрылся за дверь. Он вбежал в гостиную, потом в комнату Айши — и испуганно остановился.

Айша с дочкой складывали вещи в чемодан, а сестра Муслима, унылая, растерянная, стояла, прислонившись к косяку двери.

— Айша... Куда?!— едва выговорил Муслим.

Айша, бледная, хмурая, молча посмотрела на него, хотела что-то сказать, но только опустила голову.

— Пожелать счастливого пути?— Муслим криво улыбнулся.

— Мы уезжаем,— тихо сказала Айша.

— Куда? Почему?!

— Я не думаю, что мы смогли бы жить вместе,— так же тихо, не поднимая головы, продолжала Айша.— Я получила отпуск и еду в Алма-Ату. Нам надо расстаться и подумать...

— Айша...— прошептал Муслим и тяжело опустился на стул.— Айша...

Сестра Муслима рыдала у двери.

VII

Дамеш не узнает Каира. Подменили его в Москве, что ли? Он раздобыл ключ к ее сердцу. Дамеш кажется, что, подобно тому, как обновляется после освежающего ливня лес, и Каир изменился характером, даже чертами лица.

Любила она его прежде или полюбила только сейчас?

В течение одной недели Дамеш осуществила на заводе свой проект — в цехе все подготовили для того, чтобы задувать печи смесью воздуха с паром, Каир вызвал ее к себе и сказал: «Вот теперь мы перед тобой ни в чем не виновны!» Не будь в кабинете посторонних, Дамеш обняла бы его и поцеловала. Честное слово!..

Сегодня идут первые испытания, и Дамеш не находит себе места от волнения. Она пришла на завод раньше обычного. Опозорит она себя или достигнет желанной цели? А что, если пар снизит качество выплавляемой стали? «Пар есть вода, водород — враг стали», — любил повторять ее профессор в институте, Посмотрим, посмотрим...

А вчера утром, когда она была еще в постели, к ней постучалась Ажар. Щеки ее пылали, красивые карие глаза глядели испуганно; она смущенно остановилась на пороге.

— Входи, входи, Ажашке!— крикнула Дамеш, называя ее ласкательным именем, как прежде.

— Дамеш... Я была несправедлива к тебе.

— Я не сержусь... Что ты... глупая...

Они долго молчали. Каждая думала о своем. А потом вместе пошли провожать Курышбая. Он уезжал на курорт. Собралось много народу. Проводить старика пришли и заводские инженеры, и сталевары, и мастера. Здесь и Ораз и Каир... Дамеш смотрит на них: один любим и дорог как ушедшая юность, другой — сегодняшний день ее жизни и, может быть, ее будущее. В шумной толпе гостей рядом с Курышбаем сидит и Иван Иванович. Когда он успел прийти? Кумысбек, Гена, Куан и Кеша составили шумный кружок, рассказывают друг другу что-то веселое, время от времени оглушительно хохочут. А вот и Сергей, улыбающийся, довольный...

— Как здоровье, шырагым?— Акмарал подошла к Дамеш и взяла ее под руку.— Эй, Каир! Дамеш пришла!

— Рад тебя видеть, Дамеш!— Каир встал и подошел к ней.— Поздравь меня. ЦК комсомола Казахстана поддержал меня и дал путевку пятистам молодым казахам на наш завод — будем готовить молодых сталеваров и горновых для строящихся мартенов и домны.

— Пусть будет счастливо такое начинание!— Дамеш крепко пожала ему руку.

Вошла Ажар и пригласила всех к столу.

После того как гости разместились за уставленным обильными яствами столом, с бокалом вина в руке поднялся Каир.

— Сегодня наш старец-ага, почетный сталевар Куреке едет на курорт. Поднимем бокалы за то, чтобы он возвратился в Темиртау помолодевшим и бодрым... Вы знаете, кто он, наш Куреке? Честь и совесть нашего народа! Во время царизма он защищал интересы бедняков и угодил в царскую ссылку; в шестнадцатом году боролся против царя и попал в тюрьму; участвовал в Октябрьской революции, создавал Советскую власть в Джетысу; потом принимал участие в строительстве колхозов; в дни Отечественной войны стоял у печи, плавил сталь для

фронта. Он живая история нашего народа. Благодаря такому, как он, у нас есть великое, светлое завтра... Спасибо тебе, Курышбай...

Уже пять часов плавится сталь. Бригада Ораза Курышбаева не отходит от мартеновской печи. Буйное багряное пламя, не уместаясь в печи, бушует, бьется, подобно неистовым морским волнам, налетающим на прибрежные камни. Ораз, в очках, с кочергой в руке, подобно дрессировщику, укрощающему львов, умирляет пламя, и оно слабеет, послушно стихает. Геннадий, надвинув колпак на лоб и прикрыв им опаленные огнем волосы, заранее готовит кран для спуска стали. Куан заботливо держит ложку и стакан для пробы. Подобно дирижеру, управляющему оркестром, мастер Кумысбек направляет каждое действие сталеваров.

Дамеш, поднявшись по железным ступеням на площадку, смотрит на часы: девять вечера!.. По ее расчетам, пора снимать пробу. Надев синие очки, она заглядывает в печное окошко. Расплавленная сталь бурлит, как курт в казане. Пора! Выплавляли сталь за шесть часов! Если прибавить сюда время выпуска, то получится семь часов. Выигран целый час! Теперь все зависит от качества стали.

— Кумысбек!— кричит Дамеш, но гул в цехе, лязг крана, грохот и скрежет, несущиеся со всех сторон, заглушают ее голос.

Она машет рукой Кумысбеку, тот подходит к ней.

— Пусть берут пробу. Распорядись!— говорит она.

Кумысбек подает знак Оразу — они всегда без слов понимают друг друга. Ораз, поджав губы и нахмурившись, просовывает в среднее окошечко печи ложку с длинной ручкой, погружает ее в бурлящую сталь, вытаскивает обратно и выливает расплавленный металл в специальный стакан. Куан несет пробу в лабораторию. Все молчат, терпеливо ждут, но каждый волнуется.

«Если водород из пара присоединится к жидкому металлу, не выйдет хорошей стали. Хрупкая масса будет. Как стекло»,— думает Дамеш.

К ней на площадку поднимаются Каир и Серегин. Дамеш достает из кармана платок и вытирает лицо.

— Нет сажи на лбу?— шепотом спрашивает она Кумысбека.

— На кончике носа!— предупреждает тот.

Но Каир и Серегин уже подошли, услышали разговор, и, когда Дамеш торопливо трет кончик носа, они смеются.

— Кто вас звал?— негодует она.

— Вчера сама пригласила,— говорит Каир.

— Что-то не помню,— все еще сердится Дамеш.

В этот момент подбегает Куан и вручает Дамеш клочок бумаги. Дамеш бледнеет, руки у нее дрожат. Победа! Она протягивает бумагу Каиру, тот — Серегину, тот — подбежавшему Оразу.

Победа! Полная и огромная!

Вокруг Дамеш люди обнимаются, целуются, даже сдержанный Серегин кричит что-то. Каир берет в руки кусок стали, показывает его присутствующим. Сталь тяжелая, темно-синяя. С одной стороны на куске узорчатые линии — морщинки, а с другой он совершенно гладкий, блестит, как серебро.

— Настоящая сталь!— говорит Каир.

К печи со всех сторон, со всего завода спешат люди. Все кричат, машут руками... Победа... Победа...

Прохладный мягкий ветерок со стороны горы Темиртау ласкает лицо. Водная гладь Самаркандского озера прозрачна, тиха...

Дамеш и Каир сидят у подножия Темиртау на дальнем берегу озера.

— Дамешжан. — шепчет Каир.

Дамеш молчит, не отрывая глаз от воды.

— Дамешжан, столько лет я жду тебя...

Опустившееся солнце, словно пожелав еще раз взглянуть на них, озарило берег прощальным закатным лучом, окрасило водную гладь в оранжево-багровый цвет.

— Дамешжан... — шепчет Каир.

Дамеш медленно поворачивается к Каиру и своими длинными, нежными пальцами поправляет упавшие ему на лоб волосы:

... Не найти мне супруга лучше тебя,
Коль найдется, не будет он лучше тебя...

Она встает, он встает вслед за ней, и они молча бредут вдоль берега. Потом Дамеш останавливается, смотрит на скалистую горную цепь, нависшую над озером, и вдруг, озорно улыбнувшись, быстро начинает взбираться наверх. Каир спешит за ней, и они рука об руку поднимаются все выше,

НАСТУПИЛО УТРО

Роман

... Горит восток зарею новой...

А. Пушкин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поезд дальнего следования прибыл в Ташкент с опозданием на трое суток. Под Оренбургом задержало крушение — вражеская рука развинтила рельсы. За Актюбинском бандиты обстреляли состав из пулемета. Единственный классный вагон — штабной — хранил на обшивке свежие следы пулевых ранений. В двадцатом году по железным дорогам ездить было небезопасно.

Дмитрий Фурманов и Саха Сагатов, покинув штабной вагон, первыми сошли на перрон. С трудом пробираясь сквозь густую толпу мешочников, они выбрались на вокзальную площадь. Был ранний час, на прилегающих к вокзалу улицах уже кипела бойкая торговля. Смуглолицые узбеки в разноцветных халатах и пестрых тюрбентейках наперебой предлагали ранние абрикосы и изюм. Звонкоголосые мальчишки продавали рассыпные папиросы по тысяче рублей за штуку. В толпе шныряли беспризорники — грязные, в лохмотьях.

Фурманов и Сагатов трамваем проехали в центр города. Здесь они расстались, условившись встретиться в гостинице в обеденный час. Фурманов отправился в штаб Туркфронта, а Сагатов пошел в ЦК партии.

Когда в душе поет весна и молодость, каждый встречный мил и приятен. Вот прошел таджик, голый до пояса, с широкой волосатой грудью. На голове у него пустой поднос. Таджик широко улыбнулся, и Саха ответил ему тоже улыбкой. Молодой узбек проехал верхом на ишаке, весело болтая длинными босыми ногами. На шее всадника висела сумка, из нее торчал сверток бумаги, — видимо, почтальон. Мелко семеня ногами, проплыла навстречу неуклюжая фигура узбечки под паранджой. Сагатов остановился, пропустил ее и посмотрел с сожалением вслед.

«Скоро это кончится», — уверенно подумал он.

Пронзительный свист заставил его оглянуться. На глинобитной плоской крыше стоял мальчуган и гонял голубей. Сагатов залюбовался полетом птиц, резавших белоснежными крыльями прозрачную синеву неба.

Кажется, еще никогда не было у Сахи такого хорошего настроения, как в этот утренний час, когда он шел по улицам Ташкента. Все ему улыбалось, все его радовало. Скоро кончится война на Советской земле и начнется мирная жизнь для народа. Счастье уже на ладони.

Он вошел в каменное здание, где помещался Центральный Комитет Коммунистической партии Туркестана. Из приемной секретаря его направили в девятнадцатую комнату к Режеву.

Сагатов разыскал нужную комнату. Из-за стола поднялся низкорослый человек и вопросительно прищурил серые глаза.

— Я секретарь Семиреченского обкома... Саха Сагатов...

— Очень приятно!—Режев протянул маленькую руку.—Присаживайтесь! Когда приехали? Где остановились?

— Приехал полтора часа назад. Остановиться думаю в гостинице вместе с Фурмановым...

— Дмитрия Андреевича знаю!—сказал Режев.

Несколько минут продолжался этот разговор, продиктованный чувством уважения к приезжему, занимавшему ответственный пост. Наконец Режев решил, что пора перейти к делу. Лицо его стало сразу озабоченным, а глаза строгими. Он извлек из бокового ящика стола желтую папку и заговорил сухим басом:

— Я — партследователь. Мне поручено уточнить некоторые неясные моменты вашей биографии. Попрошу вас ответить на некоторые вопросы.

Режев раскрыл папку, и Сагатов, скосив глаза, увидел анкету, заполненную им при вступлении в партию.

— Отца вашего зовут Жунусом. Насколько мне известно, у казахов фамилия всегда производится от имени отца... Неясно, почему вы Саха Сагатов, а не Саха Жунусов?

Сагатов насторожился.

— У казахов фамилию дают не только по имени отца, но и деда.

— Первый раз слышу!—Режев покусал тонкие гу-

бы.— Это правда, что ваш отец был участником восстания шестнадцатого года?

— Да. Он был командиром отряда. Я ведь указывал это в анкете.

— А где Жунус сейчас?

Теперь Сагатов догадался о цели вызова. Сердце его сжалось.

— Не имею понятия!— неуверенно ответил он и смутился от мысли, что ему могут не поверить.

— Вы с ним поддерживаете связь?

— Странный вопрос! Если я не знаю, где он, какая может быть связь?

— А если бы знали?

Вопрос поставлен в упор. «Что бы он сделал тогда?» Волна крови ударила в голову и тут же отхлынула. Саха сжал пальцы.

— Что бы я сделал? Рассказал бы вам все, ничего не скрыл!

— Жунус бросил семью?

Сагатов промолчал.

— Он бросил семью?— настойчиво повторил Режев, не спуская глаз со своего собеседника.

— Бросил.

— А что бы вы сделали, если вдруг узнали, что ваш отец ушел к басмачам?

Саха ждал самых коварных вопросов, но только не такого. Он втянул голову в плечи и опустил глаза. Режев откинулся на спинку кресла и не сводил с него взгляда. Продолговатое лицо Сагатова побледнело. Густые, сросшиеся брови на нем стали словно еще чернее, а широкий лоб вдруг прорезался тремя глубокими складками.

Саха через минуту поднял голову и, посмотрев в упор на Режева, глухо ответил:

— Отрекся бы.

Режев молча кивнул головой и стал задавать вопросы. Секретарю обкома они показались не только нелепыми, но оскорбительными. Следователь настойчиво допытывался — не состоял ли Сагатов в партии «Алаш»? Нет ли у него родственников, служивших в белой армии? С кем из алашордынцев был связан его отец Жунус? Режев переспрашивал трудные казахские имена и записывал их на листке бумаги. После продолжительной и довольно нудной беседы, когда все вопросы были исчерпаны, он снова вернулся к Жунусу:

— Чем вы можете доказать, что порвали связь с отцом?

— Только честным словом коммуниста. Других доказательств у меня нет и быть не может.— Саха даже пожал плечами, выразив недоумение.

Лицо Режева сделалось суровым, и он сказал ледяным голосом:

— Вам придется дать письменное объяснение об отце и своих взаимоотношениях с ним!

Партследователь встал, дав понять, что разговор окончен. Саха покинул кабинет, чувствуя себя оскорбленным. Когда он вышел на улицу, город, залитый солнцем, уже не показался ему радостным и счастливым. Расстроенный, он бродил по ташкентским улицам, вспоминая беседу с партследователем, его вопросы и свои ответы. Прожитая Сагатовым жизнь была очень коротка, но за свои двадцать четыре года он пережил очень много. Во всяком случае, он не заслужил, чтобы к нему относились с недоверием. Вся жизнь его как на ладони. Он не совершил ни одного поступка, порочащего честь коммуниста. Верненская организация знает его получше, чем партследователь Режев.

Просидев в тенистом сквере часа два, Сагатов направился в гостиницу. В вестибюле он спросил у дежурной:

— В каком номере остановился Фурманов?

— В третьем.

Дмитрий Андреевич писал, сидя за столом. Увидев мрачное лицо вошедшего друга, он закрыл тетрадь.

— Почему такой кислый?

Саха попробовал улыбнуться, но улыбка получилась кривая. Фурманов внимательно взглянул ему в глаза и сказал:

— Пойдем пообедаем!

По дороге в столовую Сагатов рассказал о допросе, который ему учинил Режев.

— Кому-то ты, видимо, наступил на мозоль,— заметил Фурманов.— Вот и нажил себе врага.

— Не имею понятия, кому именно...

— Я думаю, корни всей этой чепухи надо искать в Семиречье. Помнишь, на пленуме обкома записку прислали в президиум: «Пусть Сагатов расскажет о своем отце?»

— Помню.

— Кто здесь работает из семиреченцев?

— Кажется, Кожяков.

В столовой за обедом, когда они разговаривали о Режеве, Сагатов сказал с горечью:

— Но так работать невозможно! Поговори с Фрунзе, пусть он поможет мне ехать с тобой на Западный фронт.

Фурманов отрицательно замотал головой.

— Не говори глупостей. Таких коммунистов-казахов, как ты, по пальцам можно пересчитать. ЦК не отпустит. Пустой разговор. А к Михаилу Васильевичу зайти надо... Я его попрошу узнать, откуда сыр-бор разгорелся...

Закончив обед, они направились в штаб Туркфронта.

В центре города, на площади, у подъезда двухэтажного здания стоял часовой. Получив пропуск в комендатуре, они поднялись в приемную командарма.

Увидев Фурманова, адъютант Фрунзе радостно пожал ему руку.

— Как там?— спросил Дмитрий Андреевич, кивком головы указав на дверь кабинета.

— Разговаривает!— уклончиво ответил адъютант.— Подождите.

В это время дверь открылась. Из кабинета Фрунзе вышел горбоносый бородач в широком пестром халате с непомерно длинными рукавами и в тюбетейке с черными полосками, какие носят бухарцы.

— Я сейчас доложу о вас!— сказал адъютант и скрылся за дверью.

Он вернулся очень быстро.

— Заходите!

Сагатов впервые видел прославленного командарма. Возле стола, заваленного картами, стоял невысокий, плотный, широкий в плечах военный в простой солдатской гимнастерке, туго подпоясанной офицерским ремнем. Густая русая борода и пышные усы придавали Фрунзе не по возрасту солидный вид.

— Сагатов!— познакомил Фурманов.— Секретарь Семиреченского обкома партии.

Фрунзе поднял на Саху серые внимательные глаза и крепко пожал руку.

— Присаживайтесь. И рассказывайте, как у вас там, в Верном? Покончили с мятежом?

— Окончательно!— ответил Фурманов и кивнул на Сагатова.— Справились с помощью местных товарищей.

Зная, как дорога каждая минута командарма, Дмитрий Андреевич сразу приступил к делу.

— Михаил Васильевич,— сказал он,— вы, уроженец Семиречья, знаете, какие отношения существуют между казачеством и киргизами. Контрреволюционеры стремятся разжечь национальную рознь. Товарищ Сагатов им встал на пути. Сейчас они хотят убрать его с дороги. Человека хотят скомпрометировать... Вот вызвали в ЦК... Расскажи, Саха, сам.

Сагатов взглянул на Фрунзе. Командарм кивнул головой. И Саха рассказал о своей беседе с Режевым. Когда он закончил, Фурманов воскликнул:

— Семиреченская организация знает Саху как преданного коммуниста. А за Жууса он не отвечает!

— Н-да...— протянул Фрунзе и задумчиво побарабанил по столу пальцами.— Письменное объяснение вы Режеву передайте, а я поговорю с секретарем ЦК по вашему делу. Во всяком случае, в обиду вас не дадим.

— Он уже собрался со мной на Западный фронт!— сказал Фурманов.

— Но-но... Работа в Семиречье не менее важна... У вас сейчас сложная обстановка. Возвращаются беженцы из Синьцзяна, хлопот с ними много, земельный вопрос надо решать... А если решить его неправильно,— запыляет все Семиречье... Не так ли, товарищ Сагатов?

— Запыляет!— согласился Саха.— Враги наши уже использовали возвращение беженцев. Слух пустили: «...всех русских выселят из Семиречья, а землю отдадут казахам». А тут еще бай натравливают казахов на русских.

— Понятно!— сказал Фрунзе.— Все понятно! Хотят столкнуть лбами, чтобы в крови Советскую власть утопить. Только не удастся это дело. Верно, товарищ Сагатов?— Командарм испытующе смотрел на Саху.

— Не удастся!— твердо ответил Сагатов.

— Нельзя забывать,— сказал командарм,— что отряды Дутова, Анненкова и Бакича еще существуют и стоят на китайской границе.

Фрунзе задумчиво походил по кабинету из угла в угол и продолжал:

— Вчера я получил донесение — англичане из Кашгарии направили крупного разведчика в Бухару. Берут дальний прицел. Видимо, он едет координировать действия разрозненных басмачей с войсками эмира.

Фрунзе посмотрел на карту, испещренную стрелками и кружочками, словно желая прочесть ответ на свои мысли. Фурманов и Сагатов молча ждали, что еще скажет командарм.

— В Бухаре назревают крупные события. Бухарские коммунисты готовят восстание. Эмиру приходит конец. Перед вами у меня был товарищ из Бухары... Интересный человек. Его прислали бухарские коммунисты. Просят оказать помощь...

Фрунзе мельком взглянул на часы. Фурманов и Сагатов поднялись.

Пожимая на прощание руку Сахи, командарм сказал:

— Работайте спокойно, мы вас здесь в обиду не дадим. И не забывайте главного — ни в коем случае нельзя допустить, чтобы враги столкнули русских с киргизами. От этого зависит судьба Советской власти в Семипречье... Ну, счастливого пути!

Фурманов и Сагатов вышли из кабинета.

— Теперь все будет хорошо! — успокоил Фурманов своего друга. — Михаила Васильевича я знаю. Если он пообещал, все сделает...

* * *

На следующий день Сагатов провожал Фурманова в Москву.

Дмитрий Андреевич стоял в тамбуре вагона и махал фуражкой. Когда поезд тронулся, он, чуть подавшись вперед, крикнул: «Будь!..» Сагатов не расслышал последнее слово. Будь кем? Чем?..

Вот проплыл перед глазами последний вагон, и Саха вместе с толпой провожающих покинул перрон. На душе у него было тоскливо — он расстался с верным и любимым другом...

Всю дорогу от вокзала и до ТуркЦИКа Саха шел, вспоминая свои встречи с Фурмановым, тяжелые дни мятежа в Верном, незабываемые часы, проведенные в тюремной камере, когда смерть была совсем рядом.

Заместитель председателя ТуркЦИКа Рахимов принял Сагатова холодно, был не в духе, куда-то спешил. Об участниках восстания тысяча девятьсот шестнадцатого года, находившихся в Синьцзяне, сказал коротко:

— Ну и хорошо, что они задерживаются там. А если бы хлынула разом вся сорокатысячная орда? Что бы

вы стали делать? Вы не можете устроить какую-нибудь тысячу прибывших первой партией? Учтите, поступает много жалоб, люди скитаются без крова, умирают от голода. Придется за это ответить!

Сагатов пытался возразить, но Рахимов не захотел слушать.

— Сейчас мне некогда. К вам выезжает специальная комиссия по устройству беженцев. Она разберется во всем.

Саха вышел из кабинета Рахимова возмущенный. Он не ждал такого приема от руководителя республики. В приемной Сагатов столкнулся с широкоплечим жгучим брюнетом в ослепительно белом костюме. Брюнет кивнул ему и прошел в кабинет Рахимова без доклада.

— Кто это? — спросил Саха у секретаря.

— Кожак.

— Земляк! А я и не узнал даже! — Мелькнула мысль рассказать Кожаккову о разговоре с Рахимовым, но он отогнал ее сразу. Не стоит... Какой толк?

Не успел Сагатов спуститься с лестницы, как его догнали Рахимов и Кожак. Втроем они вышли на улицу. Рахимов сел в коляску и укатил. Кожак дружелюбно поздоровался с Сагатовым, как со старым знакомым, и тут же пригласил на обед.

— Земляки же мы... Так давно не виделись...

Сагатов охотно принял приглашение. Они прошли пешком до квартиры Кожаккова — он жил в центре города. Хозяин угостил семиреченского гостя узбекским пловом и отличным виноградным вином. «Неплохо живет», — отметил Сагатов, разглядывая стены, затянутые текинскими коврами и шелковыми сюзанэ.

За обедом Кожак много ел и много пил, весело шутил, рассказывая смешные истории из ташкентской жизни. Саха почувствовал, что хозяин избегает вести деловой разговор при жене. После обеда он увел гостя в кабинет.

— Садись, брат, поговорим по душам. — Кожак усадил Саху на тахту, покрытую текинским ковром, сам сел рядом. — Ну, рассказывай, как там жизнь идет в родном Джетысу!

Кожак курил, пуская голубоватый дым колечками. Он спирально тянулся к раскрытому окну.

— Ничего. Как говорят русские — живем да хлеб жуем.

— А может быть, не хлеб, а камчу?¹

— Камчу?! Это от кого?

— От русских казаков. Что, тебе неизвестно?

— Что-то не слышал...

— Выходит, мы здесь лучше вас знаем, что творится в Джетысу. Может быть, тебе неизвестно, как живут беженцы, вернувшиеся из Синьцзяна? Могу сообщить, — ЦИК располагает большим материалом... Казахам, прибывшим на родину, негде жить. Землю их забрало казачество. — Кожяков сделал небольшую паузу и положил руку гостю на колено. — Выселять надо казаков из станиц, а их дома передавать этим бейшара². Иначе плохо будет.

— А разве другого пути нет?

— Нет.

— Ну что же, тогда, видимо, придется меня снять, а послать туда вот хотя бы вас. Вы сумеете устроить беженцев.

Кожяков деланно засмеялся.

— Не надо кипятиться. Какой горячий! Никто не думает отбирать твой пост. Но казах нигде не должен забывать, что он казах...

Разговор не клеился. Сагатов стал собираться домой. Хозяин не удерживал. Они расстались взаимно недовольные друг другом...

Саха шагал в гостиницу и раздумывал: почему Кожяков пригласил его к себе?

В эту ночь он долго не сомкнул глаз, стараясь найти ответ на мучивший его вопрос. Но так и не нашел.

* * *

Саха прнехал на вокзал перед самым отходом поезда. Попутчики — двое мужчин и женщина — уже расположились на своих местах. В купе было темно, и он не сумел как следует разглядеть лицо женщины. Устроившись на противоположной нижней полке, Сагатов заснул не сразу. Он перебирал в памяти ташкентские впечатления и думал об отце: «Неужели Жунус на чужом берегу?»

¹ Камча — плетка. Здесь игра слов: «Жевать» в казахском языке употребляется и в смысле получать удары.

² Бейшара — несчастный.

Разбудил Саху шум и громкие голоса. Кто-то говорил хриплым, вразумительным басом:

— Ну, а что я могу сделать? Чем помочь? Я, гражданка, не врач-гинеколог и не акушерка...

— Я — врач! — отозвался женский голос, и Саха понял, что это сказала спутница по купе. — Но в общем вагоне роды не примешь, надо сюда перевести.

— Куда сюда?! Все места заняты.

— Надо найти! Рождается новый человек.

«Вот оно что!» — догадался Сагатов и, приподнявшись, сказал:

— Я уступлю свое место. Пожалуйста!

— А как же вы?

— Не беспокойтесь! — Сагатов поднялся, но мужчина пробасил:

— Спите. Устроим как-нибудь... Идемте, гражданка. Они ушли, а Саха снова забылся тяжелым сном.

Утром, когда он вышел в коридор, у окна увидел спутницу по купе. У нее было красивое лицо и большие голубые глаза.

— Ну, какие у вас успехи?

Отличные... Родился новый советский гражданин...

Они разговорились, и Сагатов узнал, что женщина-врач едет в Верный, что зовут ее Глафирой Алексеевной, она коммунистка и будет заведовать областным отделом здравоохранения.

Глафира Алексеевна рассказала о своем отце — он отбывал ссылку в Верном и там умер.

Слушая ее, Саха вспомнил Жунуса и опять с тоской подумал: «Неужели он на чужом берегу?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Жунусу минуло пятнадцать лет, его отдали в духовную школу. Отец его, ювелир и непревзойденный мастер по резьбе и отделке украшений на седлах, решил подготовить из старшего сына аульного муллу.

Юноша в мектебе¹ изучал сначала арабскую азбуку, потом «шариат-ульман»². Через год его перевели на изучение «хафтияк»³ и «ильхам»⁴. Спустя четыре года он

¹ Мектеб — школа.

² Шарнат-ульман — условия веры.

³ Хафтияк — седьмая часть Корана.

⁴ Ильхам — катехизис.

наизусть читал стихи Навои¹, Ходжи-Ахмеда-Яссави². Но когда ученики перешли ко второй ступени обучения — «арабисту»³, Жунус неожиданно бросил школу. Виноват в этом был хальфе — помощник муллы. Он послал Жунуса на озеро за водой. Жунус отказался — очередь была не его. Хальфе пожаловался мулле, и двадцатилетнего джигита заслушавшие выпороли розгами. После этого Жунус обругал хальфе и покинул мектеб. Придя домой, он сказал отцу, что не хочет быть батраком муллы. Отец не стал возражать. Так и не получился из Жунуса аульный мулла! Зато вырос грамотный, справедливый человек, способный сказать помощь родичам, попавшим в беду.

Младший брат купца Адил, поссорившись с пастухом, утопил его в речке. Жунус решительно поднял голос против убийцы, несмотря на то, что он недавно породнился с самим Адилем, посватал его семилетнюю дочурку Ляйли своему тринадцатилетнему сыну Сахе. А случилось это так. Купцу понравился черный иноходец Жунуса, получивший первый приз на байге. Адил загорелся: «Продай, продай». И тщеславный Жунус пошел навстречу желанию жадного купца. «Отдам даром, — сказал он, — если породнишься». Ударили по рукам. Это согласие ничего не стоило, купец мог от него отказаться в любое время. Такие обещания давались в аулах часто и не всегда выполнялись.

Адил просил Жунуса замять дело, обещался уплатить кун — выкуп по казахскому обычаю. Жунус отверг это предложение и подал жалобу мировому судье. Он требовал наказать преступника. Мировой судья хотел было защитить истца, но губернатор вмешался и приказал прекратить дело. Тогда Жунус и его друзья напали на аул Адилы и угнали скот. Жунуса осудили на высылку в Сибирь. По дороге он сбежал и, вернувшись в аул, два года скрывался в горах.

В 1916 году Саха, только что окончивший гимназию,

¹ Навои Низамаддин Алишер (1441—1501 гг.) — великий узбекский писатель, ученый, художник, музыкант, государственный деятель, родоначальник литературы на узбекском языке.

² Ходжа-Ахмед-Яссави — узбекский поэт (около 1105—1166 гг.). На его могиле в г. Туркестане Тамерлан построил мавзолей (в 1397 г.), который существует и поныне.

³ Арабист — мусульманское богословие на арабском языке.

приехал домой и встретился с отцом. Но встреча была недолгой.

Через месяц после объявления царского приказа о мобилизации казахов на фронт для рытья окопов Жунус одним из первых поднял восстание в Джетысу. Он собрал близких ему родственников-джигитов и сказал:

— Братья! Настал для казахов черный день. Русский царь забирает нас на фронт. Лучше умереть у себя в Джетысу, а не на чужбине. Седлайте коней, берите ружья, а у кого нет — пики. Завтра уйдем в горы. Будем воевать.

Жунус прочел молитву, велел зарезать черного барана. Бакену он приказал объехать за ночь соседние аулы, передать аксакалам, чтобы все собрались к нему в ущелье Кора-Тюбе¹. Утром Жунус предложил послать женщины в Кара-ой. Там волостные управители составляют списки мобилизованных. Надо отнять списки и уничтожить их.

В долине Кара-ой в тот памятный день было необычное оживление. Из соседних аулов двигались толпы женщин. У белой восьмистворчатой юрты их встретил помощник уездного начальника Хлыновский, стоявший в окружении волостных управителей и отряда полиции.

Женщины приблизились вплотную к волостным управителям. Из толпы вышла маленькая, худенькая старушка. Она сжимала кулаки... Трудно было узнать в ней робкую, тихую Фатиму — жену Жунуса...

Хлыновский крикнул волостному управителю:

— Что нужно этим бабам?

Фатима первая громко, но сдержанно ответила:

— Пришли за списком. Мы не отдадим мужей и сыновей на войну!

— Отдайте список! — зашумели женщины.

Лицо Хлыновского налилось кровью:

— Разогнать!

Волостные управители взмахнули плетью. Полицейские взяли ружья наперевес. Хлыновский выстрелил из нагана в воздух. Женщины рассыпались в разные стороны. Выстрел Хлыновского послужил сигналом для выступления отряда Жунуса, находившегося в засаде. Джигиты мигом окружили аул. Началась перестрелка. Хлыновский со своим отрядом стал отходить в горы. Джиги-

¹ К о р а - Т ю б е — буквальный перевод: «хлеб в горе».

ты ворвались в волостное управление Кастека. Кастекского волостного управителя они нашли за сундуком и выволокли из юрты.

— Давай список! — закричал Жунус, поднимая камчу.

Управитель задрожал.

— Унесли.

— Продажная собака!

Засвищели плети джигитов. Управителя загнали под коня. Подскакал Бакен и самодельной секирой рассек ему голову... Так началось восстание...

Через два дня в Кора-Тюбе собралось до тысячи джигитов. Повстанцы взяли под контроль трактовую дорогу Пишиек — Верный и перерезали телефонную линию. Через несколько дней восстание вспыхнуло в Пишпекском, Пржевальском и в Джаркентском уездах.

Как-то ночью в отряд Жунуса явился русский столяр из Кастека Кашеев со своим зятем, казахом Сметом.

— Что, не ожидал, тамыр¹? — спросил по-казахски Кашеев.

Жунус оторопел от неожиданности.

— Зачем ты пришел?

— Помогать тебе!

Жунус молчал.

— Не веришь? Думаешь, обманываю? — Кашеев указал на зятя. — Вот мой залог!

Так просто, как свой человек, столяр остался в отряде.

Число повстанцев увеличивалось с каждым днем. Жунус насчитывал в своем отряде до десяти тысяч бойцов. В горах Кора-Тюбе в неприступной крепости повстанцы открыли мастерские для литья пуль и ремонта оружия. Старый солдат Кашеев обучал джигитов искусству стрельбы.

В эти дни к Жунусу неожиданно явился Хальфе, недруг его детских лет. Он только что окончил медресе² в Бухаре, но по старой привычке все его называли не по имени, а по духовному званию — Хальфе.

Он льстиво заговорил:

— Ваш риск увенчается успехом, ему покровитель-

¹ Тамыр — друг, приятель.

² Медресе — духовная школа у мусульман.

ствует сам всемогущий аллах. Хазрет¹ Агзам просил передать: во сне он видел зеленое знамя Магомета в твоих руках.

Польщенный Жунус заерзал на месте. Хальфе это заметил даже в темноте.

— Один дехканин никогда не успеет своевременно обработать большое поле. Наш хазрет считает, что тебе надо связаться с правоверными Теджена и Гюргена², объявившими священную войну. Если тебя окружают кафиры³, ты задохнешься в горах Алатау. С одними казахами Джетысу не добьешься цели. Агзам предоставляет в ваше распоряжение мечети. Молитесь в них, а если нужно — укрывайтесь от врагов. И еще он дает вам...— Хальфе понизил голос до шепота, — деньги. Золотом можно купить не только оружие, но и самого врага.

Заканчивая беседу, мулла добавил:

— Джигиту-казаху легче будет умереть за веру, за аллаха!

Поразмыслив, Жунус принял предложение Хальфе. На следующий день он отправил нарочного к имаму Агзаму.

Осенью шестнадцатого года в Верный стекались карательные войска с артиллерией и пулеметами. Из Ташкента прибыли отряды подполковника Гейцига и подполковника Алтырцева. Из Скобелева по направлению Андиджан — Джалал-Абад и далее к укреплению Нарынскому двигался отряд капитана фон Рурзи. Из Термеза на Оренбург, Семипалатинск и далее на Сергиополь шел полковник Виноградов.

В октябре началось общее наступление. Карательные войска прижали повстанцев к горам. В генеральном сражении в Каркаралинске повстанцев разгромили. Сорок тысяч семей казахов ушли в Китай. С руководителями повстанческих отрядов Фольбаум расправился жестоко: храбрейшего из них Бекбулата Ашикеева повесили. Науке Сатыбекова, Досхожу Кашаганова и его отца, мудрого старца Кашагана, приговорили к расстрелу. Зятя столяра Кашеева Смета живым сожгли на костре. Сам

¹ Хазрет — святой, блаженный; почтительное наименование духовного лица.

² Населенные пункты в Туркмении, где восстание 1916 года носило характер газавата, то есть священной войны, которую разжигали панисламисты.

³ Кафиры — иноверцы.

Кашеев погиб в боях за Токмак. Знаменосец Бакен чудом спасся и бежал в Синьцзян. А Жунус нашел убежище в Туркестане — укрылся в мавзолее Ходжи-Ахмеда-Яссави.

В поисках Жунуса отряд Гейцига ворвался в аул Айна-Куль и предал его огню. Каратели повесили дядю Жунуса, семидесятилетнего старика, и его шестилетнего племянника. Фатима с детьми спаслась в пещере Коратюбе.

Саха Сагатов не знал, что происходило в лагере повстанцев. В эти горячие дни он сидел в тюрьме в одной камере с Токашем Бокиным. Только через год февральская революция принесла узникам свободу.

В марте восемнадцатого года, когда в Верном была уже Советская власть, Сагатов приехал в родной аул. Здесь он встретил отца, вернувшегося из Туркестана. Саха был уверен, что Жунус идет в одном строю с коммунистами. Но при первом же разговоре с отцом он уловил нотки разочарования. Беседа шла о беженцах-казахах, откочевавших в шестнадцатом году после разгрома восстания в Западный Китай.

Отец недовольно сдвинул поседевшие брови и сердито махнул рукой.

— Не то, не то получилось...

— А чего вам хочется?— спросил Сагатов, по казахскому обычаю называя отца на «вы».

— Что значит мне?— возмутился Жунус.— Мне ничего не хочется. Два года задерживают возвращение наших джигитов в родное гнездо. Разве мы того ждали от новой власти.

— За действия временного правительства большевики не отвечают,— сказал Саха.— Советская власть заботится о возвращении беженцев. Но не все сразу. Есть дела поважнее.

И он начал рассказывать, что намечено сделать в первую очередь для укрепления Советской власти в Джетысу.

Жунус сидел молча, потом, как бы про себя, промолвил:

— Ко всему, что ты говоришь, у меня нет веры...

Сагатов удивился: какая муха укусила отца?

Жунус вытащил из кармана перочинный ножик и, попросив у жены тальник, стал вырезать на коре узоры.

Саха понял — Жунус волнуется. Что же, пусты Лучше, если отец выложит все, что у него накопилось на душе. Ему легче будет.

Но отец молчал. И тогда Саха сказал:

— Новая власть открыла нам все двери, отец! Войдите и займите свое место. Вы сражались с полковником Гейцигом. Для большевиков вы самый дорогой человек!

Жунус отрицательно покачал головой.

— Я достаточно потаскал груз жизни на своем горбу, чтобы быть легковерным. Мои глаза еще зоркие. Ты говоришь, открыта дверь? Если одному мне,— не войду. Как-нибудь проживу за дверью.

Саха следил за отцом. Длинные, сухие пальцы старика стиснули нож, тальник треснул.

— Джигиты сражались за свободу нашего народа. Безумная их храбрость щитом прикрыла меня и тебя от верной гибели. А ты забыл о них, Саха...

Жунус погладил остроконечную бороду, провел большим пальцем по усам и после короткого молчания громко сказал, словно Саха был тугой на ухо:

— Пока возвратившиеся джигиты не получают дома и земли казаков, четыре года назад резавших их детей и жен, я не пойду служить новой власти...

— Отец...

— Молчи!— прервал Жунус и заговорил страстным голосом:

— Сорок тысяч казахов ушли в Китай. Десять тысяч из них погибли от голода и холода. Токаш в семнадцатом году ездил в Синьцзян узнавать об их судьбе. Он привез страшные вести. Чтобы спасти семьи, казахи продавали малолетних дочерей китайским купцам в рабыни. Это тебе известно?

— Известно.

— А сколько казахов убито и повешено! Разве ты не слыхал про Беловодскую резню?

— Ну, к чему вспоминаете старое, отец?

— Не перебивай!— голос Жунуса задрожал.— Разве восемьдесят тысяч казахов и киргизов Пржевальска, Каркаралинска, Кебены не выселили в горы?

— Мы не отвечаем за действия старого правительства!

Жунус не слушал.

— Кто сопротивляется возвращению беженцев? Кто послал заградительный отряд встретить их на границе

Китай ружейным и пулеметным огнем? Что ты сделал для них?

Жунус, бледный, трясущийся, подошел к Сахе с вытянутыми вперед руками, готовый схватить и задушить его. Сагатов отпрянул. Он не ожидал такого приступа ярости.

— Кто сказал слово в защиту бедных казахов, когда станичники отобрали у них скот? Кто протестовал, когда заставили уплатить три миллиона рублей Тыртышному за разбитую мельницу? Она осталась цела и работает до сих пор в Кастеке.

Жунус задохнулся; весь багровый, с пеной на губах стоял он посреди юрты. Он хотел рассказать сыну, как его недавно выпороли, но постеснялся.

А дело было так: остановили Жунуса на дороге трое встречных всадников в красноармейских шлемах. Один взял за узду коня, двое стащили с седла. Заговорили торопливо, перебивая друг друга.

— Это тот самый гад!

— Тот, тот... калбитский генерал...

Жунус понял — пощады не будет. Не успел ахнуть, как связали руки и раздели.

— Держи!

Длинная, тонкая плеть со свистом ожгла тело Жунуса.

...Кто надругался тогда над стариком? Не с ними ли воевал Жунус в шестнадцатом году? Не все ли равно, какие они — белые или красные. Они — русские. И на шлемах у них были красные звезды.

Жунус грузно опустил на одеяло и долго молчал, поникнув головой: «На земле нет справедливости и не будет!»

Саха тоже молчал.

— Ты кем у большевиков? — Жунус поднял голову.

— Я секретарь уездного комитета партии.

— Что это значит?

— Уком — совесть и глаза партии во всем уезде.

— Ага! — тонкие губы Жунуса искривила улыбка. — Если ты совесть и правда, почему не заберешь дома у казахов, почему не отдашь их беженцам?

— Не все казаки виноваты! — твердо сказал Саха. — Были же среди них, которые помогали вам. Вспомни Кашеева...

— Он не казак!

Тальник в руках Жунуса снова треснул. Отец встал и махнул рукою.

— Нам не о чем разговаривать...

Это было первое и последнее столкновение сына с отцом, летом тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Через месяц Жунус исчез. Куда? Никто не знал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Деловая жизнь в обкоме начиналась рано. С утра в приемной секретаря толпились посетители: работники из дальних уездов, приехавшие по вызову, руководители областных организаций, скотоводы из аулов.

Сагатов сидел в кабинете за большим дубовым столом, покрытым синим сукном, и разбирал утреннюю почту.

— Можно? — высокий бородач приоткрыл дверь.

— Заходи, заходи, Басов!

Грузно ступая по ковру, вошел председатель облчека. Крепко пожал руку Сагатова и опустился в кресло.

— Ну, какие новости, Дмитрий Васильевич?

— На днях ездил в Пржевальск. Прибыла партия беженцев из Синьцзяна.

— Хорошо!

— Хорошо, да не очень! Беженцы хотят жить на своих землях, а их в шестнадцатом году с куропаткинского благословения забрали кулаки.

— Так. Дальше!

— Идет слух — казаки решили расправиться с главарями восстания. Кое-где были самосуды. Провокаторы открыто работают в аулах: «Власть русская, киргизам не жить в Семиречье. За восстание расплатился Бокин, убит!» А Жунус, ваш отец, сбежал к басмачам искать защиту. На Советскую власть не надеется.

Басов пристально смотрел на Сагатова. Саха изменился в лице. Вот опасность, о которой предупреждал Фрунзе! Враги хотят взбудоражить вернувшихся беженцев, столкнуть их с казачеством. Чтобы напугать казахов, вспомнили и смерть Бокина и исчезновение Жунуса.

Сагатов рассказал Басову о своем разговоре с Фрунзе и закончил:

— Опасный сейчас момент. Враги Советской власти

постараются его использовать... Все наше внимание — на этот участок...

Когда Басов вышел, Сагатов долго сидел, подперев руками голову. Ах, отец, отец! Что ты наделал?.. Стал орудием в руках врагов. Даже друзья скоро перестанут доверять твоему сыну...

Саха не заметил, как в кабинет вошла девушка низенького роста, с круглым смуглым лицом, живым взглядом черных глаз. Длинные косы свисали до колен. Она ступала осторожно, словно боясь испачкать ковер. Подошла к столу и остановилась молча.

— Садитесь, сестричка!— предложил Саха.

Девушка опустила на стул.

— Что вы хотите?— Саха старался угадать причину прихода юной посетительницы. «Или продали за калым старику, или сбежала от нелюбимого мужа»,— подумал он.

— Я к вам пришла не как к большому начальнику, а как к близкому человеку,— заговорила девушка.

Сагатов удивился: неужели дальняя родственница?

— Откуда вы?

— Я здешняя. Дочь Адила. Меня зовут Ляйли.

Она не осмелилась поднять глаза. Смотрела под ноги, нервно перебирая тонкими пальцами.

Алая краска залила лицо Сагатова. Так это Ляйли, его невеста! Как-то мать в ауле полушутя-полусерьезно поведала ему, что он обручен с дочерью купца Адила. Саха тогда не придавал значения словам Фатимы.

— Я вас не знаю!— вежливо заметил Саха.

— А я ведь ваша невеста!— тихо сказала девушка, еще ниже склонив голову.

Сагатов, переборов смущение, улыбнулся.

— Видите... Мы ничем не связаны, кроме обещания наших отцов.

Ляйли подняла голову и впервые смело взглянула ему в лицо: «Какой красивый!..» Она услышала биение своего сердца.

— Обещание родителей подсказано богом, подтверждено ангелом-хранителем!— нашлась ответить девушка.

— Любовь не признает ни бога, ни ангелов, милая Ляйли!— заметил Саха.— Теперь не то время, когда сыновья любили глазами отцов, а не своими сердцами.

— Мое сердце принадлежит мне!— сказала Ляйли.— А мои уста говорят по его внушению!

— Все же, дорогая сестричка, я думаю, что вы пришли не для того, чтобы поговорить о своем сердце!— пошутил Саха.

— Я пришла просить вашей помощи.

— Если я смогу, пожалуйста!

— Это в ваших руках. Конечно, если вы захотите,— Ляйли сделала ударение на последнем слове.— Мой отец сидит в тюрьме. Его не выпустят до тех пор, пока он не уплатит совдепу пять миллионов рублей. Но у нас нет столько денег.

— Я не могу нарушить постановление Советской власти.

«Неправда»,— хотела вскрикнуть Ляйли, но удержалась и спросила, меняя тон:

— Вы ненавидите нас? За что?

Саха встал, давая понять, что разговор окончен. Ляйли тоже поднялась и молча вышла из кабинета.

Никогда Саха не думал, что к нему может явиться девушка и сказать: «Я твоя невеста!» Он улыбнулся. «Невеста! А между прочим, довольно красивая... Сколько ей может быть лет?.. Видимо, училась... Бойкая...»

— Разрешите?

В полураскрытую дверь боком пролез тучный казах с пузатым желтым портфелем в руке. Пухлое лицо с отвислой губой показалось Сагатову знакомым. Где он видел этого человека?

«Козлиная голова!»— чуть не воскликнул Сагатов, вспомнив старую кличку Сугурбаева, данную ему Токашем Бокиным.

— Поздравляю, дорогой брат, с большим постом!— осклабился Сугурбаев, обнажив кривые желтые зубы.

Он протянул через стол руку. Саха без особого удовольствия пожал потную пухлую ладонь неожиданного гостя.

— Я давно у нас в Джетысу,— Сугурбаев сделал ударение на слове «у нас», давая понять, что они земляки.— Приехал по устройству беженцев шестнадцатого года. Наверно, слышали? Занят по горло. Вот наконец выбрал время и приехал в город.

Сагатов молчал. Он ждал, что еще скажет Сугурбаев. Но тот насторожился, как зверь, почуяв запах охотника. Тогда Сагатов решил не оставлять никакой щели, чтобы ею мог воспользоваться Сугурбаев.

— Странно, я встречаю вас третий раз и все в разных ролях — вы припоминаете?

Сугурбаев невозмутимо поднял кустистые брови. Черные глазки встретили взгляд Сагатова и тут же прищурились.

— Пах! Мой брат, кто может устоять против предрасположенностей судьбы? Вот вы сегодня секретарь обкома, а кто скажет, что с вами будет завтра? Я думаю, что лучше быть возницей на свободе, чем считать дни в тюрьме. Верно гласит казахская пословица: «Лучше живая мышь, чем дохлый лев». Мне кажется, дорогой брат, я достаточно понятно ответил на ваш вопрос. Оставим это. Копаться в чужом белье не очень приятно, как говорят русские. И правильно говорят.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Но для меня неясно, почему вы так легко пристали к нашему берегу? Кажется, было бы честнее сидеть за кучера, чем за хозяина?

Сагатов откинулся на спинку стула и забарабанил пальцем правой руки по столу.

— Пах! — невозмутимо отозвался Сугурбаев. — Недаром Советское правительство объявило амнистию для нас, бывших алашевцев. Я пришел честно, и мне протянули руку такие, как вы, прозорливые товарищи, братья...

— Честность проверяется в работе! — сурово заметил Саха.

— Думаю, что оправдаю доверие правительства и ташкентских друзей. Стараюсь, дорогой брат, стараюсь изо всех сил. Днем и ночью езжу по аулам и станицам, устраиваю несчастных наших героев. У многих нет ни семьи, ни родственников. Все растеряли. Вот ожидается еще одна партия в Кастек. Куда их девать? Они истощены, измучены. Не секрет: мрут от простуды, от голода. Я приехал просить у вас совета и помощи. Надо потеснить русских в Кастеке и в их дома вселить беженцев! — осторожно подошел к своей цели Сугурбаев.

— Вы предлагаете выселить казаков из станицы?

— Нет, почему же?! — Сугурбаев замаялся. — Но, собственно говоря, суть вопроса от названия не меняется. Назовите это, как хотите. Лично я думаю, что не противоречу решению партии, где черным по белому написано: «Возвратить земли казахам».

— В Кастеке русские казаки живут давно! — заметил Сагатов, не спуская глаз с Сугурбаева.

— Мой брат, какая разница, когда отобран у казахов Кастек, при Скобелеве или при Фольбауме? Это не меняет сути дела.

— Нет, очень меняет. В постановлении сказано: «Возвратить земли, отобранные при подавлении восстания шестнадцатого года». И все! Значит, мы должны вернуть только лишь самовольно захваченные земли. Нельзя выселять из станицы давно живущих казаков. Ясно?

Сагатов не спускал глаз с Сугурбаева, хотя трудно было что-либо прочесть на жирном лице бывшего алашевца.

— Беженцам нужна сейчас не голая земля, а земля с жилищем, чтобы можно было существовать,— возразил Сугурбаев, вытирая платком вспотевшую шею.

Он поднялся и стал прощаться,

— Я к вам еще зайду, Саха!

Сагатов ничего не ответил.

* * *

У здания обкома Сугурбаева окликнул высокий человек с крючковатым носом.

— Пах! Товарищ Фальковский!— удивился Сугурбаев.— Сколько лет, сколько зим, дорогой Валентин...

— ...Робертович.

— Какими судьбами?

— Представь, ищу тебя!

— Пах! Откуда ты узнал, что я жив и здоров?

— Земля слухом полнится!..— сказал Фальковский.

Они шли по тенистой улице, беседа вполголоса.

— Где ты скитался последние годы?— допытывался Сугурбаев.

— Где был, там уже нет!— уклонился Фальковский от прямого ответа.

— Где работаешь?

— Нигде!

— А предполагаешь?

— Надо оглядеться,— сказал Фальковский.— Я в городе четвертый день...

Сугурбаев остановился и взял собеседника за пуговицу френча.

— Пах! Ты же топограф! Хочешь, завтра направлю землемером в Кастек. Жизнь сытая, будешь кататься, как сыр в масле...

Фальковский задумался. Предложение показалось соблазнительным.

— А что там придется делать?

— Отобранныю Куропаткиным землю будешь снова делить между казаками и русскими.

— А не укокошат за это станичники?

— Валентин Робертович!— укоризненно покачал головой Сугурбаев.— Если в шестнадцатом году не укокошили киргизы, почему в двадцатом году должны укокошить русские?.. Ты живучий, дорогой... Завтра я думаю выехать в Кастек. Хочешь, поедем со мной.

Фальковский ответил не сразу.

— А что так скоро?

— На днях туда прибывает партия беженцев из Китая.— Надо подготовиться к встрече.

— Ну что же,— задумчиво произнес Фальковский.— Если там сытно, можно будет поехать...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гульжан, сестра Сахи, поехала в Узун-Агач узнать о судьбе исчезнувшего отца. В ауле прошел слух, что бахалши¹ Бозтай ездил в Туркестан по торговым делам, побывал в мавзолее Ходжи-Ахмеда-Яссави и узнал о Жунусе. Говорят, старик жив и завел новую семью.

Гульжан нашла Бозтая, своего давнишнего поклонника. Слух оказался ложным. Бозтай клялся, что такого разговора не было. Правда, он слышал от настоятеля мечети, что Жунус в Бухаре. А больше он о нем ничего не знает.

Эта весть огорчила Гульжан, но зато другая новость, услышанная в Узун-Агаче, обрадовала ее. В Кастек на днях должны вернуться беженцы из Китая.

Гульжан торопилась в аул сообщить радостную весть. Бозтай навязался проводить ее. Сколько раз он мечтал остаться с Гульжан наедине. Красивая дочка Жунуса приглянулась ему давно. Не нравилось ему в ней только одно — невоздержанный, резкий характер и странная манера носить мужскую одежду. Должно быть, Гульжан знала, что женатый Бозтай к ней неравнодушен. Не по летам лысый, рыжий, он всегда был неприятен девушке,

¹ Ба х а л ш и — мелкий торговец, спекулянт.

и она с радостью бы поехала домой одна. Но не так-то легко отвязаться от Бозтая.

Цыганка-ночь раскинула на небе бархатную плахту, вышитую узорной россыпью звезд. Вдали темнели неприступные, вечно снежные вершины Алатау. У подножья гор мерцали огоньки аула. Тишина нарушалась топотом конских копыт.

— Гульжан!— обратился Бозтай к девушке.— Скоро я еду в город. Есть слух, что хорошую землю дают тем, кто будет воевать.

— Какая война?— Гульжан придержала коня.

— Говорят, казахи опять будут воевать с русскими.

— Кто сказал?

— Приехал адвокат Сугурбаев из Ташкента. Он говорил... Что же, я не против...

— Вояка! Где вы были в шестнадцатом году?

— Воевал с русскими.

— Не слыхала.

Бозтай уловил насмешку в голосе девушки.

— Отец рассказывал про многих джигитов-героев. Но о вас никогда не вспоминал...

— Вот отец-то твой и сбежал. Не хватило пороху...

— Не вам о нем судить!— возмутилась Гульжан.

Бозтай помолчал. Зачем сердить девушку?

— Я пошутил, Гульжан. Не хотел обидеть тебя. Лучше поговорим о другом.

— О чем же?

— У шелка одинаковые узлы, а у молодых одинаковые желанья,— начал издалека Бозтай.

— О чем это вы?

— О том, чтобы соединить наши сердца.

— Кто терпелив, на тележке догонит зайца!— насмешливо сказала девушка.

— Думаю, что я не только догнал, но и схватил, как беркут!

— Мой беркут давно уже схватил меня.

— Знаю, на кого намекаешь. Но его нет в живых.

— Пусть змеи снесут яйца в ваши уста!— с ненавистью сказала Гульжан.

— О, какой у вас язык!— Бозтай засмеялся.— Я не выдумал. Мне сказали беженцы из Пржевальска. «Смета, говорят, отравил уйгурский купец».

Гульжан усмехнулась. Во-первых, Смет погиб во время восстания. Об этом рассказывал Жунус, восхища-

явь его подвигом в бою. Во-вторых, ее возлюбленного зовут Бакеном.

— Я дала нареченному слово, что буду ждать его возвращения!

— Если хочешь просидеть всю жизнь в девках, жди! Гульжан не выдержала.

— Тот, кого я жду, уже едет!— радостно воскликнула она.

— Кто же он?

— Вы недостойны знать его имени.

— Что?— рассвирепел Бозтай.— Даю тебе сроку десять дней. Если за это время не дашь согласия, пеняй на себя!

Конь Бозтая, испугавшись, фыркнул и бросился в сторону. Всадник выпустил из рук повод и, потеряв равновесие, свалился с коня.

Девушка весело рассмеялась:

— Эх вы, а еще воевать собрались!

Обидный смех хлестнул Бозтая по сердцу. Обозлившись на коня, он ожег его плетью. Конь умчался в горы. Гульжан захохотала еще веселее.

— Ну, что же, теперь прогуляйтесь пешком. Догонять вашего коня я не буду. А посадить с собой...— в голосе девушки прозвучало презрение.— Вы этого недостойны!

— Недостойн?

Бозтай попытался стащить девушку с коня. Он схватил ее за ногу. Гульжан плетью ударила его по голове и хлестнула своего коня. Конь рванулся. От резкого толчка Бозтай распластался на земле. Исчезая во мраке, девушка слышала брошенные ей вслед злобные слова: «Я тебе этого не прощу!»

В аул Айна-Куль Гульжан приехала одна. В ночной темноте еле заметно выступали очертания юрт. Возле одной из них стояла мать.

— Что с тобой, моя опора? Почему так поздно?— Фатима чутьем матери угадывала волнение дочери.

— Поздно выехала!

Гульжан умолчала о столкновении с Бозтаем. Фатима сделала вид, что поверила.

— Слыхала что-нибудь про отца?

Девушка передала все, что рассказал ей Бозтай, и закончила взволнованно:

— Ой, мама, какая радость! Едут наши из Китая!

— Кто сказал?

— В Узун-Агаче есть такой слух. Надо сообщить всем в ауле.

— Иди, свет моих глаз, обойди все юрты. Проси суюнши.

Фатима забыла обо всем, словно в числе возвращающихся она надеялась встретить Жунуса.

Гульжан побежала к озеру. Здесь в крайней юрте жил кузнец Токей, дядя Бакена. Токей днем и ночью не вылезает из кузницы. Про него в ауле говорили: «Токей потемнел не столько от сажи, сколько от злости».

Гульжан подошла к юрте и толкнула двухстворчатую филленчатую дверь.

— Кто там?

— Токе, готовь суюнши!— воскликнула Гульжан.— Бакен едет!

— Бакен?— Токей не поверил.— Откуда узнала?

— В Узун-Агаче. Только что оттуда!

— О аллах, помоги верному рабу!— всхлипнула жена Токея от радости.

Гульжан не стала задерживаться, поспешила к юрте акына Нашена. Он четыре года лежал в постели после того, как его высек Гейциг за призыв к восстанию. Немец постарался: у акына отнялись ноги.

Гульжан приоткрыла войлок и громко крикнула:

— Нашеке!

— Это кто?

— Я, Гульжан. Едут наши из Китая!

— Неужели правда?— акын хотел подняться, но боль, сковывавшая обручами поясницу, дала знать о себе. Он застонал.

— Готовьте песни, Нашеке! Завтра приду!— крикнула Гульжан и побежала дальше к саманной лачужке, упиравшейся в отвесную скалу. Здесь жила бабушка Кудан, одинокая бедная старуха. В молодости она слыла красавицей. За ней в ауле установилась слава «чародейки». Она не без успеха лечила детей. Был у нее муж — Гейциг его повесил как дальнего родственника Жунуса.

— Бабушка!— крикнула Гульжан у самой лачужки.

— О аллах! Кто это так поздно ночью?— заворчала Кудан.

— Бабушка, суюнши! Вставай!

— Не Гульжан ли? Что тебе надо, баловинна, среди ночи?

— Суюнши готовьте!

— Отец вернулся?

У Гульжан на миг защемило сердце.

— Едут наши из Китая!— крикнула она.

— О, аллах услышал мою молитву!— запричитала Кудан.

А Гульжан уже бежала дальше и громко кричала у каждой юрты, не заходя в нее:

— Наши едут! Наши!

Вскоре весь аул поднялся на ноги и зашумел. Разбуженные старухи заохали, дети плакали, женщины звонко смеялись. Каждому хотелось самому услышать подробности радостной вести.

Сияющая, взволнованная Гульжан не уставала отвечать на вопросы. Скоро, очень скоро приедут мужья, отцы, братья, дети. Вернутся те, кого уже и не надеялись видеть в ауле. Счастье, счастье!

Не радовалась только одна Фатима. Она вспомнила Жунуса. Тяжело было у нее на сердце. Вчера утром малолетний сынишка Асхар сказал ей, что во сне видел отца, он упал с высокой горы. А недавно и самой Фатиме приснился муж. Жунус, высунув голову из могилы, страшным голосом звал ее на помощь: «Фатимажан, протяни мне руку». Утром она рассказала свой сон бабушке Кудан. Старуха велела в жертву аллаху принести белого барана. Целый день в ушах Фатимы звучал умоляющий голос мужа. Мучительно переживала она ужасное сновидение...

Вот уже скоро два года, как муж уехал неизвестно куда. Вначале казалось — Саха знает что-то об отце, но, боясь огорчить ее, упорно молчит. Фатима хорошо помнит их ссору. Отец в последнее время избегал разговора о сыне, а Саха, в свою очередь, тоже молчал, не упоминал имени отца даже в коротких письмах к Гульжан.

Жунус, Жунус! Если бы ты знал, как тяжело жить твоей жене с Гульжан и маленьким Асхаром! Хозяйство у них, как коротенькое одеяльце. Натянешь на голову — ноги голые, а закроешь ноги — голова открыта. Вечно не хватает чего-нибудь! Старший сын Саха — отрезанный ломоть, живет в городе. Он даже не знает, сколько баранов у матери. Единственная опора в жизни — старшая дочь Гульжан. В смелости и ловкости она не уступит джигиту.

Фатиме приятно смотреть на дочь. Матери нравятся густые длинные чёрные волосы, сплетенные в толстые

косы, правильные черты лица Гульжан. Не раз приезжали из соседних аулов сваты и уезжали ни с чем. Гульжан упорно отказывала женихам. Фатима догадывалась: дочь ждет Бакена, и потому-то она сегодня так счастлива.

Фатима кончиком платка вытерла глаза — пусть в этот день никто не увидит ее слез!

ГЛАВА ПЯТАЯ

На дороге, огибавшей озеро Айна-Куль, показался всадник. Он ехал шагом, жадно всматриваясь в окружавшие горы. За ним тянулась вереница повозок и бесконечная цепь нагруженных верблюдов. Чабаны гнали скот. Над ним поднималась золотистая пыль. Шум нарастал. Мычали коровы, ржали лошади, блеяли овцы...

Солнце клонилось к закату. Раскаленный диск золотил далекую снежную вершину Алатау и облака, похожие на кучи хлопка.

Озеро Айна-Куль застыло в горном ущелье, точно налитая до краев чаша. В чистой, прозрачной воде, как в зеркале, отражались скалистые берега. Тихо, ни ветерка. То и дело взлетали стаи уток. Описав круг над озером, они рассыпались, как лепестки цветов.

Все жители аула, стар и млад, высыпали из юрт. Гульжан, нарядившись в костюм из синего бархата, первой вышла на дорогу встретить своего возлюбленного.

Ждет она его... А вдруг?.. Нет-нет... Гульжан боялась произнести страшное слово, была уверена — он придет! Она встретится с ним. Вчера девушка видела его во сне таким, каким он был в черные дни разгрома восстания. Никогда она не забудет минуты, когда раненый Бакен, очнувшись в пещере Кора-Тюбе, радостно взглянул ей в глаза.

Смущенная Гульжан отошла в сторону, где стояла мать, и крепко схватила ее руку.

— Боже мой, неужели он тоже здесь?..

Беженцы совсем уже близко. Толпа ринулась навстречу каравану. Женщины заголосили. Аксакалы, опираясь на палки, подняли головы. Слезы крупными каплями падали на бороды. Пришла и Вера Павловна, учительница из Кастека, высокая, худощавая женщина с гладко

зачесанными волосами. Она смотрела влажными глазами на растянувшийся обоз.

Повозки остановились. Женщины бросились искать потерянных близких. Вопли отчаяния и возгласы радости слились в один сплошной гул.

С коня соскочил Бакен. Гульжан сразу узнала его, хотя он сильно изменился. Жизнь в чужом краю наложила на молодого джигита свой отпечаток: он сильно похудел, лицо в морщинах, спина сутулая. Но по-прежнему жизнерадостно блестели его карие глаза. Видно было, что Бакен кого-то ищет в толпе. Гульжан догадалась. Радость волной прилила к ее сердцу. Ей хотелось кинуться ему на шею и заплакать от счастья. Но Бакен увидел дядю Токея и бросился к нему.

Он по-казахски, троекратно приложив свою грудь к груди Токея, поздоровался и взволнованно смотрел на дядю. Токей радостно улыбнулся и по-отечески погладил по голове племянника. Он пришел встречать дорогих людей прямо из кузни, измазанный сажей.

Молодая женщина в городской одежде, выдвинувшись из толпы, с улыбкой смотрела на Бакена. Ее ласковые серые глаза встретились с удивленным взглядом Бакена.

В первую минуту он не узнал ее. Неужели Гульжан? Да нет. Это дочь Павла Семеновича Кашеева, бок о бок вместе с джигитами дравшегося против карательного отряда Гейцига.

— Вера!

Бакен торопливо схватил ее руку. Эта сероглазая женщина вместе с Гульжан спасла ему жизнь в пещере Қора-Тюбе. Он приложил левую руку к виску, изуродованному пулей, и хотел что-то сказать, но тут к Вере Павловне подошел, опираясь на палку, аксакал. Сняв шапку, старик низко поклонился:

— Бесценная дочка! Свою седую голову я склоняю перед храбростью вашего отца, любимого нашего героя. Мы его не забыли и никогда не забудем. И сегодня, возвратившись на родину, мы чтим его память.

Старик умолк. Окружающие скорбно молчали. Вера Павловна поднесла руку к повлажневшим глазам... Тишину прервал крик:

— Жолдастар! На митинг... Сейчас будет приветствовать прибывших представитель ТуркЦИКа товарищ Сугурбаев!

Землемер Фальковский указывал, где нужно собраться. Люди столпились возле невысокой скалы. На нее поднялся Сугурбаев и снял шапку:

— Дорогие мои братья!

Шум стал стихать. Сугурбаев поклонился.

— Приветствую вас с возвращением на родную землю!

На дороге показалась пара вороных, запряженных в коляску. Иноходцы бежали рысью, окутанные клубами пыли. Взоры участников митинга обратились к остановившейся коляске. В толпе прошел шепот: «Саха приехал! Наш Сахажан!»

Сагатов в летнем костюме, как всегда, без фуражки, выпрыгнул из коляски.

До ушей его донесся голос Сугурбаева.

— Пока вы страдали на чужбине, ваши враги отобрали вашу землю, обрекли вас на голод, на холод. Но... Счастье ваше, что в Джетысу сейчас не власть царя, против которого вы сражались, а наша власть, власть Советов... Джетысу, казахская земля, принадлежит казахам.... Вы, наши герои, хозяева этой земли... Вот она, берите ее... Она теперь лежит на вашей ладони. К старому нет возврата. Прошли времена Куропаткиных и Черняевых и никогда не вернутся. Только мы, казахи, сейчас полновластные хозяева в Джетысу. Земля наших предков принадлежит только нам... Ее вернула наша защитница — Советская власть!.. Эй, враги, берегитесь!..

Сагатов слушал и хмурился. Речь Сугурбаева, полная скрытого умысла, ему не нравилась. Он угрожает. Кому? Русским!..

Когда Сугурбаев кончил, Саха занял его место на скале.

— Салем вам, мои братья!— Он увидел измученные, загорелые лица беженцев. Эти люди вернулись на родину, чтобы найти счастье на земле своих предков. Они его найдут, в этом Саха не сомневался. Но не на том пути, о котором намекал Сугурбаев...

И он заговорил, обращаясь к беженцам.

— Я знаю вас: вы не захотели стоять на коленях перед царем и баями. За это погибли смертью храбрых такие люди, как Тасбулат Ашикеев, Семен Ногаев и наш русский друг, тамыр Павел Кашеев. Вечная им память!

В толпе кто-то всхлипнул. Саха выдержал паузу.

— Вы вышли с голыми руками против пушек и пу-

леметов, не боясь их. Наш народ считает вас своими богатырями. Передо мною выступил Сугурбаев. Мне кажется, он допустил ошибку, забыв сказать главное. Мы воевали в шестнадцатом году с царем, с Куропаткинскими, Фольбаумами, Гейцингами... Но мы никогда не воевали с русским народом!.. Жить с русскими людьми, как с родными братьями, это значит — укреплять Советскую власть. У нас сейчас нет и не может быть другой цели, кроме одной — построить счастливую жизнь на казахской земле, где казахи, русские, уйгуры, украинцы смогут свободно трудиться. Вы вернулись на свою родину, и родина обеспечит вас землей, кровом, пищей. Вам помогут все, в том числе и русские товарищи, которые знают, как вы страдали на чужбине.

Одобрительный гул пронесся над озером Айна-Куль. Встревоженные утки поднялись над зеркальной гладью воды и, описав круг, скрылись в кустах.

Саха еще долго говорил; Сугурбаев стоял рядом с Фальковским и не сводил с Сагатова глаз.

Но вот Саха закончил свою речь. К нему подошел аксакал и сказал:

— Золотые слова! Пусть аллах поможет в твоих делах!

Но беженцы молчали. Чувствовалось, что речь Сугурбаева понравилась им больше.

— Кто он такой? — спросил один из беженцев, обращаясь к Токею.

— Саха! Сын Жунуса.

— Саха?! Как он вырос! Не узнать.

— А где сам Жунус?

— Почему его нет?

— Жунус поссорился с сыном и ушел из аула.

— Поссорился?

Кто-то из беженцев громко крикнул:

— Пусть говорит Жунус!

Толпа подхватила:

— Жунус!

— Жунус!

Взоры беженцев обожгли Сагатова. Лицо его побледнело, потом покраснело. Тот же проклятый вопрос! Что он ответит им, соратникам Жунуса? Поверят ли они ему, если он скажет, что их боевой командир на чужой стороне, что он пошел против своего народа. Настал реш-

тельный момент: сказать правду народу, открыть ему глаза. Пусть осуждают...

Наступила мертвая тишина. Все затаили дыхание.

— Жунус, ваш предводитель, сбился с пути!..— сказал Саха.— Он ушел из аула и даже, говорят, находится в стане наших врагов. Он был моим отцом. Но с того дня, когда он покинул аул Айпа-Куль, я не имею отца...

Голос Сахи прозвучал глухо. Фатима в ужасе закрыла ладонями лицо. У Гульжан подкосились ноги. «Как у Сахи повернулся язык, чтобы сказать такие страшные слова!» Толпа замерла. Сын отрекся от родного отца. Аксакалы сурово сдвинули седые брови...

Саха молча сошел со скалы. Люди расступились перед ним...

Тягостную обстановку нарушил Нашен-акын. Его принесли на кошме. Бледный, с крупным носом, густыми нависшими бровями, он походил на старого беркута. Нашен приподнялся, оперся на палку, обвел всех зорким взглядом, затем гордо вскинул голову и зашел:

Мне, акыну,— девяносто лет,
Я свидетель всех народных бед.
Мои песни ветер степью носит,
Звезды в небе шепчут обо мне.
Снова песню сердце мое просит,
Я ее спою вам в тишине.

В дни, когда летал орел двуглавый,
Черной тенью омрачив простор,
Ринулись вы смело в бой кровавый,
Запалив восстания костер.

И дымилась даль степей багрово,
Вы дрались отважно и сурово,
Умирали стоя, но вперед
Звал других ваш соколиный взлет.

Подвиги я нынче ваши славлю,
В песенном огне я сердце плавлю,
Ждал я долго встречи этой час,
И дождался. Я пою для вас.¹

Свое приветствие Нашен готовил в мучительные бессонные ночи. Четыре года он жил этим днем. Ждал его и дождался...

Люди оживились, слушая акына, и вот уже радость охватила всех. Твердою походкой беженцы подходили к

¹ Перевод Н. Титова.

акыну, подносили руку к груди в знак сердечной благодарности и жали его сухую, сморщенную ладонь. Нашен вematривался каждому в лицо и называл имя. Старик никого не забыл:

— Ташен... Бакен... Муса...

Наступили сумерки. Беженцы разбивали лагерь, воздвигали юрты, мастерили шалаши. Многие ушли к родственникам. Над озером Айна-Куль раздавались веселые голоса, смех девушек, плач детей и лай собак. Аул, окутанный вечерним дымом, ликовал.

Целую неделю жители его готовились достойно встретить беженцев, вернувшихся с чужбины. Женщины накапливали кумыс, пекли баурсаки, кололи упитанных баранов. Из подземных печей шел дым, пахло гарью. Во всех юртах началось угощение...

Сагатов в юрте у матери, сидя за кумысом, обсуждал с членами комиссии, как лучше устроить беженцев. Левобережные приальпийские луга реки Кастек целиком принадлежат казачьей станице, ими владеет пятерка кулаков. Часть лугов возле озера Айна-Куль отошла к казакам после восстания. Вернее, они просто ее отобрали. Как быть? Возвратить эту землю аулу или переселить беженцев в станицу в национализированные дома, а земель наделить потом... Как лучше?

Сугурбаев посмотрел на Фальковского.

— Что скажет землемер?

* * *

И вот пришла бархатная звездная ночь, всегда прохладная на озере Айна-Куль. Луна медленно выплывала из-за горных вершин.

На берегу озера на камнях сидели Вера Павловна и Гульжан. Они ждали Бакена. Он сам назначил свидание Гульжан и почему-то медлил. Видно, не может вырваться, сидит с комиссией.

По казахскому обычаю влюбленным неприлично встречаться при родственниках. Тайна их сердец никому не должна быть известна.

— Идет!— сказала Вера Павловна, прислушиваясь.

Гульжан увидела высокую фигуру джигита и затаила дыхание. Бакен чуть не бежал к озеру.

— Гуля!

Джигит, не владея собою, бросился к девушке и сжал

её в объятиях. Он долго целовал её молча, как будто слова могли омрачить радость встречи. Вера Павловна смахнула наворачнувшиеся слезы. Она вспомнила погибшего Смета.

Встреча после длительной разлуки была радостная. Чтобы не мешать влюбленным, Вера Павловна покинула их.

Потом Бакен, держа в ладонях руки Гульжан, рассказывал ей о годах, прожитых в Китае. При свете луны он видел только бледное лицо девушки и ее влажные глаза.

Они просидели до поздней ночи, прижавшись друг к другу.

— Гуля! Я хочу тебя спросить...

Сердце Гульжан подсказало, какой вопрос задаст Бакен. Конечно, она ответит согласием. Недаром она ждала его четыре года...

— Гуля! А все же, где сейчас может быть Жунус?— спросил Бакен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ту ночь, когда Фатима видела во сне мужа, Жунус, скитавшийся по земле узбеков, ехал из Маргелана в Фергану. Он сопровождал имама Агзама, имевшего чрезвычайное поручение эмира Бухары встретиться с ученым шейхом из Хиндустана. Только очень немногие знали, что шейх прибыл для «спасения мусульманской веры» в Туркестан.

В Маргелан путники добрались поездом, раздобыли здесь провожатого у местного муллы и вместе с ним выехали в Фергану. Проводник держал путь по долине, заросшей густым кустарником. Ночь была темная. Грозовые тучи обложили небо. Жунус хмуро молчал и зорко вглядывался в темноту. Имам бормотал под нос молитвы, потом, доверившись провожатому, успокоился и замолчал.

Припоминая встречу с эмиром, Агзам старался разгадать тонкий намек его о шейхе как о спасителе веры. Имам даже усмехнулся. В такое время, когда вместе с крушением жизненных устоев подвергалась сомнению сама незыблемая основа веры, ее не может спасти приезжий шейх. По мнению имама Агзама, для спасения

Средней Азии от нашествия голодных кафиров с севера нужна острая сабля.

Имам Агзам был тесно связан с Бухарой, духовным центром всего Туркестана, не только политическими взглядами. Бухаре он обязан воспитанием и завидной карьерой. Блестяще окончив знаменитую медресе Мир-и-Араб, высшую духовную школу в Бухаре, он поехал в Джетыеу, в город Аулие-Ату. Здесь при поддержке духовного главы Бухары сделался настоятелем мечети, а через несколько лет одновременно занял пост главного имама мавзолея Ходжи-Ахмеда-Яссави. Огромные средства, поступавшие от паломников, попадали большей частью в просторный карман имама. За очень короткий срок он разбогател и приобрел немалый вес в Бухаре.

Когда эмир призвал духовных лиц возглавить борьбу с Советской властью, имам Агзам встал во главе антисоветских сил в Семиречье. Его дом в Аулие-Ате, куда он перебрался из Туркестана, превратился в настоящий штаб заговорщиков. Сюда приходили националисты из партии «Алаш», переодетые в одежду казаха-скотовода (лисий трех-тумак, сапоги с длинными голенищами и высокими каблуками). Отсюда выходили юродивые диваны¹, одетые в лохмотья, с посохами в руках, и ходжи — ретивые пропагандисты ислама среди казахов. И, наконец, в этом доме имам Агзам снаряжал послов к уфимскому муфтию и рассылал секретные письма знатым, богатым казахам, приглашая создать мусульманский отряд для священной борьбы с русскими, а также с казахами-вероотступниками.

По дороге в Бухару имам Агзам вербовал фанатиков-мусульман и, составив небольшой отряд, поручил командование Жунусу. Имам хорошо знал, кого он выбирает. Жунус не богат и не славится родом. Но зато он имеет имя. Раскаты грома после грозы шестнадцатого года еще не стихли. Нет-нет, да прогремит эхо в горах. Агзам надеялся связать имя Жунуса, прославленного вождя повстанцев, со священной борьбой за веру — гаватом.

Но первые шаги принесли неудачу. Отряд, собранный из разных аулов, по мере удаления от мест таял на глазах. Из двухсот человек границу Бухары перешла лишь четвертая часть.

¹ Дивана — нищенствующий монах у мусульман.

Агзам был удручен: если бы он привел в Бухару целый отряд казахов, то, несомненно, во дворце эмира вес его возрос бы. Может быть, он со временем, опрокинув Бурхан-эдина, занял бы пост всемогущего казикаляна, верховного судьи эмирата.

В Бухаре АгзAMA встретили радушно. Прирожденный дипломат, имам быстро завоевал внимание эмира. Показав смелость мысли при решении важных вопросов, он за короткий срок стал своим человеком во дворце.

Постепенно эмир стал давать ему самые ответственные поручения. Агзам вместе с Жунусом ездил в Хорезм к Джунаид-хану¹, последнему хивинскому хану, когда «непобедимый туркменский лев» еще был в зените славы. Джунаид-хан принял имама ласково, устроил по восточному обычаю большой праздник, показал силу и ловкость туркменских джигитов.

Беседа с Джунаид-ханом длилась долго. Агзам и Жунус требовали объединения всех сил Средней Азии под зеленым знаменем Магомета и под руководством эмира Сеид-Алим-хана, чтобы сохранить священную Бухару для мусульман. Имам Агзам пустил в ход искусство красноречия и свой духовный авторитет. Он говорил мягким, вкрадчивым голосом, каким обычно читал священные главы Корана:

— Велик аллах, мудр Магомет! Под солнцем его нет ничего непредвиденного, все учтено и названо своим именем. Если эмир, наместник пророка в Средней Азии, призывает, то надо действовать, а не дробить силы. Промедление губит, риск вознаграждает, если сразу не дрогнула душа.

Агзам говорил вообще, а Джунаид-хан принимал на свой счет — это была форма восточной дипломатии. На помощь имаму пришел Жунус, державшийся в тени. Его бледное лицо покрылось румянцем. Слегка поклонившись, он сел по-турецки, поджав под себя ноги, а руки положил на колени.

— Эмир предпринимает большой поход против Ташкента. Его удар должен быть поддержан вами! — сказал Жунус.

Джунаид-хан, прищурив хитрые зеленоватые глаза, долго молчал. На смуглом лице трудно было прочесть

¹ Джунаид-хан (Мухаммед-Курбан-Сардар) — вождь туркменского племени номудов, бывший пастух, пришел к власти, свергнув хивинского хана Асфандияра.

его мысли. Он разглядывал извилистые линии левой ладони, как будто хотел угадать свое будущее.

Но Джунаид-хана не обведешь вокруг пальца! У него глаза зоркие. Хивинский хан сразу почуял, с кем имеет дело. Он не верил в успех и решил остаться в стороне, сохранив свою независимость.

Джунаид-хан усмехнулся: «Жизнь туркменских джигитов не купить за недосыгаемую идею панисламизма, сверкающую, как золотое полулуние бухарской мечети. Она очень дорога для туркмен».

Эту мысль он перевел на язык дипломатии и сказал вслух на третий день перед отъездом после эмира:

— Передайте мой кровный братский привет эмиру Сеид-Алим-хану. Скажите ему, что я всегда готов соединить с ним свою душу и силу. Но считаю, что цветы благого дня еще не расцвели, рвать их рано. Пусть распространяется аромат неувядаемого ислама! Надо еще подождать!

И вот Агзам сидит на коне, едет с новым поручением злой, недовольный поведением Джунаид-хана. Имам часто украдкой смотрит на Жунуса, боясь, как бы он тоже не изменил своему решению у порога больших событий. Но достигнут ли они счастья? Не родились ли они под потухшей звездой?

Первый раз в жизни закрадывается сомнение в душу Агзама. Он задумался над словами Жунуса, сказанными после посещения Джунаид-хана. Жунус сказал: «Не кажется ли вам, уважаемый имам, что наш панисламизм похож на старый дуб, переживший самого себя? Сухие корни его лежат на поверхности земли, на ветвях не растут листья. Посмотришь на него, лишь чувство жалости вызывает он. Только невольно уважаешь и считаешь его седую славу. Не кажется ли вам, что земля, выбросившая корни старого дуба на поверхность, похожа на современную жизнь? Она не воспринимает нашего панисламизма! Налетит сильная буря — свалит этот дуб».

Агзам сделал вид, что не соглашается с Жунусом.

А Жунус сказал еще резче:

— Не кажется ли, уважаемый имам, что мысль большевиков о равенстве и братстве похожа на молодое яблоневое дерево? Оно пышно растет, привлекая внимание прохожих! У нас же в руках страх. Мы пугаем народ адом, богом и держим силой.

Такие дерзкие мысли Жунуса могли родиться от сом-

нений, высказанных Джунаидом. Жунуса следовало бы.. Но не надо упускать его из своих рук, он умеет вести за собой народ..

Конь Агзама споткнулся. Имам едва удержался за гриву.

— О алла!— прошептал он.

Стал накрапывать мелкий дождь.

— Не спрячемся ли мы в кустах?— предложил Агзам.

— Вы жалеете халат или хотите дать русским время снять вашу умную голову?

— Моя голова принадлежит всевышнему, а не мне. В его воле отдать ее неверным или сохранить правоверным.

— В таком случае я вам советую поступить так, как поступил Ходжа Насреддин.

— А что мог сделать наш дивана?

Жунус не успел ответить. Зашелкали ружейные выстрелы, и возле уха старика просвистела пуля.

Агзам всю дорогу опасался нападения басмачей. Перед выездом из Бухары чиновники эмира советовали ему быть осторожным.

Имам знал, что Ибрагим-бек, конокрад и вор, сумел объединить разрозненные мелкие отряды басмачей. Сейчас для Агзама ясно было одно: если они попадут в их руки — живыми не уйдут. Духовный сан его не спасет.

— Спасайся!— закричал имам и ударил коня плетью.

Когда они выскочили из роши, то увидели всадников, мчавшихся наперерез. Имам, а за ним Жунус повернули к реке и бросились вплавь. Шагов за двадцать до спасительного берега Агзам услышал крик Жунуса:

— Помогите!..

Имам схватил за уздечку коня Жунуса и поплыл дальше. Их спасла ночная темнота да камышовые заросли.

Жунус был ранен в кисть левой руки. К счастью, пуля прошла набылет, лишь слегка задев надкостницу.

Агзам всю ночь провозился с Жунусом, стараясь остановить кровотечение. Забыв про свой духовный сан, имам проклинал басмачей и ругал Ибрагим-бека последними словами.

В Фергане появился ученый шейх Мухитдин-ибн-Аль-Араби. При первой же встрече с настоятелем мечети он заговорил стихами Навои из его письма поэту Сейд-Хасану:

Ушла верность от населения Хорасана,
Вместо верности появилось лицемерие...

Эти стихи стали передаваться из уст в уста. Духовные лица восхищались ученостью шейха. Они вспомнили, что он носит точно такое имя, как знаменитый шейх, живший в конце XII века, признанный на востоке за святого чудотворца.

К ученому шейху был послан эмпром имам Агзам с деликатным поручением — создать надежную силу из ферганских басмачей и мулл Советского Туркестана.

Когда имам подошел к деревянному домику, обнесенному со стороны улицы глиняным дувалом, была уже ночь.

Он осторожно постучал. Дверь открыл мальчик в яркой цветной одежде плясуна. Заглядывая в лицо Агзама, он молча стоял в дверях.

— Шейх?— имам кивком головы указал на дверь.

— Шейх никого не принимает,— ответил мальчик, преградив дорогу.

Услышав незнакомый голос, показался хозяин дома, толстый перс с черными длинными усами. Он вышел в парадной одежде — в цветном халате, в большой светло-желтой чалме. За ухом перса адел цветок.

Угадав в госте Агзама, хозяин воскликнул:

— А, дорогой имам, бог поможет вам в ваших замыслах!

Перс отстранил мальчика и с подчеркнутой вежливостью, приложив руку к груди, пригласил Агзама в дом.

В просторной комнате, устланной коврами, тускло горела керосиновая лампа.

— Юсуф!— обратился хозяин к мальчику.— Скажи шейху, что приехал наш уважаемый гость.

Агзам в ожидании шейха олустился на ковер и задумался.

Странно, откуда перс знает Агзама? Ведь имам в Фергане только второй раз за всю жизнь.

Узкая дверь, прикрытая ковром, распахнулась, и вы-

шел размашистой поступью сутулый человек в белом халате с широкими рукавами. На ногах его блестели ичиги из желтой шагрени. На моложавом лице шейха из-под каштановых бровей выглядывали бесцветные глаза. Небольшая борода и усы были тщательно расчесаны и приглажены.

Имам разочарованно вздохнул. Он предполагал встретить сгорбленного, ветхого старика, отягченного, как ношей, седою мудростью, с посохом в руке и Кораном в сумке.

Шейх в свою очередь тоже пытливо разглядывал с головы до ног не по возрасту стройного, хорошо сохранившегося имама.

Он крепко пожал руку гостю и перевел выразительный взгляд на хозяина. Тот бесшумно исчез.

Оставшись наедине с Агзамом, шейх заговорил певучим голосом:

— Пусть благородный подвиг за веру и отечество будет вознагражден в том мире, мудрый имам!

Витиеватой, ни к чему не обязывавшей фразой шейх польстил самолюбию Агзама. Испытанный прием восточных дипломатов, обезоруживающий противника, на этот раз был использован без промаха. Следующая фраза шейха окончательно вызвала тщеславного гостя на откровенность.

— Вы главный поборник веры в Туркестане. Ваше имя встретило меня у самой границы.

Агзам поднял голову. После скучных расспросов о здоровье имама шейх резко повернул разговор, украсив свою речь стихами Накшбенди, основателя ордена шейхов:

Доколе ты будешь
Поклоняться могилам мужей?
Делами мужей займись,
Тогда ты будешь спасен.

— Не примите за оскорбление, дорогой имам, время такое, что для оценки его можно воспользоваться мудрым выражением поэта... Он писал, что «в народе человечности и следа нет, не видно ничего, кроме злодейства». Мне должны были прислать...

Он не договорил. Имам спохватился:

— Ах, да... я забыл...

Агзам вытащил маленькую книжку в сафьяновом переплете и передал шейху. Это был условный знак,

удостоверявший личность. Шейх раскрыл Коран и по восточному обычаю не поцеловал, а лишь притронулся к нему губами.

— Дьявол вселяет людям сомнения, стережет на каждом шагу их ошибки. Он сидит на левом плече каждого. Поэтому надо обращать свой взор всегда на правое плечо, где сидит ангел-хранитель. В наше время и муллы стали дружить с дьяволом.— Шейх беззвучно засмеялся.— Не так ли, уважаемый имам?

Агзам в знак согласия закрыл глаза и кивнул головой.

Шейх встал и троекратно хлопнул в ладоши. Вошел мальчик с подносом. На нем дымился горячий плов.

— Садитесь и кушайте, вы с дороги. Не зря говорили древние: сперва покушать, а потом философствовать.

Шейх стал рассказывать о себе.

— Я — истый мусульманин, пандит. Мой дед — один из ветеранов, пришедших с британского острова, — обосновался в Бомбее, а его сын, покойный мой отец, женился на индуске и умер, когда мне было десять лет. Моя мать — из мусульманской секты исмаилитов — дала мне духовное образование, и я принял фамилию одного из основателей ордена шейхов. Меня к вам послал Ага-Хан-Мухаммет-Шо¹ помочь братьям в несчастье. Забудем на время наши разногласия и протянем друг другу руки.

Длинная холеная ладонь шейха повисла в воздухе. Имам нерешительно, с опозданием протянул свою.

Шейх насторожился:

— Вам неприятно...

Шейх уставился на имама бесцветными глазами и выждал, не закончит ли имам его мысль. Иногда в таких случаях противник обнаруживал свои истинные замыслы.

На этот раз шейх просчитался. Агзам в недоумении поднял на него глаза.

Шейху пришлось самому закончить:

¹ Ага-Хан-Мухаммет-Шо — авантюрист, возглавлявший секту исмаилитов в первой половине прошлого века. Бежал из Персии в Индию, где стал орудием английской политики на Среднем Востоке. Получив наследственный титул «Его высочества принца британской империи», в очень короткий срок сделался владельцем огромных заводов.

Английские империалисты выдавали Ага-Хана за святого пророка для народов Ирана, Афганистана, Памира.

— ...вспоминать наши прежние разногласия. В большой семье все может быть. Но, слава аллаху, мы не дошли до резни, как католики с протестантами... Какого вы мнения об эмире?— вдруг спросил он.—«Правдивые слова всегда короче»,— говорят у нас в Индии. Ответьте одним словом: оправдает ли эмир нашу надежду? Сумеет ли повести нас, мусульман, как вождь? Сумеет ли объединить под зеленым знаменем Магомета правоверных? Время тяжелое, мой дорогой имам! Если эмир не способен удержать вожжи в своих руках, конь времени сбросит нас на повороте. Я это говорю не для того, чтобы на трон вместо Сеид-Алим-хана посадить Мухаммета-Шо, а ради нашей будущности.

Шейх переменял позу, сел на пятки, как во время молитвы, и, поглаживая остроконечную жиденькую бородку, заключил свою мысль:

— Не сомневаюсь, что вам, как лучшему другу эмира, не по сердцу такие разговоры...

Агзам вспомнил казахскую поговорку: «Обидные слова читаю по твоим губам, хотя ты их не произносил».

Имам понял намек шейха. Тонкая игра: получить характеристику эмира и ею же потом козырять; если нужно, использовать против самого имама! Нет, имам не такой простофиля! «Однажды обожженный — будет пить глотками»,— говорят казахи. Агзам проявил лисью осторожность. Он ответил не то, что думал:

— Личность Сеид-Алим-хана не должна ввести нас в заблуждение. Надо спасти престол эмира...

— Как?— живо спросил шейх.

— Я хочу услышать это от мудрого шейха!— имам лукаво улыбнулся.

Шейх встал, прошелся по комнате и снова сел.

— Спасти можно только силой. Драться до последнего издыхания. Если ружье дало осечку, браться за нож. Если нож выпал, кусать зубами. Я заверяю вас, что в этой святой борьбе вам поможет весь мусульманский восток!— Шейх уточнил свою мысль: — Всевышний велит нам быстро подготовить войска Сеид-Алим-хана и внезапным ударом взять Ташкент. Для этого силы Прунзеака надо раздробить. Из Кашгарии наши друзья послали верных рабов аллаха в Семиречье, чтобы там запылал новый очаг пожара. Прунзеака тогда отойдет от Бухары. Аминь! Дорогой имам, надо не выпускать из виду Семиречье!

— Об этом думает и эмир...

Имам вытащил из кармана роговую шакшу¹ с серебряной отделкой. Не спеша он высыпал на ладонь щепотку насыбая, растертого в порошок табака, смахнул в рот и языком осторожно затолкнул за зубы. Шейх с удивлением следил за имамом. Когда Агзам с удовольствием проглотил слюну, смешанную с соком табака, шейх отвернулся. По лицу его пробежала гримаса брезгливости.

К полуночи они договорились, что Бухара, Ташкент и Семиречье будут связаны единым узлом через мечети.

— Кого из надежных людей вы можете назвать в Семиречье?— шейх тянул за язык имама, вынуждая раскрыть карты.

— Есть очень влиятельный человек.

— Кто он?

— Содержатель мечети.

Агзам рассказал, что Хальфе связан с Бухарой через диванов.

Шейх зажмурил глаза, словно что-то припоминая. Затем шепотом спросил:

— Кого имеете в виду в Ташкенте?

— Видите ли, все эти джадиды, наши ученые узбеки, не в ладах с эмиром. Среди них есть и такие, которые из-за неприязни к Сеид-Алим-хану, делают ставку даже на Ибрагим-бека.

— Хорошо. Я дам вам один адрес!

На прощание шейх попросил Агзама:

— Было бы достойно памяти пророка, если бы уважаемый имам сказал несколько слов завтра в мечети. Аллах велит мне молчать. Жестокая война посеяла колочки на полях мусульман.

Они разошлись друзьями. Агзам не догадался, что под маской шейха-пандита скрывался Гарри Терренс, офицер английской разведки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Я вас потерял вчера!— сказал Жунус, идя рядом с имамом в мечеть.

Правый рукав его халата висел пустой, а перевязанная рука была спрятана на груди. Спрашивая о тайнст-

¹ Шакша — табакерка.

венном исчезновении имама, Жунус хотел разузнать, не может ли он быть в чем-нибудь полезен Агзаму.

Имам увильнул от прямого ответа. Он не хотел посвящать Жунуса в деликатный разговор с шейхом. Кто его знает! Сегодня Жунус не хотел идти на совещание под предлогом, что он не духовное лицо. Имам с трудом настоял.

Когда они пришли на место сбора, длинный зал мечети уже был переполнен. Впереди полукругом сидели имамы, ходжи, муллы в больших белых чалмах и в белых халатах. Одни, полузакрыв глаза, перебирали четки, другие, искоса поглядывая на соседей, перебрасывались скупыми фразами, словно каждое слово вытаскивали удочкой.

Агзам встал у дверей и, приложив руку к груди, приветствовал собравшихся протяжным голосом. Длиннобородый ветхий старик с провалившимся от болезни седлообразным носом, восседавший на самой середине полукруга, отодвинулся и указал место имаму рядом с собой. Жунус сел у входа.

После краткой беседы с Агзамом ветхий старик начал шепеляво бормотать, пересыпая свою невнятную речь цитатами из Корана. Его гнусавый голос прерывался частым притворным кашлем. Содержание речи было хорошо знакомо Жунусу. Старик повторял старые проповеди об единстве мусульман и о загробном мире, где ждет суровая кара изменников веры.

«Ничего нового», — подумал Жунус. Ему хотелось послушать речь, зажигающую сердце. А тут... Он был разочарован. Ведь всю ночь он не сомкнул глаз в ожидании выступления подлинного вожака мусульманской религии.

Жунус оглядел собравшихся, как они воспринимают скучную проповедь. Рядом с ним сидел худой, тощий ходжа, совершивший паломничество в Мекку. Его большие толстые губы были упрямо сжаты. Он слушал, приложив сухую ладонь к заросшему седыми волосами уху. Любопытно, как ходжа расценивает происходящее? Возможно, он тоже согласен с Жунусом, что проповедь предназначена не для собравшихся представителей духовенства, а для населения захудалого кишлака?

Подле ходжи сидел чернобородый мулла с короткой шеей. Глаза у него красные, злые. А где же ученый шейх из Индии? О нем случайно обмолвился имам Агзам. Может быть, вон тот, притаившийся в углу, как сыч? Вряд

ли! Слишком уж наглый и подозрительный у него вид. Нет, шейх должен быть душой совещания, сидеть на почетном месте...

Мысли Жунуса были прерваны выступлением Агзама. Он был одет лучше других. Нарядный халат из гиссарского шелка, обшитый тесьмой, облегал его плотную фигуру. На голове белела чалма, намотанная на парчевую тибетейку. Огладив бородку, имам начал с восхваления подвигов пророка и его халифов¹. Затем он перешел к эмиру Бухары, выставив его как лучшего мусульманина. Под конец потребовал поднять восстание, жестоко расправиться не только с большевиками, но и со всеми сочувствующими им. Если потребуется — читать молитву с кровью, без обмывания. Бог простит! Имам требовал связаться с мелкими отрядами басмачей и объединить их вокруг эмира.

Жунус, слушавший выступление своего друга, был ошеломлен. Агзам в беседе с Жунусом всегда выставлял на первый план народ, его нужды. А тут он заговорил о беспощадной жестокости, чтобы сохранить старый мир. Разве жестокостью можно привлечь народ на свою сторону?

Нет, нет, уста имама Агзама выражают чужие мысли. Только вчера он, духовный отец, дал обещание всю силу употребить на то, чтобы уговорить эмира улучшить жизнь трудового народа Туркестана и Бухары. Иначе народ не будет воевать за ислам.

Синие глаза Жунуса пробежали по рядам. Тонкие губы сложились в саркастическую улыбку. Бледное лицо покрылось алыми пятнами. Он решил сказать свое слово. Надо дать толчок к серьезным мыслям, чтобы муллы не поддерживали Агзама.

Жунус поднялся. Без чалмы, в простом халате он резко выделялся среди мулл.

— Ваши слова для народа должны быть как слова Корана. В ваших словах люди ищут путь к спасению на том свете и к хорошей жизни в этом мире. Но вы всегда обещаете блаженство рая в загробном мире, а в этом — кроме проповеди терпения и угроз заслушанье, народ ничего от вас не видел и не слышал. А вот в Ташкенте обещают лучшую жизнь в этом мире, на земле, а в том —

¹ Х а л и ф ы — близкие сподвижники Магомета, после смерти его взявшие в свои руки не только духовную, но и светскую власть.

ничего. Как же вы думаете, за кем пойдет наш измученный народ? Мне кажется, любой казах или узбек подумает про себя: «Дай я лучше поживу в этом мире, чем ждать неизвестности в том! Ведь никто не возвращался с того света и не сказал, что там очень хорошо». А если это так, то почему мы должны беспощадно угнетать, отпугивать от себя бедный наш народ? За что? За то, что он хочет хорошей жизни? Обещайте мусульманину хорошую жизнь, помогайте ему, он сам пойдет за вами, а не за большевиками.

Все смотрели на Жунуса с возмущением, а некоторые — с открытой ненавистью. Сосед-муэдзин тихо потянул Жунуса за полы халата, стараясь остановить его.

— Джадид! — шепнул ветхий старик на ухо своему соседу. Это слово пошло по рядам, повторяемое, как эхо. По лицу шейха пробежала тень беспокойства. Тонкие веки тревожно поднялись и сразу опустились.

В это время с минарета раздался призыв муэдзина. Первый день совещания закончился общою молитвою и просьбой к аллаху о помощи.

* * *

Вечером ученый шейх пригласил к себе Агзама и за угощением спросил:

— Кто это говорил?

— Истинный мусульманин. Если он не так мыслит, то в этом виноват я.

— Такие мусульмане работают заодно с большевиками! — ответил шейх.

— За него я ручаюсь!

— Если вы ручаетесь, дорогой имам, то я спокоен. Но... — шейх тихо закончил: — такому человеку место не здесь, а в Семиречье. Оттуда есть хорошие новости...

— Это что — слух о беженцах, вернувшихся из Китая?

Шейх перебил:

— Это не слух. Семиречье сейчас — пороховая бочка, дорогой имам. Уговорите этого казаха вернуться домой. Я свяжу его с верным рабом аллаха. Попробуйте. Благословляю вас!

Разговор о Жунусе прервал мальчик, принесший чиллим¹ с откидной сеткой на головке. Под сеткой чиллима шипела анаша.

¹ Ч и л и м — курительная трубка.

Агзам схватил чилим и жадно затянулся... Когда щеки его покраснели, а глаза покрылись пеленой, шейх Мухитдин-ибн-Аль-Араби наклонился к нему и спросил:

— Сколько золотых стоит голова Прунзе-ака?

Отвечая на собственный вопрос, он передал имаму сложенную вчетверо бумажку с арабским текстом и сказал:

— Читайте!

Это был приказ командующего войсками Туркестанского фронта Михаила Фрунзе от 23 мая 1920 года:

«...Басмачи не просто разбойники; если бы было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, основные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, которых так или иначе задела или обидела прежняя власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения...»

Шейх наклонился в сторону имама и закрыл рукою бумагу.

— Мудрый имам, я вас прерву...— он вежливо, но бесцеремонно вырвал приказ из рук Агзама и добавил: — Обратите внимание на эти слова: «Вожди басмачей, успевшие своей борьбой приобрести большую силу и влияние, учли это и в большинстве признали Советскую власть...»

— Неужели так?

— К сожалению, да!.. Но...

Невдалеке пропел петух. Агзам встал. Мысль шейха осталась недосказанной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тлеубай, как уверяли жители аула Айна-Куль, свихнулся в окопах.

— Бедняжке,— рассказывали соседи,— до сих пор снится бомба, такая круглая, с головой и с ножками. Она подходит к нему каждую ночь и спрашивает: «Хочешь взорвусь?» Конечно, от такого сна не только закричишь, но и с ума сойти можно.

Правда это или нет? Вероятно, правда. С фронта Тлеубай вернулся безбожником. Он не мог понять, как бог допустил войну. На его глазах после взрыва бомбы

от взводного командира остался только один сапог, А взводный командир был веселый человек и хорошо относился к Тлеубаю. Вернувшись в Айна-Куль в дни революции с тяжелым ранением в голову, Тлеубай стал говорить такие вещи, что стариков бросало и в жар и в холод. Его прозвали «коке-мылжын».¹ Над ним посмеивались, но все же его слушали охотно.

Хальфе не мог допустить, чтобы в ауле какой-то сумасброд распространял ересь. Он надел чалму и подошел к юрте Жунуса. Здесь собралась толпа, окружившая Тлеубая. Хальфе прошел внутрь круга и, взмахнув палкой, крикнул:

— Грех вам слушать безумного человека! Именем аллаха проклиная всех, кто впредь будет слушать его!

И Хальфе палкой указал на Тлеубая.

— Хальфе,— сказал Тлеубай,— мы уважаем вас, но просим уважать и нас. Сейчас свобода. Каждый человек имеет право говорить, что он хочет.

— Вон с глаз моих!— вскричал Хальфе, потрясая палкой.— Еретик!

И вот этот Тлеубай, безбожник, с первых же дней возвращения беженцев подружился с Бакеном.

— У каждого своя участь в жизни,— сказал он ему.— Ты страдал в Китае, а я — в окопах. Но мы еще не сели верхом на жизнь, идем рядом с нею пешком. Пятки у нас в крови, изодраны от ходьбы. Давай жить как следует?

— Это как?

— Завтра идем к землемеру и заставим его отмерить нам на левобережье реки Кастек землю. Мою и твою, что отобрали после восстания. Там мы построим дом из самана. Посадим яблони, будем сеять хлеб. Поле станем обрабатывать вместе.

Они ударили по рукам, и на следующий день Тлеубай отправился в Кастек. Бакен не смог поехать с ним.

Тлеубай пришел на квартиру Сугурбаева — «большого начальника» — и не застал его дома. Нежданного посетителя встретил Фальковский.

— Где начальник? — спросил Тлеубай громовым голосом.

— Уехал.

— Ты кто?

— Землемер.

¹ Коке-мылжын — пустомеля.

— Ты мне и нужен!

— Что вы хотите?

— Пойдем на речку. Отмеришь мне и Бакену землю.

Фальковский улыбнулся.

— Не могу, дружок, без постановления правительства и без указания товарища Сугурбаева.

— Врешь! По глазам вижу. Обманываешь!

— Не оскорбляйте, будете иметь дело с товарищем Сугурбаевым.

— Чихал я на твоего Сугурбасва!

Тлеубай, расстроенный, вышел. Но затем снова возвратился и решил заставить землемера пойти на левый берег Кастека.

Фальковский удачно вывернулся и спасся бегством. Хозяева дома удержали Тлеубая. Раскидав их, он выбежал во двор. У крыльца стояло несколько станичников. Один из них, светловолосый, в поношенной гимнастерке, загородил ему дорогу:

— Ты что буянишь?

— Землицы захотел?— усмехнулся чубатый казак.

— Принеси мешок и набери ее. Мы тебе насыплем без скандала.

— Надо у него спросить, не он ли сломал мельницу Тыртышного в шестнадцатом году?

Тлеубай понял, с кем имеет дело. Не обращая внимания на насмешки, он молча ушел.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тлеубай умер внезапно, через день после посещения землемера Фальковского. Первым о его смерти узнал Бакен. Рано утром он зашел к своему другу и увидел печальную картину: жена тормошит Тлеубая, а сама заливается слезами.

— Отец, вставай! Боже мой, что с вами? Ойбай!

Бакен наклонился; Тлеубай уже не дышал. Сердце перестало биться. Жена подняла на Бакена глаза, в них светился ужас.

— Надо вызвать аксакалов,— хмуро сказал Бакен.

Жена с плачем выбежала из юрты. Ее крик разнесся по всему аулу.

— Ойбай, бог наказал!

Увидев жену Тлеубая, ревушую, взлохмаченную, жен-

щины бросились к ней. Прибежала и Гульжан. Юрта Тлеубая не могла вместить желающих взглянуть на мертвеца. Многозначительно почмокав губами и пробормотав молитву, любопытные отходили. Все поражались необычной смерти человека: не болел и вдруг умер.

Жена, размазывая слезы по щекам, рассказывала:

— Пришел из станицы, поел и уснул. Всегда просыпался рано, а тут спит и спит. Я уже подоила корову, а он все спит. Стала будить — тело холодное, не шевелится...

— Что вы смотрите — зовите муллу! — посоветовал кто-то.

— А что, без вызова не придет? — усмехнулась Гульжан.

— Без вызова Хальфе не придет. Так велит шарият! — ответил тот же голос.

— Тут дело нечистое. Надо заявить органам власти! — предложил Бакен.

— Ясно, отравили казаки! — утвердительно сказал один из беженцев.

Аксакалы вышли из юрты, за ними — остальные. Мелкими, быстрыми шагами подошел Хальфе. Полы халата его развевались на ветру.

— Ассалямалейкум¹! — приветствовали муллу в один голос аксакалы.

Хальфе, приложив правую руку к груди, чуть наклонил голову:

— Уалейкумассалям²!

Муллу пропустили в юрту. Толпа снова хлынула за ним. Хальфе пощупал лоб, приподнял руку и отпустил. Она безжизненно упала. Затем мулла раскрыл веки покойнику и посмотрел глаза. Пробормотав под нос молитву, он выпрямился.

— Кончился! Слава аллаху. Покойный был богохульником, произносил еретические речи. За это он наказан аллахом! Аминь!

Хальфе, сложив ладони в горсточки, медленно провел ими по лицу. Сквозь пальцы он следил за толпой. Аксакалы перешептывались.

— Я совсем другого мнения, дорогой Хальфе! — сказал Бакен.

¹ Ассалямалейкум — мир вам!

² Уалейкумассалям — вам тоже мир!

Щеки муллы затряслись от гнева. Указательный палец его повис в воздухе:

— Идешь против бога?

— При чем тут бог! Мне кажется, его отравили в станице!

— Это известно только одному аллаху. От чего бы он ни умер,— это божье наказание!

— Это ваше мнение. А я еду к властям!— мрачно сказал Бакен.

Аксакалам не понравилась перепалка между Хальфе и Бакеном. Они стали осуждать Бакена: «Заяви не заяви, а человек умер! К чему лишний шум? Тлеубаю теперь не поможешь!»

Бакен ушел. Аксакалы, пошептавшись с Хальфе, велели приступить к обмыванию.

Через три часа сверстники Тлеубая завернули его холодное тело в саван, вынесли из юрты и положили на пригорке, головой на восток.

Хальфе начал читать молитву. О чем просил мулла аллаха, известно было только ему одному. Может быть, отмаливал грехи безбожника, а возможно, просил прибавить наказание Тлеубаю. В полдень траурная процессия двинулась на кладбище. Впереди шагал Хальфе, а замыкал шествие Бакен. Он шел, понурив голову, раздраемый сомнениями. Сообщить властям о смерти Тлеубая он не поехал. Друзья уговорили принять участие в похоронах. Вместе с джигитами Бакен рыл могилу. Он постарался для друга. Несмотря на каменистую почву, могила получилась просторная, с боковой нишей, куда кладут покойника.

Бакену жаль было Тлеубая. Жил человек, умер и, главное, жизни хорошей не видел. Трудно поверить, что он умер естественной смертью. Гульжан тоже так думала. Бакен уговорил ее сходить в Кастек, пусть посоветуется с Верой Павловной. Может быть, учительница знает, что произошло с Тлеубаем в станице.

А Хальфе был рад — одним врагом в ауле Айна-Куль стало меньше. Мулла спешил с похоронами. Запретил устраивать пышные поминки, читал коран недолго, не больше десяти минут. А если бы умер бай? Хальфе пролил бы тогда семь потов. Мулла мстил Тлеубаю даже после его смерти!

В последние минуты жена покойного лишилась сознания и упала. Бакен и Токей опустили в могилу, взяли

на руки тело Тлеубая, бережно положили в нишу и вылезли обратно. Токей тщательно накрыл яму доской. Родственники и друзья стали засыпать могилу песком. Так полагалось по шарнату.

Усталый Бакен пришел к Гульжан. Она только возвратилась из Кастека вместе с Верой Павловной.

Бакен присел за дастархан¹. Он опорожнил одну пиалку за другой. На его лице выступил пот. День был жаркий, а выкопать могилу на пригорке было нелегко.

— Конечно, дело нечистое!— сказала Вера Павловна.— Как может вдруг ни с того ни с сего умереть здоровый человек? Надо было вызвать врача из города. Поторопились с похоронами!

— Хальфе спешил: боялся, что Тлеубай разложится от жары!— ответил Бакен.

— Спешил?!— Вера Павловна не успела закончить. Раздался душераздирающий крик.

— Ойбай!

Бакен бросился к двери. Высокий, как жердь, он ударился головою о верхнюю перекладину, из глаз посыпались искры. За ним выбежали Вера Павловна и Гульжан. Они увидели пастуха, бежавшего мимо юрт. Он приостановился на секунду и, задыхаясь, крикнул:

— Мертвец.. Мертвец...

— Что мертвец?— догнал пастуха Бакен.

— Шевелится!..

— Ты говори толком, что случилось?

— Там... мертвец... воскрес!— промолвил пастух, и бледное лицо его искривилось от ужаса.

— Что-о?!

— Могила шевелится... Тлеубай стонет!

Встревоженные жители аула окружили пастуха и закидали его вопросами. Пастух щелкал зубами от страха. В эту минуту, растолкав толпу, к нему подошел Хальфе.

— Что ты мелешь?— закричал мулла.

— Тлеубай воскрес!

— Что-о?!

— Могила шевелится... Слышны стоны.

— Дурак!— возмущенный Хальфе отвернулся от пастуха.

Толпа притихла.

— Ангелы пытаются его за грехи!— пояснил Хальфе.—

¹ Д а с т а р х а н — здесь накрытый для угощения стол.

Этого следовало ожидать. Он еретик. Такая участь постигнет всех, кто идет против бога!

— А может, он не умер?— с сомнением шепнул Бакен Вере Павловне.

— Если шевелится — конечно!— ответила учительница.

— Тогда идемте посмотрим!

Хальфе, как тигр, одним прыжком очутился впереди них:

— Куда?— он расставил руки, загородив дорогу.

— На кладбище!

— Вам нельзя!— завопил Хальфе на учительницу.— Вы кафир, женщина, иноверка!

Вера Павловна густо покраснела, обернулась к Бакену, как бы прося защиты. Бакен вскипел:

— Отойди, Хальфе! Не толкай меня на грех!

Мулла, воздев руки, взмолился.

— О аллах! Услышь мой голос! Пошли гром на безбожника Бакена и на иноверку, чтоб она не глумилась над нашей верой! Аминь!

Толпа зашумела. Одни приняли сторону Хальфе, другие стали защищать Бакена и учительницу. Страсти разгорелись, как степной пожар. Толпа наступала на Веру Павловну.

— Над кем она смеется!

— Идите, я сейчас задержу их!— сказала Гульжан.

Бакен взял за руку Веру Павловну, и они молча направились на кладбище. За ними, размахивая руками, с проклятиями побежал Хальфе. Гульжан повернулась к толпе.

— Родичи!— крикнула девушка срывающимся голосом.— Тлеубая похоронили живым. Как вам не стыдно? Он мучается в могиле, а вы не дадите подойти к живому человеку. А если бы на его месте был кто-нибудь из вас?

Еще минуту назад толпа была готова растерзать в гнев Вере Павловну и Бакена. Сейчас многие пришли в себя и опомнились. «Может, и правда Тлеубай заступил?»— подумали некоторые.

Токей выскочил вперед.

— Айда, джигиты!— крикнул он и зашагал вслед за Бакеном и Верой Павловной.

Толпа заколебалась на миг и ринулась за Токсем. Бакен не слушал проклятий Хальфе, градом сыпавшихся на его голову. Он спешил на кладбище. Толпа остано-

лась в десяти шагах от могилы. Бакен услышал глухой стон. Хальфе зашептал молитву. Он дрожал, готовый пуститься в бегство. Могила зашевелилась. Явственно слышался голос Тлеубая.

— Надо скорее откопать! Пока он жив!— крикнула Вера Павловна, косясь на муллу.

— Я не позволю откапывать!— завопил Хальфе.

— Спрашивать не будем!— сверкнул глазами Бакен. Толпа приблизилась.

— Я вам пошлю проклятье, только посмейте дотронуться до могилы!— Хальфе рвал на себе чалму.— Завтра же вас постигнет участь богохульника Тлеубая! Что вы забыли шарият!

Толпа опять заколебалась. Мулла наступал:

— Мусульмане, моими устами говорят сами ангелы: его мучают за грехи, слышите!

Из толпы крикнули:

— Уйди, Бакен!

— Не смей подходить к могиле.

Бакен в ярости сорвал с головы войлочную шляпу и бросил о землю.

— Вы что — сдурели? Тлеубай жив. Нечего слушать Хальфе!

Аксакалы бросились с кулаками на Бакена. Его защитил Токей.

Из могилы послышался стон. Шум стих.

— Пока вы спорите, человек может умереть!— возмущенно закричала Вера Павловна.

Хальфе считал учительницу виновницей всей этой кутерьмы. Услышав ее слова, завопил, потрясая кулаками:

— Уберите иноверку с кладбища, пока вас не поразил гром!

Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Земля на могиле зашевелилась и с треском провалились доски. Все увидели голову Тлеубая, засыпанную песком.

Аксакалы во главе с Хальфе без оглядки побежали в аул. Даже кузнец Токей поспешил за ними. Бакен, Вера Павловна и Гульжан бросились на помощь Тлеубаю.

— Давай руку!

Тлеубай с ужасом смотрел на своих спасителей. Глаза его дико блуждали. Он тихо всхлипывал и кусал пальцы.

«Сошел с ума»,— Вера Павловна почувствовала, как у нее вдруг подкосились ноги.

Гульжан закрыла руками лицо и задрожала. Бакен один голыми руками принялся откапывать Тлеубая...

* * *

Вера Павловна возвратилась в Кастек поздно ночью. Станица спала. Только около дома Тыртышного на зава-
линке сидели станичники и курили. В темноте сверкали
малиновые огоньки зажженных папирос.

— Чудное дело! Из мертвых воскрес калбит! А?

— По ихней вере воскресенья быть не может... Гово-
рят, мулла требует его убить и обратно закопать.

— Это, надо понимать, летаргический сон приклю-
чился.

— Если бы не пастух, крышка...

— Хорошо у них могилы не настоящие...

— Из русского гроба, небось, не вылез бы. Задохся.

— Бог наказал... Позавчера он к землемеру прихо-
дил за землей...

— Давай, грит, меряй немедленно...

— Ишь, какой торопливый... Немедленно!.. Сразу те-
бе вот! Получай!

— А на что киргизу земля? Он же спортит ее только...

— Киргизу земля ни к чему! Какой из него хлебороб.
Он же пастух вековечный!

— Отнимут, черти, землю!— вздохнул кто-то.— Те-
перь ихняя власть! Сын Жунуса в губернаторском до-
ме сидит...

— Ишь, куда забрался немаканный калбит...

— Отнимут землю!— снова произнес кто-то.— Отле-
жится этот воскресший гад и опять притопает...

— От нас зависит свое добро хранить, станичники!—
прогудел басовитый голос.

Вера Павловна узнала Тыртышного и отошла. Она
не хотела, чтобы ее увидели.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сугурбаев приехал в Айна-Куль.

В ауле стояла гнетущая тишина. Даже собаки не лая-
ли. На пороге юрты Хальфе никто не встретил Сугурбае-
ва. Неужели муллы нет дома?

Хальфе, заканчивая полуденную молитву, стоял на четвереньках, задом к входу. Он приподнялся и опять опустился на землю. Сугурбаев остановился в нерешительности: «Веселенькая встреча! Обычно гостя принимают с распростертыми объятиями, а тут такая неприличная поза!»

Сугурбаев обвел глазами юрту. Хальфе жил бедно. На стене висел выцветший ковер. На полу разостлана сильно потертая кошма. В юрте стоял единственный раздвижной стол. Плетеная из чия циновка укрывала посуду от постороннего взора.

Сугурбаев удивился. Действительно ли здесь живет Хальфе? Было крайне загадочно, почему известный в округе мулла не скопил до сих пор богатства? Кто он — бессребреник-фанатик или прожженный хитрец?

Сугурбаев хотел уйти, но мулла громко произнес «аминь» и поднялся.

Хальфе принял Сугурбаева радушно. Усадил на сложенное вчетверо одеяло, под спину подложил подушку. Сразу же у хозяина с гостем завязалась оживленная беседа.

— Правду говорят, что у вас в ауле воскрес мертвец?

— Да. Это был безбожник. Бог его наказал, не принял на небо.

— Что вы думаете с ним делать?

— То, что велит шарият! — произнес Хальфе тоном, не допускающим возражения.

— А народ не будет протестовать?

— Как может народ идти против шарията.

«Фанатик», — определил Сугурбаев и сказал:

— Мне кажется, уважаемый Хальфе, это бог наказывает казахов за то, что они не отомстили за погибших в год восстания. Джигиты сложили оружие и позорно убежали в Китай.

— Воистину так. Я еще в шестнадцатом году говорил, что аллах на помощь казахам посылает мусульман из соседних стран. Надо было продолжать войну против неверных.

Вечером Сугурбаев велел собрать аксакалов для беседы. Когда они вошли в юрту, он полулежал на кошме, облокотясь на пуховую подушку. Рядом с ним сидел Хальфе.

— Пах, родные братья мои! — Сугурбаев приветливо протянул толстые пальцы. Аксакалы подходили по одно-

му и жали ему руку. Не успели они сесть, как подали кумыс.

Вначале разговор велся на отвлеченные темы, но вот заговорил Сугурбаев:

— Давно было указание от нашего ЦИКа выселить из Кастека русских, а их дома отдать вам. Но местная власть не выполняет приказа товарища Рахимова!— Сугурбаев сокрушенно покачал головой.— Не понимаю, почему ваш уважаемый земляк Саха медлит? Когда он был здесь, наобещал золотые горы. А где они, аксакалы? Время идет, надо готовиться к зиме. Саха сам ничего не делает и нам мешает. Нужно подумать, как быть? Русские по-хорошему нашу землю не отдадут...

Сугурбаев испытующим взглядом обвел аксакалов, стараясь прочесть их мысли. Аксакалы тяжело вздохнули. Неужели опять воевать?

Молчание длилось недолго. Его прервал Хальфе:

— Казахи, верные потомки Магомета, поднялись против русских в шестнадцатом году по велению самого аллаха. Но многие невежды не поняли его воли и, бросив оружие, бежали в Китай, вместо того чтобы умирать за веру. Весь мусульманский мир протягивал тогда нам руку помощи. Но ваши вожаки струсили и предали вас. За это бог еще накажет всех, кто до сих пор не отомстил за погибших мусульман. Аминь!

Хальфе провел ладонями по лицу.

Аксакалы вздрогнули при последнем слове: что это? Мулла просит аллаха наказать их? Ведь «аминь» означает — «да будет так»!

Хальфе заметил произведенное впечатление и продолжал монотонным голосом, каким говорят муллы:

— Дорогие мои, аллах справедлив и предохраняет нас от бедствий и гибели! В его предзнаменованиях мы должны видеть грядущие страшные дни... Слыхали вы, что бог возвратил на нашу землю с того света несчастного Тлеубая? Вы знаете, кто такой Тлеубай? Он грешник, богохульник, исчадие ада! Многие из вас думают, что он действительно уснул. Нет, всевышний возвратил его с того света, чтобы вы поняли волю аллаха и отомстили за дни скорби и печали. Верно я говорю, мои дорогие?

Седой аксакал воскликнул:

— Аминь! Если мы не исполним воли аллаха, он пошлет нам бедствие!

— Воистину так! — поддержали его другие аксакалы.

Когда затих шум, Сугурбаев сказал:

— Аксакалы! Хальфе говорил здесь, как мулла. Он верит, что смерть Тлеубая — божья кара. Это его дело! Я, как представитель Советской власти, должен сказать, что церковь отделена от государства. Власть не вмешивается в дела веры. Это частное дело советских граждан. Но я толкую по-своему это событие — Тлеубая отравили казаки. Тлеубай просил у русских землю, а ему дали яду. Если вы будете ходить поодиночке за землей, вы ничего не получите! Надо действовать вместе, дружно. В единении сила! Так учит не только Коран, но и Советская власть. Казахи должны выступать все, как один.

— Наши джигиты устали! — мрачным голосом произнес аксакал, сидевший у входа в юрту.

— Хороший джигит приобретает покой только в могиле! — сказал мулла.

— Нам не к чему враждовать с русскими! — твердо ответил тот же аксакал. — Если новая власть наша, то и земля...

— Власти у казахов еще нет! — перебил его Хальфе. — Пока в Кастеке русские, о какой власти ты говоришь!

— А ты хочешь, чтобы снова лилась кровь? — голос аксакала задрожал от негодования. — У меня убили двух сыновей...

— Они погибли за веру! — поспешно ответил Хальфе. — И уже получили там свою награду — вечное блаженство...

Сугурбаев поднял руку.

— Аксакалы! Мы собрались сюда не для спора.

Шум стих. Аксакалы покинули юрту. Сугурбаев сидел скучный и курил папиросу за папиросой...

Ночью кто-то перерезал постромки сугурбаевской коляски. Это был намек: «Не ездь в наш аул». Сугурбаев понял его и поспешил покинуть Айна-Куль.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Фальковский всегда придерживался правила — дружить с тем, кто полезен. После скандала с Тлеубаем землемера потянуло к Сотникову. Если бы не хорунжий, этот полоумный мог полоснуть его ножом.

Фальковский подошел к большому бревенчатому до-

му под зеленой железной крышей. Не успел он открыть калитку, как на него бросился огромный лохматый пес. На счастье, из дома выбежал босой парнишка в длинной розовой рубахе, с растрепанными волосами цвета меди.

— Джигит, цыц!

Пес поскулил и, поджав хвост, убежал в глубь двора.

— Придумали кличку!— одобрительно усмехнулся Фальковский, поднимаясь на высокое крыльцо.

У порога землемера встретил сам Сотников. Глаза его вопросительно остановились на госте.

Фальковский понял взгляд хозяина и ласково улыбнулся:

— Говорят, незваный гость хуже татарина?

— А говорят и так: пошли бог гостей — и хозяин будет сытей! Милости просим!

Сотников крепко пожал руку землемера и пригласил его в комнату.

На подоконнике и на полу стояли в горшках густые, ветвистые, любовно выращенные цветы — лапчатый фикус, пунцовая герань, золотистый огонек. Они скрадывали свет, и, хотя стоял солнечный, ясный день, в комнате было темновато.

— Когда приехали?— полюбопытствовал Сотников.

— Недавно.

— Что новенького в городе?— хорунжий обнажил крепкие, крупные зубы.

Фальковский откинулся на спинку венского стула, закурил и, не спеша, рассказал о намерении Сагатова вернуть казахам всю землю, четыре года назад переданную казачеству Куропаткиным.

— Уже дано задание исполкомам готовить списки, из каких аулов отмежеваны земли и кому переданы. Говорят, Сагатов послал телеграмму самому Ленину.

— Тогда доброго ждать не приходится!— потемнел в лице Сотников.

В окно заглянул Тыртышный, тесть Сотникова, владелец мельницы. Поглаживая огненно-рыжую бороду, спросил:

— Есть дома кто?

— Заходи, заходи!— оживился хорунжий.— Как раз стати...

Должно быть, Тыртышный видел, как землемер вошел во двор Сотникова. Появление его не было случайным.

На столе сразу же появились четверть самогона, кусок свинины, помидоры, яблоки.

— Для утверждения знакомства!— сказал Сотников, приглашая Фальковского к столу.

«Без землемера никакая власть не обойдется,— размышлял хорунжий.— Человек нужный, всегда пригодится!»

После первого стакана Тыртышный заговорил:

— Киргизье распоясалось, за горло хватает. Житья никакого не стало...

— Учили их в шестнадцатом году, да, видно, мало!— отозвался Сотников.

— Забыли, как их в Беловодье резали, чертей... Полковник Гейциг не церемонился...

Сотников чокнулся с Фальковским, залпом опорожнил стакан и сунул в рот ломтик недозрелого яблока.

— Ты скажи, чем тебя тогда наградили, зятек?— Тыртышный протянул стакан, желая чокнуться.

— Меня? Ты, батя, не заговаривайся!

— Чудак! Чего боишься. Он же не киргиз, свой, русский человек!— пристыдил Тыртышный зятя.

— Не люблю, когда играют в жмурки!— полушутя-полусерьезно заметил землемер.

Сотников изменился в лице, но постарался ответить спокойно:

— Если бы это был я,— скрывать не стал бы!

Фальковский усмехнулся:

— Не бойтесь. Я в ЧК не работаю и коммунистам не сочувствую. Беспартийный спец...

Землемер подметил — Сотников струсил, и это ему понравилось.

— Ну, хорунжий, давай выпьем за дружбу!— предложил он, приподняв свой стакан.— Уважаю храбрых людей.

Тыртышный улыбнулся, вытирая мокрые огненные усы.

— Я же человека сразу вижу!— бормотал он, икая.— Пока землемеры у нас русские — все будет правильно. Выпьем за Советскую власть, только чтоб она была без коммунистов и киргизов... Зять, поставь еще бутылку...

Возвращаясь вечером от Сотникова, Фальковский возле речки встретил Веру Павловну, собирающую ягоды. Учительница шла босая, обходя колючки и пни. Ее загорелые стройные ноги ступали осторожно. Розовая кофта, заправленная в коротенькую юбку, придавала Вере Павловне моложавый вид. Землемер не отрывал глаз от женщины, следил за каждым ее движением. Вера Павловна не замечала Фальковского. Поставив корзину на пень и сложив ладони рупором, кричала:

— Ау! Ау!

Ей ответил весь лес, повторив ее голос. Эхо постепенно замерло в далеких горах.

Фальковскому захотелось тоже аукнуть. Но кто-то успел его опередить. Детский голосок звонким эхом прокатился по лесу. Вслед за ним густую лесную чащу разрезал короткий свист.

Вскоре на полянке показались девочка и черноголовый мальчик.

— Асхар, вон моя мама! — крикнула девочка и побежала к женщине.

Фальковский спустился с крутого яра, разделся на горячем песке и бросился в речку. Холодная прозрачная вода едва накрыла его тело.

Учительница с детьми покинула берег.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Беженцам возвращают левый берег Кастека! Эта новость заинтересовала и Бозтая, отличавшегося предприимчивостью. Торговля — хорошее дело даже при большевиках: умеючи ее можно вести отлично и без денег, на обмен. Но если землю дают даром — отказываться не следует. И Бозтай тайно шептался со своим компаньоном по торговле. Левый берег Кастека до восстания принадлежал аулу Айна-Куль. Бозтай знал — там отличные сенокосные угодья. Если удастся захватить их побольше — можно будет летом сдавать в аренду станичникам. Хорошо бы получить одному весь левый берег! От этой мысли он даже зажмурился, как сытый кот. Конечно, это неосуществимая мечта, но как бы можно было развернуть торговлю! Как разбогатеть! Тогда можно бы-

ло бы жениться на Гульжан и переехать в дом Жунуса. Старшая жена с детьми останется в Узун-Агаче, он будет ездить к ним раз в неделю. Очень удобно! Гульжан ему нравится, красавица! А главное, породнившись с таким большим комиссаром, как Сагатов, бахалши сразу завоюет положение в обществе. Ему будет почет, и торговать будет удобнее. Богатство само посыплется Бозтаю в карман, как дождь в ведро.

И Бозтай решил поторопиться. Пока будут делить землю, надо добиться расположения Гульжан. Такую невесту упускать нельзя.

Бозтай поехал в Айна-Куль. Он остановился в юрте Жунуса. Фатима встретила бахалши радушно, напоила кумысом; Гульжан не было дома, она с утра уехала в Кастек и сегодня должна была возвратиться. Это сообщение обрадовало Бозтая. Он будет стеречь ее на берегу озера на повороте дороги.

Прощавшись с Фатимой, Бозтай отправился на берег. Не спеша он стреножил коня, а сам лег в тень скалы поджидать Гульжан.

Высоко в безоблачном небе стояло солнце. Знойные лучи его накалили камни, и они были горячи, как плита. Даже в тени было жарко, и Бозтай изнывал от духоты и скуки, вглядываясь в поворот дороги. Скоро ли появится там Гульжан?.. Прошел час, другой... Бозтай занял новое место — тень от скалы значительно передвинулась.

Наконец он увидел Гульжан. Она шла одна в большой задумчивости. Проходя мимо озера, девушка остановилась, мигом сбросила одежду, распустила волосы и прыгнула в воду. Купалась она долго, с наслаждением лежала на воде без движения. Бозтай бесшумно подкрался к одежде, схватил ее и спрятался опять за скалой.

Выйдя из воды и обнаружив пропажу платья, Гульжан застыла в недоумении. Она вздрогнула, услышав свое имя:

— Гульжан!

Девушка стремительно бросилась в воду. Из-за скалы показался Бозтай с одеждой в руках.

— Ну, что? Попалась! Помнишь, как издевалась надо мной? Теперь пришла моя очередь!

— Что вам надо от меня?

— Ничего! Теперь мы квиты. Давай мириться!

— Мириться? — глаза девушки гневно сверкнули. — На, получай!

Она схватила из воды горсть грязи и ловко метнула ему в лицо.

— Ах, вот как! Ну, тогда посиди в воде, а я подожду. Мне спешить некуда!

Девушка не на шутку встревожилась. Она озиралась вокруг, как пойманная лань. Бозтай ходил по берегу и посмеивался. Вдруг Гульжан крикнула угрожающе:

— Ну, погоди!

И она поплыла на другой берег, где стояла хибарка бабушки Кудан.

Бозтай, не ожидавший такого исхода, смотрел с удивлением вслед. Девушка вышла из воды и стала взбираться на крутой берег. Бахалши подумал — уж не увлекает ли его Гульжан. Но девушка скрылась в хибарке. Тогда Бозтай, понурив голову, пошел искать коня. Платье Гульжан он захватил с собой.

* * *

Гульжан добралась до бабушки Кудан. Пока она отдыхала, ей принесли женское платье. Через некоторое время из хибарки вышла молодая девушка. В ней вряд ли бы кто сразу узнал Гульжан.

Увидев дочь в женском платье, мать всплеснула руками:

— Что с тобой, дочка? Почему ты так оделась?

— А разве ты забыла? Сегодня к Жакену приехали из Узун-Агача за невестой. Жених из беженцев, будет свадьба. Я и решила принарядиться! — весело ответила девушка.

На следующий день Гульжан пришла на вечеринку. Юрта была полна гостей; на правой стороне сидел жених в окружении девушек. Они шипали его за нос и за уши. Бедняга только вздыхал. По обычаю он должен был терпеливо сносить все проделки молодых проказниц.

Когда в юрту вошла сияющая Гульжан в женском платье, джигиты расступились, освободив ей место между женской и мужской группой. В последней Гульжан заметила Бозтая — товарища жениха. Бросив презрительный взгляд на своего обидчика, она пододвинулась к девушкам и что-то зашептала им. Послышалось веселое хихиканье. Игра еще не начиналась, ждали певцов.

Соседка Гульжан взглянула на Бозтая, одетого в узбекский разноцветный халат, и воскликнула:

— Какне горные пещеры похожи на наши, у озера Айна-Куль?

Это был намек на широкие ноздри бахалши.

— Нет ни одной тропинки, как забраться!— подхватила другая.

— А там удобно охотиться на зайцев?

— Какая там охота, там вечная слякоть!— возразила третья.

— Нет сомнения — там сосульки!

Все громко захохотали. Бозтай понял, что девушки высмеивают его. Не подавая виду, что он заметил насмешки, спросил:

— Может быть, вам подать сосульки?

— У нас у самих руки длинные,— ответила соседка Гульжан и сунула ему в нос табак.

Бозтай чихнул под громкий девичий смех. Догадавшись, что издевательство исходит от Гульжан, он схватил домбру и крикнул ей:

— Выходи на состязание. Будешь побеждена — выполнишь все мои желанья.

— Согласна!— ответила Гульжан.— Будете побеждены — наказание придумает она!— и девушка указала на свою соседку.

— Идет!— Бозтай покраснел, надулся и громко запел стихи без подготовки, как обычно поют старые акыны.

Ой, Гульжан, ты не дочь богача,
Зря на знатный ты род намекаешь.
Не гордись, о богатствах крича,
Я скажу тебе, встав у плеча:
— Кто такая — сама ты не знаешь!¹

Бозтай умолк. Гульжан взяла домбру. Ее пальцы побежали по ладам.

— Ой, бахалши, где твоя сила мужская, где мощь?
Ты способен гонять лишь мышей по аулу всю ночь.

Раздался хохот. Бозтай, чуть покраснев, начал снова. Они состязались долго, перебивая стихами друг друга. То и дело раздавался одобрительный смех. Наконец Бозтай, многозначительно подмигнув джигитам, запел:

Ах, Гульжан, грызет меня печаль:
Мне тебя в мужской рубашке жаль!

¹ Перевод Н. Титова.

Хоть и ходишь ты в мужской одежде,
Но не сбыться радужной надежде.

Бозтай умолк на минуту и продолжал игривым голосом:

И одежда тебе не поможет,
Трудно спрятать тебе наготу.
Не мешало б тебе быть построже
И свою охранять красоту.

Все переглянулись, угадав намек на непристойное поведение дочери Жунуса.

Гульжан запылала в смущении. Гордо закинув голову, она запела:

Конь один без всадника летит...
Вслед за ним джигит бредет уныло.
Что с тобой произошло, джигит?
Девушка, видать, тебя побила!

Женщине не каждой быть дано
Ловким и отчаянным джигитом.
Ты же бабой стал. Не все ль равно
Для тебя с лицом твоим разбитым?

Раздались веселый смех и одобрительные крики. Многие уже слышали, как в аул прискакал конь без седока, а за ним приплелся бахалши.

Бозтай, багровый от злости, сразу не нашелся что ответить. Все весело закричали в один голос:

— Победжен! Победжен! Гульжан выиграла!

Девушки схватили Бозтая, выволокли на середину и, сняв с него халат, окатили холодной водой. Затем они вытолкали его из юрты под оглушительный хохот молодежи.

* * *

Такой позор, какой перенес Бозтай, смелый джигит смывает кровью. Или он должен «затоптать в грязь» обидчика, чтобы люди показывали пальцами и говорили: «Вот как отомстил Бозтай, смотрите!»

Жажда мести душила бахалши. Он вскочил на коня и помчался к себе в аул. Двадцать верст конь пролетел стрелой...

В ту же ночь Бозтай подкупил трех джигитов, чтобы они помогли ему похитить Гульжан. На другой день с ве-

вчера в Айна-Куль выехали три всадника, четвертый уехал немного раньше — выяснить обстановку. Оставив коней в лесу, джигиты перебрались на берег и стали ждать.

В Семиречье ночь долго держится в горах. Быстро темнеет серебристая вершина Алатау. Черный полог скрывает перевалы и ущелья. В таинственной ночной завесе тонет долина, а горы кажутся совсем рядом, рукой подать.

И сейчас ночь уже распластала могучие крылья, а джигит, посланный на разведку, все не приходил. Бозтай стал беспокоиться. Напрягая до боли глаза, он всматривался в сторону аула Айна-Куль. Отмерцали последние огоньки. Утих собачий лай. Аул погрузился в сон, а джигита все не было.

Бозтай, потеряв терпение, вскочил:

— Пойдем!

— Куда?

— В аул.

— Ты что, с ума спятил?

— Увезем силой!

— Весь аул не одолеешь. Нас только трое.

— Вслепую идти, заранее обречь себя на неудачу!

— Подождем! Кто не торопится, тот на арбе догонит зайца!

Зашелестела трава. Бозтай приложил ухо к земле: слышались осторожные шаги.

— Кто-то идет! — Бозтай поднял голову.

— Ну, значит он.

— Мяу... мяу! — подал условленный сигнал бахалши.

Джигит отозвался и неожиданно вырос рядом.

— Что так долго?

— Свиныю подковывал! — огрызнулся джигит и опустился на землю.

Сняв войлочную шляпу, он ладонью смахнул с лица пот.

— Тебе жарко? А нам холодно!

— Побывал бы ты там, где был я.

— Ну, рассказывай? В чем дело? — торопил Бозтай.

— В поисках верблюда наткнулся на вора. Так, что ли?

— Да. Если сказать в двух словах: целый день сидел за сундуком. На меня навалили столько подушек и одеял, что я чуть не задохнулся.

Джигиты засмеялись, догадавшись, что случилось.

Они послали в аул именно его, потому что он небезуспешно ухаживал в Айна-Куле за одной молодухой.

— Муж, что ли, застал?

— Нет. Вовремя спрятался!

— Теперь понятно: ты думал о себе вместо того, чтобы выполнить поручение!— обозлился Бозтай.

— Я все узнал. По утрам она ходит далеко на берег озера. Это самый удобный случай.

Они решили дожидаться утра. Джигиты улеглись спать. Бозтай не сомкнул глаз — встретил на небе розовую полосу зари. Аул проснулся: заблеяли овцы, замычали коровы. Разноголосый гул проплыл над озером. Угнали на выпаса скотину, и все стихло. Аул снова погрузился в сон.

Бозтай терпеливо ждал и не заметил, как задремал. Он проснулся от резкого толчка в бок. Кто-то пнул его ногой. Бахалши вскочил.

— Проспал все на свете! Эх ты!

— Вон, смотри!— джигит указал рукою на безносого всадника.

Поперек седла у него лежал укутанный в халат с ног до головы человек.

— Кто это?

— Невеста! Едем!

Конь под безносом джигитом рванулся. Другие джигиты тоже вскочили на коней.

— Придется не тебе жениться, а мне! Спишь крепко, бахалши!

Бозтай досадовал. Вот не везет! Теперь будут смеяться над ним в ауле. Проспал невесту. Эх, надо было задремать с вечера, как поступили предусмотрительные товарищи.

* * *

В ауле никто не заметил ночного исчезновения четырех джигитов. Они вернулись домой незаметно. Самый рослый из них внес в юрту укутанную Гульжан, положил ее на покрашенную деревянную кровать и сказал жене Бозтая, молодой болезненной женщине:

— Принимай невесту в дом!

Оглушенная Гульжан лежала без движения.

— Жива?— ухмыляясь спросила жена Бозтая.

— Наверно!

Джигит подошел к Гульжан, дернул за полы халата и раскрыл лицо. Гульжан медленно, с трудом приподняла веки и увидела безбородого мужчину с двумя дырочками вместо носа. Жена Бозтая молча поднесла ей кумыс. Гульжан выпила залпом и стала оглядываться. Юрта, где она находилась, была убрана хорошими коврами...

Безносый джигит и жена Бозтая вышли из юрты. Гульжан услышала, как дверь закрыли на замок...

Тишина. В юрте полумрак. Шанрак¹ открыт, виден кусочек голубого неба. Кто похитил ее? Кто этот безносый джигит? Она никогда его не видела. Неизвестность томила Гульжан. Она прислушалась. Кто-то подъехал и слез с коня. Идет медленным, тяжелым шагом. Видимо, грузный человек.

Гульжан приоткрыла войлок снизу юрты и наострила уши.

— А, Каке! Вашими молитвами. Садитесь сюда поближе!

Люди говорят шепотом, ничего не понять. Прорываются отдельные слова.

— Так не годится!

— Почему?

— А если зажечь с четырех сторон.

Опять шепот. Гульжан слушает, затаив дыхание.

— Сгорит, тогда и домов не будет.

— Они нас жгли, чего жалеть...

Кто-то еще подошел. Шепот прекратился. Люди ушли. Гульжан сидела в раздумье, стараясь понять, что произошло. Может быть, это сон? Нет, не сон. Почему ее увезли? Кому она нужна? И что замышляют поджечь люди, которые только что сидели возле юрты? Гульжан стало страшно. Она тихо заплакала и не заметила, как заснула. Сквозь сон девушка слышала — кто-то подходил к двери и, приподняв войлок, смотрел через щель. За ней наблюдали.

Когда она проснулась, ее накормила бесбармаком та же молодая женщина, что пошла кумысом. Молча, с затаенной завистью в глазах она следила за Гульжан.

— Вы хозяйка или батрачка?—спросила Гульжан.

Молодуха закусила губы. Стало ясно — жена.

— Я его отберу у вас!

¹ Ш а н р а к — надкупольное отверстие юрты.

Молодуха густо покраснела.

— Если такова будет божья воля!

— Проводите меня во двор!— попросила Гульжан.

Молодуха вышла и вернулась с двумя рослыми молодыми женщинами.

В ауле тишина. Спасаясь от жары, жители пребывали в горах. Женщины прошли далеко за сопку. Гульжан заметила: валяется реберная косточка, острая как нож. Она оглянулась, подняла и быстро сунула за пазуху.

С наступлением темноты выпавшийся Бозтай решительно вошел в юрту. Гульжан сидела на кровати. Так вот кто ее похитил! Бозтай! Пряча в изломе губ насмешку и ненависть, она крикнула:

— Это что, месть или любовь?

— Конечно, любовь!

— Если любовь, то отведите меня домой, и все начнем сначала. Приедете, посватаетесь, как полагается, и попросите согласие родителей.

— Брось! Ты меня не обманешь!

— Не согласны?

— Нет.

— Тогда все. Я вам живой не дамся.

— Но, но!— Бозтай подошел к кровати, сел рядом.

Девушка отодвинулась.

— Разве ты не знаешь, что я тебя люблю давно!

Бозтай попытался обнять Гульжан. Она отскочила.

— Не смей!

Бозтай приподнял девушку и бросил на кровать. Гульжан вскочила и кинулась в дверь. Она оказалась закрытой снаружи.

Бозтай схватил Гульжан и прижал к груди, шепча страстные слова. Он целовал ее лицо, отдавая горячим дыханием. Жесткие иглы усов кололи губы девушки.

Гульжан пробовала освободиться из его крепких объятий. Но напрасно, Бозтай снова бросил ее на кровать. Гульжан царапала ему лицо. Бахалши схватил руки девушки и придавил к кровати. Но Гульжан, высвободив правую руку, изо всей силы ударила косточкой в висок. У Бозтая посыпались искры из глаз. Потеряв сознание, он грузно упал на кошму.

Очевидно, за их борьбой следили. Жена бахалши и безносый джигит вбежали в юрту.

— Я убила его!— закричала Гульжан.— Если кто подойдет ко мне...

Она показала косточку. В темноте ее можно было принять за нож.

Жена Бозтая с воплем кинулась к мужу. Джигит опешил. Увидев нож, он попятился назад. Гульжан выскользнула из юрты.

* * *

Тревога охватила Айна-Куль. Все недоумевали — куда же исчезла Гульжан. Утром ушла и не вернулась. Судили, рядили, высказывая разные предположения. Решили, что она уехала в Кастек к Вере Павловне. Послали туда человека, но после полудня посланец вернулся ни с чем.

Тревога росла. Фатима стала причитать и голосить. Бакен и два джигита весь день провозились на озере: искали утопленницу, но так и не нашли. Они вернулись в аул с пустыми руками.

А на другой день утром в Айна-Куль пришла измученная Гульжан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сагатову правилась Глафира. Знакомство, начатое в пути, продолжалось в Верном. Они встречались вечерами, когда не было совещаний и заседаний. К сожалению, таких свободных вечеров было очень мало.

Сегодня они встретились случайно, и оба обрадовались возможности побыть наедине. Пройдя несколько раз по аллее парка, Саха предложил отдохнуть — посидеть на скамейке в тени густого карагача. Глафира согласилась. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь пышную листву, рассыпались у их ног круглыми монетами.

— Вы мне напоминаете одного человека,— задумчиво сказала она.— Он был революционер. Тоже казах.

— Это кто же?

— Токаш Бокин.

Саха оторопел от неожиданности и с изумлением воскликнул:

— Вы его знали?

— Знала.— Неуловимая тень грусти пробежала по лицу Глафиры.— И даже очень хорошо.

— Токаш?! Не может быть!

— Почему вы сомневаетесь?

— Большая разница в возрасте!— И, словно желая проверить Глафиру, Сагатов спросил:— Скажите, как он выглядел?

— Все не верите? Стройный. Широкий в плечах. Лицо — смуглое, глаза — большие, черные. А брови тонкие, с изгибом.— Глафира помолчала и закончила: — Он часто приходил к нам. Брал у отца книги... Танцевал он замечательно...

Она улыбнулась, видимо, вспомнила что-то хорошее.

— Я тогда была еще совсем девочкой. Помню, влюбилась в него, а он... не замечал моей полудетской любви. Я даже плакала по ночам...

— О, тогда я вас знаю,— тихо произнес Саха.

И он вспомнил зимнее утро в алма-атинской тюрьме. Из окна сквозь решетку было видно, как падали крупные хлопья снега. «Саха, смотри!— подозвал его Токаш.— Видишь? Первый снег! Он меня всегда волнует. Нежный, чистый, похож на мечту влюбленной девочки...» И тогда Токаш впервые рассказал про влюбленную в него гимназистку.

— Значит, это про вас...

— Вероятно!— после короткого молчания Глафира спросила: — Вы что, учились вместе?

— Нет. Я поступил в гимназию в тот год, когда его исключили за политическую неблагонадежность. С тех пор наша дружба не прерывалась до самой его гибели. Можно сказать, он мой воспитатель. Он любил меня, как старший брат, и всегда помогал.

— Говорят, он погиб страшной смертью.

— Да. Враги его создали ложное дело и упрятали в тюрьму. А когда прокурор приказал освободить, похитили по фальшивому ордеру, увезли в горы и зверски убили. Его обвиняли, что он продался русским. Обвинение, конечно, вздорное. Токаш действительно конфисковал скот у баев и роздал казахским и русским беднякам... И вот с ним расправились, расправились зверски... Даже труп не нашли.

Глафира тяжело вздохнула и попросила:

— Расскажите мне о нем...

— Хорошо.

Саха закурил и стал рассказывать:

— Лето шестнадцатого года после окончания гимназии я проводил у отца в ауле. Все было тихо, спокойно.

Вдруг пришел приказ о мобилизации казахов на войну. В Верном созывался съезд знатных казахов. Токаш Бокин в это время вернулся из Петербурга и гостил в городе у родичей. Мы с отцом приехали в Верный и стали разыскивать его квартиру. Жил он где-то на уйгурской стороне. Встретились, как старые друзья. Договорились вместе пойти на съезд. А происходил он за голенистым арыком, на пригорке. Когда мы пришли, там уже собралась вся джетысуйская знать. Помню, вожак семи-реченских алашей инженер Тынышпаев прочел указ царя, а Сугурбаев, этот самый, что сейчас коммунистом стал, призвал отдать сыновей на войну. Его поддержали купцы. Все шло гладко, как по маслу. Никаких не было возражений. Вдруг встал Токаш и начал рубить сплеча: «Казахи не воевали и не знают, как держать винтовку. Посылать их на передовую линию — это значит послать на истребление...» В общем, Токаш дал крепкий бой. Поднялся шум. Народ заволновался и сразу встал на сторону Бокина. Никто, конечно, не ожидал, что так повернется дело. Знать растерялась. Уже потасовка началась. Так Бокин сорвал съезд...

Глафира внимательно слушала. Саха замолчал.

— А дальше что было?

— После съезда Токаш поехал по аулам призывать народ к восстанию! В селе Чьене он столкнулся с карателями из Верного. Токаш прикинулся верным слугой царя. Он быстро расположил к себе офицеров и предложил свой план окружения повстанцев (об этом Токаш мне сам рассказывал в тюрьме). Офицеры выслушали и согласились. Токаш повел карателей по тропам, через пропасти и перевалы, в горы. Путь был страшно тяжелый. Офицеры разозлились, должно быть, почувствовали западно. И, действительно, это была западня. Мой отец Жунус разгромил тогда весь отряд...

Саха замолчал. Молчала и Глафира, занятая своими мыслями.

— А все-таки, неужели я похож на Токаша? — спросил Саха после паузы.

— Внешне у вас есть общее. Но по характеру вы, пожалуй, разные люди. Он был волевой, а вы...

— Договаривайте!

— Вы... Впрочем, еще не знаю.

— Робок и застенчив... А если признаться...

Саха замялся. Глафира, подняв брови, спросила:

— В чем?

— В том, что я, подобно вам, тоже был влюблен в Токаша!— неожиданно закончил Саха.

— В таком случае, будем с вами друзьями!— задумчиво произнесла Глафира.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Жена Адила продала все ценные вещи — ковры, мебель, серебро и все же никак не могла собрать пяти миллионов рублей, чтобы выплатить контрибуцию. А муж наказывал из тюрьмы: пусть ничего не жалеет, продает все. Он требовал передач — в тюрьме кормили плохо. И жена Адила отправила Ляйли на базар обменять шелковое одеяло на масло и мед.

Ляйли сумела произвести удачный товарообмен. В придачу она выторговала несколько тысяч рублей. Можно будет купить хлеба и отнести отцу в тюрьму. Девушка знала, где торгуют хлебом из-под полы. Она заняла удачную позицию — на углу Торговой улицы, где кончалась базарная площадь. Черноволосый мужчина в очках с сумкой в руке прошагал мимо и вполголоса сказал:

— Есть хлеб!

— Почему?

— Сторгуемся.

Они отошли в сторону. Очкастый открыл сумку и показал буханку. Ляйли стала торговаться. Продавец не уступал. Подошел еще покупатель. Тогда Ляйли сказала:

— Беру!

Она отсчитала деньги. Очкастый протянул ей хлеб, но в эту минуту подошел безусый парнишка в военной гимнастерке с наганом на боку. Он хотел схватить за руку очкастого, но тот ловко вывернулся, а Ляйли скрыться не успела.

— Идем в ЧК!— сказал парнишка с наганом и потащил ее за рукав. На крик Ляйли собрался народ. Нашлись защитники, стали упрашивать отпустить девушку. Парнишка был непреклонен. Ляйли всхлипывала. На этот скандал и наткнулся Сагатов. Он удивился, увидев в центре толпы плачущую Ляйли.

— В чем дело?— спросил Саха безусого парнишку с наганом, продолжавшего тянуть Ляйли за руку.

— Спекулянтка!

— Врет. Я хотела купить хлеб!— закричала сквозь слезы Ляйли.

Толпа дружно поддержала девушку.

— Она покупала, а не продавала...

Сагатов тихо сказал парнишке:

— Отпустите ее!

— Не могу! Проходите, гражданин, своей дорогой. Не вмешивайтесь в работу ЧК.

Сагатов вспыхнул:

— Покажите удостоверение!

Парнишка осекся, видимо, узнав Сагатова. Он отпустил руку Ляйли.

— Скажешь товарищу Басову, что мне пришлось вмешаться в твою работу, а не в работу ЧК. Понял?

Сагатов повернулся и, не взглянув на Ляйли, пошел своей дорогой.

Безусый парнишка с наганом постарался незаметно скрыться.

Толпа растаяла.

Ляйли прибежала домой и восторженно рассказала обо всем мачехе.

— Если бы не Саха, я бы уже сидела сейчас в тюрьме!— закончила девушка.

— Хорош сокол, да далек!— с сожалением произнесла мачеха.

По лицу Ляйли прошла тень. Да, Саха далек! Неужели он никогда не будет рядом с ней?

Мачеха угадала ее мысли.

— Ты напиши ему! Поблагодари!— посоветовала она.

Ляйли совет пришелся по душе. Весь вечер она просидела над письмом, переписывая его добрый десяток раз.

«Многоуважаемый драгоценный Саха!

Я отважилась Вам написать первая, чтобы выразить свою благодарность. Мне ничего не надо от Вас. Не думайте, что я опять прошу за отца. Я убедилась, что Вы благородный, отзывчивый человек. Хотела бы встретиться Вас в доме у своих родителей и поблагодарить лично. Жду ответа.

Преданная Вам Ляйли»

Послание закончила стихами Абая:

Тәңірі қосқан жар едім мен¹.

На другой день Ляйли отправила письмо с братом. Он долго не возвращался, и это тревожило Ляйли. Наконец брат пришел.

— Отдал письмо?

— Отдал!

— А ответ?

— Обещал прислать.

Ляйли ждала день, другой, третий... На четвертый пришла соседка-татарка. Ляйли находилась в соседней комнате. Дверь была открыта. Мачеха стала жаловаться — внесли половину контрибуции и все-таки не выпускают Адила на поруки. Потом рассказала, как Сагатов спас Ляйли от чекнста.

— Какой Сагатов?

— Тот, который управляет всем Семиречьем!

— Крещеный казах! — пренебрежительно отозвалась соседка:

Ляйли вздрогнула: «Саха крещеный казах!»

— Откуда знаешь? — удивилась мачеха.

— Говорят, женится на русской. Она не согласилась выходить за мусульманина!

У Ляйли упало сердце. Что же это такое?

— Сама видела, — сказала соседка. — Третьего дня он сидел с какой-то голубоглазой в парке. Со мной шел знакомый уйгур, чайханаша с сенного базара. Он и сказал — Сагатов в Успенском соборе крестился, принял русскую веру.

Ляйли выронила ножницы. Они со звоном упали на пол.

* * *

Ляйли не могла уснуть всю ночь, а утром на другой день она надела свое лучшее платье и отправилась в облздравотдел. Ей показали дверь комнаты, где находилась заведующая. Ляйли постучалась и вошла. За письменным столом сидела голубоглазая женщина. Она подняла голову.

— Вы ко мне?

¹ Богом нареченная, я твоя невеста.

— Да.

— По какому делу, товарищ?

Преодолев первое смущение, Ляйли спросила:

— Вы — облздрав?

— Да! — ответила Глафира.

— Я так и угадала! — Играя кончиками длинных кос, Ляйли произнесла заученную фразу: — У меня сложилась такая жизнь, что я вынуждена учиться на медика.

— На медика? Что же случилось?

— Мой жених бросил меня. Он считает, что я ему не пара.

Глафира не могла сдержать улыбку.

— Такую хорошую невесту! И кто же такой безрассудный ваш жених?

— Сагатов.

— Сагатов! Какой Сагатов?

— Саха. Говорят, он любит девушку-медичку. Но я тоже буду медичкой. Я не отдам его никому.

Глафира промолчала.

— Вы очень его любите?

— Очень! — с жаром воскликнула Ляйли.

Девушка заметила, как «облздрав» нахмурилась и закусила верхнюю губу.

— Пойдемте. Я вас помирю с ним! — предложила Глафира и поднялась.

На секунду Ляйли заколебалась, но затем резким движением отбросила назад косы и решительно шагнула к двери.

До обкома партии они шли молча, торопливыми шагами, словно хотели обогнать друг друга.

— Сагатов занят? — спросила Глафира машинистку, сидевшую в приемной секретаря обкома.

— Он всегда занят.

— Есть у него кто-нибудь?

— Кажется, Басов уже ушел.

— Идемте, — сказала Глафира, обращаясь к Ляйли, и открыла дверь в кабинет секретаря обкома партии.

— Мы к вам по личному делу...

Глафира хотела объяснить причину неожиданного появления, но Ляйли перебила ее, заговорив по-казахски:

— Вы не ответили на мое письмо, Саха! Но я не обижаюсь. Я к вам пришла не как к жениху, а как к боль-

шому начальнику. Я хочу учиться на медика, чтобы вы любили меня так же, как вот эту девушку.

Саха с трудом удержался от улыбки и взглянул на Глафиру. Она плохо понимала казахский язык и могла только догадываться, о чем шел разговор. И, конечно, Глафира догадалась. Глаза ее лукаво улыбались, но Саха подметил в этой улыбке едва уловимый огонек ревности.

«Значит, любит»,— подумал он радостно.

Ляйли смотрела на своего жениха вопросительным взглядом, ожидая ответа.

И Саха заговорил тоже по-казахски:

— Ляйли! Вы, кажется, кончили пять классов гимназии. Конечно, вам следует учиться. Нашей молодой республике потребуются тысячи врачей. Мы вам поможем поехать в Москву, Петроград или Казань. Правда, сейчас там очень голодно... Может быть, подождать год, другой...

Ляйли хотела услышать другие слова, но и этим она была рада.

Саха повернулся к Глафире и спросил по-русски:

— Какое у вас дело ко мне, товарищ Алексева?

— Как я поняла, Ляйли уже рассказала вам о своем желании учиться, но дело не в этом...

Глафира запнулась и покраснела. Она только сейчас почувствовала, насколько нелепым мог показаться Сахе ее приход вместе с его невестой.

— А в чем же?

— Я хотела посоветоваться с вами относительно военного госпиталя.

— Тогда останьтесь, поговорим,— сказал Саха и поднялся.

Ляйли с недоумением посмотрела на Глафиру. Эта женщина обещала помирить ее с Сахой. Но почему она ничего не говорит?

Девушка перевела взгляд на Сагатова. Это ее жених! Почему же она, Ляйли, должна уйти и оставить его с русской женщиной?

— Я подумаю насчет вашей учебы!— сказал Саха.

Он ждал, чтобы она ушла. Ляйли поняла это и быстрыми шагами направилась к двери, унося в сердце обиду на жениха и вспыхнувшую ненависть к голубоглазой женщине.

Еще с утра курились горы Занлийского Алатау. В ущельях ползли сизые туманы. Но день выдался душный. Солнце палило нещадно и напарило пышные облака над вершинами гор. А к вечеру черные тучи обложили небо, и на улицах стало темно, как бывает перед грозой. В горах шел теплый дождь.

Саха вернулся домой не в духе. Он вспоминал свой разговор с Глафирой. «Это ваша невеста?»—спросила она после ухода девушки. Саха взял ее за руку. «Оставьте меня!»—сказала Глафира и вышла из кабинета. Должно быть, обиделась.

Саха вспомнил Жунуса. Связал же отец его своим глупым сватовством! Надо отправить Ляйли учиться, и у нее пройдет вся блажь...

Саха почти ничего не ел за обедом. Прилег отдохнуть на диван, взял книжку. Но сосредоточиться не мог. Начиналась гроза. Он подошел к раскрытому окну—теплый дождь переходил в ливень. Улица покрылась большими лужами. В арыке бурлила мутная вода—ей было тесно, и кое-где она заливала панель. По ней бежала женщина. Увидев ее, Саха закричал:

— Глаша!

Да, это была Глафира. Услышав его голос, она остановилась у окна, промокшая до нитки. С волос падали тяжелые капли воды.

— Заходите!

Она кивнула головой и вбежала на высокое крыльцо. Он бросился открывать ей дверь. Старушка-хозяйка дала Глафире ситцевое платье, и она, переодевшись в соседней комнате, вошла к Сагатову.

— Как хорошо, что вас ко мне загнал дождь. Я только что думал о вас!—признался Саха.

— А может быть, не только обо мне. У вас есть невеста...

— Глафира Алексеевна! Да послушайте же меня...

И Саха рассказал, как Жунус посватал у Адила дочку.

— Теперь верите или нет?—спросил он.

Весь вечер они просидели рядом. Саха держал руку девушки в своей руке.

В полночь Глафира собралась домой. Сагатов вышел ее проводить. Дождь кончился, но дул страшный ветер. С гор доносился неясный гул.

— Оставайтесь у меня почевать,— предложил Саха.

— Нет, нет... Я сниму туфли и пройду босиком.

Они шагали в густой, непроницаемой тьме, прислушиваясь к странному шуму. Он доносился с южной стороны города и нарастал с каждой минутой...

— Вода выступила из арыков!— сказала Глафира.

— Вернемся?

— Нет, теперь недалеко...

Они не успели дойти до ее дома. Улица неожиданно превратилась в реку. Правда, пока она была еще мелкой, но вода быстро прибывала. Что случилось? Саха, проживший всю жизнь в Верном, не мог понять. Откуда столько воды?

Какой-то старик, пробежавший мимо них в двух шагах, закричал:

— Наводнение... Алма-Атинка разлилась...

Саха терялся в догадках: какое наводнение может быть в городе, где нет ни одного водоема? Утром Алма-Атинку можно было перейти, не замочив ног.

А на самом деле действительно начиналось наводнение. С гор шли бурные потоки воды. Они несли песок и камни. И Саха не умом, а сердцем ощутил, что это — начало большой катастрофы. Он схватил Глафиру за руку и крикнул:

— Бежим!

— Куда?

— В обком! Тут рядом!..

Они пробежали боковой улицей мимо городской библиотеки к зданию обкома. Дверь была закрыта. Саха принялся стучать. Он знал, что сегодня дежурил член бюро обкома дунганин Цун-вазо, заместитель председателя облисполкома. Дверь открыла заспанная сторожиха.

— Чего барабаните!— заворчала она недовольно, сразу не узнав секретаря обкома.— Словно пожар...

Цун-вазо спал на широком кожаном диване в кабинете Сагатова. Он сладко потянулся и хотел перевернуться на другой бок.

— Проспал город!— крикнул Саха и бросился к телефону.

Телефонистка не отвечала. Саха яростно крутил ручку аппарата. Наконец отозвался сонный голос.

— Почему не отвечаете так долго! Срочно соедините с военкоматом. Звоните в ЧК, милицию, в ЧОН...

Цун-вазо ужаснулся: снова мятеж! Он схватился за маузер.

А Саха продолжал кричать в трубку:

— В городе наводнение... Да, да... Предупреждайте всех абонентов...

Цун-вазо переводил глаза с Сахи на Глафиру. Он ничего не понимал. А Саха, уже соединившись с военкоматом, дул в трубку и кричал еще громче:

— Где военком? Объявите тревогу. Поднять красноармейцев... Открыть стрельбу!.. Что не понимаете? Стрельбу! Да-да, говорит секретарь обкома партии Сагатов!

Саха не выпускал из рук телефонную трубку. Теперь уже ему звонили в обком встревоженные работники. Никто не знал, что происходило в городе. Басов первый сообщил, что по Копальской улице идет каменная лавина и сносит дома и деревья.

Голос его звучал глухо:

— Гибнут люди... На улице нельзя выходить...

— Гибнут люди?— сердце Сахи похолодело. Он не заметил, как Глафира бросилась к дверям.

— Что же делать?— продолжал он кричать в трубку.

— Единственное спасение — сидеть дома...

Сахе не понравился ответ председателя ЧК, но Басов был прав. По улице, увлекаемые бурным потоком воды, лавиной катились огромные камни, снося и уничтожая все на своем пути.

Цун-вазо высказал предположение:

— Должно быть, проломилось дно Алма-Атинского озера, и вся вода хлынула по ущельям на город.

Саха ничего не ответил. Черт его знает, может быть, и на самом деле так! Он сидел за письменным столом, сжав ладонями виски и ощущая полную беспомощность. Разразившаяся катастрофа была страшнее пережитого недавно мятежа. Тогда был враг, известны его силы, с ним можно было бороться, а сейчас оставалось одно — сидеть и ждать, когда каменная лавина, несущаяся с гор, разрушит здание обкома, как, может быть, она уже разрушила сотни обывательских домов...

Снова зазвенел телефон. Сагатов услышал знакомый голос военкома:

— Красноармейцы ходят по улицам и предупреждают, чтобы люди не выходили из домов. Есть жертвы...

Сагатов покраснел и только тут вспомнил о Глафире. Он оглянулся — ее в кабинете не было.

— Ушла! — сказал Цун-вазо.

— Что же она не предупредила!

— Она сказала вам. Вы разговаривали по телефону. А ей каждая минута дорога. Она же врач...

Краска стыда залила лицо Сагатова «Руководитель области... растерялся... — мелькнуло в голове. — Люди гибнут, а ты спасаешься здесь... Глафира поступила честнее».

Он яростно закрутил ручку телефона. Станция ответила сразу же.

— Басова!

— Подождите минутку. Разговаривает.

— С кем?

— С начальником пожарной команды.

— Поторопите!

Басов отозвался почти сразу:

— Председатель ЧК слушает...

— Басов. Это я говорю. Сагатов... Ты меня слышишь?

Басов! Басов!

Саха дул в трубку и кричал охрипшим голосом. Ответа не было. Он понял — связь со станцией оборвалась.

Саха поднялся.

— Цун-вазо! Идем...

Дунганин даже и не спросил куда и молча зашагал за Сагатовым.

Ночь. Над городом стоит неимоверный гул и грохот. На всех колокольнях бьют в набат. Плывут тревожные звуки, заглушаемые яростным шумом ветра, который хочет вырвать с корнем деревья. Где-то щелкают одиночные выстрелы. А по улице несется бурный поток густой грязи, а в ней каждый камень грозит смертью.

Цун-вазо сказал:

— Саха, мы не пройдем! Бесполезно!

— А может быть, на соседней улице нет такого потока? — осенила Сагатова неожиданная мысль.

Они вернулись в дом и с черного хода вышли во двор, а потом в сад, залитый водою. Перебравшись через забор, попали к соседям. Огромный пес, забравшийся на

будку, рывкнул два раза и жалобно заскулил, видимо, испытывая такой же страх, какой в эту ночь испытали все жители Верного.

— Это кто же? Товарищи!— окликнул Саху мужской голос.

— Свои, свои!— отозвался Цун-вазо.— Соседи...

— В такой момент все свои!— проворчал хозяин дома и заговорил торопливо:— Что же это такое творится-то? А? Все страшали землетрясением, а тут от воды, как сублики, погибаем... Должно быть, под Алма-Атинским озером дно лопнуло... Не иначе... Как думаете?

— Не знаю!— ответил Саха.— Через вашу улицу можно перебраться на ту сторону?

— Вода шибко хлещет, но не глубоко. Тут недавно одна женщина пробиралась. Тоже вот вроде вас, через наш двор...

«Глафира»,— подумал Саха и сказал:

— Ну, раз она прошла, значит, и мы пройдем!

Хозяин отворил калитку, выпустив Сагатова и Цун-вазо на улицу. Здесь было значительно меньше воды, и они перебрались на другую сторону.

* * *

В эту страшную ночь грязекаменные потоки прошли по реке Алма-Атинке и шести продольным улицам, неся смерть и разрушение. К счастью, каменная лавина прорвалась в старое русло реки Весновки — это спасло город от гибели...

Когда рассвело, можно было увидеть, какие бедствия причинила ночная катастрофа. Вода схлынула, оставив на улицах каменные глыбы. Повсюду виднелись полуразрушенные дома. Если бы не деревья, посаженные полсотни лет назад шпалерами вдоль улиц, разрушенных зданий было бы во много раз больше. Могучие дубы, березы и тополи отразили ночную каменную атаку, приняв на свои стволы сокрушительные удары... Некоторые из них пали в неравной борьбе... Они лежали с поломанными сучьями, загородив дорогу.

На улицах валялись трупы людей и животных. Погибли те, кто искал спасения вне стен дома.

Саха с комиссией ходил по городу. Он увидел Глафиру с лазаретной сумкой через плечо. Она вышла из дома, стоявшего посередине улицы. Его смыло с фундамента и

отнесло на полкилометра. Саха подошел к окну и услышал вопли женщины. Они оплакивали только что скончавшегося изувеченного человека.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Жунус не смог доехать до Бухары. Рана на руке загноилась, поднялась температура. Его сняли с поезда на пограничной станции Зиятдин, Бухарского эмирата, и переправили в кишлак Бахча-Калям. Здесь стояла передовая часть войск эмира, контролировавшая Большую Самаркандскую дорогу.

Начальник гарнизона, он же военный министр — ва зир-и-харб, не надеясь на бухарцев, пополнил эту часть семиреченскими добровольцами. Среди них находился и Амен.

Узнав о раненом Жунусе, он вечером прибежал к нему. Тот лежал бледный. Раненая рука покоилась на груди. Амен смотрел, не отрывая глаз, на осунувшееся лицо Жунуса. Раненый застонал.

— Как вы себя чувствуете?

Узнав голос преданного ему джигита, Жунус в ответ слабо улыбнулся.

Амен не стал терять времени на расспросы. Он разыскал на дворе хозяина, подслеповатого хромого старика, и выругал его.

— Если он умрет, я тебя расстреляю!

— Сын мой, что я могу сделать? — заплакал старик.

Приказав вынести Жунуса в летнюю половину дома Амен побежал в комендатуру. Там сидел задержанный ночью конным разъездом лекарь. У него оказался документ, выданный бухарским раисом — начальником полицейского участка, — удостоверявший, что табибу Маджиду разрешен проезд по всему эмирату. Амен, плохо разбиравший закорючки арабского шрифта, положил справку в карман, и Маджида запер в обхану¹. Утром вспомнив о Маджиде, Амен пошел спросить у полковника, что делать с арестованным лекарем.

— Отправить в рекхану², — приказал полковник.

Амен шел к лекарю и думал: не всегда полезна спеш-

¹ Об х а н а — камера.

² Р е к х а н а — знаменитая тюрьма в Бухаре.

ка! Если бы он отправил сегодня утром табиба в Бухару, сейчас пришлось бы раскаиваться.

— Раненого вылечишь, я тебя отпущу! — пообещал Амен. — А иначе пойдешь в рекхану.

Маджид молчал. Что ответить? Если бы он был факир, а не фельдшер-самоучка, он обещал бы. Однако терять ему нечего... И он пошел за Аменом.

Маджид снял у Жунуса перевязку с руки. Пуля прошла навывлет, частично раздробив кость. Рана загноилась, начиналось заражение. Что делать? Отказаться от лечения — значит, обречь себя на верную смерть в рекхане.

Маджид промыл руку легким раствором соли, попросил у хозяина чеснока, выжал сок, смазал рану и перевязал.

Как ни странно, к утру Жунусу стало лучше. Когда пришел Амен, он крепко спал.

С этого часа отношения между лекарем и Аменом круто изменились.

Они часто и подолгу беседовали. Слушая рассказы Амена, Маджид уловил в них нотки разочарования.

На третий день, когда кризис у раненого миновал, обрадованный Амен повел лекаря на веранду. Долго они беседовали и под конец разоткровенничались. Амен рассказал лекарю о своей жизни.

В городе Туркестане у него была невеста, красивая девушка. Она приглянулась милиционеру, и тот, заставив отца, увез ее. Амен попытался спасти возлюбленную, но счастье повернулось к нему спиной. В драке он убил соперника, и ему пришлось бежать. Тогда он пристал к Жунусу, гостившему в мавзолее Ходжи-Ахмеда-Яссави.

Прошла еще неделя. Жунус быстро шел на поправку. Маджид по-прежнему ухаживал за ним. Полковник забыл о лекаре, память его потонула в потоках выпитого виноградного вина.

Отъезд Маджида откладывался со дня на день. Дорога на Бухару была опасна, могли в любую минуту схватить второй раз и бросить в тюрьму. Лекарь решил подождать выздоровления Жунуса, чтобы отправиться вместе с ним в Бухару.

Незадолго до отъезда Маджида открылся базар в Бахча-Калям. В Средней Азии с давних времен базар — не только место торговли. Здесь обсуждаются события

дня, и можно услышать всевозможные новости. Захватив с собою Маджида, Амен направился в Бахча-Киям, он хотел знать, что творилось на белом свете.

Базар был в полном разгаре. На суфе¹, разложив товары, сидели бухарцы в широких ярких халатах и в белых чалмах. Бойко шла торговля. Продавцы и покупатели были по рукам. Над толпою стоял разногласный гул.

— Посмотри на этих кровопийц! — указал Амен.

Маджид оглянулся. В центре базара стояли три узбека в халатах из кашмирского шелка, в атласных тюбетейках. Один из них, в лакированных сапожках, ковырял во рту серебряной зубочисткой и внимательно слушал второго, что-то оживленно рассказывавшего. Третий одобрительно улыбался, заложив руки за спину.

— Здешние тузы — аксакалы. Вон тот, с зубочисткой, — хозяин кишлака. Конокрад. Воровал у казахов лошадей, продавал в Бухаре, а лучших иноходцев дарил первому визирю. У него на содержаньи несколько воров. Они совершают далекие ночные переходы в Нуратинское бекство, где живет много казахов. Полковник знает об этом, но молчит. На днях конокрад подарил ему вороного иноходца с пятном на лбу. Замечательный аргамак!

Маджид внимательно слушал.

— А это — имам, смотритель мечети. Взяточник. Развратник, заражен дурной болезнью. Говорят, все тело покрыто у него язвами. Недавно один из сарбазов² в ньяном виде застрелил старушку. Имам заступился за убийцу, пошел к полковнику и доказал, что раз он убил не по умыслу, поэтому по шарияту наказывать его не следует. А солдат потом рассказывал, что купил отпущение грехов у имама за сходную цену.

— А третий кто?

— Мираб, хозяин воды. Убийца. Темная личность. Дай закурить! Ты приучил меня к табаку.

— Кури, брат, — Маджид протянул коробочку. — Табак успокаивает.

Свернув папиросу, Амен высек кремнем огонь и закурил.

— Вчера был такой случай, — начал он рассказывать

¹ Суфа — глинобитное возвышение, заменяющее прилавок.

² Сарбаз — солдат.

про мираба.— В соседнем кишлаке жил дехканин-таджик, некий Боки Шо-мирзо. Его сын обрабатывал землю мираба, старался, но мираб надул его. Сыну надоело работать даром, и он сбежал. Тогда мираб привел лже-свидетелей в суд, и они показали, что сын таджика Шо-мирзо не доработал одного года. Мираб требовал вернуть най воды. И суд встал на его сторону. Но так как воду нельзя было вернуть, то решили заменить ее рисовым полем. Это еще не все. Кто-то донес, что сбежавший сын дехканина скрывается у большевиков. И вот два дня тому назад дехканина схватили, пытали, заставляя сознаться, что его сын большевик... Мираб участвовал в допросе. Он сам придумывал пытки. Несчастному загоняли иглы под ногти. Я видел это собственными глазами...

Амен взял под руку Маджида и увлек его в другую сторону базара.

— Посмотри на этих несчастных, опухших от голода! Их доход от хозяйства делится на пять частей. Первую часть они преподносят эмиру за то, что им выпало счастье быть его подданным. Вторую — мулле в искупление грехов. Третью — мирабу за неправильное распределение воды. Четвертую — старосте за то, что он держит весь кишлак под страхом доноса...

— А пятую?

— Если она останется, то для своих голодных детей.

— Несладкая жизнь в Бухаре!— сказал Маджид.

Их внимание привлекли шум и крики. Двое полицейских волочили по земле узбека, один из них беспрерывно замахивался дуррой¹. Узбек громко божился и стонал.

— Ясно, им понравилась вещь, привезенная на базар.

— Хотят отнять?

— Конечно. Они сейчас запрут его в каталажку, а затем выпустят. Дехканин побежит быстрее зайца.

— Я вижу, ты хорошо знаешь, как здесь живут люди!..— одобрительно промолвил Маджид, оценивший наблюдательность Амена.

— Да, я давно думаю, для кого мы воюем и разоряем народ?

Не успел лекарь ответить на этот вопрос, как им на встречу попался шут-острослов в коротеньком индjack-

¹ Д у р р а — толстая, длинная плеть.

ке, сшитом из цветных лоскутов, в конусообразной войлочной шляпе. На самой верхушке ее торчали птичьи перья. В руках шут нес попугая.

— Скажи, попугай, что ожидает джигита?— сказал он, проходя мимо Амена.

Попугай оглянулся и прокричал «дурак». Довольный шут засмеялся и сказал на ухо Амену:

— Только не ты, а старый евнух эмира!

Понизив голос, шепнул:

— Эмир очень дешево продает свои грехи, ищет покупателя!

— Разве приближается день страшного суда?— прищурил глаз Маджид.

— Говорят, он видел во сне Фрунзе!

Шут зашагал дальше, выкрикивая:

— Попугай предсказывает судьбу!

— По-моему, он скоро угодит в рекхану!— сказал Амен.

Они обошли весь базар и присели у хауза с зеленоватой застоявшейся водой.

— Амен, у тебя трезвый ум, острый язык, ястребиные глаза,— сказал лекарь.— Ты не должен служить добровольно в стране бесправия. Уходи!

— Куда?

— Туда!— коричневый палец Маджида указал в сторону границы.— В Советский Туркестан.

— А ты?

— Я тоже иду туда!— открылся Маджид.

Амен усмехнулся.

— Тогда ты заблудился, дорогой. В той стороне находится Бухара.

— У русских есть хорошая пословица: язык до Киева доведет!— уклончиво ответил Маджид.

— Ну, если так, то я могу сказать: за джигитом долг не пропадает. За Жунуса я тебя отблагодарю.

И Амен крепко пожал руку лекарю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Путь из Ташкента в Бухару был длинным и рискованным. Смерть грозила Маджиду на каждом шагу. Поставить подозрительного человека в эмирате было легче всего. Всякий незнакомец в кишлаке считался если не

большевиком, то джадидом. Достаточно было простого подозрения, чтобы накинуть ему петлю на шею.

По дороге в Каган Маджид встретил двух дехкан. Они ехали на низкорослом ушастом ишаке, запряженном в небольшую двухколесную арбу. Верхом на ишаке сидел рослый узбек с окладистой бородой. Ноги его волочились по земле, поднимая столб пыли. Сзади на арбе прилежал тощий его спутник.

— Куда вы держите путь, правоверные?— спросил Маджид, поравнявшись с арбой.

— В Бухару!

— Помолиться?

— Да, хорошо было бы сейчас сходить в мечеть. А тут, говорят, надо воевать.

— О аллах, заступись за своих рабов!— Маджид, держа руки горстью, провел ими по лицу.— Какая там еще война!

— С неверными. Недавно по нашему кишлаку прошли афганцы на слонах из Кабула. Они будут освобождать Ташкент от кафилов!— разъяснил бородатый узбек.

— Неужели поедете в Ташкент?

— Ташкент нам нужен, как конокрадам лунная ночь!

— Пусть воюют афганцы!..

Рано утром Маджид достиг предместья Кагана. Он шел бодро: легкая котомка не резала плечи, суковатая палка облегчала шаг.

Город только что просыпался. Пронзительно и коротко свистели паровозы на станции. Знакомые гудки — Маджид за последние десять лет, как приехал из Коканда, работал в паровозном депо в Кагане. Здесь он и приобрел опыт подпольной работы.

Не успел лекарь умыться с дороги, как к нему на квартиру прибежал Шо-мирзо — стройный сильный юноша с бронзовым лицом. Большие карие глаза его смотрели строго и внимательно. Маджид по-отечески обнял гостя.

— Спасибо, что пришел— сказал Шо-мирзо.— Привет тебе от Мамура. Ты слыхал, что случилось с ним?

— Нет.

— На него было покушение. Шпионы эмира хотели его убить, но не удалось. Мамур отделался легким ранением. Его спасла железная пуговица на френче. Удар ножа пришелся по ней.

Маджид закурил сам и предложил табак Шо-мирзо. Таджик вежливо отказался.

— Вот что...— лекарь прищурил глаза, припоминая.— Ты, кажется, из кишлака Бахча-Калям?

— Да. Из Бахча-Калям, близ города Хатырги, на Бухарской стороне.

Маджиду показалось, что он попал на верный след.

— Расскажи, как ты ушел из кишлака?

Шо-мирзо ответил:

— Год тому назад я удрал из дома мираба и очутился в Бухаре. Чтобы не попасть в рекхану, стал нищим и жил около мечети Худжа. Там однажды я услышал, что беглецы из Бухары собираются в Советском Кагане и хотят установить свою власть. Тогда я направился в Каган.

Выслушав рассказ Шо-мирзо, Маджид сказал:

— Я был у тебя в кишлаке и узнал неприятную новость. Палачи эмира замучили твоего отца.

Шо-мирзо побледнел.

— Я говорю правду!

У Шо-мирзо навернулись слезы, губы задрожали.

— Не время плакать. Не один твой отец погиб от руки эмира. Хочешь, я тебе расскажу, кто такой эмир?

— Хочу!— ответил Шо-мирзо.

— Сеид-Алим-хан — страшный деспот. Он закончил пажеский корпус в Петербурге и далеко превзошел русского царя в жестокости и в коварстве. Начиная от первого визира и кончая амальдером — чиновником, все дрожат перед ним. Он может без шума убрать любого своего придворного. В рекхане совершаются убийства без крови и без шума, и оттуда никому нет возврата. У купца Сулеймана сын Хусайн-бек учился в Петербурге в одно время с Сеид-Алим-ханом, только не в пажеском корпусе, а в университете. После вступления на престол Сеид-Алима он стал его советчиком; Хусайн-бек был его умнее и вскоре приобрел известность во всей Бухаре. Его богатство росло, как и слава. Подхалимы эмира донесли: «В устах народа только Хусайн-бек, а о вас, таксыр, забыли».— Этого было достаточно. Хусайн-бек исчез, и никто не знает, где он, что с ним.

Маджид помолчал немного и продолжал:

— А вот как эмир поступил со своим первым визиром Насруллою. Тот всегда выступал защитником трона и натравливал эмира и на младобухарцев. Эмир при-

казал бросить их в рекхану. Насрулла посадил всех, кто не успел бежать в Ташкент. Когда визир смел с лица земли всех младобухарцев, тогда эмир расправился и с ним.

Маджид рассказывал и курил. Шо-мирзо молча слушал.

— Эмир — самый богатый человек в Средней Азии. У него дворец в Бухаре, второй в Ширбудуне, третий в Крыму, двести шестьдесят жен и миллионы золотом в русских, парижских и лондонских банках. Вот кто такой эмир Сенд-Алим-хан! Теперь ты знаешь.

...Через несколько дней Маджид отправил Шо-мирзо в старую Бухару для работы среди солдат эмира. Прощаясь, он сказал:

— Увидишь Жунуса из Джетысу, передай привет от Маджида-лекаря. В добрый путь!

Шо-мирзо, переодетый нищим, в этот же вечер направился в старую Бухару. Там он нашел приют у сторожа мечети. Куда деваться нищему — ведь он тоже раб божий!

Однажды сторож услышал, как имам мавзолея Ходжи-Ахмеда-Яссави сказал имаму мечети:

— Туркестан — проклятая богом земля! Слезы и кровь мусульман льются здесь рекой. Недавно опять устроили резню неверные. Хальфе прислал письмо: «Русские сожгли все аулы дотла. Погибло очень много казахов. По слухам, резня перекинулась в город. Мусульмане спасаются бегством».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Каменный поток, прошедший по долине Айна-Куль, разрушил у беженцев надежду на близкую лучшую жизнь. Беда шла за бедой: погиб почти весь скот, пригнанный из Китая.

Узнав об этом несчастье, Сагатов выехал с Глафирой Алексеевной в Талгар. Здесь, в довершение ко всем бедам, от загрязненной воды вспыхнул брюшной тиф.

Обкомовская пара гнедых рысцей бежала по ухабистой дороге. По обочинам ее высились стройные тяньшаньские ели и карагачи. Из травы то и дело поднимались дикие голуби. Где-то близко выщелкивал волшебные трели соловей, а на берегу горной речки застыла, на-

вострив уши, дикая коза. Почувяв опасность, она скрѣлась в ущелье.

Но любоваться природой Сагатову мешали думы о тяжелой судьбе беженцев и всех людей, пострадавших от наводнения.

За поворотом дороги, на крутом склоне, словно птичье гнездо, прилепилась мазанка. Рядом другая, третья. Горный аул.

Обычно, подъезжая к этому аулу, Саха видел мирную картину. На окраине паслось стадо. На пригорке стоял пастух, опершись на посох. Навстречу с лаем выбегали собаки. Возле дома, в тени, беседовали старики, а дети играли в асыки¹. Сегодня селение выглядело мертвым. Каменный поток разрушил дома, затопил скот в долине, смел огороды.

Оставшиеся в живых уйгуры, узбеки, казахи ушли в уцелевший аул Алма-Сай. Там они нашли укрытие под скалами, в шалашах, в тени деревьев.

Старик, встретивший Саху и Глафиру за аулом, предупредил, что «начальство волости» еще вчера уехало в Талгар.

Каменный поток прошел очень близко к станице, но сама станица уцелела. Талгарские кулаки подсмеивались над казахами: православный бог оказался лучше мусульманского аллаха.

Сагатов велел кучеру остановиться возле станичного Совета. В накуренной канцелярии толпился народ. Сагатова узнали. Председатель уступил ему свое место за столом. Глафире освободили табуретку. Деловой разговор начался сразу же.

Положение было более серьезным, чем предполагал Сагатов. Люди остались без крова и жили под открытым небом. В аулах много раненых. Появилась заразная болезнь. Нет хлеба.

Глафира спросила у председателя волисполкома:

— Какой врач сейчас здесь работает?

— Никакого нет. Был один, да уехал. Говорит, привозите раненых в город. А казахи не хотят — пусть, мол, умирают дома.

— Тифозные есть?

— А мы что, доктора? Разве понимаем?

¹ Асыки — бабки.

— Я поеду в аул,— сказала Глафира Сагатову.— Выясню, что нужно, и вечером вернусь!

Глафире дали проводника, и она уехала. Оставшись один, Сагатов провел совещание с членами станичного Совета. Решили немедленно приступить к строительству саманных домов для пострадавших и обложить богачей чрезвычайным налогом — юртами и скотом...

Поздно ночью вернулась из Алма-Сая усталая Глафира. Она нашла Саху в станичном Совете. Сагатов сидел за столом. Перед ним тускло мигала коптилка.

— Я думала, ты спишь...

— Жду тебя!

— А если бы я не приехала, тогда что?

— До утра сидел бы!— с улыбкой ответил Саха и спросил:— Как дела в ауле?

— Положение серьезное. Есть искалеченные.

Она рассказала, какую картину ей пришлось увидеть.

...Выпив по стакану молока, они легли на полу в доме председателя и крепко заснули.

* * *

На другое утро Сагатов поехал с Глафирой в Алма-Сай. Надо было уговорить казахов разоренных аулов возвратиться на свои места. Божья кара — выдумка мулл. Следует объяснить народу, почему вода хлынула с гор.

На вершине Алатау лежит толстый слой льда. Летом он тает и питает русло Алма-Атинки. Но если в горах пойдет теплый дождь, лед начнет так быстро таять, что вода хлынет потоком. Это и случилось несколько дней назад. Произошло стихийное бедствие, вроде землетрясения.

Слова Сагатова были понятны старикам. Но все же... Что скажет мулла? Он объяснял иначе.

Сахе с трудом удалось убедить казахов вернуться на старое место. Он сам поехал с ними и прожил в ауле несколько дней. Глафира в это время работала в Талгаре.

* * *

Саха сидел в волостном комитете партии и ждал секретаря. Вошел казах в изношенном халате, подпоясанный голубым кушаком. Он нерешительно огляделся по

сторонам и робко протянул Сагатову сложенную вчетверо бумажку.

— Что это?

— Постановление. Мы образовали ячейку в ауле Сары-Узек. Теперь мы все коммунисты.

— Как все?

— Так, все мужчины в ауле. Все до одного!

— А кто же за вас поручился?

— Мы ручались сами друг за друга!

Саха помолчал, с любопытством разглядывая казаха.

— Разве у вас в ауле все бедняки?

— Да!

— А почему вы решили вступить в партию?

— Нам сказали: «Коммунистам в первую очередь дают землю и скот».

— Только поэтому?

— Хотим помогать Советской власти!

Намерение огульным порядком вступить в партию встревожило Саху. Он вспомнил — секретарь волостного комитета говорил ему о своем таланте вовлекать бедноту в ячейки.

Саха взял постановление и сказал:

— Волостной комитет разберется!

Казах приложил руку к сердцу, поклонился и ушел удовлетворенный.

На другой день в волком приехал другой казах, тоже с бумажкой.

— Откуда? — спросил секретарь комитета.

— Из Сары-Узека!

Саха насторожился.

— Что это?

— Постановление.

— О чем?

— Мы устроили в ауле коммунистическую ячейку.

— Вчера же привезли постановление? — удивился

Саха. — Зачем второй раз?

— Та ячейка байская. Мы в нее не пошли. Мы бедняки!

А вечером прискакал третий гонец из Сары-Узека, привез еще новое постановление и объяснил:

— Те две ячейки создали бан. У них идет родовая борьба. А вот наша — самая бедняцкая... Бедней во всем Джетысу нет!

Сагатов созвал членов бюро волкома.

— Кто это загоняет людей насильно в партию?— спросил он.

Члены бюро молчали. Пока Саха говорил, секретарь тихо поднялся и попросил своего соседа — председателя волисполкома:

— Веди заседание вместо меня. Я сейчас.

Стали искать виновника огульного приема казахов в партию. Один из членов бюро подал голос:

— Это маневр самих баев!

Другой робко пояснил:

— Секретарь укома говорил: чем больше коммунистов, тем лучше!

Тут Сагатов заметил отсутствие секретаря. Куда он делся? Окно было открыто. В глубине сада кто-то копошился — то присядет, то выпрямится.

Он тихо спросил у председателя волисполкома.

— Кто это?

— Секретарь.

— А что он делает там?

— Молится!..

— Что-о?!

Один из членов бюро охотно сообщил:

— В уборной у него стоит медный чайник для омовения перед намазом.

— Как вы это терпите?— возмутился Саха.

— Разве коммунист не может верить в бога?— спросил председатель волисполкома. В голосе его прозвучало искреннее изумление с явным оттенком негодования.

Секретаря волкома Саха решил немедленно исключить из партии...

* * *

Глафира Алексеевна открыла больницу в Талгаре. Из Алма-Сая привозили раненых — тяжелых сразу же отправляли в город, легких оставляли лечить на месте. Круглые сутки Глафира не выходила из больницы.

Когда приехал Сагатов, он не узнал ее. Она похудела, под глазами появились синие круги.

— Ну почему ты так мучаешь себя?— не удержался Саха от упрека.— Глаза совсем провалились.

— Пустяки. Я просто не высыпаюсь.

В эту минуту в палату внесли на самодельных носилках мальчика. Саха хотел уйти, но Глафира удержала.

— Подожди, пойдем вместе!..

Она многозначительно посмотрела на носилки, давая понять, что ей еще придется поработать.

— Как тебя зовут, джигит?

— Айдар! — тихо ответил мальчуган. Лицо его искажилось от боли.

— Очень красивое имя...

Сагатов следил, как Глафира тонкими пальцами проворно развязала бинты и отбросила шину.

— Надо наложить гипс!

— Перелом?

— Да. Еще день — и было бы поздно. Ноги срослись бы криво... Ну, Айдар, не унывай... Станем тебя лечить, поправишься, вырастешь, и девушки не будут дразнить тебя кривоногим.

От слов Глафиры веяло душевной теплотой. Она шутила с больным, а неумолимые руки незаметно делали свое дело — обкладывали ногу гипсом.

Не успела Глафира закончить перевязку, как к воротам больницы прискакал на взмыленном коне всадник.

— Сагатов у вас? — крикнул он сиделке, не слезая с седла.

— Какой Сагатов? Здесь сейчас больница...

— Секретарь обкома. Сказали, сюда пошел...

Услышав в открытое окно этот разговор, Саха торопливо вышел на крыльцо.

— Кому здесь нужен секретарь обкома?

— Товарищ Сагатов? Я — сотрудник ЧК. В Кастеке заваруха... Второй день идет бой...

— Кто вас послал?

— Басов.

Через несколько минут Саха с Глафирой мчались в Верный.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Рыбак рыбака видит издалека. Фальковский понял, что Сотников как раз тот человек, на которого можно положиться в серьезном деле. К нему прислушивается казачья верхушка, припрятавшая на всякий случай винтовки, шашки и даже пулеметы. Осторожный землемер не слишком часто, но охотно заглядывал к хорунжему. Вот и сегодня он завернул к Сотникову.

— Киргизы так говорят,— сказал Фальковский, переступив порог,— первый день гость — радость, второй — беспокойство, а третий — бедствие. Может, я уже бедствие?

— Нет, зачем же, вам всегда рады!

Хорунжий, как обычно, пригласил землемера к столу, на котором немедленно появилась принесенная с погреба запотевшая бутылка с самогоном. Фальковский пить отказался, не откладывая, приступил к делу.

— Каменный поток в районе Айна-Куля погубил много скота,— сказал он.— Идет слух: будут отбирать коров у русских и передавать беженцам.

— Брехня!

— Не думаю. В облзсмотделе составляют списки зажиточных.

— Пусть только попробуют. Руки короткие...

Фальковский нащупал самое чувствительное место хорунжего. Сотников имел четырнадцать дойных коров.

— Забыли они Беловодье,— сказал он, и в глазах его вспыхнули огоньки ненависти.— Можно напомнить будет...

— Страшная политика!— заговорил Фальковский, вытирая платком вспотевший лоб.— Национализация, социализация, конфискация. Все сводится к одному,— чтобы человека нищим сделать. Сегодня скот отнимут, завтра с земли согонят... Что же остается русскому человеку? Живым в гроб ложиться? Не понимаю!

— Конечно, киргизу такая политика на руку!— потемнев в лице, ответил Сотников.— Их власть сейчас...

Фальковский посидел недолго. После его ухода Сотников надел фуражку и отправился к Тыртышному.

Вскоре по всей станице из дома в дом передавалась последняя новость о конфискации коров для беженцев...

На другой день Сотников вместе со старшим сыном Митькой с утра ушел на охоту. День после дождя выдался на редкость удачный. Поохотившись вдоволь, отец и сын вечером отдыхали на берегу озера Айна-Куль и ели вареных уток. В ауле закончилась дойка кобыл, и пастух гнал их на водоной. Охотники подошли к табуну. Митька крикнул вызывающе:

— Эй ты, калбит! Зачем пасешь коней на нашем поле? Зачем топчешь урожай?

— Какой урожай? Кони пасутся на лугу!

— На лугу!— передразнил хорунжий.— А ну-ка, Митя, согни его в дугу!

Митька не заставил ждать, размахнулся и ловким ударом кулака сшиб пастуха с ног.

Пастух вскочил и бросился на обидчика.

— Он еще драться!— крикнул хорунжий и в свою очередь ударил пастуха по уху. Тот кинулся на Митьку.

— Ишь, калбит, какой горячий... Я тебя живо остужу, сукин сын...

Сотников схватил пастуха за голову, Митька — за ноги, они раскачали его и бросили в воду. Раздался всплеск.

— А теперь живо за дело!— скомандовал хорунжий. Сотниковы быстро сбили лошадей в табун и прямо по засеянному полю погнали в станицу.

— Киргизы потравили весь урожай!— кричал хорунжий.

Люди выскакивали из домов, бежали вслед за табунном. На церковной площади собралась возмущенная толпа.

— Режьте коней!

— Проучить нехристей!

— Довольно терпели!

...Весть об угоне табуна быстро распространилась по аулу Айна-Куль. Ее принесли женщины и дети, собиравшие кизяк на лугу и наблюдавшие за избением пастуха.

— Русские угнали табун!— вопили женщины.— Спасайте лошадей!

Мужчины, отдохавшие после полудня, выскочили из юрт. В ауле началась суматоха. Хальфе, воздев руки к востоку, горестно воскликнул рыдающим голосом:

— О великий аллах! Помоги своим рабам!

Крупные капли слез падали ему на бороду. Руки дрожали, губы шептали проклятия неверным.

— Сколько же они будут издеваться! Больше нет сил терпеть насилия кафиров. Они хотят погубить нас. Заклинаю именем аллаха и призываю всех вас отомстить кафирам! Беспощадно убивайте и истребляйте их!

Около Хальфе сгрудились аксакалы. Они шумели и звали на помощь бога. Женщины заголосили, запричитали.

— Отомстим!— раздался голоса.

Джигиты вооружились кольями и дубинами.

Нанадение на Кастек было неожиданным. Оно про-

изошло в тот момент, когда казаки безуспешно пытались загнать захваченный Сотниковыми табун в сарай. Лошади, напуганные криком и шумом, не хотели заходить в незнакомые помещения, метались и, наконец прорвав кольцо людей, устремились в поле.

В это время из переуллка вылетели вооруженные кольями джигиты.

— Бей кафиров!

Казаки растерялись, многие кинулись по домам. Митька Сотников оторвал оглоблю от телеги и замахнулся на подскакавшего к нему джигита. Тот, освободив правую ногу из стремени, юркнул под живот лошади, а затем, налетев на Митьку сзади, ударил его по голове дубиной. Митька растянулся на земле.

Охватив кольцом коней, джигиты погнали их в Айна-Куль.

В тот день, когда Сотниковы угнали лошадей, Бакена не было дома. За три дня до этого события он уехал в город навестить больного Тлеубая. Ночь застала его на обратном пути к дому.

Рано утром он остановился на берегу озера и отпустил коня пастись, решив, что дойдет пешком до юрты Гульжан.

Как хорошо в Джетысу, родной стране, где кочевал поэт Асан-Кайгы в поисках счастья своему народу-горемыке!

Предание говорит, что Асан-Кайгы облюбывал Джетысу для родного народа за красоту природы и богатство земли.

Ах, как тосковал Бакен в Синьцзяне по Алатау! Пусть у Бакена нет земли, пусть он беден, но он сейчас счастлив, что живет и дышит сладким воздухом Джетысу.

Бакен насторожился. Из леса выехал всадник. Кто это так рано? Впереди Бозтай, а кто же второй?

— Счастливый путь, беженец!— насмешливо приветствовал Бозтай, играя камчой.

— Доброе утро, джигит в юбке!— ответил Бакен.

Улыбка сошла с лица Бозтая.

— Я не бежал в Китай, сверкая пятками, и от страха не пачкал себе штаны!

Второй джигит расхохотался. Бакен не остался в долгу.

— А я не торговал совестью и не грабил свой народ, как делали спекулянты,

Бозтай хлестнул коня и поскакал в сторону Узун-Агача. Не успел он скрыться в лесу, как где-то за аулом, очень близко, вспыхнул пожар. Сильный ветер высоко взметнул пламя. Черный дым окутал аул. Взволнованный Бакен сбросил халат и помчался в Айна-Куль.

В Айна-Куле первая заметила пожар Фатима. Она проснулась неожиданно. Блеяли ягнята, мычали телята, лаяли собаки. Набросив на себя халат, Фатима выскочила. Пожар! О боже!

С перепугу она потеряла голос, не могла произнести ни одного звука. Старуха бросилась в юрту, сорвала одеяло с Гульжан и указала рукой на дверь. Дочь выскочила, увидев безумные глаза матери.

— Горим!— закричала девушка.

Поняв, что случилось, Гульжан подняла на ноги весь аул. В Айна-Куле началась паника. Вопли женщины, плач детей, крики мужчин — все слилось в дикий гомон. Только несколько отважных джигитов во главе с Бакеном бросились тушить пожар, преграждая путь к юртам.

Гульжан, схватив братишку, вместе с матерью побежала к озеру. Возле юрты Нашена она вспомнила о больном акыне.

— Я сейчас, мама!— крикнула Гульжан.— Бегите к озеру.

— А ты куда?

— Спасти Нашеке!

И Гульжан вбежала в юрту акына.

Нашен лежал бледный, но спокойный, с домброй на груди. Губы его беззвучно шевелились. Шептал он молитву или сочинял стихи? Было ясно, он готовился принять смерть.

Гульжан упала к его ногам. Неужели сгорит акын, гордость аула, друг отца?

— Встань, дочь моя! Не время для слез!— Нашен спокойно повернул голову.

— Где ваш брат? Почему оставил вас?

— Я его сам отпустил. Иди и ты, дочь моя!

— Нет. Я вас не оставляю!

Гульжан выбежала из юрты и оглянулась вокруг. Люди вели неравную борьбу с огнем. Она схватила за рукав Бакена.

Они вбежали в юрту. Нашен строго посмотрел на Бакена, но ничего не сказал, только пошевелил губами. По-

садив акына на кошму, они вдвоем поволокли его на озеро, в безопасное от огня место.

Пожар стал ослабевать. Кошмы юрт шипели, но уже не пылали пламенем, а обугливались. Увидев, что кошмы задерживают огонь, Токей предложил снять их с юрт и застлать землю.

На помощь погорельцам пришел неожиданный дождь. Как всегда бывает в Семиречье, внезапно появились тучи, и прошел спасительный ливень, потушивший пожар.

С озера понемногу возвращались женщины и дети со следами ожогов на лицах и на руках. Они подходили к своим юртам и находили жалкое пепелище. Все молчали, не зная, к чему приступить, с чего начать.

Мучительное молчание нарушил Хальфе.

— Это дело рук кафиров!— крикнул он злобно.

Толпа вздрогнула. Все подняли головы и посмотрели друг на друга. Вот кто виновник их несчастья!

Разгневанная толпа, обуреваемая жаждой мести, молча двинулась к станице. Впереди шли беженцы с дубинами, кольями, ножами. За ними — женщины и подростки, кто с кочергой, кто с камнями в руках. Лица у всех были искажены от злобы, волосы взлохмачены. Толпу возглавлял Токей, шагавший с молотком в руках. Всегда молчаливый кузнец в исступлении ругался.

Бледный, взволнованный Бакен кошкой прыгнул на дорогу и очутился впереди толпы. Широко раскинув руки, с искаженным от ужаса лицом, он кричал:

— Братья, опомнитесь! Куда вы идете?

Джигиты, шагавшие в передних рядах, презрительно посмотрели на него и молча продолжали идти.

Бакен цеплялся за халаты, пытаясь остановить джигитов.

— Не верьте словам муллы!— надрывался Бакен.— Не верьте!

Но все было напрасно. Толпа не слушала. Бакен бросился к дяде Токею и повис у него на руке, стараясь вырвать молоток. Но кузнец яростно отбросил племянника в сторону и зашагал еще быстрее.

Около аула Айна-Куль осталось несколько джигитов, друзей Бакена, и среди них верная Гульжан. С тяжелым предчувствием они безмолвно смотрели вслед уходящей грозной толпе.

Казак, еще издали увидев надвигающуюся на станицу

ду черной тучей толпу, приготовились встретить ее ружейным огнем.

Бой начался без команды, залпом казаков. Джигиты, а за ними женщины и подростки врезались в казачий строй и смяли его. Началась рукопашная схватка.

Хальфе во главе всадников неожиданно напал на Кастек со стороны речки, откуда станичники не ждали. Он бил шестом направо и налево. Пуля прожужжала мимо уха муллы. Он заскрежетал зубами. Кто-то нырнул пожом в живот его коня. Конь пронзительно заржал и встал на дыбы. Рядом дрались Токей и Митька. Митьке выбили зуб — изо рта его текла кровь.

Тыртышный, хорунжий Сотников и землемер Фальковский стояли около ворот и наблюдали, как сражались «голодранцы».

* * *

Еще вчера, когда произошла первая стычка, Вера Павловна поехала в Узун-Агач, где встретила уполномоченного области Цун-вазо. Она рассказала ему о событиях в Кастеке. Цун-вазо встревожился. Собрав комиссию, он с утра поспешил в Кастек, чтобы на месте расследовать печальные события. Но Цун-вазо даже не подозревал, что он увидит в Кастеке. Когда комиссия подъехала к станции, бой был в самом разгаре. Разнять дерущихся не было никакой возможности. Люди дрались молча, с остервенением. Слышались звуки тупых ударов, лязг металла и стоны раненых. Где не хватало оружия, пускались в ход руки и зубы.

Цун-вазо дал несколько выстрелов в воздух. Вера Павловна и еще десяток казаков, не участвовавших в драке, бросились разнимать сцепившихся. Выстрелы отрезвили людей. Драка пошла на убыль. Вскоре на улице остались лишь одиночные пары наиболее ярых драчунов. Наконец все утихло.

Цун-вазо велел немедленно отправить в город раненых и заодно вызвать наряд милиции. Казах Цун-вазо уговорил возвратиться в аул, в Айна-Куль.

В это время Фальковский с Сугурбаевым ждали в Узун-Агаче последних известий от хорунжего Сотникова. Но он, полюбовавшись началом драки «голодранцев», поспешил в Нарын.

Через неделю после пожара в Айна-Куле и кастекского побойща в Верный нагрянула комиссия из Ташкента во главе с Кожяковым.

Цун-вазо сказал Сагатову с легкой усмешкой:

— Говорят, Кожяков захватил с собой даже повара. Думает, что в Верном для него не сумеют приготовить плов по-узбекски.

— Чепуха!— ответил Саха с неудовольствием. Он знал, с каким наслаждением обыватель обливает помоями советского комиссара, делая из мухи слона.

— Русские говорят: «Без дыма огня не бывает!»

Этот «дым» Саха ощутил через полчаса. Кожяков прислал в обком записку. Он сообщил о своем нездоровье и просил Саху зайти к нему в гостиницу. Саха покусал в раздумье губы и велел подать лошадь.

Кожяков встретил его суховато, дав понять, что приехал он с большими полномочиями. В манере говорить и в скупых жестах Кожякова сквозила солидная уверенность. Саха, вспоминая первую ташкентскую встречу, просто не узнавал его. Как сильно мог измениться этот проворный, болтливый человек всего лишь за два месяца.

В раскрытые окна номера, выходящего в сад, струилась прохладой вечерний горный ветер. Кожяков в шелковом бухарском халате сидел у окна и слушал рассказ Сагатова о кастекских событиях.

— Я не понимаю, какую политику вы проводите в области?— Кожяков брезгливо поморщился.— Казачество опять устроило резню, как в шестнадцатом году. Можно подумать, что Семпречьем руководит не коммунист казах Сагатов, а губернатор Фольбаум или Кияшко.

Сагатов побледнел.

— Вы даете отчет своим словам?

— Какой здесь отчет! Разве это не правда? Под носом у вас жгут казахские аулы, избивают казахов, а вы сложили руки и смотрите, что будет дальше.

Сагатов выжидающе молчал.

— Давно надо было выселить казачество и устроить беженцев в станицах. А вы заняли позицию «золотой середины».

— На поголовное выселение казачества я не пойду! Об этом мы с вами говорили еще в Ташкенте, и мою точку зрения вы знаете.

— Ваше поведение в ЦИКе расценивается, как откровенный подхалимаж перед русскими. Рахимов просил меня передать вам, что надо перестроиться.

— Я перестроился еще в шестнадцатом году!— ответил Саха, едва сдерживаясь, чтобы не наругать.

— Безнадежный вы человек!— Кожяков махнул рукою.

* * *

На другой день, в воскресенье, Кожяков обедал у Сагатов. Гость рассказывал новости: Бухара лихорадочно готовится к войне. Эмир разогнал партию младобухарцев, и теперь многие из них, укрывшись в Ташкенте, ждут его падения и рвутся к власти.

Во время этой беседы вошла хозяйка и сказала Сахе:

— Там какой-то человек к вам... Из Айна-Куля...

— Пусть войдет.

На пороге появился казах с черной жидкой бородой и слегка вздернутым носом. Руки у него тряслись.

— Не узнал, Саха? Ну, что же, не удивительно, Я пришел с того света!

— Тлеубай!— Сагатов только по голосу и глазам узнал аульного безбожника.

— Как вы изменились!— тихо сказал он.

— Если бы ты побывал на том свете, так не стал бы удивляться!

Кожяков с любопытством поднял глаза на Тлеубая.

— На все воля всемогущего аллаха, утверждает Хальфе. Но я думаю несколько иначе. Я всегда рассуждал: живи в ногу с жизнью. Кто не умеет жить, тому нечего делать на земле. И вот я, «грешник», как именует меня Хальфе, пошел в Кастек к землемеру и потребовал отмежевать мне землю. Он отказался, а казаки чуть меня не избили. Возвратился я в аул, поел и заснул... Открываю глаза. Темно, задыхаюсь, давит какая-то тяжесть. Что со мной? Щупаю кругом. Не похоже на постель. Земля. Сырость. Оказывается, лежу в могиле. Тут я понял, что умер и нахожусь на том свете. Неужели прав Хальфе?

Сагатов с Кожяковым невольно рассмеялись.

— Неужели прилетит Джабраил? Тогда мне несдобровать. Обязательно попаду в ад. Страшно! Хочу под-

няться. Руки обмотаны. Рву зубами кебин¹, приподнялся на локти, головою ударился о крышку могилы. Посыпалась земля. Напрягаю последние силы... Вижу голубое небо и солнце... Значит, прав я, а не Хальфе. Правда, он снова хотел меня сунуть обратно в могилу, но дело это у него не вышло!— торжествующе закончил рассказчик.

— Тлеке, вы оставайтесь у меня ночевать!— предложил Сагатов.— А что вам дальше делать, поговорим завтра!

Но Тлеубай отказался. Тронутый вниманием, он прослезился и ушел.

— У него был летаргический сон, а его закопали в могилу, как мертвеца!— пояснил Саха гостю.— Он, действительно, чудом вернулся с того света.

— Кто такой Хальфе?

— Мулла! Фанатик. Предлагал выполнить закон шарията и умертвить «воскресшего» Тлеубая. Вообще, этот случай доставил нам хлопот. Контрреволюционеры использовали его в аулах для разжигания национальной вражды против русских.

Кожакон лениво зевнул и резко переменял тему разговора.

— Где ваш отец, Саха?

— А почему вы интересуетесь моим отцом?— с раздражением спросил Сагатов.

— Кое-кто слышал о нем. Вы знаете, где он сейчас находится?

— Пропал без вести!

— В таком случае, я сообщу вам сюрприз. Ваш отец с басмачами!

Кожакон наблюдал за выражением лица Сагатова. Сагатов не поверил. Вспыльчивый Жунус мог сделать необдуманый шаг, совершить ошибку, но он не мог перейти в лагерь врагов.

— Во-первых, позвольте вам не поверить. А во-вторых, я придерживаюсь завета Абая: «быть сыном не отца, а народа».

— Что вы не сын отца, это, пожалуй, так. Но сделаетесь ли вы сыном народа, это мы увидим, когда казахи в Джетысу получат землю...

¹ Кебин — саван.

Сагатов проводил гостя и пошел к Глафире. Настрое-
ние его испортилось. В самом деле, каждый, с кем он
сталкивается, считает себя вправе хлестнуть его по боль-
ному месту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Одно за другим два страшных бедствия обрушились
на жителей аула Айна-Куль. Пожар уничтожил жилища,
а наводнение — скот. Беженцы пали духом. Кастек их
встретил, как жалмауз¹ в сказке, готовый проглотить жи-
выми...

Бакен, как всегда, первый поднял голос: надо же лю-
дям где-то жить, не будут они валяться под открытым
небом с малышами. Нужно совместно строить саманные
дома каждому пострадавшему по очереди.

Вст почему Гульжан с братом Асхаром поехала в
Кара-ой, к дяде — брату Фатимы. Он был плотником, и
Токей попросил заказать ему форму для отливки кир-
пича.

Дядя очень обрадовался приезду Гульжан и сказал:

— А я сам собирался к вам. Есть вести от Жунуса,
дочка.

— Откуда? — встрепенулась девушка.

— Вчера у меня ночевал сын бая Мукаша, Ораз. Он
ехал из Туркестана, возил жену ночевать на могиле свя-
того Ходжи-Ахмеда-Яссави. Они хотят иметь ребенка.
Он встретился там с джигитом, ездившим в Бухару с
главным имамом мечети. И этот джигит сказал ему: «Ра-
ненный Жунус лежит в кишлаке. Его подстрелили басма-
чи». Как ты думаешь, похоже это на правду?

Гульжан побледнела.

— Когда он выехал из Бухары?

— Месяц тому назад...

Услышав такую новость, Гульжан даже не осталась
ночевать у дяди, решила немедленно вернуться в Айна-
Куль. Она ехала с большой тревогой в сердце. Слезы
блестели на ее щеках. Конечно, Гульжан утаит услышан-
ную новость от матери. Сказать Фатиме — это значит
убить ее... Раздумывая об отце, одного не могла понять
девушка: «Какой же он басмач, если они его ранили?»

Неподалеку от аула Айна-Куль расстроенную Гуль-

¹ Ж а л м а у з — людоед.

жан догнала рессорная коляска, запряженная парой вонных.

— Саха! — радостно завопил Асхар, узнав брата. Мигом спрыгнув с седла, он побежал к коляске.

— Ого, какой ты стал большой! — Сагатов обнял Асхара. С Гульжан он поздоровался по восточному обычаю — и целовал в лоб и представил Кожякову:

— Моя сестра.

Кожяков с любопытством оглядел красивую девушку и оценил: «хороша».

— Уступи мне седло, садись в коляску! — предложил Саха сестре.

Гульжан нерешительно согласилась. Сагатов с Асхаром поскакали вперед.

— Если у джигита счастливая дорога, то навстречу попадаетея сама невеста! — шепнул Кожяков казахскую поговорку, когда Гульжан уселась рядом с ним.

Девушка зарделась и отвернулась. Она уже пожалела, что уступила брату своего коня.

* * *

Фатима, обрадованная приездом сына, захлопотала и забегала. Надо угостить неожиданных гостей.

Саха и Кожяков, выпив кумыса, пошли по аулу.

Айна-Куль жужжала и гудела, как пчелиный рой в разрушенном улье. Люди, лишившиеся крова, ютились под телегами. Вместо посуды они употребляли коровьи рога и черепа верблюдов. Дети бегали голые.

Кожяков останавливался возле каждой семьи, расспрашивал и записывал убытки от пожара.

— А как вы оцениваете вашу потерю? — спросил он молодую женщину с ребенком на руках.

Женщина, удивленная таким вопросом, ответила:

— Моя потеря не имеет цены.

— А все-таки?

— Посмотрите! — молодуха откинула одеяло и показала обезображенное ожогами детское личико.

— Почему не отправили ребенка в больницу? — Кожяков сердито посмотрел на Сагатова.

— Помощь ей оказал врач, а ехать в больницу она отказалась, — ответила за брата подошедшая Гульжан.

— Если бы не она, — женщина указала на Гульжан, — я совсем потеряла бы свою девочку.

Недовольный Кожиков отошел и раздраженно сказал Сагатову:

— Вот и показали себя, какой вы сын народа!

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что вы обрекли на гибель этих несчастных.

Гульжан побледнела и со страхом взглянула на брата. Сагатов холодно ответил:

— Об этом, товарищ Кожиков, поговорим в обкоме.

— Не в обкоме, а в Центральном Комитете!

Для членов комиссии ТуркЦИКа картина была ясна: люди не устроены, последствия провокации не устранены. В чем дело? Сагатов потребовал объяснения от Цун-вазо. Ему бюро обкома поручило устройство беженцев в Кастеке. Почему он ничего не сделал?

Цун-вазо снял шляпу из тонкого войлока, вытер пот с лица и сказал:

— Не могу вам растолковать, в чем дело, товарищи! Какой-то заколдованный круг получается! Наш первый проект — расселить пострадавших временно по аулам, а затем построить новый поселок, — потерпел провал. Сначала на общем собрании жителей аула договорились, что люди пока будут жить в других местах. Но потом все, как один, отказались. Словно кто уговорил их. Тогда мы стали осуществлять второй проект. Разослали уполномоченных по аулам для сбора и закупки юрт, шалашей и скота в помощь пострадавшим. Но наткнулись на упорное сопротивление баев. Наконец уполномоченный ТуркЦИКа товарищ Сугурбаев предложил третий проект. Его и проводим сейчас в жизнь.

— Это какой? Жить под открытым небом?

— Пока жить, кто где может, в шалашах, под телегами. А тем временем строить саманные дома.

— Почему этот вопрос не согласовали с обкомом? — спросил Сагатов.

— Я написал вам. Но ответа до сих пор не получил.

— Когда писали?

— С неделю назад.

Сагатов задумался: куда девалось письмо? Неужели Цун-вазо врет? Что-то тут неладно!

— Где Сугурбаев?

— Живет в Кастеке.

Сагатов нахмурился.

— Поезжайте в соседние аулы и проводите сбор скота в помощь пострадавшим. С комиссией побуду я.

— Хорошо!— согласился Цун-вазо.

И вот Сагатов приехал в аул. Гульжан молча следила за братом. Она не понимала, как может он отвечать за пожар?..

Улучив удобную минуту, девушка поделилась новостью с Сахой.

— Есть весть об отце!

Гульжан была уверена, что брат выслушает ее с интересом, но ошиблась.

— Какая?— спросил он равнодушно.

— Месяц назад отца видели в кишлаке на Бухарской стороне, его ранили басмачи.

— Басмачи?— переспросил Саха.

— А говорили, что он сам басмач!— с недоумением произнесла Гульжан.

«Сам басмач... Так, наверно, говорят и в ауле...»— подумал Саха и спросил:

— Что же ты хочешь?

— Может, пошлем за ним?— Гульжан смахнула с глаз слезы.

— Ты матери сказала?

— Нет.

— Не надо. А насчет того, чтобы послать человека, подумаем. Но только стоит ли?

Гульжан смотрела ему в глаза и думала:

«Стоит ли? И это говорит родной сын?..»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сугурбаев прикатил в Айна-Куль на двуколке Сотникова. Вид у него был растерянный.

— Ну, как идут дела?— спросил Кожяков, усадив гостя на ковер рядом с собой.

— Плохо!

— Почему?

— Нельзя работать. Бьют по рукам.

— Кто?

— Ваш Сагатов да еще Басов, председатель ЧК.

— За что же?

Сугурбаев заговорил торопливо, словно боясь, что его прервут и не станут слушать.

— Вы видели, как живут несчастные беженцы? Давно надо было выселить станичников из Кастека и отдать их дома казахам. А ваш Сагатов виляет, боится обидеть русских.

Кожяков хмуро молчал.

— А Басов! Это же секира! Не разбирается и рубит всех подряд. Сейчас в Кастеке производит дознание: кто поджег аул. Хочет запутать землемера и меня. Прошу вас вмешаться...

— Хорошо. Но скажите, кто, по вашему мнению, устроил поджог?

— Русские, казаки. Правда, возникло еще подозрение: не замешан ли кто-нибудь из беженцев.

— Из беженцев? С какой целью?— Кожяков в недоумении пожал плечами.

— Видимо, мстят русским.

— Чепуха! Мстят русским, а поджигают свой аул?

— Ветер, говорят, не в ту сторону дул...

Не успел Сугурбаев уехать, как к Кожякову пришли с жалобами аксакалы. В один голос они требовали выселения казаков из Семиречья! Явился и Бозтай с заявлением на Бакена. В то утро, когда загорелся аул, Бозтай видел Бакена на берегу озера. Как раз через несколько минут и начался пожар. Значит, дело его рук. Он разжигал костер...

— А с какой стати он стал бы предавать огню свой родной аул?

— Он целился на Кастек. А ветер в тот день дул со стороны станицы.

— Кто он такой, этот поджигатель?

— Друг Жунуса, отца Сагатова.

Бозтай зашептал с таинственным видом:

— Есть один человек, он знает о нем много. Поговорите с ним.

— Хорошо. Пусть придет...

Бозтай побежал за Хальфе и сам привел его к Кожякову.

— Сын мой, я много слышал о тебе!— начал мулла.— Пусть твоим мыслям сопутствует всевышний. Аминь!

— Пусть исполнится ваше желание!— по старому обычаю ответил Кожяков на благословенные муллы.— Мне сказали, вы хорошо знаете отца Сагатова?

— Аминь. Знаю с детства. Он учился у покойного Калыр-муллы. Я часто угощал его розгами за ослушание.

Он бросил школу и стал высказывать еретические мысли. На него нельзя положиться, как на мусульманина.

— Говорят, Жунус не любит русских?

— Бог свидетель моим словам! Человек сомнительный. Его отдали на поветение имаму Агзаму. Он должен вернуть Жунуса на путь истины.

— А сын его?

— Саха? Безбожник. Продался русским, хочет жениться на русской и принять их веру.— Глаза Хальфе гневно сверкнули.— Кафиры отобрали нашу землю и выживают нас. А Саха на их стороне. В мечети мы его предали проклятию. Он теперь не мусульманин. Но мы позаботимся сохранить его душу для ислама...

Кожакон опешил. При нем, представителе власти, мулла не стесняясь выражает готовность уничтожить коммуниста.

— Мулла,— сказал Кожакон, поднимаясь,— если я еще раз услышу такие слова, я вас велю арестовать!

— Мои мысли внушены мне свыше, сын мой, и ничем меня не напугать. Я давно готов ко всему: к тюрьме и к смерти. В тюрьме я повоюю с врагами, а в смерти мое тело обретет покой. Аминь!

И Хальфе ушел мелкими шажками.

* * *

Вечером к Сагатову зашли Вера Павловна, Бакен и Гульжан. Саха взглянул на бледное, расстроенное лицо сестры.

— Нездоровится?— спросил он.

— Нет,— замялась Гульжан.

Вера Павловна сказала:

— Мы пришли по важному делу, товарищ Сагатов. Над Бакеном нависла опасность.

«А при чем Гульжан?— подумал Саха и сразу догадался:— Она же любит его!»

— Обвиняют в поджоге аула.

— Кто?

— Возтай. Он написал заявление, указал свидетеля.

— Это какой Возтай? Торгаш, спекулянт?

— Да, да бахалши!— подтвердила Гульжан.

— Вообще негодяй!— добавила Вера Павловна.— Други с Сотниковым и с разной контрой...

Сагатов предложил Бакену закурить.

— Ты, я вижу, повесил нос, джигит?

— Поневоле повеснешь, когда в ЧК попадешь! — буркнул в ответ Бакен. — Я беспартийный...

— ЧК страшна для контрреволюционеров! — нахмурился Саха. — А ты честный человек, и бояться тебе нечего.

— Он не боится, но это же безобразно! — сказала с возмущением Вера Павловна. — Я понимаю, Басов арестовал Сотникова, он отъявленный контрреволюционер. Конечно, он мог и аул поджечь. Но при чем тут Бакен? Почему порочат его имя?

— Вера Павловна, не волнуйтесь! — Саха взял учительницу за руку. — Вы знаете русскую поговорку: «На чужой роток не накинешь платок». Мы Бакена знаем. Но раз Бозтай подал заявление, Басов обязан его проверить. Если оно ложное — Бозтаю не поздоровится. А ты, Бакен, не падай духом. ЧК разберется во всем.

* * *

На другой день Сагатов беседовал со стариками аула Айна-Куль на поляне близ озера. Старики слушали и мрачно молчали.

— Вы знаете меня! — говорил Саха. — Я вырос у вас на глазах. Скажите, почему вы не хотите временно перейти на другое место? А в Айна-Куле постепенно можно будет построить дома. Советская власть поможет вам...

Первым выступил Хальфе. Огромная, туго закрученная на голове белая чалма выделяла его из толпы. Глаза настороженно скользили по лицу Сагатова. Клинообразная борода муллы тряслась. Он начал с восхваления пророка, а потом заговорил страстным голосом:

— Мы не можем жить в соседстве со злыми людьми! Мы хотим, чтобы возвратили нам нашу исконную землю. Мы хотим, чтобы в Туркестане жили только одни казахи! Мусульмане не будут терпеть издевательств иноверцев! Великий пророк предупредил своих потомков, возвратив с того света безбожника Тлеубая. Но вы не вняли его голосу, не поверили. Тогда аллах в наказание послал каменный поток — божья кара! Берегитесь, мусульмане! Если еще в вашей душе тлеет хоть искра веры, то отомстите кафирам за пожар! Аминь!

Хальфе воздел руки к небу. Аксакалы зашептали молитвы.

Тогда Сагатов сказал председателю уездного исполкома:

— Товарищ Мусин! Возьмите с собой муллу и поговорите с ним в юрте, пока мы кончим нашу беседу.

Воцарилась гробовая тишина. Все насторожились. Мусин подошел к мулле.

Хальфе завопил:

— О аллах! Накажи заблудившегося Саху, сына Жунуса! Чтобы его душа попала в ад!

Мусин тянул муллу за рукав. Хальфе упирался и продолжал проклинать Саху. С трудом удалось увести его в юрту. На середину круга вышел беженец, снял шапку из старого каракуля и вытер пот с лица.

— Я не хочу заниматься пустой болтовней!— сказал он.— Сын Сугурбая из Узун-Агача требует, чтобы мы силой отобрали у русских Кастек. У Сахи, говорит, сердце зайца, а мысли, как кочующие тучи,— куда подует ветер, туда и устремляются. Правда это?

Саха слегка побледнел. Стараясь не выдать своего волнения, он ответил, усмехнувшись:

— Состарившийся пес лает на хозяина! Сугурбаева вы знаете не хуже меня. Он хочет толкнуть вас на беззаконие.

— Ну, хорошо, Сахажан, пусть будет по-твоему. Но скажи, почему казаки сожгли наш аул и лишили нас последнего крова? Фольбаум отобрал левый берег речки Кастек, каменный поток забрал скот, а пожар — наш кров. Ты же нам обещал хорошую жизнь, когда встречал нас на этом месте. Где она?

Сагатову пришлось выдержать сильную атаку. Все высказывали свои обиды.

Саха слушал и думал: «И они правы». Когда кончился поток горьких упреков, Сагатов сказал:

— Ваши обиды справедливы. Но вы должны понять: земельный вопрос очень сложный. Его нельзя решить так, как советует Хальфе. Надо учесть интересы и казахов и русских, чтобы было справедливо для обеих сторон. Для чего враги подожгли аул? Хотят столкнуть вас со станичниками, как в шестнадцатом году. Подождите еще немного — и вы получите свою землю. Поджигателей мы тоже найдем.

Не успел Сагатов закончить свою речь, как появился Нашен. Его привели под руки два джигита.

— Ты меня забыл, сын мой!— сказал с укором акын.

Сагатову стало стыдно и досадно. В самом деле, он

оставил без внимания больного старика. Разве все удержишь в голове? Почему никто не напомнил ему?

— Я вас не забыл и не забуду. Но мне сказали, что вам лучше и вы ходите.

— Да, сейчас немного... лучше. На днях чуть не стогрел. Если бы не Гульжан...

— Как приеду в Верный, обязательно прищю за вами подводу. Будем в городе вас лечить!

— Мне лечиться поздно! Лучше поговорим о Бакене! — сказал акын. — Почему черные вороны каркают на него? Разве джигит не проливал кровь за счастье нашего народа? Посмотрите на него!

Нашен оглянулся вокруг, но Бакена в толпе не было.

...Закончив беседу, Сагатов направился к матери. По дороге его встретила взволнованная Гульжан. Лицо ее пылало, на глазах блестели слезы.

Саха встревожился:

— Что случилось?

— Бакена арестовали!

Сагатов этого никак не ожидал.

— Кто?

— Вера Павловна сказала, что ЧК...

— Я сейчас еду в Кастек. Разберемся.

Ответ брата не удовлетворил Гульжан. Саха спокоен, словно ничего не случилось. Неужели он ни о чем не догадывается...

Гульжан зашла в шалаш к бабушке Кудан, бросилась на кошму и разрыдалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сагатов приехал в Кастек вечером.

В просторной пустой школе чекисты допрашивали кулаков. Саха разыскал Басова. Председатель ЧК только что закончил допрос Бакена.

Поздоровавшись с Сагатовым, Басов сказал:

— Вера Павловна очень нам помогла. Почти у половины станичников нашли оружие, у одного оказался даже пулемет. Запасливый, гад!

— Это кто же?

— Хорунжий Сотников. Самый главный заправил!

Басов стал знакомить Сагатова с ходом дознания.

— Дело Бакена запутанное. Бозтай подписал про-

токол допроса, уличающий его в поджоге. Второй свидетель, охотник, подтвердил показания Бозтая. Пришлось взять Бакена под арест.

Сагатов вопросительно поднял брови.

— Тут лисий ход. Хотят направить нас на ложный путь. Но... в интересах дела Бакену придется посидеть!

Зная привычку чекистов не говорить лишнего раньше времени, Саха не стал задавать никаких вопросов.

— Пойдем пить чай к Вере Павловне,— предложил Басов,— устал зверски...

— А не поздно?

— Ничего, она приглашала.

Вышли во двор. Холодный ветер со свистом кружился по темным, пустынным улицам станицы.

— Ну и темень!— сказал Басов, беря Сагатова под руку.

Не успели они пройти и десяти шагов, как над самым ухом прогремел выстрел, другой. Сахе показалось, что его кто-то толкнул в грудь. В глазах потемнело, закружилась голова. Он слабо вскрикнул и упал.

Басов выхватил револьвер и дал ответный выстрел.

Сагатов тяжело стонал. Басов торопливо ощупывал его лицо и руки. Как будто целы — кровь не липнет. Растегнул рубашку. На левом боку влажно. Кажется, ранен в грудь.

Со стороны школы послышался топот ног. Басов различил в темноте силуэт человека.

— Кто?

— Я, товарищ начальник!— ответил голос следователя.

Через минуту-другую прибежал и председатель станичного Совета. Стал собираться народ.

— Возьмите на руки товарища Сагатова и живо в дом!— скомандовал Басов.

— Куда?

— Куда? В любой... И позовите фельдшера! А остальные — за мною!

Басов приказал обыскать все ближайше дома, но поиски ни к чему не привели — преступник скрылся.

Сагатов пришел в сознание. Рана была слепая, в грудь. Раненого решили немедленно везти в город в больницу.

Через несколько минут пара гнедых мчалась в Верный, увозя Сагатова.

Через два дня после покушения на Сагатова Басов вернулся из Кастека в Верный. Здесь его ждал секретный пакет Туркчека, присланный из Ташкента. Басов читал не отрываясь, жадно глотая строку за строкой.

«...Кастекские события нельзя рассматривать изолированно, они входят в цепь продолжающихся провокаций иностранной разведки, действующей в Семиречье при помощи правых эсеров, атамана Анненкова и его подручных.

Предупреждаем вас, чтобы вы обратили особое внимание на события в Кастеке, ибо это не конфликт местного значения. Следует искать пути, ведущие к заграничным агентам. По нашим данным, из Кашгарии через границу переброшено несколько шпионов с целью вызвать восстание в Семиречье, дабы оттянуть войска товарища Фрунзе из-под Бухары. В цитадели Бухары ждут сигнала из Верного, чтобы начать наступление на Ташкент».

Басов несколько раз перечитал письмо, вдумываясь в каждое слово. Вот где открывается завеса!

Председатель ЧК не мог усидеть за столом. Он ходил по кабинету из угла в угол в большом раздумье, взвешивая события последних двух дней. Арестованный Сотников сбежал, когда его везли в Верный. Проморгали конвоиры, что-то подозрительно! Не нарочно ли? Теперь потеряна ниточка, тянувшаяся к Сугурбаеву. Покушение на Сагатова сбивало с толку. Трудно было понять, кому предназначался выстрел — Сахе или ему, Басову. Землемер Фальковский вызывает самые серьезные подозрения. Старый эсер, но выдает себя за беспартийного... Держится осторожно, за спиной других, улик на него нет никаких. Возтай, конечно, простое орудие в руках врагов. Бакена он ненавидит за Гульжан, но нет ли тут еще чего-нибудь, кроме ревности? Не Хальфе ли подучил Бозтая написать заявление? Как распутать этот узел?

В дверь раздался осторожный стук. Вошел секретарь и доложил, что представитель ТуркЦИКа Кожяков просит Басова срочно зайти к нему в обком.

— Хорошо!

— И Басов отправился, не теряя времени, зная, что дело касается Кастека.

Кожяков, хмурый, расстроенный, стоял у окна в кабинете Сагатова и грыз ногти.

— Ну как, обнаружили террориста?— спросил он, протягивая руку.

— Это какого?

— А того, кто стрелял в Саху.

— Пока нет.

— Это дело рук муллы Хальфе!— сказал Кожак, глядя в упор на председателя ЧК.

— Откуда вам известно?

— Фанатик. Убежденный враг.

— Врагов кругом много.

— Мне он сам сказал.

— Когда?— Басов не смог скрыть своего изумления.

— А когда я был в Айна-Куле. Хальфе говорил, что Сагатов продан русским и в мечети подвергли его проклятию.

— От проклятия до обреза есть все же расстояние...

— Мулла — убежденный враг. И свои взгляды не скрывает. Спросите любого казаха в Айна-Куле.

На этом беседа их закончилась. Басов, возвращаясь в ЧК, задумался. Почему Кожак не сообщил о Хальфе раньше? Очевидно, мулла высказал ему свое намерение уничтожить Сагатова, а Кожак не придавал его словам значения. А когда Хальфе осуществил свой замысел, Кожак, как трус и карьерист, решил опередить события. Выгодно заявить самому о Хальфе, а не быть упомянутым муллою на допросе. Но почему Хальфе открыто высказал свое преступное намерение Кожак? Что его побудило совершить такой неосторожный шаг?

На другой день по приказу Басова в Верный привезли арестованного Хальфе. Председатель ЧК решил сам допросить муллу.

Без обычного стука открылась дверь. Хальфе вошел в сопровождении следователя и конвоира. Басов окинул муллу изучающим взглядом. Арестованный держался с достоинством, спокойно. Поступь мягкая, кошачья. Следователь остановил его посередине комнаты. Хальфе заморгал близорукими глазами, стараясь разглядеть лицо председателя ЧК. Басов отослал конвоира.

Хальфе выдержал острый, прощупывающий взгляд Басова.

— Садитесь! Вот сюда!

Мулла опустился на стул.

Молча они смотрели друг на друга, словно бойцы перед поединком.

— Мы знаем, что вы были уважаемым человеком в Джетысу. К вашему голосу прислушивались все казахи! Следователь-татарин перевел слова Басова. Хальфе в знак согласия кивнул головой.

— И мы знаем о вашей деятельности: вы — ярый враг Советской власти.

— Не Советской, а русской,— поспешно поправил мулла.

— Почему?

— Разве вам не известно, какие злодеяния совершают русские?

«Крепкие клыки у этого муллы!»— подумал Басов и сказал:

— Ваша ненависть к русским понятна, Хальфе, но почему вы подослали человека убить казаха Сагатова?

Хальфе прошептал под нос молитву и ответил:

— Он продался неверным. Аминь!

— Понятно. А кого вы послали убить Сагатова?

Хальфе, повернувшись к следователю, торжественно ответил:

— Убивший изменника веры займет достойное место в раю. Его имя, любимца пророка, свято.

— Если вы не назовете сейчас имя этого «любимца», сами сядете на скамью подсудимых!— сурово произнес Басов.

— Я раб божий. Готов на любое страдание за веру.

— Охотно верю, мулла. Нам хорошо известно: все, что делалось в Кастеке в пользу ислама, дело ваших рук. Правда ведь? Не надо скрывать. Мы знаем, что вы заявили Кожякову, представителю Советской власти из Ташкента, а также... Сугурбаеву о своём намерении убить Сагатова.

— Слава аллаху! Как ревностный защитник веры, я сказал им: мечеть послала проклятье, и он, Сагатов, как мусульманин, вне защиты. Аминь!

— Значит, вы покушались на Сагатова?— обрадовался Басов.

— Аминь!— подтвердил мулла.

— Вы подпишете протокол?

— С чем?

— Что покушение на секретаря обкома партни Сагатова совершено по вашему указанию.

Хальфе отрицательно замотал головой.

— Вы же сами сейчас при следователе сознались, что покушение совершено с вашего ведома?

— Я этого не сказал. Я только разъяснил вам: шарнат оправдывает человека, убившего изменника веры. Он заслуживает уважения всех мусульман, и мы его защитим. А как ревнитель веры я готов нести ответственность за последствия этого святого дела.

Хальфе вытащил из кармана четки, стал перебирать их, шевеля губами.

— Скажите, кого вы послали для убийства Сагатова? Этим вы искупите свою вину. Мы знаем, что вы достали ему ружье... Он сам сказал...

— У меня в руках Коран, а не ружье!

— Вы взяли его у Сугурбаева?

Хальфе съежился.

— Нет.

— Покушался Бозтай! Не так ли?

Хальфе встал.

— Астайралла!¹ Я могу сказать о себе, что это совершил я.

По лицу Басова пробежала тень недоумения.

— Я сейчас вам дам очную ставку. Он подтвердит, что вы его уговорили убить Сагатова. Как вы можете идти против своей совести, «святой человек»?

— Он этого не скажет.

— Почему?

— Я его не уговаривал.

Басов велел следователю привести Бакена.

— Знаете его?

Хальфе вздрогнул.

— Да!

— Значит, это он поджег аул Айна-Куль?

— Будь справедлив, аллах! Я этого не говорил!

— Зато он сказал, что вы подослали его убить Сагатова.

— Неправда!— вскрикнул Хальфе.— Я знал, что мусульманин Бакен на ложном пути. Его испортил еретик Тлеубай.

— Скажите, Бакен, что вы знаете про Хальфе?— спросил Басов.

Бакен посмотрел с презрением на муллу:

— Хальфе — враг советского строя.

¹ О, помоги, аллах!

— Враг русских! — поправил Хальфе после перевода следователя.

— «Сон Тлеубая» он толковал, как предупреждение аллаха, — сказал Басен. — А «каменный поток», по его словам, — кара за невыполнение воли аллаха. Он призывал мусульман поднять восстание!

— Правда? — спросил Басов, повернувшись к Хальфе.

— Да.

— Дальше.

— Хальфе с Сугурбаевым уговаривали беженцев резать русских!

— Правда?

— Да.

— Дальше.

— Хальфе уговаривал джигитов убить Сагатова.

— Не так! — Хальфе вскочил.

— Сядьте! — приказал Басов. Следователь усадил муллу.

— А как?

— Я только дал разрешение мечети. Сказал, что душа убитого изменника веры будет в раю.

— Это все равно. По закону вы считаетесь тоже убийцей, а Сугурбаев помогал, дал ружье...

— Пусть будет по-вашему!

— Значит, вы, Хальфе, встречались с Сугурбаевым?

— Да.

— И говорили о Сагатове?

— Да.

— Решили убить?

— Этого я не сказал!

— А кто сказал, Сугурбаев?

— Да.

— А кого вы подослали?

— Этого я не скажу: его имя свято!

— Скажете!.. Я вам развяжу язык!

Глаза Басова метнули искры. Он поднялся из-за стола...

* * *

Слух об аресте Хальфе взволновал весь округ. Близкие друзья его — бан и муллы — послали гонцов во все стороны: в Туркестан, в мавзолей Ходжи-Ахмеда-Яссави и в Ташкент к знакомым. В гостиницу к повару Кожаква рано утром привезли из аула свежезарезанного бара-

на со всеми потрохами и сабу кумыса. Посланец просил передать, что хозяин провизии зайдет вечером.

Кожакон не придавал значения этому подношению. У казахов такой обычай: дальний родственник, желая установить тесное общение, подносит почетному гостю угощение: баранину с кумысом. Кожакон не удивился, когда к нему явился Бозтай. Он помнил его по Кастеку. Кажется, Бозтай приходил с жалобой.

— Садись, мирза-еке¹,— предложил Кожакон.

— Я только сегодня утром узнал, что вы родом из наших мест!— сказал Бозтай.— До этого шел слух, что вы из Туркестана.

Кожакон многозначительно улыбнулся.

— И то и другое правильно, мой брат. Родился здесь, жил в Туркестане.

Бозтай перевел разговор на Хальфе.

При упоминании имени муллы Кожакон почувствовал себя неловко.

— А что с ним?

— Арестовали.

— Слышал.

— Клевета. Все дело подстроено. Вы же беседовали с Хальфе. Это честнейший человек. Ничего не утаит. Сболтнет, и все.

— Знаю — болтун.

— Мы просим вас заступиться за него. Действительный преступник... Помните поджигателя, о котором я вам говорил?

— Чувствую, личные счеты. Но помочь здесь я не в силах. Власть — на местах. Обещаю помочь, когда приеду в Ташкент! Пишите туда. Хлопочите, поддержу!

— Спасибо!— Бозтай низко поклонился, приложив руки к груди. Пятясь задом, он открыл дверь и исчез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1

Имам Агзам в сопровождении Жунуса пробирался через Гиссарские хребты к Ибрагим-беку, в лагерь басмачей.

С Памира дул порывистый ветер. Собирались тучи. Дорога вилась по краю пропасти, следуя за изгибами

¹ Здесь — почетный человек.

горного хребта. Над путниками нависали скалы, готовые обрушиться. Далеко внизу бурлил грозный Кафиринган. Жунус озирался вокруг, вспоминая известное предупреждение таджиков: «Путник, будь осторожен, ты здесь, как слеза на реснице». Глиняные домики, словно птичьи гнезда, облепили отвесные скалы на склонах гор. По еле доступным тропинкам брели отары овец. Жунус с легкой завистью смотрел на безрогих, горбоносых, с длинными тонкими ушами гиссарских овец, взбиравшихся на высокогорные альпийские луга. Хорошо бы завести таких овец в заилийских горах!.. Наступили сумерки, ехать стало опасно. Проводник предложил имаму переночевать. Привязав коней, путники легли у скалы.

Усталый Агзам быстро захрапел. Жунус долго не мог заснуть. Не спал и проводник. Жунус заговорил с ним. И проводник рассказал об Ибрагим-беке.

В Гиссаре, Гарме и Дарвазе Ибрагим-бек — царь и бог. Его окружают отчаянные головорезы — конокрады и воры, люди собачьей преданности. Народ называет Ибрагим-бека «большим басмачом», бухарский эмир Сеид-Алим-хан — «царем воров». Сам Ибрагим-бек именуется себя локайским беком и не скрывает, что он враждует с Сеид-Алим-ханом. Он живет в горах, как в неприступной крепости. Туда ведет только одна дорога, непроходимая для его врагов. Послы эмира или проваливаются в пропасть, не доезжая до «локайского бека», или безвозвратно исчезают в крепости.

У Жунуса по спине пробежали мурашки.

— А как доберемся мы?

— В крепость проберемся. Они меня хорошо знают. Вот как дальше...— Проводник понизил голос до шепота.— Все зависит от вас самих и от ваших подарков.

— Каких подарков?

— Что вы ему везете — золото или хорошую весть? Если неприятность, то лучше вам вернуться назад.

Жунус умолк. Он недоумевал. Странно, что же хочет эмир от «царя воров». Имам Агзам молчит, словно набрал в рот воды.

Переночевав под самыми облаками, они пробрались в лагерь Ибрагим-бека. Вождь басмачей принял послы эмира холодно. Он сидел на тахте, опершись рукой о бедро. Следуя за имамом, Жунус успел заметить длинные черные усы Ибрагим-бека, взметнувшиеся, как крылья хищной птицы; глаза сурово смотрели в упор.

Не выдержав взгляда, имам сел там, где остановился. Жунус последовал его примеру.

Ибрагим-бек троекратно хлопнул в ладоши. Из боковой двери вбежал рослый джигит и застыл у дверей.

Агзам представляется:

— Я, раб божий, главный имам мечети Ходжи-Ахмеда-Яссави в Туркестане, посол эмира Сенд-Алим-Богадур-хана Бухары, Агзам, сын Исламбека.

Пока имам перечислял свои титулы, Ибрагим-бек перевел тяжелый взгляд на Жунуса.

Агзам продолжал смиренным тоном, сложив руки на груди:

— Наступило страшное время для мусульман. Кафиры лавиной движутся на Восток. Сегодня в их руках Ташкент, завтра они возьмут Бухару и откроют путь через Кабул на священную Мекку. Сенд-Алим-Богадур-хану во сне явился сам пророк и сказал: «Останови нашествие!» И он поручил мне передать вам — Жулбарсу¹ Памира — просьбу забыть прошлые обиды, если угодно аллаху. Аминь.

Ибрагим-бек молча взял с круглого столика серебряную зубочистку, поковырял в зубах и заговорил не спеша:

— Музафар-хан захватил локайское бекство и присоединил к эмирату. Отца моего он держал в черном теле. А его сын Сенд-Алим-хан хочет сжить меня со света...

Ибрагим-бек задохнулся от внезапного прилива злости и снова троекратно ударил в ладоши. Джигит исчез, но тут же вернулся с кувшином вина и на коленях поднес своему повелителю. Ибрагим-бек схватил кувшин и, запрокинув голову, стал пить. Имам и Жунус следили, как шевелился кадык на бронзовой шее вождя басмачей и как клокотало вино в горле.

Наконец Ибрагим-бек удовлетворил жажду и передал кувшин имаму. Выпив содержимое до дна, Агзам передал кувшин Жунусу. Тот пригубил, но, поняв, что он пуст, отставил в сторону — не передал в руки джигиту, как это полагалось по обычаю.

Вино оказало свое действие. Ибрагим-бек не говорил, а кричал:

— Эмир боится русских?! Не понимаю! Он же пол-

¹ Жулбарс — тигр.

ковник русской армии! Учился в Петербурге! Дружил с русским царем!..

— Теперь не те русские!— почтительно вставил имам.— Русские одни не страшны, но они ведут за собой «плохих мусульман». Это — страшно! Лучше сейчас забыть мелкие ссоры и обиды. В Коране сказано: «Наступит конец света, и голодные будут уничтожать сытых».

Ибрагим-бек громко расхохотался.

— По-вашему, дорогой гость, выходит, что уже приблизился конец света? Тогда нам не к чему вести разговор. Пусть будет по велению бога!

Имам понял свою оплошность и решил ее сгладить.

— Надо понимать Коран, дорогой бек!— льстиво произнес Агзам.— Великий Магомет требовал от мусульман понимать Коран сердцем, постигать суть, а не зубрить наизусть отдельные изречения. Эмир хочет спасти мусульман от нашествия голодных русских. Поэтому и просит забыть на время раздоры и поспешить на помощь со своими славными джигитами...

Агзам встал и низко поклонился, коснувшись пальцами пола.

— Я давно передал свое желание Сенд-Алим-хану!— ответил Ибрагим-бек.— Я готов вести его войска против русских при условии, если зеленое знамя Магомета будет вручено лично мне. Тогда я буду насаждать ислам кинжалом и шашкой, как непобедимый Али¹. Мне известно, наш эмир не умеет бороться с «плохими мусульманами». Он спугнул их, как неопытный охотник уток. Я говорю о джадидах, имам!

Агзам слушал и подобострастно кивал головою. А Ибрагим-бек долго с жаром доказывал, что он, на месте эмира, головы «плохих мусульман» преподнес бы на блюде матерям, родившим таких сыновей.

Жунус не выдержал:

— Матери не рожают плохих мусульман, бек! Такими они делаются. В этом повинны мы, отцы...

В глазах имама промелькнул испуг. Он знал дерзкий язык своего спутника. Как бы этот дурак не наговорил лишнего.

Ибрагим-бек остановил внимательный взгляд на Жунусе. Широкий казахский халат с бархатным отложным

¹ Али-халиф — полководец у Магомета.

воротником и нечистый узбекский выговор сразу выдали его происхождение.

— Кто ваш спутник?— спросил Ибрагим-бек имама.

— Мусульманин Жунус из Джетысу. Один из вожakov шестнадцатого года.

— Казах? Какне же казахи мусульмане!— брезгливо произнес Ибрагим-бек.— Они забыли законы ислама.

— Астапыралла!— взмолился оскорбленный имам.

Жунус тоже обиделся. Он заговорил глухим голосом:

— Ходить в мечеть и читать молитвы— это еще не доказательство верности исламу...

Ибрагим-бек не стал слушать. Он резко спросил:

— У вас есть басмачи в Джетысу? Режут они кафиров?

— Нет.

— Тогда не будем говорить о мусульманстве казахов.

Имам поспешил переменить тему разговора. Он скомкал беседу и поторопился уйти, чтобы спасти своего спутника.

Жунус вышел расстроенный. Конечно, Ибрагим-бек не может встать во главе народа. Он не орел, а хищник. Орел не охотится за падалью.

Жунус даже не откликнулся на приглашение имама подкрепиться пловом. Он отправился на окраину кишлака. Под тенью чинары сидели джигиты Ибрагим-бека и шумно играли в карты. Бородач с разорванными губами поднял голову, посмотрел в упор на Жунуса и толкнул локтем соседа. Тот прикинул охотничьим взглядом, есть ли смысл раздеть и разуть незнакомца. Жунус понял этот взгляд и поспешил отойти...

На другой день утром Жунуса разбудил переливчатый звук карная¹. Он вскочил и вышел на улицу.

Два таджика стояли у ворот и трубили в трехметровые карнаи. По их зову собиралась многочисленная свита Ибрагим-бека.

— Куда они?— спросил Жунус у подошедшего имама.

— Едут охотиться...

— На дехкан?— наивным голосом спросил Жунус.

Имам понял насмешку. Он сердито посмотрел на Жунуса и ничего не ответил...

В тот же день к вечеру Жунус встретил узбека, приехавшего к Ибрагим-беку с жалобой. Они разговорились.

¹ Карнай — музыкальный инструмент.

— Трудно сейчас жить в кишлаках!— сказал узбек.— Отбирают одежду, коней и все, что плохо спрятано. Мой дядя Усман-ака отказался отдать последнего коня. Ему отрубили шашкой голову... Скажите, дорогой, когда кончится это?

— Когда народ протрет себе глаза!— ответил Жунус.

Он понял: Ибрагим-бек ищет личной наживы, мусульманская религия — только щит для прикрытия темных дел.

Жунус рассказал имаму, что мусульманину-узбеку не удалось понасть к Ибрагим-беку. Стража не допустила его к нему.

— Грабеж среди белого дня!— закончил он свой рассказ.

Агзам вздрогнул и торопливо прикрыл его рот ладонью:

— Тише ты...

Больше имам не брал Жунуса к Ибрагим-беку.

Через три дня они выехали обратно. Поездка кончилась благополучно к явному удивлению проводника.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В Бухаре имам обещал устроить Жунусу свидание с эмиром и показать его дворец. Он велел Жунусу подойти днем к воротам цитадели. Когда Жунус пришел, на часах у ворот дворца стрелка показывала двенадцать, а сейчас — два.

Вначале Жунус сидел у ворот дворца недалеко от помещения охраны, на лестнице. Постепенно спускаясь все ниже и ниже, он очутился на первой ступени.

Тщеславный Жунус был уверен, что с ним эмир будет считаться, как с известным джетысуйским казахом. Он не знал, что имам преследовал другую цель — представить Жунуса посланником Большого жуза¹, готового оказать помощь Бухаре. Агзам хотел этим шагом укрепить свое положение во дворце. За Жунусом, дескать, стоит народ, а сам Жунус — послушный исполнитель воли имама.

Верховный судья, в свою очередь, согласился пока-

¹ Раньше Казахстан территориально делился на три жуза. Семиречье входило в Большой жуз.

зять Жунуса эмиру, чтобы использовать его для нажима на казахов Нуратинского бекетва эмирата.

Обида, горькая обида давила грудь Жунуса. Он вспоминал прожитую жизнь. Сколько раз он рисковал ею. И для чего? Чтобы обречь себя на изгнание и, подобно нищему, стоять у ворот дворца? Почему Жунус не пошел за большевиками, как его сын или как Токаш Бокни? Может быть, у них настоящая правда?

Он вспомнил вчерашний разговор с имамом. Агзам сказал, что Сугурбаев находится в Бухаре. Какой ветер занес его сюда? Видно, не сумел, собака, приластиться к новым хозяевам. Имам передал печальные вести, привезенные Сугурбаевым из Джетысу. Погиб родной аул Айна-Куль. Горный поток погубил весь скот, станичники напали на казахов и устроили резню. А Саха, вместо того, чтобы стать на защиту своих единоверцев, велел арестовать Хальфе. Говорят, муллу пытали в ЧК и умертвили... Хальфе не жалко, плохой человек. Но что стало с Фатимой и детьми? Надо обязательно повидать Сугурбаева и расспросить...

Так размышлял Жунус, сидя у ворот дворца. Прошел еще час. Жунус встал. В его глазах всякий прочитал бы досаду и гнев. Он готов был уйти, не дождавшемся Агзама.

А в это время имам искал ученого шейха Мухитдина-ибн-Аль-Араби, приехавшего из Индии для помощи мусульманам в борьбе с большевиками. Он надеялся через него добиться разрешения Жунусу войти во дворец и представиться эмиру.

Ученый шейх медленно прогуливался по виноградной аллее, ведущей от дворца к главному хаузу. Он срывал на ходу небольшие кисти винограда и лакомился ими. В этот солнечный день Мухитдин-ибн-Аль-Араби был недоволен своей тенью — полковником Терренсом, а Терренс, в свою очередь, святым шейхом. Оружие из Ирана поступало с большими перебоями — мешали невидимки-партизаны. Единственная надежда оставалась на афганских стрелков, прибывших в Бухару на помощь сорокатысячной армии эмира.

Ученый шейх подошел к хаузу и спустился по лестнице. На поверхности зеленовато-грязной воды кишели жуки, бабочки и черви.

Мимо прошел начальник дворцовой охраны. Он искал Агзама, чтобы сообщить ему о приезде казаха Жунуса и

спросить, можно ли пропустить его во дворец. Как будто имам вызывал Жунуса.

Начальник охраны слащаво улыбнулся шейху, как дорогому гостю, и мерной поступью скрылся в саду. На груди у него красовался орден Искандер салис¹, золотая звезда с бриллиантами и темно-синей лентой. Он имел чин ишана². Этот чин эмир давал только особо преданным любимчикам, не считаясь ни с образованием, ни со служебным положением.

Начальник охраны нашел наконец имама, и они вдвоем направились к ученому шейху. Агзам кратко рассказал о Жунусе, назвав его героем и вождем восстания тысяча девятьсот шестнадцатого года и попросил устроить свидание с эмиром.

Мухитдин-ибн-Аль-Араби согласился помочь. К эмиру он пошел один и сумел уговорить его в несколько минут. Имам Агзам отправился встречать Жунуса, чтобы провести его во дворец.

В белой зале мавританского стиля солнечные лучи ярко освещали покрытые бронзой колонны и стены из зеркал и цветных стекол.

Они поднялись в «круглый павильон», где обычно отдыхал эмир. Слегка возбужденный от анаши, он полулежал в парчовом халате на ковровой тахте. Рядом с ним на атласном одеяле, сложенном вчетверо, дымил кальян.

Болезненно-бледное лицо эмира говорило об его страсти к наркотикам. Черные густые брови приподнялись, из-под них глянули серые раскосые глазки. Имам Агзам приложил обе руки к груди, поклонился до пола. То же сделал и Жунус.

Сидевший у ног эмира верховный судья Бурхан-эдин, похожий на сытого, откормленного кота, указал рукою на место, где следовало остановиться. Имам Агзам представил Жунуса.

Жунус предполагал, что на него будут смотреть, как на почетного гостя, и ласково пригласят сесть за дорогим дастарханом. Но эмир даже не поднял головы. Разочарованный Жунус решил на лобовую атаку.

— Мы, джетьсуйские казахи, всегда смотрели на Бухару, как на город святых шейхов, духовных отцов. Многие из нас, когда слышали, что Бухара в опасности, пу-

¹ Искандер салис — солнце Александра.

² Ишан — генерал-лейтенант.

стились в далекий путь... Наш народ не богат городами, но богат простыми сердцами. Что у нас на уме, то на языке. Скажу прямо, когда я ехал сюда, я хотел видеть другое, а не то, что увидел.

— Что вы хотели видеть?— перебил судья.

Эмир приоткрыл один глаз.

— Я хотел видеть народ, сплоченный под знаменем Магомета. Я хотел видеть счастливого мусульманина в счастливой стране...

— А что вы увидели?— опять перебил Бурхан-эддин.

Эмир приоткрыл оба глаза.

Имам Агзам незаметно дернул Жунуса за полы халата. Но Жунус, не обращая внимания, продолжал:

— Я увидел разорение, услышал стоны мусульман. У них нет никакого интереса к нашей священной войне. Их обижают...

— Кто?— резко прервал эмир.

— Таксыр! Их обижают все: и басмачи и баи.

Эмир снова опустил веки.

Когда Жунус ушел в сопровождении имама Агзана, верховный судья наклонился к эмиру и тихо сказал:

— Опасный казах! Как вы думаете, таксыр?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В пятницу шейх Мухитдин-ибн-Аль-Араби совершил паломничество к мазарам-гробницам. После торжественного посещения гробницы Исмаила-Саманида шейх выехал за город в сопровождении верховного судьи, имама Агзана и ответственных чиновников из государственной канцелярии. Побывав в других древних мазарах, он остался ночевать в летнем дворце эмира в Ширбудуне, в трех верстах от Бухары.

В этот вечер люди свиты, сопровождавшей шейха с Бурхан-эддином, долгое время сновали по бесчисленным комнатам дворца, а затем сели играть в шахматы.

Бурхан-эддин сразился с имамом Агзамом. С первых ходов завязалась острая игра. Бурхан-эддин начал яростную атаку на королевском фланге. Имам Агзам увеличивал и тем временем на другом фланге готовил контрудар, которого противник не замечал.

По настоянию имама Агзана Жунус тоже оказался

в свите. Он внимательно следил за ходом шахматной игры и не без яду обронил:

— Так вот и в жизни бывает. Судьба незаметно готовит страшный день для человека.

— О каком дне говорит наш драгоценный? — спросил Бурхан-эддин, объявив конем шах королю.

— Ваш шах ускоряет вашу гибель!

Бурхан-эддин вспыхнул, почувствовав в ответе Жунуса намек на тяжелую обстановку, создавшуюся в Бухаре. Он ехидно спросил:

— Я могу передать ваши слова эмиру, как предостережение?

Жунус побледнел. Имам Агзам поспешил потушить разгоравшуюся ссору.

— В детские годы я поспорил со своим другом, — начал он рассказывать, — из-за одного слова. Вскоре спор наш перешел в ругань, а затем чуть ли не в драку. Когда мы пришли к учителю, вдоволь оскорбив друг друга самыми постыдными словами, он рассмеялся и сказал, что у обоих это слово вовсе не передает вложенного нами в него смысла. Не в обиду будет сказано, такти вы не поняли друг друга. Если не хотите считаться с моим мнением, мы можем обратиться за советом к ученому шейху Мухитдину-ибн-Аль-Араби.

Имам Агзам спокойно посмотрел в лицо верховного судьи. При упоминании имени шейха тот вздрогнул и заискивающим тоном произнес:

— Бесценный имам! Стоит ли нарушать покой шейха на таком пустяке? Думаю, мы пойдем друг друга.

Имам Агзам знал, что первая встреча с шейхом принесла неприятность верховному судье. Шейх свел на нет влияние Бурхан-эдина во дворце, накопленное годами, кровью и золотом.

— Жунус сказал правду: всегда надо проверить каждый свой шаг... Шах! Беру пешку. Это начало разрома. Бурхан-эддин засмеялся.

— Кстати, я недавно играл в шахматы с шейхом. Он провел мастерски одну комбинацию и на сороковом ходу поставил мне мат. Не примите на свой счет, уважаемый верховный судья, но шейх говорит, что некоторые фигуры во дворе бездействуют, ими надо пожертвовать, чтобы выиграть.

Бурхан-эддин отодвинул шахматную доску, дав понять, что партию он сдает. Больше он не стал играть.

— Среди сарбазов распространяются нежелательные слухи!— скорбным тоном сообщил верховный судья эмиру на очередном приеме в белом зале.

— Что за слухи?

— Вчера один из солдат говорил, что дни эмира сочтены. Бухара будет советской!

— Откуда эти слухи?

— Солдат признался под пыткой, что слухи среди солдат распространяли казахи из Джетысу.

— Опять этот... как его, Жунус?

— Видимо. Его сын служит у большевиков комиссаром.

Эмир лениво махнул рукой:

— Уберите его подальше! Мы сказали!

Этого жеста было достаточно. Бурхан-эддин поспешил в тайную канцелярию и приказал арестовать Жунуса.

Не успел Жунус сходить на полуденную молитву, как был задержан около мечети.

— Ты кто?— грубо спросил его военный в папахе и черкеске. Жунус усмехнулся: «Опять ловят джадидов».

— Я не тот, за кого вы принимаете.

— Как ваше имя?

— Жунус.

— Из Джетысу?

— Да.

— Именем эмира я задержу вас и отведу в рекхану!

— Вы, должно быть, ошиблись?

— Идем!— громко толкнул Жунуса второй.— Когда ведут в рекхану, не ошибаются. Мы тебя ищем целый день!

Жунус похолодел. Сердце сжалось от страха. На лбу выступил обильный пот. Он силился остановить дрожь, но не мог, чувствуя, что теряет почву под ногами!

— Ну, иди быстрее!

Шумела узкая улица. Вот проехали в коляске, блистая золотом парчовых халатов, купцы. Просеменил ишак с хозяином на спине. Проплыла женщина под паранджой, как безобразный движущийся мешок,— не видно ни лица, ни ног. Жунус ничего не замечал. Мир перестал для него существовать. Он видел только двух конвоиров с обнаженными шашками, шагавших с ним рядом.

— Куда вас, Жунус-ака?

Это окликнул нищий. Он всегда подавал ему милостыню у ворот мечети. Сейчас Жунус бессмысленно посмотрел на него, узнал и растерянно улыбнулся. Нищий побежал за ним.

— Жунус-ака, я передам...

— Вон!— гаркнул конвоир.— Я тебе покажу, как разговаривать с преступником!

В рекхане Жунуса передали тюремщикам. Три стража сопровождали арестованного по крутой лестнице в подземелье. Впереди шел ключник, горбатый, беззубый узбек с красными глазами и лицом, покрытым паутинной морщиной. Справа шагал приземистый бородач с низким покатым лбом. Завершал шествие сутулый гигант. Он вызвал в душе Жунуса содрогание. Несомненно, это палач. Откуда только выконали такого зверя.

Жунуса долго вели по темному длинному коридору. Откуда-то сверху просачивался тусклый свет. Глаза постепенно привыкли к полумраку, а уши — к гробовой тишине. Наконец горбун остановился и снял с пояса огромный ключ. С лязгом открылась дверь темной подземной камеры. В нос Жунуса ударил трупный запах сырости. Кто-то застонал.

Жунуса охватил ужас. Он отшатнулся.

— Хватит, нагулялся на белом свете!— крикнул гигант и страшным ударом по шее столкнул его в подземелье.

Жунус упал, за его спиной загремела дверь. Снова раздался стон. Узник! Жунус стал ощупывать вокруг себя. Сырая каменная стена. В потолке чуть светится крохотное оконце. Пол земляной. А вот здесь солома. Кто-то лежит на ней... Старик или мальчик? Кожа да кости... Нет, это старик — у него есть борода.

И Жунус вдруг понял: за ним навсегда захлопнулась дверь. Он попал в каменную могилу. От этой мысли его бросило в жар. Он кинулся к двери и в испуге стал бить кулаками и кричать. Послышались торопливые шаги. Загремел ключ в ржавом замке. Дверь открылась, вошел горбун.

— Мусульманин, не веди себя, как кафир!— сказал он.— Сиди тихо, это принесет тебе пользу!

Бесстыдная ложь возмутила Жунуса. Он не смог даже ответить на нее. Спазмы сдавили горло... Опять с железным лязгом захлопнулась тяжелая дверь. Горбун

ушел. Жунус, охваченный отчаянием, упал на пол. Изверги! Почему же вы мучаете мусульманина? Его охватил новый припадок бешенства. Он вскочил и снова бросился к двери. Он стучал теперь еще сильнее, кричал еще громче. Опять послышались шаги, на этот раз твердые, тяжелые. Зазвенели ключи, дверь открылась. На пороге стоял гигант.

— Ты что стучишь?

Палач схватил Жунуса за горло и кинул в угол.

...Жунус не мог понять, сколько времени он пролежал. Когда он открыл глаза, услышал глухой, слабый голос и понял, что это говорит с ним узник — товарищ по несчастью.

— Жив?

Жунус молчал.

— Ака! — продолжал узник. — На востоке говорят: за гневом ум! Не трать силы напрасно. Теперь ты не вырвешься отсюда. Если не убьют, сгниешь живым.

— За что?

— Об этом спроси у эмира.

Жунуса снова охватил ужас. Он бросился к двери, забарабанил в нее кулаками и ногами.

— Эй, горбун, мусульманин! Открой ради аллаха!

В эту минуту дикий вопль покотился эхом по коридору. Раздался шум, прерываемый криками, затем грохот. И снова наступила гробовая тишина.

— Еще одного убили! — тихо прошептал узник на ухо Жунусу. — Это по счету тысяча сто двенадцатый за два года... Я считаю...

Он не успел закончить. Загремел замок, и дверь распахнулась. В камеру ворвался гигант-тюремщик. Он ударил по лицу Жунуса. Жунус понял — пришла смерть. Он решил подороже продать свою жизнь. На короткие минуты к нему вернулась молодость. Он напряг все силы и нанес гиганту ловкий удар пониже живота. Палач застонал. Жунус сшиб его ударом головы и выскочил в коридор. Он бежал, а за ним мчались тюремщики. Они, конечно, настигли его. Горбун ударил беглеца ключом по голове, и он упал без сознания на каменный пол.

...Жунус очнулся уже в другой камере — одиночной. Здесь не было даже соломы на полу. Острый запах мшиного помета ударил ему в нос. Все тело ныло от гуней боли. Чем его били?

Жунус долго лежал без движения, раздумывая над

своей горькой долей. Лучше уйти из этого мира самому, без помощи палача. Он снял рубашку, разорвал ее и свил длинную тесьму. Но в рекхане даже повеситься нельзя несчастному узнику, не к чему привязать веревку. Жунус накинул петлю на шею и попробовал задушить себя. Он дернул за тесьму — она оборвалась...

И в первый раз в жизни Жунус заплакал от тоски и страха.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Об аресте Жунуса Амен узнал только к вечеру, и то случайно, от нищего, сидящего у мечети. Он помчался прямо к Агзаму.

Глубоко возмущенный несправедливостью, Амен сразу не мог связно рассказать о случившемся несчастье. Он нервничал и заикался.

— Говори толком! — прикрикнул Агзам, совершавший омовение перед намазом¹. Медный чайник со звоном полетел в сторону.

— Жунуса посадили в тюрьму!

— Кто посадил?

— Этого не знаю, имам!

Агзам выругался:

— Сам виноват, держал бы язык за зубами! Насреддн несчастный!

Амен с ненавистью посмотрел на злое лицо имама и подумал: «Сбил с пути человека, вытянул из родного гнезда, а теперь бросил на съедение шакалам».

Амен не знал, каким влиянием пользуется Агзам во дворце. Он предполагал, что имам побежит во дворец, поклонится в ноги эмиру и скажет, что Жунус — чудак, желающий людям добра, а не зла, и все, что говорят о нем, — пустая болтовня. Грозный эмир, сидящий на троне, потрясет жезлом и закричит:

— «Здесь вам не степь», — а затем прикажет: «Выпустить»...

Амен, выйдя из квартиры имама, бросился на поиски нищего. Он хотел подробно разузнать все. Нищего он разыскал около башни Сарофон в запутанных переулках

¹ Намаз — молитва.

еврейской слободки. Это был Шо-мирзо. Он снова повторил свой рассказ:

— Когда Жунус вышел из мечети, совершив полуденную молитву, к нему подошли двое, поджидавшие его, и увели. Да, я только забыл добавить, когда они его ждали у ворот мечети, один из них сказал другому: «Кажется, большевик, смотри в оба!»

Амену теперь было все ясно. Сплели вокруг человека паутину лжи...

Недавно, лежа в сенях у хозяина, он видел на потолке огромного паука, терзавшего муху. Она металась, запутанная в сеть, и жалобно жужжала. Рекхана — это та же паутина. Разве удастся вырваться оттуда?

Когда Амен повернулся уйти, Шо-мирзо тихо шепнул:

— Привет от Маджида-лекаря!

Амен остолбенел.

— Откуда ты его знаешь?

— Я его видел на днях в Кагане. Просил узнать, как вы устроились...

— Как видишь. Не успели приехать, Жунус угодил в рекхану.

— Не поможет ли в чем-нибудь вам Маджид? — осторожно заикнулся Шо-мирзо.

— Ну, чем он поможет, — Амен задумался, а затем добавил: — Передай ему привет. Может быть, увидимся.

И Амен отошел, оставив Шо-мирзо.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Благодаря стараниям имама Агзама Жунуса освободили. Он вышел из тюрьмы, как драчливый петух после тяжелого боя. Лицо осунулось, в глазах горели беспокойство и злоба. Он потерял душевное спокойствие. Обычная уверенность в своей правоте покинула его. Он походил на затравленного зверя.

Жунуса больше не пускали во дворец. При встрече с ним бывшие знакомые, беки и купцы, кланялись холодно, а амальдеры — чиновники показывали на него пальцами и вспоминали поступок муллы Насреддина, напминавший выходку Жунуса. Говорят, мулла Насреддин, увидев на дне колодца отражение луны, бросил

крючок с благим намерением вытащить ее наружу, но луну не достал, а разбил себе голову, упав плашмя. Так и Жунус! Захотел найти правду в Бухаре. Чудак!

После освобождения из рекханы Жунус собирался уехать в Семпречье, но на пути снова встал имам Агзам. Он пришел из дворца и за словом сказал:

— На подступах к Кагану расположена крупная часть войск эмира. Туда же прибыла партия джигитов из степной Западной Бухары. Наше обращение к народу принесло плоды!— и с улыбкой добавил:— Шейх желает вас видеть во главе этих джигитов!

Жунус хотел отказаться, но смолчал. Это было принято как согласие.

Прибыв в военный лагерь, Жунус стал знакомиться с добровольцами-казахами. Некоторые из них были хорошо одеты, имели добрых коней, но большинство джигитов явилось в старых лохмотьях.

Измученные дорогой, голодные добровольцы воровали продукты из войсковой кухни у солдат. Их ловили и били.

В лагере стояла тишина. Солдаты маршировали вдалеке.

Жунус, расположившись под чинарой, вызывал по очереди казахов и знакомился с каждым...

Амен привел молодого толстогубого джигита с круглым, как луна, лицом. Он был оборван и бос.

— Ты откуда, мой мальчик?— ласково спросил Жунус.

— Я родом кипчак — из пустыни Кзылкум.

— Зачем ты сюда приехал?

— Меня привезли.

— Как?!

Юноша замялся в нерешительности и тихо сказал:

— Когда нас забрали, нам сказали, что из Бухары мы поедем в Ташкент.

— Кто сказал?

— Приехавший амальдер из Бухары.

Следующий доброволец рассказал то же самое. Жунус задумался. Конечно, эти казахи — не воины для эмира. В первом же бою они сдадутся в плен большевикам. Что же с ними делать? Доложить имаму Агзаму? Нет, доносить на этих несчастных обманутых юношей он не станет.

Жунусу не везло. Только что стал он сколачивать от-

ряд из казахов Нуратинского бекства, неожиданно появился Сугурбаев. Он приехал в лагерь с начальником контрразведки.

На другой день сарбазы эмира захватили «языка» и привели в штаб.

— Я поймал большевистского агента. Остальное он сам расскажет,— доложил сарбаз начальнику контрразведки.

Тот просиял, указательным пальцем погладил смоляные усы:

— Ты кто?— спросил он по-русски красноармейца.

— Человек!

— Я не говорю, что ты скотина. Кем ты был у большевиков?

— Рядовым солдатом.

— Хорошо. Где стоят войска Фрунзе?

— Не знаю.

— Врешь, сволочь!

— Я рядовой.

Начальник контрразведки обернулся:

— Развяжите ему язык!

Сугурбаев подошел быстрыми шагами. На голове чалма, рукава засучены. Он выглядел мясником.

— Коммунист?

— Нет.

— Пах!— злое шепе воскликнул Сугурбаев. По его приказу два рослых сарбаза связали пленнику руки.

Сугурбаев по-уйгурски внезапно ударил головою красноармейца в подбородок. Со связанными назад руками пленник не устоял, грохнулся плашмя. Кровь потекла изо рта, из носа.

— Усади!— приказал Сугурбаев своему помощнику.

С иезуитской улыбкой наклонился он к пленнику.

— Сколько войска?

Красноармеец молчал, выплевывая выбитые зубы.

— Не хочешь отвечать — пеняй на себя!

Сугурбаев вынул перочинный ножик, ловким движением отрезал у пленника одно ухо и положил в карман.

— Отдам, если скажешь...

Пленный молчал, стиснув зубы.

— Я тебя заставлю говорить!— рассвирепевший Сугурбаев ударил пленника ногой.

Эта расправа с красноармейцем окончательно решила судьбу Жунуса. Ему не по пути ни с эмиром, ни с Агзамом. Надо уходить. Всю ночь Жунус не смог уснуть: перед его глазами стоял окровавленный, со стиснутыми зубами молодой русский красноармеец, не боявшийся смерти.

Утром Жунус встретил Сугурбаева, возвращавшегося с речки с полотенцем в руке.

— Смываешь пятна крови?— с отвращением спросил он.

— Что?

— Кто из казахов так может издеваться над человеком, как ты вчера! Зверь!

— Пах!— Сугурбаев злобно процедил.— Скажи спасибо, что тебя не повесили за сына!

Жунус задрожал, правая рука сжалась и медленно полезла в карман за ножом. Но, вспомнив рекхану, он удержался и, собрав всю свою волю, отошел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

После операции, когда хирург извлек из груди Саху пулю, врачи посоветовали ему отдохнуть в горах. Глафира выбрала аул бывшего бая Медеу в восемнадцати верстах от города. Саха часами высиживал на скамейке и любовался красотой природы. Прекрасны были отлогие горы, густо покрытые девственными еловыми лесами. Остроконечные снежные вершины Запильского Алатау ярко сверкали на солнце, словно окрашивая все в светло-голубые тона. Узкие ущелья таинственно чернели вдаль. Шумела и пенилась внизу неугомонная Алма-Атинка, щедро усыпанная огромными валунами. Это — зримые следы недавнего наводнения, каменного потока, чуть не разрушившего город. Осень позолотила листья берез, покрыла багрянцем листья кленов — по яркости окраски они могли соперничать с апортом. Год на яблоки выдался на редкость урожайный, от изобилия плодов гнулись и ломались ветви яблонь. Раньше, занятый по горло делами, Саха не замечал необыкновенной красоты осени в горах. Теперь он не отрывал взора от прекрасной панорамы гор, вдыхая свежий воздух.

Левая рука его не действовала, при движении боль усиливалась. Очевидно, был задет нерв. Сагатов болезненно переживал травму руки: не хотелось быть инвалидом в двадцать четыре года.

Он много думал о Глафире, с ней он чувствовал себя спокойно, но, когда она уезжала в город, сердце точило тоскливое одиночество.

Сегодня Глафира доставила Сахе большую радость. Она привезла из Верного Нашена. После пожара акына увезли в больницу, и он, подлечившись, чувствовал себя окрепшим, мог ходить без посторонней помощи, опираясь на тонкую палочку.

Сагатов с детства любил Нашена, как вечного искателя правды. Его стихи, в которых был слышен стремительный бег степных коней, знали наизусть в аулах. Они проникали даже в тюрьму, когда Сагатов томился за решеткой.

Нашен в круглой лисьей шапке и светло-коричневом халате вошел в комнату, чуть закинув голову. Его скуластое живое лицо было бледным, серые глаза излучали теплоту. Следом за акыном шагал Тлеубай.

Сагатов усадил гостей на диван, и пододвинув стул, сел напротив.

— Ты меня, сын мой, бережешь, как хрупкое стекло. Думаешь, что старые кости могут сломаться?— Нашен хитро прищурил глаза.— Нет, я еще поживу на страх врагам. Моя песня не устарела.

— Она только расцветает,— почтительно заметил Тлеубай,— как яблоня.

— Яблоня!— повторил задумчиво Нашен и заговорил неторопливым, тихим голосом:

— Твой отец, Саха, рассказывал мне, что он в детстве посадил у горного источника Айна-Куль яблоневый отросток. Несмотря на холод, ветры и бури, дерево принялось и стало давать плоды. Так и наша жизнь! Она поднимается к высотам счастья.

Акын помолчал и спросил еще тише:

— Но где сейчас Жунус?

Вопрос Нашена острой болью отозвался в сердце Сахи.

— Я сам готов об этом спросить у вас, дорогой акын.

— Мне сказали, что он ищет счастье.

Саха болезненно поморщился. Ему не хотелось говорить об отце.

Нашен откинул голову назад и строго сказал:

— Я должен возвратить его в родной Джетысу, нельзя забыть этого человека.

— Теперь уже поздно!— вздохнул Саха.— Мой отец пошел не той дорогой. Наш народ будет смотреть на него с презрением.

— Заблуждение не есть преступление. Я пошлю к нему человека. Попытаюсь вернуть его в родное гнездо.

— Стоит ли, дорогой акын, беспокоиться,— перебил Сагатов и, чтобы переменить неприятную тему разговора, обратился к Тлеубаю:— Как курсы?

— Через месяц закончу.

— Не придется кончать,— сказал Саха.— Время не ждет. Надо ехать в Кастек, наделять беженцев землей. Ты лучше других справишься с этим делом...

В комнату вошла Глафира и пригласила гостей к столу. Когда она вышла, Нашен произнес с усмешкой:

— В аулах возмущаются, что ты женился на русской. Ко мне на днях приезжали в больницу и рассказывали...

Саха покраснел и ответил сквозь зубы:

— Во-первых, я еще не женился. А во-вторых, кому какое дело до моей личной жизни?

— Сын мой! Я передаю тебе мнение аксакалов, а не свое. Для меня она хороша. Ты женись.

— А как же, Нашеке, вы будет разговаривать с ней, когда приедете к Сахе?— спросил Тлеубай.

— А так же, как в больнице. Я одно слово по-русски, она одно слово по-казахски. Так мы и разговаривали. Она пришла ко мне и говорит: «Сагатов салям прислал!» Я ей в ответ: «Жаксы, кзымке!» Что тут понимать?

Саха с Тлеубаем рассмеялись.

— Саха! Приглашай гостей!— крикнула из соседней комнаты Глафира.— Будете за столом разговаривать.

— Идем, идем!— ответил по-русски Сагатов и, взяв акына под руку, помог ему подняться.

А на другой день к Сахе приехали Гульжан и Бакен. Гульжан бросилась обнимать брата и всплакнула, увидев руку на марлевой повязке.

— Выздоровевший, как говорят китайцы, что новорожденный. А наш новорожденный уже ходит!— воскликнул Бакен, пожимая руку Сахе.

Саха, обняв сестру и ее жениха, с удовлетворением смотрел на их сияющие лица.

— Мама выплакала ведро слез за это время!— сказала Гульжан.

— Что же вы не взяли ее с собой?

— Кто же останется дома?

— А почему вы так долго не приезжали ко мне?— упрекнул Саха Бакена.

— Гульжан обиделась на вас! Не хотела ехать.

Девушка покраснела и с укоризной посмотрела на него.

— За что?

— За то, что вы не заступились за меня, когда я сидел в тюрьме...

— Ну, на это нельзя обижаться, мой дорогой. Басов не мог поступить иначе.

— Это он шутя, Саха!— успокоила Гульжан брата.

— Я бы хотел посмотреть, как Саха себя чувствовал после такой шутки!— проворчал Бакен.

— Ну ладно, вы подождите здесь. Угощайтесь пока яблоками. Я разбужу Глафиру!— примирительным тоном сказал Сагатов и ушел...

— Гульжан?— воскликнула Глафира.

Гульжан порывисто обняла ее. Они поцеловались по-родственному, как сестры.

— Я давно хочу вас видеть. Мне столько интересно про вас рассказал ваш брат!

В казахском, без рукавов, женском жилете из красного бархата, тесно облегавшем талию, в широком платье со сборками, она показалась Глафире красавицей.

Женщины сразу удалились, желая поговорить наедине и поближе познакомиться, хотя обе плохо понимали друг друга. А Саха стал расспрашивать Бакена про Кастек, про последние новости. Они были неплохие. После ареста Митьки Сотникова и изгнания семьи хорунжего

из Кастека, кулаки притихли. Бакен уже живет в национализированном доме Согинкова, занимая две комнаты. Станичники косятся, но молчат. В Узун-Агаче и Айна-Куле бан после ареста Хальфе тоже притихли. Они все время отправляют гонцов и в Ташкент и в Верный, стараются выручить святого.

Вечером пошли на прогулку в горы. Бакен уступил минуту для разговора с Глафирой. Он рассказал ей о своей любви к Гульжан. Фатима не возражает против брака, но что скажет Саха? Ведь он сейчас заменяет отца. Самому Бакену неудобно обращаться к Сагатову. Бакен просил Глафиру переговорить с ним. Глафира обещала: Саха, конечно, не будет возражать.

Поздно вечером приехал из города Басов.

Саха сразу догадался: случилось что-то неладное. Он пригласил Басова в другую комнату. Басов, по обыкновению, закурил трубку, вынул из кармана свернутую ташкентскую газету.

— Прочитай, о тебе...

Саха развернул газету. На второй странице внизу, завитушками арабского шрифта было напечатано:

...«Сын идет по стопам отца. Не зря казахи говорят: «Чем кормился в гнезде, — то и ловит, оперившись». Так и есть. Отец Жунус еще до революции жил в горах, как отверженный. Видимо, ему не понравилась сейчас и наша власть, сбежал к басмачам. А сын? Сын бросил нареченную невесту, женился на русской и в любовных утехах забыл беженцев, вернувшихся из Китая... У беженцев землю отобрало казачество, скот — каменный поток, и теперь они у разбитого корыта. Бедный казах-горемыка, кто же заступится за тебя?»

Саха дальше не стал читать, швырнул газету и сказал:

— Это месть!

— Ясно. По-моему, надо немедленно опротестовать, написать в ЦК партии, в Москву.

Сагатов писал всю ночь при неверном свете керосиновой лампы. Писал, перечитывал написанное, рвал и комкал бумагу. Вскакивал, возбужденно шагал из угла в угол, не выпуская изо рта папиросы, снова садился за стол и брал в руки перо.

Враги мстили. Сагатов догадывался, откуда дул ветер. Статья появилась не без участия Кожаква. Он — вдохновитель клеветы.

Сагатов мысленно прошел по дорогам своей короткой жизни. Она открыта, как на ладони. Прожито мало, а пережито!..

«...Ставят мне в вину, что мой отец Жунус очутился на чужом берегу. Можно ли обвинять сына за неверное направление мыслей отца? Ведь он рос в другое время, в другой среде, чем живу я.

Но прежде чем писать об отце, я должен рассказать о себе, поскольку автор фельетона, скрывшийся за псевдонимом «Зоркий», назвал меня примазавшимся к партии.

Мне было десять лет, когда меня отдали в двухклассное училище в станице. Я окончил его и поступил в верненскую гимназию. Летом приезжал на каникулы. Юность моя прошла среди русских. Первым моим учителем жизни был Павел Семенович Кашеев, работавший в станице столяром. Казахи звали его тамыром. Казахским языком он владел в совершенстве. Я жил у него в доме.

Иногда к Павлу Семеновичу приходили соседи, он затевал с ними длинные разговоры. Вспоминая отдельные его слова, я могу безошибочно сказать, что этот человек, если сам не был членом революционной партии, то очень сочувствовал делу революции. От него первого я узнал, как несправедливо устроена жизнь на земле... Я был тогда очень молод, много не понимал, но, оглядываясь назад, должен сказать, что первую искру в мое сердце заронил столяр Кашеев, и если я сейчас коммунист, то этим обязан, в первую очередь, Павлу Семеновичу, а затем моему другу и старшему товарищу Токашу Бокину.

Имя этого человека известно Центральному Комитету РКП(б). Он возглавлял национально-освободитель-

ное движение в Семиречье, был одним из организаторов Советской власти в Верном.

Я встретился с ним в гимназии, и с тех пор наша дружба не прерывалась до дня его гибели.

В политической жизни я впервые принял участие в тысяча девятьсот шестнадцатом году, когда казахский народ поднял восстание против царизма. Арестованный по приказанию губернатора Фольбаума, я просидел в тюрьме восемь месяцев в одной камере с Токашем Бокным и вместе с ним вышел на свободу после февральской революции. Я помогал Виноградову, Бокину устанавливать Советскую власть в Семиречье. Во время белоказачьей диктатуры атамана Кияшко мне, как и всем большевикам, пришлось работать в подполье.

Потом я встретился с Дмитрием Фурмановым...»

Сагатов отбросил перо и взволнованно заходил по комнате. Перед его глазами возникло лицо Дмитрия Андреевича. Он вспомнил Фурманова в дни мятежа, когда в Верном Советская власть висела на волоске. Этот волевой политкомиссар действовал обдуманно, гибко, смело — и победил.

Саха снова подошел к столу и, прочитав написанное, взялся за перо.

«...Вот почва, давшая живительный сок для моего роста. Можно ли меня назвать выскочкой, примазавшимся к партии? Таких, как я, немало на казахской земле. Могу указать на самого Бокина, Джангильдина, Майкотова. Мы молодыми вошли в революцию. Нам было всего лишь по двадцать лет с небольшим. Мы могли делать ошибки, но обманывать партию — никогда!

Теперь постараюсь объяснить трагическую судьбу моего отца Жунуса. Он родился в шестидесятых годах прошлого века. **Среда** и влияние мулл наложили на него свой отпечаток. Он не понял многого, что принесла в казахскую степь революция, и не нашел своего места при новом строе.

Я хочу сказать, что мой отец — не контрреволюционер, а заблудившийся человек. Он не выдержал бури и очутился на чужом берегу, среди панисламистов. Мусульманская религия в Средней Азии — пока еще страшная сила. Полвека мой отец питался ядовитой отравой со стола имамов. Сознаюсь, я виноват в том, что не нашел достаточно сильного лекарства для его исцеления от мусульманского дурмана.

Не в защиту отца, а лишь для лучшего уяснения его трагической судьбы я должен сообщить факты из его политической биографии.

Отец ненавидел самодержавие и казахских феодалов. За выступления против баев его сослали в Сибирь, откуда он бежал. В шестнадцатом году он одним из первых поднял восстание в Семиречье и выдвинулся как командир огромного повстанческого отряда.

Таких людей, как мой отец, сотни на казахской земле. Могу назвать Тасбулата Ашикеева и Кашагана Рыскулбекова из Джетысу, Амангельды Иманова и Омара Шипина из Тургая, Айтжана Избасарова и Айсу Айматова из Уральска, Хусайна Айдарбекова и Кыздарбека Алтаева из Баян-Аула. Эти люди вышли из низов народа, они любили его и хотели, чтобы он был счастливым. Одни из них пришли в революцию, как Амангельды, другие погибли, как Ашикеев и Избасаров. А мой отец очутился на чужом берегу. Жунус, попав в сети духовенства, ушел искать счастье для своего народа на дорогах панисламизма. Он находится в стане врагов, и для меня он враг...»

Глубокой ночью, не докончив письма, Сагатов вышел из дома в сад. Тучи разошлись, и на синем ясном небе сверкали звезды.

Саха сидел на скамейке и думал об отце. Написанное в ЦК партии письмо показалось ему неубедительным и даже фальшивым. Какое дело революции до Жунуса, если он ушел от своего народа! Если он не с нами,— значит — против нас. Стоит ли оправдывать отца боевыми заслугами шестнадцатого года? Сейчас он поступает, как предатель, и нечего его жалеть.

Саха почувствовал, как в его душе все больше и больше нарастает глухая ненависть к отцу. Бросить семью, родной аул, уйти к басмачам...

Сагатов возвратился домой, собрал исписанные листки и сжег их в печке.

Тлеубай приехал в Узун-Агач в полдень.

Подъезжая к аулу, он сразу заметил перемены. Кажется, тот же аул, те же юрты, расположенные кольцом с кутаном¹ посередине. Вон в кутане натянуты привязи для ягнят, дымит жер-ошак². Все как будто по-старому, как и было, но...

Тлеубай задержал свой взгляд на центральной юрте. Над ее куполом развевался красный флаг. Он придержал лошадь. Вот это уже новое...

Из пятистворчатой юрты слышались звонкие веселые голоса. Женский смех переплетался с мужским. Ясно, жизнь здесь течет по-иному. Еще недавно веселье разрешалось вечером и ночью, а днем только в большие праздники.

Тлеубай не спеша слез с коня, отряхнул с себя пыль и зашагал в сторону большой юрты. Здесь его встретил Бакен, приехавший из Айна-Куля. Он не узнал безбородого Тлеубая.

— О, это ты, Бакен!— приветствовал Тлеубай друга.

— Неужели Тлеке?— изумленный Бакен бросился обнимать неожиданного гостя.

— Ты откуда?

— Я из Айна-Куля.

— А ты?

— Из города.

— Почему сразу не приехал в аул?

— Приеду обязательно! Где тут люди?

— Я их сам ищу.

— Как продвигается дележка земли?

— Трудно.

— Вот как!— воскликнул Тлеубай, схватив Бакена за локоть, затащил в пустую юрту и усадил рядом.— Ну, рассказывай по порядку.

— Комиссия закончила предварительную подготовку,— начал Бакен, стараясь уместить под себя длинные ноги.— Готовы списки, кому землю дадим, у кого ее отберем. А землемер еще не приступил.

— Дальше!

Тлеубай вынул из папки листок бумаги и карандаш.

¹ К у т а н — двор.

² Ж е р - о ш а к — очаг, вырытый в земле.

— Но то, чего мы опасались, Тлеке, случилось: казахи-бедняки не хотят жить в домах кулаков...

— Почему?

— Боятся. Спекулянт Бозтай встретил Кеше, племянника Нашена, и сказал ему: «В Кастек на житье лучше не приезжай! Станничники собираются зарезать тех, кто переедет к ним. Надо выселить всех русских, тогда другое дело». Видали, куда он гнет?

— А как сам Кеше смотрит на это?

— А что Кеше! Сразу рассказал всем в ауле. И сам уперся. Не хочет переезжать. Или вот еще был случай. Два станничника поймали в лесу Токея и предупредили: «Передай своим, если кто позарится на нашу землю и дома, не миновать тому смерти». Ну, вы же знаете Токе! Человек с характером. Кинулся с топором на них. Те — на попятный, пытались обратить все в шутку...

— Токей знает их в лицо?

— В том-то и дело, что не знает. Чужие. Не кастекские...

Тлеубай выглянул за дверь. Дождь перестал. Они вышли из юрты.

— Боятся у нас сейчас в ауле,— продолжал Бакен.— Не спят по ночам. Опять ждут пожара. Поочередно дежурят и молодые и старые. В Узун-Агаче спокойнее — там рядом милиция. А у нас?

Тлеубай насупил брови и, положив руку на плечо Бакена, сказал:

— Поезжай сейчас в Кастек, объяви на завтра собрание бедняков. Утвердим список и приступим к дежке. Нечего тянуть. А я приеду завтра утром.

Они попрощались и расстались.

* * *

...Здание школы в Кастеке было переполнено. Приехали казахи из соседних аулов. Люди сидели на партах, многие толпились в коридоре, курили, перебрасывались шутками. Говорили по-казахски и по-русски.

— Здорово, тамыр!

— Ей, Иван, твой табак бар¹?

— Ты смотри, что делается, это же Кеше?

— Где?

¹ Бар — есть.

— Вон идет с Токеем!

— Куда он лезет?

— Кто?

— Тыртышный!

— Что? Он тоже записался в бедняки?

— Ха-ха...

Пробираясь сквозь толпу, в класс вошли Тлеубай, Вера Павловна, Бакен, землемер Фальковский. Тишина установилась не сразу.

Вера Павловна открыла собрание и предоставила слово Цун-вазо. Он рассказал, для чего собралась беднота. Надо возратить казахам землю, насильно захваченную кулаками в шестнадцатом году.

Бакен широко раскрыл глаза, увидев Тыртышного, сидевшего возле дверей. Кто допустил кулака? В списке бедняков, имеющих право участвовать в собрании, его не было.

Бакен сказал по-русски с сильным казахским акцентом:

— Товарищи, Тыртышный не бедняк. Ему здесь не место!

— А чем он тебе мешает?

— Я скажу, чем! Вы знаете сенокосное угодье между горой Прохладной и речкой Қастек. Аул Айна-Куль владел им и спасал там скот от гибели в зимние морозы. Теперь эта земля не наша. Ее отобрали в шестнадцатом году и отдали Тыртышному и другим кулакам. Они сидят здесь.

Поднялся шум.

— Ты не агитируй!

— Башибузук!

— Не мешайте ему!

— Предлагаю Тыртышного удалить с собрания!— закончил Бакен, побагровев от сильного волнения. Сосед Тыртышного закричал, стараясь заглушить шум:

— Если Бакену не нравится морда Тыртышного, может не смотреть!

Кто-то свистнул в задних рядах:

— Калбитам продались!

— Подкулачники!

Вера Павловна трясла колокольчик, стараясь восстановить порядок. Слово взял один из бедняков-станичников, прозванный «хромым солдатом». Он, стуча кулаком по парте, закричал:

— Мы знаем, кто такой Тыртышный! Вон его, кровососа!

— Да что ты, Гаврила, побойся бога!— взмолился Тыртышный.— Кого ты выживаешь!

— Айда, уматывайся!

— А я скажу тебе, что он не пойдет, останется здесь!— поднялся со своего места сосед Тыртышного.— Ты брось командовать, Гаврила! Тебя самого придется выгнать отсюда!

«Хромой солдат» схватил костыль, бросился на соседа Тыртышного. Но драки не допустили. Началось голосование. Бакен увидел, как густо поднялись жилистые, мозолистые руки.

— Кто против?

Вера Павловна устремила взгляд в сторону Тыртышного.

— Раз, два,— считал Бакен.— Три... семь... четырнадцать... восемнадцать.

— Большинство голосов Тыртышный не допускает на собрание,— объявила Вера Павловна и взглянула на Тыртышного.— Можете уйти!

— Что же, тогда и нам удалиться?— ехидно спросил, приподнимаясь, сосед Тыртышного.

— Можете!

Но, уходя, Тыртышный дернул соседа за рукав, и тот снова сел.

Собрание приступило к утверждению списка кулаков. У них изымались в пользу бедноты земля, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Вера Павловна читала медленно, внятно произнося каждую фамилию. Когда она назвала Тыртышного, все свободно вздохнули.

Однако список не пришлось дочитать. С улицы кто-то крикнул истошным голосом:

— Пожар! Горим!

Поднялся переполох. Все бросились к двери, давя друг друга. На улице пахло удушливым дымом.

— Тыртышный горит!— крикнула женщина, выбежавшая из соседних ворот.

Все кинулись к его дому. Но каково было удивление, когда, добежав до пятистенной избы Тыртышного, все увидели посреди двора огромный костер. Сам хозяин подбрасывал в огонь солому, хворост, мусор.

— Что это такое?— спросила Вера Павловна.

— Очищаем двор. Надо же сдать в чистом виде новым хозяевам!— шурил Тыртышный глаза.

— Хитрый зверюга!— выругался «хромой солдат».— Хотел сорвать собрание.

Все пошли обратно в школу.

На другой день члены комиссии выехали осматривать землю, отмежеванную у кулаков, и распределять ее между бедняками Айна-Куля и Кастека.

Переправившись на левый берег реки, всадники ехали шагом. Впереди Цун-вазо, Вера Павловна и Тлеубай, за ними — Бакен и «хромой солдат». Правый скалистый берег реки опоясывал гору Прохладную. Вдоль левого берега протянулись альпийские луга.

— Всей этой плодородной долиной владела казачья верхушка.

— Тыртышный да братья Сотниковы?

— И этого им было мало! В шестнадцатом году они захватили все луговые районы нашего аула и окрестности озера Айна-Куль.

— А казахов загнали в горы!

Кони шли по лугу, фыркая, норовили пощипать траву.

— Ах, какая земля!— воскликнул Бакен, с волнением обозревая подернутую зеленым маревом долину. Он соскочил с коня и взял горсть земли. Мягкая, черная, влажная, похожая на свеженспекенный ржаной хлеб, она сыпалась с ладони.

— Наша земля, наша!— радостно воскликнул Бакен и вскочил в седло.

Не успел он отъехать несколько сажен, как конь шахрахнулся в сторону; Бакен ухватился за гриву. В густой траве лежал человек, уткнувшись в землю.

— Не убитый ли? Нет, шевелится!

Бакен подъехал ближе.

— Тыртышный!

Подъехали и остальные члены комиссии.

— Кто это?— испуганно спросила Вера Павловна.

— Тыртышный!

— Что он делает здесь?

Бакен слез с коня и толкнул Тыртышного плетью. Тот поднял голову. Лицо его было искажено. Глаза, красные, воспаленные, смотрели страдальчески. Рот полон земли. На усах и бороде прилепились сухие былинки.

— Все равно не съешь всю землю!— серьезно сказал «хромой солдат».

— Ты что, прощаться с землей приехал?— ехидно спросил Тлеубай.

— Пожалейте, ради Христа! Оставьте хоть клочок земли!— завопил Тыртышный, встав на колени и воздев руки вверх. Никто не ответил ему.

А из-под крутого берега реки уже шла толпа казахов, жителей Айна-Куля и беженцев, вернувшихся из Китая. Они пришли, чтобы воочию увидеть свою землю, пощупать и взять в горсти и растереть на ладони.

Тыртышный поднялся с колен и, не оглядываясь, быстро зашагал в противоположную сторону.

— А где наш землемер?— обратился Цун-вазо к Вере Павловне.— Пора начинать.

— Он выехал раньше нас... Должен быть здесь, как договорились.

— Безобразие!— сказала Вера Павловна и обратилась к Бакену:— Найди Фальковского. Он, наверно, купается!

— Но его лошади нигде не видно...

— Может быть, он еще и не подъехал.

— Тогда надо съездить за ним в Кастек! Чего терять время!

Но землемера так и не дождались. В Кастеке его тоже не было. А когда Бакен и Тлеубай зашли к нему на квартиру, они сразу поняли — Фальковский сбежал из Кастека. Но скрыться ему не удалось.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Фальковский неуклюже вошел в кабинет председателя ЧК и стал у дверей. Сопровождавший его следователь прошел к письменному столу Басова и что-то сказал ему, наклонившись к самому уху. Басов кивнул в ответ, не отрывая глаз от лежавшей перед ним бумаги, и даже не взглянул на посеревшее от ужаса лицо землемера. Стараясь овладеть собою и преодолеть противную дрожь в коленях, Фальковский следил за каждым движением председателя ЧК. Землемера мучила неотвязная, тоскливая мысль: кто же его выдал?

Страх холодной змеей пробирался к самому сердцу. Арестованному хотелось, чтобы поскорее окончилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь звонким тиканьем часов, висевших на стене, и раздавался голос этого сурового человека.

Фальковский с трудом перевел глаза на следователя. Тот спокойно сидел на диване и курил папиросу.

Наконец Басов отложил бумагу и поднял голову. Он посмотрел на Фальковского долгим, изучающим взглядом. Затем встал и подошел к нему вплотную.

— Узнаете? Ваш, кажется, почерк?

— Похож на мой, но... не мой!— с трудом выговорил землемер. Букву «т» так не пишу...

— Как правильно ваша фамилия?

— Фальковский.

— Вы происходите из польских немцев?

— Я поляк.

— Ваша настоящая фамилия «Фальк», как мы установили. Скажите, почему вы решили бежать в Западный Китай?

— Я?

— Вы.

— Даже не думал.

— А почему вы оказались вблизи самой границы?

— Я же охотник. В том месте столько фазанов...

— Вот как!.. Фазанов любите?— Басов улыбнулся.— Не будем, Валентин Робертович, играть в прятки! Мы с вами серьезные люди... Вы хотели скрыться за границу. Это ясно. Но... ЧК интересуется естественный вопрос: почему? Советскую власть не признаете? Закон рабоче-крестьянского правительства не по душе? Между прочим, всем буржуям не по душе, но даже и они не бегают. А вы не буржуй, вы землемер. Вам-то с чего бегать, а? Или, может быть, грехи есть?

— Я не понимаю вас, о чем вы говорите?

— Так и не понимаете? Ну что же, мы люди не гордые. Постараемся объяснить. Садитесь сюда...

Фальковский, тяжело передвигая ноги, подошел к креслу с золочеными ножками и сел, по-прежнему ощущая противную дрожь в коленях.

Басов раскрыл толстую папку, полистал страницы и стал читать:

— Валентин Робертович, сорока двух лет. Родом из Саратовской губернии. По профессии землемер. В партию эсеров вступил в марте семнадцатого года... В Ташкент прибыл по заданию центрального комитета. Вы были членом комиссии Туркестанского комитета Временного правительства по изъятию двух с половиной миллионов десятин земли у казахского и киргизского насе-

ления Семиречья. Этот план был разработан еще генерал-губернатором Туркестана Куропаткиным и одобрен царским правительством... Вы присутствовали на совещании в Пишпеке и настояли на выселении казахов из Иссык-Кульской долины в пески Прибалхашья... Вы дали телеграмму в Кульджу бывшему царскому консулу Любе о задержании беженцев шестнадцатого года. Вот она — могу прочесть: «Возвращение киргизов в ближайшее время в Россию нежелательно». Помните?

— Не помню!

— Ай-ай, какая память плохая! — сокрушенно покачал головой Басов. — Дальше. По вашей просьбе был направлен казачий полк с артиллерией к китайской границе, навстречу беженцам, которые хотели вернуться домой. Их обстреляли из пулеметов при переходе границы... Было такое дело?

Фальковский молчал.

— Очень странную позицию заняли эсеры в этом вопросе! — пожал Басов плечами. — По совести сказать, никак не пойму, почему вы боялись возвращения казахов из Западного Китая... А может быть, землю для семиреченских кулаков берегли, а? Что у вас язык отнялся?

Басов полистал страницы.

— Когда пало Временное правительство, вы бежали в Коканд... Не совсем ясно, какую роль вы играли в контрреволюционном правительстве Мустафы Чокаева, но зато определенно известно, что именно там вы встретились с Сугурбаевым...

— Он коммунист! — тихо сказал Фальковский.

— Тогда он тоже был коммунистом?

— Не знаю.

— Ага! Значит, не отрицаете, что встретились там? Проговорились. Ничего, не смущайтесь. Вы нам все расскажете. Времени у нас достаточно... Кстати, мы, чекисты, любим точность в ответах и очень не любим, когда нас считают за простаков и начинают нам рассказывать бабушкины сказки. Итак продолжим вашу биографию... Когда пало кокандское правительство, вы снова подались в Семиречье и здесь встретили своего друга, «коммуниста» Сугурбаева. Знаем, что именно он вас устроил землемером и вместе с ним вы поехали в Кастек. Там... Может быть, вы сами расскажете дальнейшее?

— Я не знаю, что вас интересует. Моя скромная работа землемера была у вас на виду. Мне нечего рассказывать.

— Упорствуете? Предупреждаю: для вас же хуже будет, если я сам расскажу.

— Я работал землемером и ничего не знаю!

— Ну хорошо. Хорунжего Сотникова вы знали?

— Встречались!

— Так. Вы знали, конечно, что он, Сотников — участник знаменитой Беловодской резни шестнадцатого года и что он служил в войсках атамана Анненкова.

— Не знал!

— А вы знаете, что Анненков сейчас в Западном Китае. Не к нему ли собрались?

— Я охотился на фазанов.

— Так-так... На фазанов... Опять бабушкины сказки! Я ведь вас предупреждал, что мы их не любим. Скажите лучше, кто поджег аул Айна-Куль?

— Откуда я знаю?

— Вы знаете, это дело ваших рук. Точно так же, как и побоище в Кастеке. Оно должно было превратиться в восстание, создать новый очаг гражданской войны в Семипречье, очень нужный нашим врагам... Все было рассчитано на то, чтобы оттянуть войска Фрунзе от Бухары...

— Драка казахов с русскими — бытовое явление. Не надо делать из мухи слона!

Голос Фальковского даже задрожал от возмущения.

— Где вы были в день пожара? — продолжал допрос Басов.

— В Узун-Агаче.

— Что делали?

— Мне нездоровилось. Я спал.

— Вы ждали сигнала от Сотникова и не дождались. — Басов насмешливо прищурил глаза. — Аул поджег Сотников. Сын его выдал! И вас выдал, Валентин Робертович... Давайте, рассказывайте все по порядку, как было!

— Я вас не понимаю.

— Придет время, все поймете... Вы же не глупый человек! Вас не спасет заперательство. Лучше сознавайтесь по-хорошему...

Сердце землемера сжалось, словно Басов выжимал из него кровь.

— Понятно, вы боялись разоблачения. Решили бежать так же, как ваш друг Сугурбаев.

Фальковский мучительно прикидывал — кто его выдал? Неужели хорунжий?

— Интересно, кто вас выдал?— спросил Басов, словно угадав мысли Фальковского.

— Меня выдавать!? Если я ни в чем не виноват...

— Сугурбаев выдал. Вот вы его жалеете, а он вас не жалел. Напротив, все валил на вас, утверждал, что вы даже действовали по указанию иностранной разведки... Уверял, что она была заинтересована в Кастекском восстании.

Фальковский выпрямился.

— Хорошо! Я действительно эсер. Я идейный противник Советской власти. Но вы хотите сделать из меня шпиона? Это смешно.

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним!— сказал Басов и обратился к следователю.— Ну, на сегодня хватит! Отведите его в камеру!

Фальковский поднялся и понуро побрел к выходу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Ради эмира, не жалейте милостыни!— протянул руку нищий.

Это был пароль. Но хозяйка стала браниться.

— Надоели вы со своим эмиром... Убирайся...

Маджид вышел на шум в коридор, узнав знакомый голос.

Перед ним стоял улыбающийся Шо-мирзо. Маджид крепко обнял его. По радостно сверкавшим глазам он понял, что молодой таджик оправдал его доверие.

— Ну, докладывай, что нового?— с нетерпением спросил Маджид.

— В армии эмира сорок тысяч сарбазов. Прибыло несколько тысяч ополченцев и афганский стрелковый полк из Кабула. Говорят, его прислал Аманулла-хан по просьбе шейха. Наступление эмир назначил на пятое сентября.

— Еще что?

— Агзам ездил в Локай к Ибрагим-беку, в Карате-

гин — к Махсуму Файзулле. Ведутся переговоры с басмачами Ферганы.

— Как настроено население?

— У всех брови нахмурены.

У Маджида появились в глазах веселые искорки. Он снял тужурку и стал переодеваться.

— Как вы относитесь к джадидам?¹— спросил неожиданно Шо-мирзо.

— Народу с ними не по пути!

— А Ташкент предоставил им убежище,— сказал Шо-мирзо.— Они издают газету и призывают к созданию мусульманской республики.

— Ну что же, временно они наши союзники!

— Ваш друг Амен тоже джадид?

— Нет. Амен один из тех, которые находятся в армии эмира случайно.

Маджид переоделся, и они вместе вышли на улицу. На окраине Кагана было тихо. Все окна закрыты ставнями. Они не смогли пройти через площадь, заполненную воинскими частями. Пришлось обойти кругом, мимо станции. Здесь выгружались эшелоны. Красноармейцы канатами стягивали с открытых платформ тщательно закутанные в брезентовые чехлы пушки. На каждом шагу часовые — узбеки и таджики в цветных халатах — требовали пропуска.

Маджид и Шо-мирзо, изрядно проблуждав, попали в бывший дворец эмира в самый разгар совещания. Огромный зал был переполнен командирами и политработниками. На паркетном полу валялись окурки и клочки бумаги. За круглым столом стоял Фрунзе, а рядом сидел Куйбышев.

Фрунзе знакомил с диспозицией предстоящего боя. В руке он держал школьную линейку и ею водил по карте.

— ...Старая Бухара стоит на канале Шахруд в равнине, в зеленом оазисе. На севере — примыкают кишлаки с арыками и орошаемыми полями. Еще дальше — солончаковая степь, выжженная равнина. Штурмовать город будет каганская группа. Ее левая колонна в со-

¹ Джадиды — то же младобухарцы — проводники идей панисламизма. Младобухарская буржуазная партия требовала частичных реформ в области образования, некоторой европеизации быта, чтобы облегчить общение с европейской буржуазией. Она не покусалась ни на престол эмира, ни на социальный строй.

ставе первого восточно-мусульманского стрелкового и кавалерийского полков, а также отряда особого назначения при двух орудиях, ударит в Каракульские ворота.

Фрунзе сделал небольшую паузу и продолжал:

— Правая колонна, состоящая из партизанских отрядов, десятого и двенадцатого стрелковых татарских полков, первого кавалерийского полка, четырех орудий пятьдесят третьего автобронезового отряда и бронепоезда, направит свой удар на Каршинские ворота. Авиация, особая артиллерийская группа со двадцатидвухмиллиметровыми орудиями поддержит правую колонну. Чарджуйская группа из бухарских коммунистов, захватив старый Чарджуй, овладеет переправами через Амударью. Самаркандская группа, наступая через перевал Тахта-Карагач, города Китаб и Шахризьяба, захватит Карши-Гузар и закроет путь войскам эмира на юг...

— Хочу напомнить — Бухара опоясана глинобитными высокими, толстыми стенами. В крепости одиннадцать ворот, сто тридцать одна башня. Так что эмир в этой крепости, как черепаха в скорлупе. Стараться взять его живым...

Фрунзе сделал передышку и сказал, обращаясь к Маджиду:

— При взятии Бухары охрану дворца и памятников старины поручаю лично вам!

Куйбышев что-то прошептал Фрунзе. Михаил Васильевич кивнул головой и снова обратился к залу:

— Обращение к бухарскому народу готово?

Узбек, с огромными черными глазами на бронзовом лице, прочел текст обращения.

В тот же вечер Шо-мирзо ушел снова в Бухару с листовками под халатом.

Рано утром началось наступление войск Фрунзе на старую Бухару.

...Внезапным фланговым ударом Красная Армия чуть не захватила в мешок передовую часть войск эмира, стоявшую под Каганом. Казахи Нуратинского бекства рассыпались, как горох из дырявого мешка. Сарбазы бежали в Бухару, увеличивая панику и всеобщую суматоху в крепости.

Жунус в эту ночь не спал, он задремал только к утру. Его разбудил грохот орудий, сотрясавший город. Дрожали стены дома. С потолка сыпалась штукатурка.

Зажав в клещи Старую Бухару, Фрунзе наносил уда-

ры по двум направлениям: в ворота Шах-Джалал и в Каршинские ворота. По крепости били из тяжелых орудий. Начался штурм.

Жунусу удалось только к вечеру найти имама Агзана, показавшегося ему бодрым и даже уверенным в победе. Но все же имам сказал:

— Если мусульмане уйдут из своей столицы, то так хлопнут дверью, что содрогнется весь мир!

От этих слов Жунуса передернуло, но он ничего не ответил.

Во дворце по-прежнему возлагали большие надежды на афганских стрелков и на арыки. Эмир приказал закрыть главную магистраль, подающую воду.

На следующий день Жунус подошел к медресе Халифа Нияз-Кул. Гвардия эмира палила из четырех башен медресе, с трудом сдерживая натиск красного бухарского полка, наступавшего со стороны Каршинских ворот.

Жунус еще издали увидел мулла и дервишей, столпившихся у башен возле ворот. Одни громко читали молитвы, другие жарко спорили. Имам Агзам разговаривал с шейхом.

Не успел Жунус подойти к ним, как из переулка хлынули афганские стрелки. Они шли четкими и ровными шагами, заполнив узкую улицу. Не зная, куда свернуть, Жунус, подобрав полы халата, тяжело побежал впереди строя.

В это время имам Агзам раскрыл Коран в красном сафьяновом переплете, поцеловал его и пошел впереди толпы мулл. Шейх остался на месте. Ворота распахнулись настежь. Муллы протяжно завопили в один голос и побежали навстречу красному бухарскому полку. Жунус с изумлением наблюдал, не зная, что будет дальше.

Имам Агзам закричал хриплым голосом:

— Остановитесь! Во имя аллаха! Правоверные!

Уродливый дервиш сорвал с себя рубашку и обнажил грудь:

— Стреляйте, мусульмане!

Имам Агзам приложил Коран ко лбу и закричал еще громче:

— Стреляйте в Коран! Стреляйте, мусульмане!

— Будьте вы прокляты! Вероотступники!

— О алла!

Красные вонны растерялись. Некоторые опустили

винтовки. Имам Агзам взмахнул Кораном над головой и упал ниц, за ним попадали муллы. Афганские стрелки открыли шквальный огонь. Но в эту минуту над городом низко пронеслись два самолета. Разорвались авиабомбы: одна над афганскими стрелками, другая в крепости. Имам Агзам, бойко работая локтями, пополз обратно в ворота.

В городе вспыхнули первые пожары. Ярким, бездымным пламенем горел хлопок.

Жунус растерялся, он не знал, что делать. В такие минуты тяжело человеку быть одному. Хорошо бы разыскать Амена.

К ночи началась паника. Крепостные стены кое-где были взорваны. Бои шли на улицах.

— Бегут!— сообщил хозяин дома Жунусу.

— Кто?

— Из дворца!

— Откуда ты знаешь?

— Только что по нашей улице прошли нагруженные слоны. Прямо в Гинджуванские ворота.

Жунус поспешил выйти из дома.

По улице нескончаемым потоком двигались груженные арбы. Жунус заметил Агзاما, сидевшего рядом с шейхом в двухместной коляске. Имам знаками предложил ему место в обозе.

— Твое счастье, что ты увидел нас!— крикнул он.— Не все успели. Даже первый министр...

Дальше Жунус не расслышал. Неподалеку упал снаряд. Испуганные лошади, обезумев от страха, понесли...

Когда эмир с шейхом и старшим евнухом находился в сорока верстах южнее станции Кзыл-Тепе, сарбазы дрались с красноармейцами на улицах и в домах. Из окон и крыш бухарцы ошпаривали наступающих кипятком. Пробираясь сквозь пламя, наступающие проникли на площадь перед цитаделью. Широкая каменная лестница вела к воротам дворца.

В первом ряду красных бойцов бежал Маджид с гранатой в руке, прыгая со ступеньки на ступеньку...

Утро застало Жунуса, не спавшего всю ночь, на кладбище под тенью туркестанского клена. Он обдумывал изречение восточного мудреца: «Память человека — листок белой бумаги, на нее жизнь заносит свои заметки. Время безжалостно стирает их. Остаются лишь чуть заметные следы начертанных жизнью трагедий, большой радости и горечи. Чтобы прочесть эти знаки, надо навести на них яркий луч воспоминаний никогда и ничего не забывающего сердца».

Он навел этот луч и остро ощутил свое полнейшее бессилие. Как щепку, несет его водоворот событий. Трое суток прошло с того дня, как он покинул горящую Бухару в обозе отступавших войск эмира. За что он обрек себя на добровольное изгнание? Мог же он остаться в Бухаре, занятой войсками Фрунзе? Вместо того, чтобы решительно порвать с имамом и перейти на сторону народа, он безвольно последовал за эмиром, искавшим спасения в бегстве.

Когда Агзам предложил место в повозке, Жунус отказался, он не хотел бежать. Но неподалеку в эту минуту разорвался снаряд и напомнил ему о смерти. Страх падающего в пропасть, страх неизбежной гибели охватил его душу. Нет, лучше было бы погибнуть в тот страшный день, чтобы не мучиться сейчас от угрызений совести...

Он вспомнил Нашена, приславшего к нему джигита с приглашением вернуться домой... Зачем он не послушал мудрого акына, передавшего ему через посланца всего девять слов: «Лучше на родине быть последним, чем у чужих султаном...»

Солнечные лучи начали греть спину. Жунус задремал. Ему снилось подземное царство Сулеймана... Огромные змеи подносили на своих хвостах кушания и сладости. Вдруг одна из змей злобно ударила его хвостом по спине. Он вздрогнул и... проснулся.

Рядом стоял Агзам и ласково похлопывал по спине.
— Проснитесь, дорогой мирза, пора ехать! — сказал имам, опустившись рядом на холодный камень. — Коляска разбита. Я нашел подводу. Только придется ехать на ншаке.

Жунус поморщился и ничего не ответил. Они посидели молча, думая каждый о своем.

Имам поднялся, взял Жунуса под руку и сказал:

— Помолимся аллаху и едем.

— Куда?— спросил Жунус.

Агзам удивился:

— Разве Жунусу не известно, куда мы едем?

— Да, мне неизвестно.

— В Гиссар. А там, аллах поможет, на отдых.

— Я надумал другую дорогу.

— Какую?

— Поехать в Ташкент.

Агзам вздрогнул, замахал руками.

— Я вам больше не попутчик, имам!— глухим голосом сказал Жунус.

И Агзам понял, что больше говорить бесполезно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Резкий холодный ветер дул с косогора, рвал низко нависшие тучи и гнал их в сторону Заилийского Алатау.

Аул Айна-Куль оживал после пожара. Медленно возводились саманные постройки. Переехали в новые дома старый акын Нашен и кузнец Токей. Часть беженцев переселилась в станицы Кастек и Узун-Агач, другие поставили себе новые дома в Айна-Куле.

Жунус слез с коня, снял малахай и долго смотрел на снежные вершины Алатау. Слезы бежали по его морщинистым щекам.

Родина!

Жунус не мог оторвать глаз от зубчатой, всегда окутанной сизым туманом горы Прохладной; оттуда, умеряя жар, дул обычно ласковый ветерок. С подножья гор до озера Айна-Куль расстилались альпийские луга. Сейчас они не порадовали сердце Жунуса семиреченскими темно-красными маками, нежно-голубыми незабудками, белыми колокольчиками лилий. Кругом лежал снег. Он прислушался к шуму бурной, вечно говорливой речки Кастек и взглянул на озеро Айна-Куль — опрокинутую чашу в горах.

От аула на гранитный берег озера вела тропинка. Сколько раз по ней ходил маленький Жунус вместе с матерью за водой, цепляясь за подол ее платья.

Жунус закрыл глаза, живо представив свое детство, счастливое, невозвратимое... Ему почудилось, что он ус-

лышал голос матери, вечно хворой, безропотной. Разве можно забыть протоптанную ею тропинку на озеро Айна-Куль!

Родина! Милая, любимая родина!

Жунус подъехал к аулу со смятенным сердцем. Черноголазый карапуз, оседлав палку, носился между юртами.

— Сынок!

Увидев незнакомого седого старика, карапуз умчался. У кого же теперь спросить, где юрта Нашена?..

Словно в ответ, залаяла собака и побежала к нему навстречу. Жунус прищурился — черная с белыми пятном на лбу... Да это же его кобель!

— Карагаска! Карагаска!

Собака наострила уши, перестала лаять. Он еще раз позвал ее. Она завиляла хвостом и легла у ног коня.

«Верный мой пес! Узнал, узнал меня! Не ты ли один сохранил мне верность!»

Жунус наклонился и камчой ласково погладил Карагаску по спине. В родном ауле первым его встречает пес. Как посмеялась над ним судьба! Всеми уважаемый человек в Айна-Куле — теперь он никому не нужен. Забыли! Навстречу не бегут детишки с криками. Никто не взбирается к нему на седло, не обхватывает его шею ручонками.

С озера шла молодая женщина с полными ведрами воды. Она остановилась, уступила дорогу. Жунус поздоровался. Чья она? Силится вспомнить — и не узнал. Робко спросил, где живет Нашен. Молодуха показала рукой, и он направил коня к саманным домам. Они были выстроены на скорую руку, низенькие с плоскими крышами. Из труб вился дымок.

Внимание Жунуса привлек белый пятистенный дом с двумя застекленными окнами. Жунус узнал руку кузнеца Токея. Все сработано умело и с любовью, даже забор отличается от соседних.

Жунус привязал коня к старой рассохшейся двухколесной арбе и торопливо вошел в дом. Потолок низенький, но зато стены белые, чистые. Пол застлан. Справа в углу — деревянный сундук, на нем аккуратно сложены старые одеяла и подушки.

У окна на кошке дремал Нашен. Он недавно вернулся из Узун-Агача. Жунус встал у дверей и по-восточному поздоровался. Нашен приоткрыл глаза. Он старался

приподняться на локтях, услышав знакомый голос.

— Неужели Жунус?

— Да, акын, это я — блудный сын! — Жунус упал на колени и, схватив руки Нашена, припал к ним губами.

Плечи у Нашена вздрогнули. Тяжелые капли слез пролились на белую бороду.

— Вернулся? — как бы не доверяя себе, еще раз спросил акын и сам же ответил: — Хорошо, что вернулся.

Жунус подсел к Нашену.

— Да, дорогой мудрец, я вернулся, как охотник, погнавшийся за хромой серной. Он гнался за ней по пустынной степи днем и ночью. Наконец догнал, а вместо серны оказался... мираж. Потряс сумку — ничего, все выпало. Коня загнал. И остался один в пустыне — пеший, без пищи и воды... Разве я не похож на него?

— Похож. Ты растерял свою славу, оторвался от народа... Мне жаль тебя!

Заиндевшая за годы блужданий голова Жунуса упала на грудь.

— Зачем ты приехал к нам?

Беспощадный вопрос Нашена окончательно обескуражил Жунуса.

— Я приехал с повинной головой!

Нашен не ожидал услышать из уст тщеславного Жунуса правдивый ответ. Он усмехнулся и промолвил:

— Я думал, как разочарованный Коркут¹, ты не найдешь ничего, кроме несправедливости. На днях в Узун-Агаче меня встретил казах из Среднего Жуза. Он сказал: «Где же ваш Жунус? Мы вместе с ним начали большую жизнь. Куда он пропал?» Я ему ответил: «Жунус отстал, ушел обратно с полдороги». Разве это неправда?

Жунус молчал.

— Ты был у своих?

— Нет еще!

— Иди домой. Обрадуй Фатиму. Она сейчас одна. Доставил же ты им горя!..

Жунус вышел от Нашена растерянный. К дому его привела собака. Фатима сидела в юрте у очага и, надув щеки, разжигала огонь. Щупленькая, сгорбившаяся,

¹ Коркут — мифический народный герой — искатель справедливости.

она походила на подростка. Горе придавило ее и согнуло.

— Фатимажан! — позвал Жунус еле слышным дрожащим голосом.

Жена не услышала.

— Фатима! — вскричал Жунус.

Она оглянулась и упала на кошму. Жунусу показалось — от слабости.

Он кинулся к ней, прижал к груди и долго безмолвно слушал ее всхлипывания и ощущал трепет ее маленького тела. Фатима не смогла даже заголосить, как принято в таких случаях. У нее словно отнялся язык. Сколько Жунус доставил ей горя! Одиночество и тоска замучили ее. А дети? Их упреки и скрытая неприязнь ложились на душу бедной Фатимы тяжелым грузом. Неужели теперь, с возвращением Жунуса, настанет хорошая жизнь?!

За чаем Фатима не сводила глаз с мужа, словно сомневалась, точно ли он сидит перед ней.

Она рассказывала про детей:

— Сахажан в городе, женился... — Фатима прикусила язык. «Сказать ему, что на русской? Ах, не все ли равно — русская или казашка — лишь бы Сахажану было хорошо. Отцу не жить вместе!» Но она все же не сказала, заговорила о другом сыне:

— Асхаржан тоже в городе, у брата, учится. А Гульжан вышла замуж. Живет в Кастеке.

— В Кастеке? За русского вышла? — сверкнул глазами Жунус.

— Вы знаете, что было здесь без вас?.. Теперь в Кастеке живут и казахи. Бакен тоже там!

— Бакен! Он вернулся?

— Все вернулись!

Жунус опорожнял пиалу за пиалой. Густой чай с молоком вприкуску с куртмом — что может быть слаще для вернувшегося в родной дом блудного сына... Нет, только не сына, а отца.

А Фатима, глядя на повлажневшее лицо Жунуса, думала: «Вспотел — видно, совестно!»

На другой день рано утром, никому не показываясь в ауле, Жунус уехал в Кастек.

Узнав от Нашена необычайную новость, все аксакалы аула собрались проведать Жунуса. Каково же было их удивление, когда они узнали от Фатимы, что се

муж с утра уехал в Кастек. Все недоумевали и безмолвно смотрели друг на друга.

Нет! Жунус неисправим, конченный человек. Он не уважает не только других, но и себя.

Старики перестали говорить о Жунусе, допустившем дерзкую выходку и непочтение к обычаю.

Гульжан и Бакен встретили Жунуса с радостью, зарезали барана. Бакен привез и Фатиму из Айна-Куля — устроили той.

Жунусу было обидно, что подобной встречи не было в своем ауле, в Айна-Куле. Видимо, такая уж ему цена!

За два дня, проведенных среди близких сердцу людей, Жунус отдохнул душой и телом. Как мало нужно человеку! Жунус словно не скитался по Средней Азии, по Западной Бухаре. Все пережитое осталось позади, как тяжелый сон! На бледном лице его появился румянец.

Два года — небольшой срок, но за это время многое изменилось в Айна-Куле. Гульжан не узнать. Взбалмошная гордая девушка превратилась в спокойную, трудолюбивую женщину, умеющую взвешивать каждое свое слово. Она не высказала отцу ни единого упрека, умолчала о неприятностях, пережитых Сахою из-за Жунуса.

Жунус не предполагал, что бывший соратник Бакен станет его зятем. Ну, что ж, он хороший джигит. Жаль только, что не излечился от своей горячности и по-прежнему любит спорить. Вчера Жунус схватился с Бакеном. Если бы не вмешательство Гульжан, дело могло бы кончиться разрывом.

Рассказав о жизни беженцев в Китае, Бакен закончил:

— Мне кажется, мы сделали ошибку, уйдя за границу.

— А что надо было делать?

— Пойти на соединение с Амангельды. Недавно мне рассказывали, как в Тургае он спасся от карательного отряда.

Бакен подправил волосы, закрывавшие рубец на виске.

— Если ты такой умник, почему молчал тогда?

— А разве вы слушали нас?

— Не нужно блять, как хромая овца после полудня! — с раздражением сказал Жунус.

Этого Бакен не смог вытерпеть.

— Мы тоже убедились в вашей прозорливости! — желчно заметил он. — Отдал нас на съедение волкам, а сам сбежал!

Жунус побагровел от гнева и порывисто вскочил. В этом доме он больше не останется. Но тут подоспела Гульжан.

— Хватит вам! После драки кулаками не машут. За это пострадали не только вы, отец.

Жунус притих. Ему теперь нельзя спорить даже с родной дочерью!

На другой день рано утром Жунус поехал в город к Сахе, взяв с собой кузнеца Токея.

* * *

Вечерний сумрак опустился на город. В домах зажглись огни. Ветви деревьев опустились под тяжестью пушистого снега, как крылья подстреленной птицы.

Сагатов, по обыкновению, приехал в обком на вечернюю работу. Завтра он едет в Ташкент на пленум ЦК партии Туркестана — надо подготовиться. В соседней комнате энергично стучала на «Ундервуде» машинистка, спешила перепечатать необходимые сведения, нужные для Сагатова.

Саха не торопясь снял пальто, меховую шапку, аккуратно повесил их на вешалку и сел за письменный стол. Не успел он раскрыть папку с бумагами, как позвонила Глафира.

— Приехал гость из аула, Токей... Может быть, вернешься пораньше? Он сидит у меня и говорит, что есть очень важное дело.

По взволнованному голосу Глафиры Саха понял, что Токей приехал неспроста.

— Что случилось?

Глафира молчала, видимо, не хотела говорить. Тогда Сагатов сказал:

— Скажи Токею, чтобы он пришел ко мне в обком.

Токей не заставил себя долго ждать. Он появился через полчаса и сказал просто:

— Саха! Вернулся Жунус.

— Где он? В Айна-Куле?

— Нет, здесь в городе. У знакомого...

— Ну, что же, дорогой Токе. Привезите его ко мне на квартиру. А я приду через час.

Оставшись один, Саха задумался. Как поступить с отцом? Может быть, позвонить Басову, посоветоваться? Он отогнал эту мысль. Надо увидеть Жунуса и посмотреть ему в глаза. Надо самому узнать и понять все.

Саха взволнованно курил папиросу за папиросой. Он вспомнил все пережитые из-за отца обиды и оскорбления. Каждый негодяй старался плюнуть в лицо, козыряя именем беглого Жунуса. А если в самом деле Жунус враг?

Саха вынул револьвер и задумчиво посмотрел в дуло. Тогда, тогда... Он вспомнил, как Тарас Бульба убил изменника-сына. Для него счастье народа было выше всего на свете, выше любви к Андрею.

Саха сунул револьвер в карман и снял с вешалки пальто.

...Придя домой, он застал мирную семейную картину. Жунус и Токей забавлялись с Асхаром. Глафира накрывала на стол, перетирала полотенцем чашки.

Увидев вошедшего сына, Жунус поднялся и шагнул ему навстречу.

У Сахи дрогнуло сердце, но он только крепче сжал зубы. Жунус не выдержал сурового взгляда сына и заплакал.

— Зачем вы вернулись?— глухим голосом спросил Саха.

Старик не ответил. Он вытирал слезы, обильно струившиеся по морщинистым щекам.

— Откуда вы едете?— продолжал допрос сын.

— Из Ташкента. Пришел в ЧК и сдался сам. Просидел два месяца в тюрьме. Выпустили. Я просил, чтобы меня судили, но прокурор сказал: «Пусть тебя судит сам народ!»

— Садись, отец!— просто сказал Сагатов, почувствовав, как тает лед в его сердце.

Всю ночь напролет Жунус рассказывал о своем двухгодичном скитании по бухарской земле. Перед сном он вместе с Сахой и Токеем вышел подышать свежим воздухом.

— Смотрите, уже утро!— Сагатов показал рукой на светлеющее небо.

— Да, скоро выглянет солнце!— подтвердил Токей.

Тихая радость наполнила сердце Жунуса. Он всегда любил семиреченское утро. Тысячи раз он мечтал о нем в далеких краях.

За грядой каменных гор еще пряталось солнце, но небо становилось все светлее и светлее... Наступило утро.

Боровое. 1950—55 годы.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

ПОВЕСТЬ

Сумерки подкрались незаметно и быстро, словно вы-ползли из-под колеса комбайна. Еще минуту назад было светло, а сейчас степь покрылась синеваою мглой, только багровые нижние края тучи, низко повисшей над горизонтом, хранили остывающие следы закатившегося солнца. В небе искрами вспыхнувшего костра рассыпались звезды.

Ахан и не заметил, как рядом вырос силуэт человека с палкой в руках. Когда человек приблизился, Ахан узнал Макиша — маленького худощавого старика, известного всем своими злыми шутками. Он был еще довольно подвижен и деятелен для своих лет. Однако сейчас, так показалось Ахану, он едва волочил ноги. Что привело его сюда в такое позднее время?

— Эй, Ахан, это ты? — проговорил старик хрипловатым голосом, подходя ближе.

Его голос услышал и тракторист, куривший в сторонке папироску.

— Куда так торопишься, Маке? — не отвечая на вопрос, спросил Ахан и насмешливо добавил: — Или суюнши хочешь с меня получить?

— Суюнши, говоришь? — старик остановился, опираясь на палку. — Да ты, видать, хитрец. Догадался, значит. А что дашь?

— Смотря за что... — серьезно ответил Ахан, чувствуя что-то недоброе, но тут же отшутился: — Вот если бы ты сказал, что моя жена родила мальчика... Так это еще не скоро.

— Не мальчика, а джигита нашла.

У Ахана сперло дыхание, сердце тревожно заколотилось. Джигита нашла... Опять эта сплетня. Вот уже больше месяца его преследует вкрадчивый шепот, и Ахану

кажется, что люди при встрече смотрят на него как-то загадочно — не то насмешливо, не то сочувственно, — всем своим видом давая понять, что знают такое, о чем Ахан только смутно догадывался. Что бы все это значило? А может, старик просто зло пошутил?

— Что ты мелешь? — почти закричал Ахан и спрыгнул с комбайна, но сразу же пожалел о своей несдержанности. Старик, пожалуй, не заслуживал такой непочтительности. Он с минуту помолчал — серьезный и даже строгий.

— Я не пустомеля, — тихо и твердо проговорил он наконец, — не я научил твою жену обниматься с чужими мужьями...

В глазах Ахана помутилось, и он, высокий и сильный, не помня себя от ярости, двинулся вперед. Дрожащие его руки невольно потянулись к воротнику старика.

— А ну, повтори!

Макиш его оттолкнул.

— Не смей, за кого ты меня принимаешь!

Тракторист, куривший в стороне, бросился разнимать Макиша и Ахана.

— Ахан, что с тобой? Разве ты не знаешь шуток Маке?

— Я не шучу, — покачал головой старик. — Я говорю серьезно. Если не веришь, проверь. Тогда посмотрим, кто из нас глупец.

Ахан, как пьяный, качнулся назад и, не говоря ни слова, зашагал в темноту.

— А комбайн? — растерянно крикнул ему вдогонку тракторист. — Эг-ей, Аха-ан!.. Комбайн останавливать не положено...

— Беспечный! Вернись, слышишь, — громко закричал и Макиш. — Я ведь пришел к тебе с поручением секретаря...

Ахан шел не оглядываясь, быстро растворяясь в сумерках.

— Слышишь! — продолжал звать старик. — Секретарь просил тебя выпустить стенгазету...

«Я тебе выпущу», — злился Ахан, шагая по колючей стерне и чувствуя, как стучит в висках. Оскорбительные слова старика о жене, казалось, летели рядом, как оводы. Нет, Ахан уже не в силах терпеть. Больше месяца преследуют его эти разговоры. Колхозники хихикают,

шепчутся, указывают на него и на Райхан пальцами. Но он докажет, что это клевета. Тогда держись, Макиш!

Из-под сапог, мягко шурша, летели сухие комья земли, голенища хлестала жесткая, как проволока, трава.

Но, может быть, старик не шутил? Да и с какой стати он будет шутить с человеком, который годится ему в сыновья? Без ветра и трава не колышется. Сразу же вспомнился разговор с Райхан. Это случилось в тот невеселый день, когда до него впервые дошли злые людские толки. Что же тогда сказала жена? Ее слова были неясными: «Если веришь людям, верь,— дело твое. Мне же говорить нечего. Но пусть только твое сердце решает те вопросы, которые касаются лично нас». Если бы это значило: «Не обвиняй меня напрасно,— я не лгу. Не верь людям»...

Скошенное поле кончилось, и теперь под ногами кротко шелестела трава. «Шших, шших, шших...» Ахан шел быстро, словно пытался догнать свои стремительные беспорядочные мысли.

Почему Райхан так заметно изменилась после того памятного разговора? Ночью она постоянно ворочается с боку на бок, а утром встает бледная, изнуренная. В ее больших серых глазах поселилось беспокойство.

Нет, не такой была Райхан год назад, когда они поженились. Она просыпалась с песней, засыпала с улыбкой. Целый день в квартире слышался ее звонкий смех. Когда смеялась, она чуть откидывала голову назад, и глаза ее светились доверчиво и тепло. Вот она в халатике ходит по комнате и готовит завтрак. На кухне весело и счастливо запеваает чайник. Райхан подходит к бредущему Ахану, гладит его волосы: «Скоро ли, родной мой? Пора завтракать».

Теперь все переменялось. По утрам стало скучно, еще тягостнее вечерами. Жена не смеялась, не пела, сипло стал напевать их чайник. Что случилось? Неужели Райхан любит толстого Нуржана больше, чем Ахана? Может быть, прав Макиш. Райхан любит Нуржана.

«Да, да, любит»,— внятно прошептал какой-то голос. Ахан остановился и поглядел по сторонам. В степи стояла мертвая тишина. Невдалеке смутно виднелась палатка. Возле нее робко взвизгнул щенок, словно приглашая зайти переночевать.

Ахан машинально повернул к палатке. В палатке никого не было, у входа стоял мотоцикл. А почему бы не

сесть на него и не помчаться туда, куда давно уже улетело его большое сжавшееся сердце? До усадьбы километров пятнадцать. Даже при быстрой ходьбе туда можно добраться часа за два, никак не меньше. А за это время, казалось Ахану, могло произойти что-то непоправимое.

Он сел на мотоцикл, завел его, вырулил на дорогу и, упруго подпрыгивая, понесся во весь дух. Только бы не налететь на кочку и не опрокинуться. Он мигом домчит-ся. Застанет на месте... А там будь что будет.

«Спокойно, Ахан, не горячись. Разум следует за преждевременной вспльчивостью», — высвистывал ему ветер слова покойного отца. И тут же назойливо басил голос Макиша: «Не я научил твою жену обниматься с чужими мужьями».

В желтом плещущемся свете фар стремительно бежали назад тихие придорожные кусты. Так же быстро проносились в сознании Ахана события последнего времени. Кажется, еще совсем недавно он закончил десятилетку и собирался ехать в институт. Но случилось так, что вместо диплома судьба подарила ему милую жену. Это была Райхан, только что приехавшая к ним в аул после окончания медицинского института.

Ахан помнит жаркий летний день, весь золотой от солнца. С реки Оленти тянуло свежестью, и она была так ощутима, что в ней слышался всплеск прозрачной волны. Ахан шел по улице. Вдруг он увидел женщину в белом халате. Она пересекла ему дорогу. Что-то в ней было от этого дня — медлительного и солнечного. Черные тугие косы повязаны вокруг головы, смуглое лицо освещено большими темными глазами. Представьте себе: в далеком степном ауле, где знаешь всех наперечет, вдруг появляется новая женщина, вся в белом, неожиданная и яркая, как само чудо.

Ахан потерял голову. Он полгода преследовал врача, завязал с ней знакомство, ходил на прием и был уже счастлив тем, что посидит с нею рядом, услышит ее голос, смех.

А смех у Райхан... Что за смех! Как певучая волна Оленти. Скажи, река Оленти, не ты ли выплеснула на берег это счастье в белом халате?

Мать нередко предупреждала Ахана: «Ты еще молод, сынок, а она уже женщина. Смотри, как бы ты не стал

посмешищем для людей...» Где там! Он и слушать не хотел.

В самом деле, Райхан старше его. Однажды случайно он услышал ее признание одной пациентке: «Мне уже тридцать». Ей, правда, не поверили, но Райхан не лгала. Но какое дело было до этого Ахану? Счастье всегда выглядит молодым.

Райхан работала в соседнем колхозе. Вечером, забежав из МТС домой и переодевшись, Ахан широко и поспешно шагал к заветной больнице. Это были самые счастливые минуты в его жизни. Райхан заканчивала прием, потом они шли гулять.

Тихая голубая Оленти! Ты прекрасно знаешь, как это случилось. Райхан садилась на камушек у самой воды и рассказывала о себе. Она хорошо рассказывала о себе. В волнах плавали звезды и струился вытянутый лик луны.

Каждая новая ночь точно отрезала от луны кусочек. Голубоватый свет ее становился призрачнее, слабее, но Ахан, наоборот, чувствовал себя увереннее. В его гибком теле зрела непонятная сила, и уже не деревянел, как прежде, язык. Однажды, когда на небе не стало луны, Ахан, проводив свою возлюбленную, долго сидел около своего дома, курил папиросу за папиросой. Потом встал и решительно двинулся в темноту. Райхан его не ждала, долго не открывала дверь, но, когда открыла, растерялась и не знала, что сказать. Он молча подхватил ее на руки, как ребенка, и медленно вошел в пропахшую теплом знойного дня комнату...

Поженились они позже, после того, как в его родном ауле перестала существовать МТС. Он переехал в колхоз, где работала Райхан. Собственно, это была ее воля. А надо было бы не соглашаться и перевезти Райхан в свой аул. Уж здесь-то Нуржан не издевался бы над ним. Что надо этому толстому, плешивому председателю? У него жена, трое детей, он ездит в голубой «Волге». Неужто он бросит жену с детьми и женится на Райхан? Или, может быть, он хочет посмеяться над ней? Но Райхан далеко не легковерна и характер у нее сильный. Кроме того, Нуржан намного старше Ахана.

Фары вдруг выхватили из тьмы лежавшую на обочине корову: значит, он уже подъехал к аулу. Большой саманный дом мрачно надвинулся на Ахана, радужный венец от луча фар заплясал на белесых стенах, заискрились погашенные окна. Это была больница. В двух

комнатах по ту сторону живут он и Райхан. Заглушив мотор, Ахан повалил мотоцикл на землю и стал красться ощупью к ближнему углу дома. В окнах света не было. На глянцевой черноте стекол трепетали крупички — отражение звезд. «Свет погашен, он у нее», — догадался Ахан и вдруг поспешно, забыв об осторожности, стал шарить по земле, надеясь найти увесистый булыжник. Рука неожиданно нащупала бутылку с разбитым горлышком. «Выпивали!» — пронеслось в голове. С кошачьей осторожностью Ахан подкрался к двери, потянул на себя ручку. Дверь была заперта изнутри. Тогда он, пригибаясь, двинулся к окну. В комнате ни звука, должно быть, уже спят. Ахан снова вернулся к двери, крепко обхватил холодную ручку и что есть силы рванул ее к себе. С громким скрежетом сорвался крючок, дверь распахнулась настежь. Ахан ворвался в сени, ударился о внутреннюю дверь. Она также была заперта. Он начал исступленно колотить кулаками. И снова в комнате ни звука. Спустя немного с противоположной стороны послышался приглушенный женский голос:

— Кто там? Дверь ломаете...

«Голос незнакомый. Кто же это? А-а, санитарка!»
Сразу обмякли мускулы.

— Это я! Отвори... — хрипло приказал он.

— Ой, аллах! — удивленно воскликнула санитарка, отодвигая засов. — А я думала пьяный!

— Где Райхан? — коротко спросил он,

— Райхан дома нет...

— Где она?

— Уехала в райцентр.

— Когда?

— Вечером.

— С кем?

— С председателем.

Ахан прошел в темную комнату, тяжело опустился на стул.

* * *

Когда Макиш тихо и без стука вошел в кабинет врача, Райхан порывисто оттолкнула от себя Нуржана и густо покраснела. У Макиша озорно залучились прищуренные глазки.

— Ты искал меня, председатель? — спросил он насмешливым голосом.

Нуржан ответил не сразу. Голос его прозвучал резко: — Вызывал! Чем попусту шляться по аулам, лучше помог бы в поле. Сходи на второй ток, отнеси почту. Затем иди на первый и передай комбайнеру Ахану, чтобы он выпустил стенную газету. Ему это поручили вчера на партийном бюро.

Райхан неподвижно сидела на стуле. Сердце ее глухо колотилось. Теперь все будет известно Ахану. У старика болтливый язык. А Нуржан как будто не понимает — именно сейчас посылает старика к мужу с поручением.

Макиш так и ушел с прищуренными глазами. После его ухода Райхан все еще оцепенело сидела на стуле и невидящими глазами смотрела на дверь.

— Что с тобой, Райхан? — голос Нуржана прозвучал, как никогда, тепло.

Она посмотрела на него с упреком.

— Оставь меня в покое, прошу! Если узнает Ахан, будет скандал. А старик все видел.

— Милая! — Нуржан попытался поймать ее руку, но Райхан отошла к окну. Он шагнул за нею, но она отстранила его.

Стоя в двух шагах от нее, Нуржан страстно проговорил:

— Я люблю тебя.

— Сегодня меня, а завтра другую...

Райхан говорила и серьезно, и с едва уловимой насмешкой. Это заметил и председатель. Вот так всегда. Но сколько бы она ни пыталась обрывать Нуржана, мужество изменяло ей.

Он махнул рукой так, будто в кулаке у него была зажата камча.

— Я люблю тебя и никого больше...

Райхан криво улыбнулась.

— Кто тебя поймет. Вот так ты и жене говорил.

— Не шути! Ты давно заслонила собою мою жену...

Нуржан опять приблизился к ней, но Райхан снова отшатнулась. «Как легко говорит он о любви», — подумала она про себя.

— Мне пора ехать, ждет секретарь райкома, — другим тоном сказал Нуржан. — Если надо в райцентр, поедем, подвезу с ветерком.

«Вот тебе и признание в любви», — снова подумала Райхан, но вслух сказала:

— Да удобно ли нам ехать вместе?

— Ты же не стеснительная барышня, Райхан. Подумай, ну что такого: врач едет вместе с председателем. Значит, так и нужно.

— Я побанваюсь злых языков.

— И зря. Через полчаса я заеду,— уверенно заключил он.

Полнеющий рослый Нуржан пригнулся, выходя в дверь. Райхан проводила его задумчивым взглядом, не поднимаясь со стула. Перед глазами возникли двое и стали тесниться, не уступая друг другу места. Первый — смуглый, стройный, кудрявый парень: в его задумчивых влажных глазах — упрек. Второй — крупный, тяжелый, с мужественной улыбкой в уголках губ. Слова его волнуют, характер властный, и почему-то, когда он говорит, хочется молчать и крепко-крепко прижаться к его широкому плечу. Правда, Нуржан далеко не красив, у него большой нос, толстые губы, но есть в нем необъяснимая увлекающая сила.

Райхан встряхнула головой, порывисто встала и опять опустилась. Неожиданно ей показалось, что сзади стоит Ахан,— лицо его блее халата. Нет, надо взять себя в руки!..

Потом она прошлась по комнате, постояла у окна. Позвала санитарку, попросила ее присмотреть за квартирой. Машинально сняла с электроплитки кастрюльку с молоком, налила в пиалу, выпила. Стало немного легче. Наконец медленно, словно против воли, переделалась... В зеленом костюме и сером шелковом плаще Райхан подошла к тускло поблескивающему зеркалу. Из коричневой рамы навстречу ей двинулась почти чужая женщина и стала поправлять вьющиеся на висках и узлом собранные на затылке тугие волосы. Райхан всматривалась в свое такое незнакомое на этот раз отражение. Цвет лица не темный и не белый. Расширенные глаза глубоки и туманны. Яркая нижняя губа чуть-чуть выступает вперед, точно говорит: «Поцелуйте меня». В детстве Райхан считала ее уродливой.

За окном три раза просигналили. Она, хотя была одета, вышла из дома не сразу. Навстречу суетливо бросился Нуржан. Широким жестом он открыл дверцу «Волги», усадил Райхан и сел сам, но не с водителем, а с нею рядом.

Когда машина рванулась вперед, Нуржан повел ни к чему не обязывающий разговор об урожае и погоде.

Райхан слушала молча. Слова были слишком обыденными, малозначительными. Видно, он побаивался шофера, Райхан поймала себя на мысли: ей захотелось, чтобы Нуржан, отбросив осторожность, открыто заговорил о своей любви. Искоса поглядывая на его широкую грудь, она вдруг с грустью поняла, что очень мало знает Нуржана. Может, он совсем не такой, как кажется, может, он смеется над нею.

Когда-то Нуржан окончил сельскохозяйственный техникум, участвовал в Отечественной войне, потом, недолго проработав в райцентре, вернулся в свой родной колхоз. В том же году женился. Жена его — женщина скромная, малообразованная. У них есть двенадцатилетний сын. Помнится, впервые они встретились с Райхан в больнице. Он пришел помочь молодому врачу добрым словом. Был он сдержан и вежлив. Правда, скоро, слишком скоро после этой встречи, Нуржан начал говорить ей: «Ты моя любовь», но право же, это звучало не больше, как товарищеская шутка. Этим летом Нуржан стал особенно настойчивым. Ей часто не нравилась его самоуверенность, насмешливые огоньки в глазах. Да и не зря Ахан враждует с ним. Недавно он сказал: «Мы с председателем как кошка с собакой».

Райхан слегка покосилась на Нуржана и вздрогнула. У него были нежные, о чем-то молящие глаза. Он весь напряжен и, казалось, готов тут же схватить ее и расцеловать. Нет, наверно, его чувство было по-настоящему глубоким. Таковую же мольбу в глазах Нуржана Райхан видела три месяца назад, когда Ахан уезжал на пленум комсомола. Она еще лежала в постели. Неслышно приоткрылась дверь. Не сразу почувствовала, что кто-то упорно смотрит на ее неприкрытую одеялом грудь. У порога безмолвно стоял сумрачный, с горящими глазами Нуржан. Неужели в то утро и она полюбила его?

Кто-то осторожно сжал кисть ее руки. Она встрепнулась. Снова Нуржан. Высвободила руку. Отвернулась.

Было уже поздно. В окнах двухэтажного здания райкома светились огни. У входа толпились люди. Райхан и Нуржан поднялись на второй этаж, вошли в приемную секретаря. Молоденькая девушка сразу узнала председателя:

— Здравствуйте, здравствуйте. Товарищ Ташмагамбетов уже ожидает вас. Только что справлялся...

— Кто у него?

— Недавно ушли председатели колхозов имени Тельмана и имени Ленина. Он теперь один. Заходите.

В залитой электрическим светом комнате сидел за столом рыжеватый, в очках, человек. Он оторвался от бумаг, удивленно посмотрел на Райхан, словно спрашивая: «Кто это?» О секретаре Райхан слышала и раньше, но встретилась с ним впервые. Он привстал, вздернув такие же рыжеватые, как и волосы, брови:

— Ну, товарищ Кайрбаев, что же это получается?..— Его руки, покрытые пушком, тяжело легли на бумагу, лежащую перед ним на столе.— Вы против раздельной уборки? Почему?

Пальцы слегка постучали по бумаге. Вид секретаря, требовательный голос и особенно пальцы, барабанившие по бумаге, не понравились Райхан. Должно быть, этот человек не любит, когда ему возражают. Она искоса взглянула на Нуржана, и в сердце ее сразу потеплело. Председатель не оробел, не растерялся. Он смело улыбался, непринужденно глядя на серьезное лицо секретаря.

— Кто сказал, что я против, Хаке? Ничуть нет. Но говорил тогда, говорю и сейчас: надо быть осмотрительным. Что если пойдет дождь и мы не успеем убрать валки?

— А как же убирают на Дону, Украине?— с усмешкой проговорил Ташмагамбетов.— Разве у них дождей не бывает?

— У них в это время больше солнечных дней. Да и хлеб поспевает раньше. Его убирают до осенних дождей. У нас же в этом году весна поздняя...

Нуржан говорил неторопливо, твердо веря в свою правоту. Верила его словам и Райхан.

— Ну что ж, допустим, так!— Лицо секретаря стало серьезным, голос окреп и руки как будто стали спокойнее.— Значит, будем ждать, пока созреет вся пшеница! Максимум — через десять дней, минимум — неделя. Но ведь тогда будем убирать не зерно, а солому. Если подует суховей, тогда и зернышка не сыщешь. Но и это ведь не все. Когда созреет вся пшеница,— то есть через десяток дней,— потребуется еще недели две, чтобы ее убрать. Тут и зима по носу щелкнет!.. Вот к чему может привести ожидание.

Умные насмешливые глаза Ташмагамбетова буравили председателя. Нуржан, казалось, проиграл. Он сидел молчаливый, угрюмый, и Райхан неожиданно почувство-

вала, что теперь был сильнее секретарь. Зазвонил телефон. Ташмагамбетов взял трубку, кому-то ответил и вновь вернулся к прерванному разговору:

— Вот ты говоришь: посмотрим, поглядим... А сам будешь в это время...— Он едва ли не притворно закашлялся.

Райхан мысленно продолжила оборванную фразу: «... в это время на своей машине возить женщин». Словно защищаясь от удара, она втянула голову в плечи.

— ...будешь в это время прохлаждаться на своей «Волге»?— закончил, прокашлявшись, Ташмагамбетов.

Райхан вздрогнула и отвела глаза в сторону. Нуржан рассмеялся. Теперь ей стало весело. Она подумала: «А ведь Нуржан ведет себя так потому, что хочет смягчить разговор». Ташмагамбетов снял очки, протер их носовым платком, надел снова.

— Сейчас возвращайся в колхоз и переключай бригады на уборку. Я завтра сам проверю! Но если... на меня потом не обижайся!— Он не сказал слова «не выполнишь».— На этом и закончим. А у вас что?— повернулся он к Райхан, с вежливой теплотой глядя ей в глаза.

— У меня... небольшой буйымтай¹,— немного оробев, тихо произнесла она.

— Буйымтай?— Секретарь удивился, услышав давно позабытое слово.— Буйымтай!— повторил он, как бы восхищаясь этим словом.— Ну, выкладывайте свой «буйымтай».

Ободренная его улыбкой, Райхан заговорила торопливо и горячо:

— В нашем колхозе есть легочники. Необходимо выписать из Акмолинска передвижной рентгенкабинет. Во время уборки посылать людей в район на рентгеноскопию — значит терять время. Кроме того, мне хочется узнать: кто здоров, а кто болен. Всех. Это большое дело.

Секретарь слушал ее внимательно, пристально глядел ей в глаза. Потом снял телефонную трубку, вызвал главного врача больницы. Пока там искали главного врача, Ташмагамбетов снова повернулся к Райхан:

— А вы уже обращались в облздрав?

— И не один раз... Отговариваются, что направили в другой район.

Не дослушав, он поспешно крикнул в трубку:

¹ Б у й ы м т а й — просьба (старинное казахское слово).

— Главврач? У меня здесь ваш коллега из колхоза «Ажы». Она приехала с интересным предложением: проверить через передвижной рентгенкабинет людей в масштабе всего района. Кто? Очень хорошо... Приходи завтра ко мне, будем говорить с Акмоллинском.

Он положил трубку.

— Ну, еще какой у вас буйымтай?— видимо, это слово ему понравилось.

— Медикаментов маловато,— уже более смело сказала Райхан.— Почти нет хирургических материалов: ваты, бинтов. Вы же знаете, трудно уберечься от травм во время уборки.

— Что верно, то верно!— вздохнул секретарь.— Я, пожалуй, завтра возьму с собой заведующего аптекой. Пусть решает на месте, сколько кому нужно медикаментов. Здесь-то ему легко отказывать.

Когда прощались, Ташмагамбетов показался ей совсем не таким суровым. «Почему же он не понравился вначале?— подумала Райхан.— Видно, я так мало разбираюсь в людях».

* * *

На улице Нуржан взял ее под руку, засмеялся.

— Надо срочно выезжать!

Райхан поняла, почему он смеется.

— Да. Надо. Секретарь строгий. Но у меня еще больница...

— Тогда поезжай на машине, а я здесь поговорю со знакомыми.

— Хорошо.

Нуржан зашагал к магазину с золотисто-желтыми витринами. За их гнутыми стеклами стояли бутылки с разноцветными этикетками, поблескивали консервные банки, горкой поднимались пряники, просохшие до звона, лежали аляповато раскрашенные макеты колбас и сыров. Двое мужчин в полусвете витринных ламп украдкой пили водку.

Один из них повернулся, взглядываясь:

— Уай! Да ведь это «Ажы»,— сказал он и ткнул в сторону Нуржана.

Это был Тажен, председатель соседского колхоза, и какой-то незнакомый худощавый человек.

— Ай-ай-яй, «Тельман»! Колхозники хлеб убирают, а

ты водку пьешь,— с притворной строгостью пристыдил его Нуржан. В этих краях председатели обращаются друг к другу не по имени, а по названию колхоза.

— Зря обижаешь!— ответил за Тажена худощавый джигит.— Без вызова тут не шатаются.

— К нашему огоньку!— позвал Нуржана Тажен.— Или героем стал, что зазнаешься?

— Герой не герой, но свидетель — точно!— не упустил Нуржан случая уязвить председателя колхоза имени Тельмана.— Видел, как ты выходил из райкома. Как побитый, голову поднять боялся. Что, пощипали перья?

Тажен — удивительный человек. В рот ему палец не клади — откусит начисто. И смел ведь, шайтан! Недавно на пленуме райкома партии он критиковал самого Ташмагамбетова. Хозяин он деловой, рачительный. Нуржан на него смотрит всегда с внутренней завистью. Сейчас как нельзя кстати подвернулся случай разведать, что думает Тажен о раздельной уборке.

— Ну как, приступил?— затронул волновавший Нуржана вопрос сам Тажен.

— К чему?

— К чему да к кому! Понятно, к раздельной...

— А ты?— беззаботно спросил Нуржан, словно его это и не интересовало.

Тажен поднес к губам стакан, глотнул и тыльной стороной ладони вытер рот.

— Уже убираю. Дремать нечего, если дело выгодное.

— Что ты торопишься, как на байге?— осторожно заметил Нуржан.— Разве бывало так, чтобы одну и ту же пшеницу два раза убирали, а?

— Ты и Ташмагамбетову так же говорил?— улыбнулся Тажен.

— Да. В прошлый раз. Теперь он и слышать не хочет.

— Сколько в этом году у вас посева?— обратился к Нуржану худощавый.— Двадцать тысяч гектаров?

— Двадцать. А вы откуда знаете?

— Я бухгалтер колхоза им. «Тельмана».

— За сколько дней собираешься убрать?— любопытно спросил Тажен.

— Каждая бригада должна убрать в день около трехсот гектаров. Это вполне возможно при хорошей погоде. Думаю уложиться в восемнадцать дней.

— Если не просчитаешься, то закончишь раньше нас. Тогда нам придется отдать тебе переходящее знамя,—

сказал Тажен, прощаясь.— Но держись! Так просто мы знамя не отдадим...

Они ушли. Несколько минут Нуржан стоял, размышляя: может быть, он зря боится раздельной уборки?! Этот чувствует себя уверенно, не сомневается. Пожалуй, следует еще раз посоветоваться с агрономом.

В магазине он купил бутылку водки и красного вина «Казахстан». Хорошо бы коньяку! Но где уж там...

Ругая про себя торговых работников, он, широко шагая, отправился искать свою «Волгу». В темноте с шумным гомоном шли парни и девушки.

«Почему Ташмагамбетов был сегодня строгий?— размышлял Нуржан.— Или в обкоме проутюжили? Нет, нет! Тут что-то другое». Пройдя еще несколько шагов, он приостановился от неожиданной мысли! «Может быть, секретарю не понравилось то, что я привез с собой Райхан? Разве может быть сейчас на уме секретаря что-нибудь, кроме раздельной уборки! Но Тажен хитер, ох как хитер! Скрыл, Алдар-Косе, свое истинное намерение. Видно, стремится к тому, чтобы никто его не опередил. Пусть, мол, Нуржан убирает раздельно, а сам завершит уборку старым методом. Не выйдет! Не такой уж Нуржан наивный, чтобы бухнуться в пропасть, зажмурив глаза. Он еще все взвесит...»

— Так можно под машину попасть!— раздался совсем рядом знакомый звонкий голос.

Нуржан остановился. В освещенной кабине «Волги»— милая головка Райхан.

— Прямо во вторую бригаду,— неуклюже влезая в машину, приказал он шоферу.— Через Коржункуль поедем.

Близкое соседство Райхан опять вернуло его к мысли о Ташмагамбетове. С ним Нуржан встречался еще на фронте. В те уже далекие годы он ничем не выделялся среди своих боевых сверстников. И вот смотри, как переменялся. Не успеешь к нему войти в кабинет, он начинает спрашивать: «У тебя ко мне дело?» И тут же начинает хлопать по плечу — выпроваживает. И куда он вечно торопится?

— О чем вы думаете?— мягко спросила Райхан.

Нуржан ответил не сразу. Помолчав, он признался ей в том, о чем только что думал.

Райхан вступилась за Ташмагамбетова.

— Он тебе понравился?— перебил ее Нуржан.

— Да. По-моему, он умный и дельный.

— Подумаешь! Взъерошился, как еж,— бурчал председатель.— Я же не против отдельной уборки. Но пока в ней проку не вижу. Пусть начнут другие, покажут...

— Видимо, он хочет, чтобы «Ажы» первым за нее взялся,— ласково ответила Райхан.

— Пусть начинает «Тельман». Мне кажется, он вместо себя подставил меня. Тоже что-то выжидает...

Оба замолчали. Машина подъезжала к току второй бригады.

Стояла глубокая тишина. Слышно было, как где-то рядом, в темноте, в брезентовых палатках всхрапывали комбайнеры и трактористы...

— Где бригадир?— резко спросил Нуржан.

Из палатки вышел заспанный бригадир.

— Колосья еще совершенно зеленые,— полусонно сказал он, протирая глаза.— Ума не приложу, что делать. Притом приезжал агроном и не разрешает. Повремени, говорит, немного.

В безмолвии ночи голоса звучали особенно громко.

— А где агроном?

— Поехал в третью.

— Значит, и завтра не начнешь? А райком нажимает — понимаешь?

Бригадир ответил спокойно:

— Пока не понимаю одного: к чему эта отдельная уборка? Чтобы зерно не перестояло и не высыпалось? А будет лежать, потеряем больше. Кабы не получилось так, что скосить скосим, а собирать аллаху придется.

Бригадир как будто прочел мысли Нуржана. Председатель заволновался. «Черт возьми, хорошо им давать директивы, а мне-то как. Ведь если разобраться, то, прежде всего, я за весь хлеб отвечаю».

— Потерпим еще денек,— соглашаясь, сказал он бригадиру.— Послезавтра заеду с агрономом. Появится секретарь — ни гу-гу... Направь ко мне...

— И «Волга» снова помчалась вперед, но уже по узкой дороге, пересекающей посеvy. В раскрытые окна лезла пшеница, с тревожным звенящим шелестом билась о бока. На крылья машины мелкими дробинками падали созревшие семена. Казалось, что стучит мелкий дождь. С пригорка ночное поле, освещенное фарами, было похоже на море с золотисто-зеленоватой водой.

— Может быть, действительно убирать рано?— за-

думчиво сказала Райхан, но в ее словах был и другой оттенок — согласие: она принимала сторону Нуржана.

... К третьей бригаде добрались только к утру: шофер сбился с дороги, и пришлось плутать по степи. Райхан заметно устала и полудремала в углу машины. Ее разбудил громкий разговор Нуржана с агрономом.

— В газетах пишут, раздельная уборка выгодна,— говорил агроном, немолодой человек в кирзовых сапогах.— Я лично еще не убежден в этом. Посмотрим, как будет убирать первая бригада. Можно и по-старому. Но если в райкоме настаивают, то не выполнить никак нельзя. Словом, решайте сами.

Агроном отвел глаза в сторону. Нуржан насупился: «Что метет, как лиса хвостом?»

— Поедем со мной в колхоз, обсудим на правлении или на партбюро,— предложил Нуржан, а про себя подумал: «Решение бюро — это на случай, если Ташмагамбетов вцепится в меня, как беркут».

— Ладно!— ответил агроном.— У меня мотоцикл — догоню.

В степном великолепии вставало душистое глубокое утро. «Волга» остановилась на берегу Оленти. Белые стволы берез под лучами восходящего солнца... На востоке клубились нежные опаленные облака, тонкий туман стлался по травам. А когда туман начал расходиться, степь засверкала так, словно лучи солнца заиграли в тысячах осколков зеркал. Жаворонки заливались в вышине, будто их занесли в небо солнечные стрелы.

Нуржан вдохнул полной грудью, взглянул на Райхан. В сердце что-то томительно-сладко сжалось. Пора завтракать.

Он поставил на разостланные газеты водку, вино, захваченное из дому вареное мясо. В березах счастливо звенела какая-то птица.

— Я измучил тебя, Райхан, правда?— спросил он без сожаления в голосе.

— Ничуть. Водки мне не надо, не пью.

— Кто поверит, что врач не пьет? Не так ли, джигит?— взглянул Нуржан на своего шофера Есбола. Лицо юноши было бледным, утомленным бессонной ночью.

— АпаЙ выпьет вот этого красного,— деликатно ответил Есбол.

— Что значит «апаЙ»?— рассердился Нуржан.

— У нас, **казахов**, так всегда: «апаЙ» либо «жен-

гей»,— сказала Райхан, и Нуржан уловил в ее словах нотку неудовольствия.

— Садись в машину, помой ее в реке, скоро опять поедем,— сказал он Есболу. «У юноши длинный язык. Если бы не болтливость шофера, за ночь можно было бы раскрыть перед Райхан всю душу».

Есбол уехал к реке. Наступила тишина. В березках опять прозвенела неизвестная птица. Нуржан наклонил над стаканом бутылку с темной влагой. Райхан выпила не сразу. Через стакан она несколько минут смотрела на всходившее солнце, а когда выпила, повлажневшие ее губы ярко заблестели. В это время Нуржан чуть-чуть подался к ней, пристально рассматривая белозубый улыбающийся рот. Райхан подняла замутившиеся глаза, нахмурилась. Как сквозь сон прозвенела раскатистая трель птицы. Где-то близко зажужжала пчела. Нуржан, не отрываясь, настойчиво смотрел теперь в глаза Райхан.

Она легко поднялась на ноги. Тяжело встал и он, грузный, высокий, с широкой грудью. Безотчетный страх сорвал Райхан с места, понес к березовой роще. Она слышала за собой тяжелые быстрые шаги — или это гудело в ее ушах, но, когда обернулась, увидела: Нуржан, отстав, бежит следом за нею. Он взмок от пота, остановился. Райхан исчезла за густыми кустами. «Легка, как щенок тазы¹»,— подумал он, кляня свою неповоротливость.

— Райхан!— позвал он и неожиданно очутился лицом к лицу с ней.

— Дорогая...— с жаром прошептал Нуржан, крепко схватив ее за плечи. Птицей забились она у него в руках. Поднялся и зашумел в листве ветер, ниже склонились ветки кустарника. Слышнее стал запах цветов. Цветами пахли и губы Райхан.

* * *

В ночи едва-едва повеяло утренней свежестью, а Ташмагамбетов был уже в дороге.

Ущербный предрассветный месяц слабо освещал сонные окрестности. Ташмагамбетов, пожалуй, не помнил, когда последний раз спал спокойно до утра. Теперь его жизнь протекала в поле, в кабинете, в машине. Жена только вздыхает: «Измучился весь».

¹ Тазы — гончая.

Машина мчалась проселочной дорогой, рассекая холодный предутренний воздух. Рядом с машиной в небе бежал и бежал узкий серп бледного месяца. Впереди в беловатом тумане мелькнуло озеро Қоржункуль. Вдруг шофер резко затормозил машину.

— Что случилось?

— Смотрите направо!— указал шофер.

У обочины дороги стоял мотоцикл, рядом на траве лежал человек. Ташмагамбетов и шофер вылезли из машины и подошли к лежащему.

Едва шофер тронул лежавшего за плечо, как у того вздрогнули ресницы. Заспанные глаза его широко раскрылись от удивления, «Где я?»— точно говорили его брови, сдвинутые к переносью. У юноши было милое тонкое лицо, курчавые, спутанные, в пшеничных остях волосы. Где и когда Ташмагамбетов видел его?

— Ты кто?

Юноша, видимо, узнал секретаря, взволнованно встал, слегка покачиваясь спросонья на тонких стройных ногах.

— Я из колхоза «Ажы».

— Фамилия?

— Альжанов. Ахан. Работаю комбайнером в первой бригаде.

— Вчера говорили, что ты на комбайне...

Ахан кивнул головой.

— Почему ты здесь с мотоциклом?

Юноша опустил глаза, густо покраснел. Крепко сжатые губы побелели, а руки нервно мяли выгоревшую кепку.

«Что-нибудь натворил!— подумал секретарь.— Или с кем-нибудь не поладил и поехал в район жаловаться».

— Ну, что у тебя, говори,— ласково попросил секретарь.

Ахан недоверчиво взглянул на шофера, и Ташмагамбетов догадался: «Стесняется постороннего».

— Иди к машине,— кивнул он шоферу, а сам сел рядом с юношей.— Ведь это тебя, Ахан, мы принимали в прошлом году кандидатом в члены партии?

— Меня,— ответил юноша, провожая взглядом уходившего шофера.

— Так вот. Помнишь мой вопрос: «Коммунист, скрывающий от партии...»

— Нет-нет! Я ничего не скрываю, товарищ секретарь! Мне просто обидно...

Слово «обидно» он произнес по-русски и вдруг заплакал навзрыд, отвернувшись от секретаря. Ташмагамбетову стало жаль юношу. «Что-то случилось серьезное». Не подавая виду, он вытащил из кармана портсигар, протянул его Ахану.

— Кури!

Комбайнер неохотно взял папироску, закурил и, казалось, немного успокоился.

— А знаешь, я впервые вижу плачущего мужчину,— начал секретарь, стараясь не выдавать голосом своей жалости и беспокойства.— Да-да, впервые. Теперь редко плачут даже школьники. Это ведь слабование, самая плохая черта джигита.

Юноша продолжал молчать, покусывая губу; из-под бровей сверкнули острые, гневные глаза.

— Что случилось? Кто тебя обидел?— быстро спросил Ташмагамбетов.

Комбайнер опустил голову, хрипло, нехотя произнес:

— Председатель.

— Председатель?— удивился секретарь.— Нуржан?

Ахан глубоко вздохнул и посмотрел куда-то в степь.

— Если вы никому не скажете...

— Даю слово!

— Понимаете... тут такое... Райхан — моя жена... Они уехали в райцентр... А Макиш все видел...

Ахан рассказывал сбивчиво, отрывками, то и дело затягиваясь папиросой. Ташмагамбетов легко понимал его недоговоренные фразы, паузы, движение губ и бровей, и все больше и больше сутулился.

— Потом я пошел к Нуржану,— скороговоркой закончил рассказ Ахан.— Дома была его жена, спала. Я вернулся к больнице, чтобы найти спирт. Но санитарка не пустила. Зато продавец магазина— у него всегда на квартире водка на случай— сунул мне пол-литра. Я выпил и на мотоцикле понесся в район. Да вот упал тут на дороге и заснул...

Теперь они сидели молча, погруженные в раздумья.

«Неужели Нуржан?..— думал Ташмагамбетов, глядя на разгоравшийся восток.— Похоже ли это на него? Жена, дети... Что же это? Любовь? Что-то я сомневаюсь. Но вмешиваться в жизнь юноши, который годится ему в сыновья,— это черт знает что такое!».

Ташмагамбетов стиснул ладонями виски: «Нет, скорее всего это сплетня!» Он повернулся к Ахану, несколь-

ко мгновений любовался его тонко очерченным профилем.

— Макиш старый бездельник. К тому же, наверное, лгун...

Ахан едва заметно качнулся из стороны в сторону, тихо возразил:

— Макиш — не бездельник. Он странный человек, но честный.

Утро уже наступило. Сквозь теплые облака струились прямые лучи. В степи у обочины дороги сидели двое мужчин — один зрелый, умудренный жизнью человек, другой — только что вышедший в самостоятельный путь. Думали эти двое об одном и том же.

«Все это сплетни! — продолжал размышлять секретарь, разглядывая молодое лицо Ахана. — Парень симпатичный, статный. Чем может привлечь ее неуклюжий Нуржан? А, впрочем, кто его знает...»

Ташмагамбетов положил на плечо Ахану руку.

— Брось, Ахан! Как бы ты своей ревностью не убил любовь. А теперь поехали. Посмотрим твой ток.

Ташмагамбетов хотел было дружески пошутить над излишней ревностью молодого комбайнера, но тут же раздумал.

Ахан встал.

— Я следом за вами на мотоцикле.

Ташмагамбетов сел в машину. Шофер вывел ее на слабо обозначенную дорогу, проложенную через пшеничное поле. Со всех сторон слышен был звенящий шелест волнующихся колосьев. Ташмагамбетов на ходу сорвал несколько колосьев. «Еще зеленоваты, — посетовал он, рассматривая колоски, — через неделю созреют. Но подует ветер — и колосья обобьют друг друга. А если скосить сейчас, зерна дозреют в валках, потерь не будет».

И снова смотрел на золотящиеся хлеба и вслушивался в почти металлический перезвон колосьев.

Опять он возвращался мыслями к спорам с председателями колхозов. Черт возьми, не так-то легко их убедить, не все верят. Ведь так прежде не убирали. Вчера, например, Нуржан обещал начать раздельную в двух бригадах, а сегодня, видно, передумал. Что-то никого нет в поле.

Писка машина петляла по дорогам, настроение у секретаря окончательно испортилось. Легкие облачка, не-

давно золотившиеся на востоке, сгустились. Собиралась гроза.

«О чем только думает председатель,— разозлился Ташмагамбетов.— Вместо того, чтобы заниматься делом, он...»

Секретарь вспомнил грустные глаза Ахана и оглянулся назад. Далеко позади пылил мотоцикл.

Ташмагамбетов остановился на току первой бригады. Разговор сразу начался о самом главном. Чувствовалось, что раздельная уборка волнует колхозников не меньше, чем самого секретаря. И все-таки у многих звучали нотки сомнения.

— Мы не против раздельной уборки,— сказал бригадир, мужчина с тонкими усиками на красном от загара лице,— но у нас нет опыта, и мы опасаемся.

Ташмагамбетов не впервой встречал этого бригадира. Говорил он обычно мало, но когда уверенно брался за дело, то работа кипела в его руках.

— Опасаемся, но не против,— добавил бригадир и сел.

Неожиданно зазвенел молодой голос Ахана; казалось, юноша совершенно забыл о той обиде, которую ему нанес председатель.

— Сваливать хлеб надо сейчас. Это самое главное. Тогда и дождь нам не будет страшен.

Ташмагамбетову понравились горячие слова Ахана.

— Радует меня ваш молодой комбайнер. Он прав! Смотреть на новый метод сквозь пальцы нельзя. Новому методу в наших условиях нужен и новый опыт.

Попрощавшись с людьми первой бригады, Ташмагамбетов направился в правление колхоза.

Еще издали Хайдар увидел большой саманный дом, стоявший на отшибе. Секретарь с весны не был в этом колхозе и теперь радовался тому, что там и сям белели недавно выстроенные, чем-то похожие друг на друга дома. Бросалось в глаза, что леса явно не хватало. «У подножья Ерейментау нетронутые заросли березы и сосны,— вспомнил Ташмагамбетов.— Почему бы не организовать там лесозаготовки? Надо напомнить об этом Нуржану».

Когда «Победа» подъехала к конторе колхоза, на встречу вышел седой старик с палкой. Он был худощав, невысок ростом.

— Смотрите — Макш! — тихо воскликнул шофер.

— Макиш?— так же тихо, в тон ему, переспросил Ташмагамбетов.— Ты его разве знаешь?

— Где только не встретишь этого странника?

Секретарь улыбнулся.

— Чем же он так прославился? Может быть, он знаменитый акын, а? Или силач?

Шофер усмехнулся:

— Ни то ни другое. Может быть, в старину чаще встречались такие люди. В нем еще сохранился кочевой дух. Нажить он ничего не нажил, кроме вон той лошади, что у коновязи. Ни жены, ни детей, никого у него никогда не было. Всю жизнь свою путешествует он от Туркестана до Омска по аулам и редко задерживается долго. В аул Ажы он приезжает раз в год. Отдохнет месяц, полтора, а потом снова в дорогу.

Ташмагамбетов вылез из машины и весело крикнул:

— Здравствуй, Макиш!

Старик взглянул на него настороженно, как-то сбоку, и потом, словно опознав, протянул руку.

— Алек салем, сынок! Лицо у тебя приятное. Не ищешь ли ты доброе слово, добрых людей?

— Ты прав, аксакал. Я приехал в этот аул в поисках добра.

— И голос твой приятен,— пристально всматриваясь прищуренными серыми глазами, нараспев произнес старик.— Тогда скажи мне, сынок, что ты в жизни особенно ценишь?

Голос у Макиша был не по летам высоким, молодым. Он понравился Ташмагамбетову. Но манера старика разговаривать была несколько старомодной.

— Есть ли смысл, аксакал, перечислять все, что ценишь в жизни?

— Э, не так, сынок. Я проездил всю жизнь в поисках хорошего. Я ищу то, без чего люди жить не могут.

— И что же, нашли?

— Если бы не нашел, и спрашивать не стал бы. Но я хочу знать мнение молодых. Ведь ты тоже не пеший странник,— и старик с улыбкой показал на машину.

Ташмагамбетова начал забавлять этот разговор. В тон Макишу он произнес:

— Поделитесь своими мыслями, аксакал! Может быть, мы по своей невнимательности и малоопытности не знаем того, что известно вам?

— Да, сынок. То, что я увидел и нашел, встречалось

и вам, но вы его не замечаете. Надо уметь видеть вокруг и дорожить тем, что имеешь...— Макиш говорил неторопливо, певуче. Старик держал в кулаке маленькую, острую, напоминающую пучок ковыля, бородку, теребил ее. На лице его была нерешительность. Он не договаривал, будто боялся выдать одному ему известную тайну.

— Я слушаю, аксакал!— напомнил о себе Ташмагамбетов задумавшемуся старику.

— Тебе, наверное, известно,— начал Макиш издали,— что путник, запутавшись ночью в глухой степи, смотрит в небо неспроста. Черная бездна усеяна несчетным количеством золотых точек — звезд. Есть среди них со слабым светом, есть и с сильным. У каждого человека имеется своя звезда. Но заплутавшего приводит к цели только одна — путеводная...

Старик замолчал, как бы изучая лицо своего собеседника. Потом внезапно повернулся и зашагал прочь. Ташмагамбетов двинулся следом за ним.

— И все-таки вы, аксакал, не сказали, как называется звезда, которая указывает безошибочный путь?

— Неужто не знаешь, сынок? Эта звезда — честность...

Странник Макиш уходил, не замедляя шага.

— Аксакал, у меня еще один вопрос.

— Говори!

— То, что вы вчера сказали юноше по имени Ахан, была шутка или...

Макиш резко остановился и, насупившись, пробормотал:

— Я уже сказал, сынок, надо быть честным. Коварство к хорошему не приведет.

Макиш подошел к коновязи, сел на свою лошадь и неторопливо поехал вдоль улицы.

* * *

Райхан проснулась рано. Вставать с постели не хотелось. Приятно утром слышать привычный шум аула. Мычат коровы, слышится незлобный голос пастуха: «Ах, чтоб ты сдохла!» Откуда-то уже доносится рокот мотора.

В первые дни, когда Райхан после окончания института приехала в этот аул, она часто выходила в степь и любовалась милыми картинками детства.

...Вот она маленькая идет в поле встречать стадо. Улица широкая, длинная. В конце ее на бугре машет

крыльями ветряная мельница. Пахнет кизячьим дымком. Райхан и до сих пор кажется, что все аулы мира пахнут кизячьим дымком. Райхан хорошо знает свою корову — с большой лысиной и короткими толстыми рогами. У этой коровы был странный нрав. В паре с другими такими же коровами Лысая любила пастись и бродить по аулу после заката солнца. Много было хлопот у маленькой Райхан, чтобы ежедневно разыскивать Лысую. Оказалось, и в этом ауле есть точно такая корова, совпадало все — и масть, и кличка. Когда Райхан увидела ее, то чуть не заплакала от радости, словно встретила здесь свое детство. Она подошла к корове с большой лысиной и ласково погладила ее по коротким рогам, приговаривая, как и прежде: «Маукеш-ау! Маукеш!»

После завтрака Райхан пошла на утренний обход. В ауле многие пожилые люди не придают особого значения недомоганиям. Если заболит ребенок, говорят: «Наверное, съел что-нибудь невкусное», — и укладывают дома, почему-то пугаясь врача. Но Райхан повела себя так, что ее никто не боялся. Каждое утро она стала делать обход. Правда, болезней в ауле было немного. Такие заболевания, как парша, уже не встречаются. Они — признак скудной жизни, нищенских лохмотьев, грязных котлов. Теперь в «Ажы» живут в чистых домах, одеваются хорошо, ни в чем не испытывают нужды. Пожалуй, беднее всех живет она с Аханом. Пока у них нет ни собственного дома, ни велосипеда. Ахана обвинять не приходится — он всего лишь второй год работает комбайнером, к тому же помогает старухе матери, а Райхан весь свой заработок тратит на себя: молодая, хочется же красиво одеться.

Задумавшись, Райхан и не заметила, как очутилась возле дома Нуржана. Жена председателя — маленькая, толстенная женщина — шла по двору с ведром. Увидев Райхан, она резко и, как показалось, пренебрежительно повернулась к ней спиной и юркнула в дом. У Райхан запылали щеки. Она зашагала быстрее. «А-а, бежишь!» — слышался чей-то голос позади. Райхан вздрогнула, оглянулась. Никого. «У страха глаза велики», — подумала Райхан и горестно улыбнулась: до чего она дошла! Несколькими минутами шла успокаиваясь. Она пыталась оправдаться перед собой, а потом зло подумала о жене Нуржана. Еще отворачивается, а во всем виновата сама. Пусть крепче держит мужа,

Райхан и не заметила, как вышла на край аула. У калитки длинного саманного дома стояла пожилая женщина и приветливо улыбалась ей.

— Ой, милая, кто тебе сказал, что в нашем доме есть больной? Дай тебе аллах счастья!.. Заходи, заходи!..

Райхан вошла в чистенькую комнату. Около двери сидел Макиш и чинил стремя. Он посмотрел на Райхан из-под очков, не поднимая головы.

— Кто же здесь больной!— спросила она.

— Я, милая. У меня на спине чирей. Не могу от него, проклятого, двинуться.

— Снимите рубашку,— попросила Райхан.

Под левой лопаткой краснел каменно-твердый, с кулак, фурункул.

— Ой, ата! Его же надо резать. А то он вам доставит много мучений.

— Нет, милая! Я страшно боюсь ножа. Даже и не говорю.

— Вы и не почувствуете, как я его разрежу.

Старик посмотрел на нее с опаской, долго колебался, но после настойчивых просьб согласился прийти к ней на прием в больницу.

Она собралась было уже уходить и взялась за скобу двери, как Макиш, лукаво сощурив и без того узкие глаза, сказал ей:

— А вы знаете, дочка, отчего у меня эта болезнь появилась?

— Отчего?

— От нечестности, дорогая моя. Недавно я видел, как на моих глазах люди обманывали своих близких. Их плохой поступок, коснувшись моего языка, вышел теперь в спину.

Старик напугал Райхан. Она, не сказав ни слова, почти выбежала из комнаты. На улице было душно. Она стремительно шла по тропинке, и все еще казалось, что ехидные глаза старика смотрят ей в спину.

Куда спрятаться от позора? Как заставить себя порвать с Нуржаном? Она уже много раз пыталась сделать это, но не может. Нуржан терзает ее сердце днем и ночью. Ничего ведь хорошего у него нет. Этот мясистый нос, жирные щеки, колыхающийся живот. А муж молод, красив, у него легкая походка и мягкий, как шелк, характер.

Вот вчера он приехал с поля домой, лег в постель,

спрятал лицо у нее на груди. Совсем как ребенок. Будто она его мать. Мать? От этой мысли Райхан вздрогнула. Неужели Ахан слишком молод и те пять-шесть лет разницы в годах превратились в неодолимую преграду?

Райхан пришла в больницу подавленная, болела голова. В приемной ждала больная — повар из первой бригады. У нее шла кровь из носа. Перепуганная женщина тряслась от страха.

— Солнечный удар, наверно, — сказал Райхан шофер, привезший больную, — со вчерашнего дня кровь идет...

— Сейчас остановим, — равнодушно ответила Райхан.

Она открыла стерилизатор, вынула прокипяченный шприц, набрала в него хлористого кальция. Потом засучила поварихе рукав и приказала шоферу держать выше локтя женщины резиновый жгут.

— Боюсь, — прошептала повариха, отворачиваясь.

— Немножко будет больно, потерпи! — безразличным тоном успокоила Райхан, заученным движением указательного пальца массируя вену.

Когда игла вошла под кожу, повариха, почувствовав боль, дернула руку.

— Не шевелись! — крикнула Райхан.

Кажется, игла не попала в вену. Она попробовала впустить немного кальция.

— Больно?

— Нет! — растерянно ответила повариха.

Если нет, игла в вене. Райхан стала машинально надавливать на шприц, думая о жене Нуржана. Сколько было презрения в ее беглом взгляде.

— Ой! Ой! Больно! — задрожала повариха.

Райхан широко раскрыла глаза. Кожа на руке больной вздулась. Боже мой, какая неудача! Игла не попала в вену. Теперь, вся внутренне собранная, — ей как бы передалась боль поварихи, — Райхан быстро набрала в шприц профильтрованную воду и впустила под кожу.

Женщина ушла в слезах. Райхан в изнеможении опустилась на стул и тоже заплакала...

* * *

Тракторист подбрасывал в костер сухие сучья. Клубилось оранжевое пламя. Горячие языки его лизали землю, капризно колеблясь, взметались вверх. Синяя ночь

то подстунает ближе к костру, то вдруг шарахается от него. Мечутся тревожные тени. В палатке уже храпят комбайнеры. Но Ахану не спится. Он следит, как тракторист бросает в костер сухие кустики колючей травы. Кустики вспыхивают сразу, раскаляясь добела, и становятся похожими на затейливое кружево.

Ахану не дает покоя прошлая ночь. Он приехал в аул с твердым решением заставить Райхан сказать всю правду. В конце концов должен он знать — любит ли она его?!

Сзади послышались шаги. В сполошном свете костра появился бригадир. У него медно-красное лицо, в глазах пляшущие отблески.

— Холодный вечер, — говорит он и, присев на корточках, тянет к костру озябшие руки.

— Слыхали новость? Говорят, наш учитель Кожак, тот, что работает в Ерейменовской школе, разошелся с женой.

— С чего это? — удивленно спрашивает тракторист.

Бригадир по-птичьи, сбоку, смотрит на Ахана.

— Слишком много пьет чаю!

— Чаю? — снова удивляется тракторист. — Ну и ну! Почему бы и не пить? Я бы и ведра чаю не пожалел.

— Ишь ты какой! Тут своя тонкость есть. Если жена пьет чай с утра до ночи, — хорошего мало. Такой женщине, братцы мои, некогда и обед сварить. Я три года назад говорил Кожаку: «Учи свою жену!» Не послушался! А надо с самого начала крепче натягивать вожжи. Женщины любят строгих мужчин...

Бригадир опять искоса посмотрел на Ахана. «Намекает!» — подумал тот и опустил глаза. Вновь вспомнилась прошлая ночь. Когда Ахан приехал украдкой домой, Райхан уже спала. Он стоял у наружной двери не дыша. Сердце его колотилось. Может быть, там, в темной комнате, Нуржан. Он сжимал кулаки и стискивал зубы. Райхан спала крепко, открыла не сразу. Ахан стремительно вошел в комнату и, убедившись, что в ней никого нет, стал безудержно целовать жену...

— Ну, пока! — сказал, подымаясь, бригадир. — Спать пора.

Тяжело ступая, он ушел в палатку.

Жарко рдевшие угли казались грудой червоного золота.

— Пойдем и мы, — предложил тракторист. — Костер заливать не будем, сам потухнет.

Ахан послушно встал.

Он лег в палатке у выхода и не сводил глаз с догорающего костра. Снова вспомнилось вчерашнее. Райхан, сонная и какая-то чужая, гладила его по голове, точно ребенка, прижимаясь, засыпала. А он забыл все приготовленные им оскорбительные слова и только нежно шептал: «Любимая моя... Любимая...»

Угли догорали, слабо потрескивая под седым пеплом.

Как быстро прошла та тревожная и утешительная ночь! Мягкая и небрежная ласка жены растворила в себе все его обиды. Почему он такой безвольный? Почему? Неужели все, кто любит, не имеют хотя бы капли самолюбия?!

Там, где пылал костер, осталась только горсточка посеревших углей. Кое-где еще теплились слабые огоньки, но и их поглощала ночная темень. Струя холодного воздуха вползла в палатку. Ахан натянул на голову одеяло и, засыпая, вдруг с горьким удивлением вспомнил: в последние месяцы Райхан ни разу не поцеловала его.

— Ты сегодня встанешь или нет?— кричал кто-то над ухом.

По глазам полоснуло холодной синевой. Кричал бригадир.

— Один ты дрыхнешь. Будить, что ли, я нанялся?!

Ахан, съезжившись, сел на постели. Красноватос ночью, лицо бригадира выглядело в свете утра бледным. Похоже, что он все-таки не спал.

— Что, бригадир, разве сон отменен?

— Такой, как дома, отменен... Положено пять часов в сутки. Сколько дней прошло, как ты приступил к косьбе, знаешь? Сегодня четвертый. А настоящей работы еще не видно.

Ахан стал одеваться. Бригадир уже громко разговаривал далеко от палатки. Вот тебе и на! Оказывается, с дневной нормой я не справляюсь. Значит, не выполню своего слова. Это станет известно Ташмагамбетову. Разве он тогда не скажет: «Ты горячо говорил, Ахан, мы поверили тебе, а ты...»

Ругая себя, Ахан вышел из палатки. Солнце поднялось на высоту пика далеких Ерейменовских гор, окутанных легкой дымкой. В поле уже работали комбайнеры.

Ахан огляделся. Комбайны первой бригады стояли

на вчерашних местах. Ни тракториста, ни его помощника не было видно.

На соседнем поле работали комбайны других бригад. Издали казалось, что расстояние между ними не больше вытянутой руки. Они как будто были сдвоенными.

Ахан еще раз внимательно посмотрел на комбайны и подумал: «А что если сдвоить комбайны!» Два комбайна, прицепленные к одному трактору, могут при косьбе захватить площадь вдвое шире. Он где-то читал или слышал об этом. Интересная мысль! Он решил немедленно бежать к бригадиру и рассказать ему о своей выдумке, но бригадир был уже далеко. «Нет, лучше подожду!» — подумал Ахан. Райхан говорит: «Высказывать людям все, что взбредет в голову, — признак неблаговоспитанности». Бригадир может просто посмеяться. Освежив лицо теплой водой из бочонка, Ахан решительно зашагал к своему комбайну.

Косил он без передышки целый день. И целый день упорно думал. Пришел его помощник, хотел подменить, но Ахан отказался. Мысли его беспорядочно кружились, голова горела. Степной ветер овеивал горячий лоб.

* * *

В сумерках на двух машинах прибыли пятьдесят студентов из университета и областной уполномоченный по хлебоуборке. Пожалуй, еще ни разу не был таким шумным бригадный стан. Звенел девичий смех, парни перекидывались острыми шутками.

— Принимайте новонспеченных колхозников! — подражал клоуну черноволосый стройный юноша, низко кланяясь и размахивая фуражкой.

— Спать будем в палатках — здорово! — восхищался кто-то вслух.

— Ого, здесь, оказывается, и озеро недалеко.

— А что мы будем делать? — испуганно сказала какая-то девушка. — Я никогда не работала в колхозе.

— Пампушки печь! — басом успокаивал ее низенький юноша.

— Ай-ай, а вдруг в траве есть змеи...

Пожилые трактористы и комбайнеры, слушая веселый молодой смех, как будто помолодели сами. Ахан, наверное, потому, что это были его ровесники, оказался в плотном кольце студентов. Его забрасывали вопроса-

ми, но он не успевал отвечать и только широко улыбался. Подошел уполномоченный.

— Товарищи! Поторопитесь оборудовать свое новое жилье...

Группа парней ушла к кошам сена набивать матрасы, часть девушек направилась на кухню. Вскоре, точно из-под земли, на току появились две новые палатки.

Ахан следил за студентами с тайной завистью. Вот и он мог бы учиться в университете, если бы захотел!

— Ваша обязанность — веять пшеницу, подсушивать, перелопачивать ее, грузить на машины и без задержки отправлять, — собрав студентов, неторопливо говорил уполномоченный. — А кто на каком участке хочет работать, согласуйте между собой.

Усатый студент, видимо, самый старший, предложил:

— Ребята! Давайте бросать жребий. Чтобы ни у кого не было обиды!

Ахан подумал: «Хорошо бы этого уполномоченного расспросить о спаренных комбайнах».

Студенты приготовили записки для жеребьевки. Уполномоченный отошел от них, улыбаясь, сел на бревнышко неподалеку от палатки. Ахан, немного робя, подошел к нему.

— Можно с вами поговорить?

Уполномоченный весело поднял глаза.

— Ну, а почему же нельзя?

— Видите ли, — начал Ахан, — у нас в этом году черепашьи темпы. Убирают хлеб всего-навсего три комбайна.

— В прошлом году хлеб убрали шестью, — прервал его уполномоченный.

— Да. Это правда.

— Так в чем же дело?

— Председатель колхоза придерживает несколько комбайнов, чтобы потом убирать прямым комбайнированием.

— Вот как! Ну это мы выясним!..

Ахан переступил с ноги на ногу.

— У меня, товарищ уполномоченный, есть предложение. Что если сдваивать комбайны? Ведь у нас с тракторами плохо. Тогда косьба пойдет куда успешнее.

Они разговорились. Уполномоченный все больше заинтересовывался предложением молодого комбайнера.

— Вообще-то ты, парень, хорошо придумал. За Иши-

мом многие так делают,— сказал он, хлопнув Ахана по плечу.— Здорово!.. Мы это дело продвинем. Пойдем, разыщем бригадира...

После короткой беседы с бригадиром, они отправились на центральную усадьбу к председателю. Ахан продолжал работать на своем загоне.

Бригадир вернулся глубокой ночью. Он принес неопределенные вести: председатель сказал, что свободных комбайнов нет, что он сам принимает какие-то меры. А в ауле поговаривают, что на дальнем участке, за озером уже убирают прямым комбайнированием.

— Выходит, председатель не верит в выгодность раздельной уборки,— заметил Ахан и нервно закурил папироску.

— Определенно не верит!— поддержали его.

Кто-то в темноте громко выругался. Потом все разом зашумели.

— Погодите, ребята!— остановил их Ахан.— У меня идея! Сейчас я пойду в палатку к студентам и узнаю, кто из них хорошо рисует...

* * *

«Волга» мчала Нуржана к полевому стану. Председатель нервничал, беспокойно ерзал на пружинистых подушках. Сегодня ему рассказали, что в первой бригаде выпустили стенгазету, а в ней карикатура на Нуржана.

Еще издали председатель увидел белый прямоугольник на стене будки. Около стояли студенты. Нуржан вылез из машины и, тяжело дыша, двинулся к белому прямоугольнику. Студенты расступились.

Половину газеты занимал рисунок. Цветными карандашами был изображен трактор с двумя прицепленными комбайнами. А толстопузый человечек с вылезшими от натуги глазами тянет, что есть силы, назад, пытается их остановить.

— Это, наверно, вас увековечила история?— невинно и вежливо спросил Нуржана усатый студент.

Председатель побагровел, двинулся вплотную к будке и резким движением сорвал газету. Студенты замолчали. Нуржан сунул газету в карман и, посмотрев по сторонам, широко зашагал к комбайну, у штурвала которого стоял Ахан.

— Э-эй! Поди сюда!

Ахан, услышав властный окрик, остановил комбайн.

Председатель был возбужден. Ахан догадался, что он уже знает о стенгазете, не спеша пошел навстречу, внутренне ликую: «Что, задело за живое? Так тебе и надо!»

— Что это такое?— сдавленным хриплым голосом спросил Нуржан и вытащил из кармана газету.

Ахан не поверил своим глазам.

— Что это такое, спрашиваю?— повысив голос, Нуржан рывком сунул ему под нос газету.

Порывистым движением Ахан оттолкнул его руку.

— Кто тебе дал право срывать газету?

— Право?— задохнулся Нуржан.— Молокосос! Это не газета, а сплетня!

Огромный, раскрасневшийся Нуржан схватил Ахана за воротник. Юноша побледнел и так отбросил Нуржана, что затрещал воротник его комбайнерской спецовки. Нуржан, сбывчив голову, снова двинулся на комбайнера, рассчитывая, видно, положить его на обе лопатки. Но Ахан, разгадав прием, согнул ногу и коленом так пнул председателя в живот, что Нуржан, охнув, сразу обмяк и сел на землю.

К ним бежали студенты и трактористы.

* * *

Ташмагамбетов только что закончил телефонный разговор с секретарем обкома партии и был в хорошем настроении, когда в кабинет вошел Нуржан.

— Очень своевременно!— вместо приветствия сказал он председателю.— Я сейчас докладывал в обком о вашем колхозе. Самый отстающий!

Лицо Нуржана налилось кровью.

— Едва ли колхоз станет передовым, если по совету секретаря райкома коммунисты избивают самого председателя колхоза.

— Что за ерунда!— Ташмагамбетов поднялся со стула.

— Не ерунда, а факт. Коммунист Ахан Альжанов, ваш любимчик, чуть не отправил меня на тот свет. Между прочим, я уже был у судьи.

— Плох тот председатель, на которого поднимают руку лучшие колхозники,— сказал секретарь, пристально глядя на Нуржана, и многозначительно добавил:— Да, видимо, и есть за что...

— Если вы будете так разговаривать со мной, я бу-

ду жаловаться в обком. Вы еще мало знаете меня!— выкрикнул разъяренный Нуржан.

— Вот как,— почти шепотом произнес Ташмагамбетов.— Но так разговаривать в моем кабинете я тебе не позволю.

Нуржан осекся, сел на стул тяжело дыша. Когда он окончательно успокоился, Ташмагамбетов поднял глаза.

— А теперь выкладывай все подробно.

Выслушав рассказ Нуржана, он по привычке забарабанил по столу пальцами.

— Да-а! Все ясно. А вот как быть с газеткой-то... А? Стенная! Голос народа...— и уже тоном, не допускающим возражения, добавил:— Вечером закрытое партийное собрание! Лично сам сделаешь доклад о ходе хлебоуборки.

— Мне после побоев нездоровится,— проворчал Нуржан.

— Ничего. Ты выглядишь как после курорта...— холодно заметил секретарь.

* * *

Вначале колхозники собрались в библиотеке, но Ташмагамбетов настоял провести собрание в клубе. Там свободнее. Парторг колхоза пригласил секретаря райкома партии в президиум. Он отказался: «Я лучше посижу в зале, ораторы будут себя свободнее чувствовать».

На трибуну, обитую красной материей, поднялся Нуржан. Председатель, бледный, угрюмый, начал говорить тихо, с трудом подбирая слова. «Кажется, действительно ему нездоровится»,— подумал Ташмагамбетов.

Глаза председателя постепенно разгорались, бледность исчезала, голос звучал уверенно. Но говорил он как-то скользко, на что-то намекая, что-то скрывая. Не было в его речи доброй хозяйской заботы. Критикуя райком партии, Нуржан громко заявил: «Не дает возможности проявить инициативу в работе, увлекается голым администрированием». Слушали его вяло, не понимая, куда он клонит. И только тогда насторожились собравшиеся, когда Нуржан заговорил о коммунистах, коснулся молодых и с особым пристрастием стал изобличать Ахана.

— Он лентяй!— почти кричал председатель.— Он отстающий комбайнер. К тому же любит заниматься кляузами, сутяжничеством,

— Не люблю, когда говорят иносказательно,— выкрикнул с места пожилой Темиргали.— Ты как прежний бий¹. Хочешь, чтобы тебя поняли по намекам.

В зале засмеялись. Нуржан, упершись руками в трибуну, нагнулся вперед.

— Мастер иносказательных речей ты сам. Я таким талантом не обладаю. О поведении Альжанова расскажет бригадир. Пусть народ узнает, что он сегодня на творил на полевом стане.

— Где газета? Почему о газете ни слова?— крикнул с задних рядов Ахан.

— Призываю к порядку, товарищи,— застучал о графин парторг.— Каждый скажет в свое время.

— У меня к председателю вопрос!— вскричал Ахан с места, вскинув руку.— Можно?

— Лучше было бы потом, но уж ладно — задавай.

— Пусть председатель первым делом доложит: он за или против раздельной уборки?— спросил Ахан, комкая в руках кепку.

— Допустим, я не против... Что ты этим хочешь сказать?— вопросом на вопрос ответил Нуржан.

— Почему не используешь все комбайны? Почему не все комбайны переоборудованы?

Ташмагамбетов поднял брови и громко произнес:

— Это новость! Как же так, товарищ председатель? Зал загудел, как улей. Молчали одни старики.

— Но мы не успели все машины приспособить для раздельной уборки,— густо прогудел Нуржан.

Ташмагамбетов не выдержал:

— В райкоме партии ты говорил иначе: все комбайны давно переоборудованы.

— Меня ввели в заблуждение,— растерялся Нуржан.

Поднялся старик Темиргали:

— Разрешите мне! Раньше все неполадки сваливали на МТС. Мне думается, что теперь опять на кого-то сваливать — это все равно, что самого себя лягнуть ногой...

Старики засмеялись.

— У кого еще есть вопросы?— поднялся секретарь парторганизации.

— Расскажите о том, что случилось на полевом стане?— попросил старик Толеу.

¹ Бий — судья.

Звонко пронесся по притихшему залу голос Ахана:

— Я расскажу сам. Боюсь, что у председателя на это не хватит мужества.

Ташмагамбетов нервно забарабанил пальцами по спинке стула: «А вдруг он станет рассказывать о своей жене?»— подумал он, вопросительно взглянув на Ахана.

Пока комбайнер шел через весь зал к трибуне, все молча и с нетерпением наблюдали за ним. Вот наконец Ахан появился на трибуне. Движением головы откинул волосы назад и с увлечением принялся рассказывать о преимуществе раздельной уборки перед прямым комбайнированием, потом подробно сообщил, как председатель сорвал газету и затеял с ним драку.

«Молодец!— мысленно похвалил Ташмагамбетов, когда Ахан вернулся в зал.— Молодец парень! Ни слова о личном...»

После выступления Ахана коммунисты разделились на две группы: одни оправдывали комбайнера, другие поддерживали Нуржана.

Ташмагамбетов нетерпеливо ерзал на стуле: «Почему молчат старики?»

— Нуржан зазнался! Не считается ни с чьим мнением!— выкрикнул тракторист, сидевший рядом с Аханом.

— Ахана надо привлечь к суду,— возразила немолодая женщина, продавец сельпо.— Что же это получится, если каждый будет избивать председателя?!

— Товарищи! На этом собрании присутствуют старейшие члены партии,— встал Ташмагамбетов.— Пусть они выскажутся. Верно, товарищи?

— Верно! Согласны!— зашумел зал.

Темиргали, старый коммунист, один из первых основателей колхоза, тронул ладонью свою извечную черную тюбетейку, подошел к столу президиума и, улыбнувшись выцветшими серыми глазами, начал:

— Если мы хотим, чтобы наш колхоз «Ажы» был передовым, если мы решили сохранить урожай, то разве можно пренебрегать мудрыми хозяйственными советами? Нам никто не желает зла. Умный человек не отказывается от нового. А раздельная уборка и старым хлеборобам была известна. Наш Нуржан сам с собою играет в прятки. Что поделаешь, прямо надо сказать: джигит прав. Прав, но не во всем. За драку я его не похваляю.

А стенную газету зря Нуржан сорвал: ведь это наши глаза и уши. Кто же себе глаза выкалывает? Я бы за эту драку наказал и председателя, и джигита.

Темиргали сел и снова тронул ладонью свою черную тюбетейку. Зал одобрительно перешептывался.

— Так какие будут предложения?— спросил секретарь парторганизации колхоза.

Все согласились на том, что Ахану и председателю следует объявить выговоры. И обязать правление колхоза и председателя лучше организовать уборку.

В конце собрания выступил Ташмагамбетов. Он резко осудил поведение Нуржана и в заключение сказал:

— Скажу тебе перед всеми коммунистами: ты, Нуржан, стал нечестным. Двуликий какой-то! Учти: «Посеешь проступок, пожнешь привычку».

После собрания, когда почти все разошлись, Ташмагамбетов увидел стоявшего в стороне Ахана. Вдруг ему захотелось пойти с комбайнером на его квартиру, посмотреть на Райхан. Но как это сделать, чтобы было тактично? Ну, конечно, пойти и попросить порошок от головной боли.

* * *

Райхан, увидев, что муж пришел домой с гостем, сильно растерялась и от волнения забыла предложить сесть. Ташмагамбетов заметил, что даже за эти несколько дней она изменилась, похудела, плечи опустились, словно обескрылились.

Наконец хозяйка взяла себя в руки и пригласила гостя в дальнюю комнату — небольшую, чистую, убранныю со вкусом, а сама ушла на кухню. Ташмагамбетов сел у репродуктора. Передавали казахскую музыку в исполнении известной домбристки Ляззат.

Ташмагамбетов любил игру этой актрисы. Сейчас он, облокотясь на стол, слушал ее песни и игру, и перед его глазами вставали облака, серебряные ковыли, верблюды, сгрудившиеся у колодца, знойная даль.

— Ахан, зови агая мыть руки. Сейчас будем ужинать,— дошел до его сознания голос Райхан.

— Я, собственно, ужинать не собирался. Вы мне не дадите ли порошок от головной боли?

Райхан мельком и, казалось, виновато взглянула на Ташмагамбетова, потом на мужа. Всем своим женским

существом она понимала: дело не в порошках. Но поспешно стала рыться в ящике домашней аптеки.

Ахан горячо запротестовал:

— Ну, нет, так не пойдет. Порошки — порошками, а ужин — ужином. На полевой стан поедем вместе. Хорошо?

Райхан снова искоса посмотрела на мужа: чувствовалось, что его слова ей не понравились. Трудно было только понять — почему: то ли ей не хотелось, чтобы гость оставался у них, то ли потому, что Ахан собирается уезжать.

Гость решил остаться.

— Ну что ж, — сказал он и пошел на кухню мыть руки.

За стол сели молча. Чувствовалась какая-то напряженность. Райхан молчала, низко наклонившись над тарелкой. Сердце ей подсказывало, что гость пришел не напрасно. Лицо Ахана, наоборот, было спокойнее обычного. Посторонний человек за столом сблизил его с Райхан. В последнее время, когда они оставались вдвоем, им обоим было не в меру тягостно.

Первым нарушил молчание Ташмагамбетов. Он спрашивал о студентах, приехавших в колхоз, об охотниках аула, вспомнил, как недавно повстречал волчий выводок. Потом разговор перешел на осень, когда полевые работы будут закончены.

— Во всякой поре есть своя красота, — сказал Ташмагамбетов. — Видно, уж так заведено: влюбляются весной, а осенью женятся. Сейчас, правда, время горячее — не до свиданий, да и соловьи уже не поют.

— В поле влюбленные во время уборки свиданий не назначают, только переглядываются, — заметил Ахан. — Посмотрит девушка на парня нежным взглядом, глядишь, — он уже и норму перевыполнил.

Ташмагамбетов рассмеялся.

— Да, бывает... Но бывает и так. Влюбятся, поженятся, а пройдет время — и с горечью начинают понимать, что ошиблись. И другими глазами глядят друг на друга. Все-таки наша молодежь порой не понимает значения брака. Как-то уж очень легко иногда к нему подходят. Настаивает парень: «Давай поженемся», а сам не представляет, что это на всю жизнь!

— А женщины? — осторожно спросила Райхан.

— Да и женщины,— задумчиво проговорил Ташмагамбетов,— впрочем, с ними, по-моему, еще сложнее. Многие из них неправильно иногда понимают, что такое свобода, предоставленная им революцией. Некоторые из них слишком легко смотрят на семейную жизнь. Я, конечно, далек от того, чтобы восхвалять старую семью с мужем-господином, это рабство; но вот уважать мужа по-настоящему — долг жены.

Райхан слушала, ковыряя лежащие перед ней в тарелке кусочки мяса. Ташмагамбетов поднял бокал с красным вином.

— Давайте выпьем за таких супругов, которые взаимно помогают друг другу во всем — в трудном и радостном.

Тонкие белые пальцы Райхан вздрогнули, качнулся бокал, и в нем зазвенело отражение электрической лампочки. Секретарь внимательно следил за ее лицом, руками. Выпив, Ахан встряхнул волосами, вытер салфеткой губы.

— Интересно, как женились вы?— осторожно и мягко спросил он.

— Как и все, но уже не слишком молодым,— так же мягко в ответ улыбнулся секретарь.— Это случилось на последнем курсе высшей партийной школы. С тех пор прошло более шести лет. Живем так: из двенадцати месяцев в году — один используем для отпуска,— я в течение шести месяцев в разъездах; жизнь секретаря райкома — на колесах... И жена не обижается. Понимает...— добавил он как бы для себя.

— Жену вы любите или... привыкли друг к другу?— осмелела Райхан.— Говорят, привычка — вторая натура...

Но глаза ее были грустными и задумчивыми.

— Женился по любви. Люблю и сейчас. Хорошо привыкать друг к другу, когда есть любовь.

— А если рассудок говорит одно, чувство — другое?— вновь подняла глаза Райхан.

«Э, милая, грызет тебя червячок»,— подумал Ташмагамбетов, а вслух сказал:

— Может быть, я ошибаюсь, но думаю, что и чувствами нашими и рассудком должна управлять честность. И уж если в семейной жизни нет честности, о какой же любви можно тогда говорить?

Пока он говорил, голова Райхан клонилась все ниже и ниже.

Сразу после ужина Ташмагамбетов побывал у Нуржана и уехал из колхоза.

* * *

Всю ночь напролет она не смыкала глаз. Ахан промолчал о том, что было на партийном собрании. А еще днем приходила санитарка и принесла целый короб новостей: дескать Ахан подрался с председателем, собрание будет закрытым, и того и другого, наверно, исключат из партии.

Райхан лежала с открытыми глазами в пугающей темноте. Утомленный за эти дни, крепко спал Ахан. Его дыхание было глубоким и ровным. Только однажды, переворачиваясь на другой бок, он как-то тревожно вздохнул. Ну, конечно, Ташмагамбетов испытывал ее, пытался проникнуть к ней в душу! Все его слова имели подспудный смысл.

«И уж если в семейной жизни нет честности...» — повторила она. Что же! Значит, надо было обо всем рассказать Ахану? Райхан подумала об этом, и ей стало не по себе. Чей-то голос словно зашептал ей: «Не поддавайся влечению, успокой свое сердце».

Она села на кровать и с неожиданным удовольствием ощутила голыми пятками приятный холодок пола.

Да. Должно быть, она что-то недодумала, что-то в своей жизни сделала не так, как делают честные люди. Она представила располневшего, самоуверенного Нуржана и как бы отшатнулась от него. И в ту же минуту ей закотелось прикоснуться к жестковатым, чуть выющимся волосам Ахана. Но и это желание исчезло, едва возникнув. Надо успокоиться, надо решительно отойти от Нуржана. А потом все образуется.

Придя к такому решению, Райхан встала с постели, подошла к окну.

Небо на востоке чуть-чуть посветлело.

«Боже мой! Уже утро!» — ахнула она и посмотрела на мужа. Он спал, запрокинув голову, и был похож на обиженного мальчика.

Как глиняный забор рушится и крошится под натиском трактора, так и решение Райхан не встречается с Нуржаном рассыпалось при встрече с ним. Когда он вошел в ее комнату, она рванулась к нему навстречу, точно спасаясь от погони, сначала спрятала голову на его широкой груди, а потом откинула ее и, закрыв глаза, подставила губы...

Но тотчас же опомнилась и твердо произнесла:

— Нуреке, больше ко мне не приходите, прошу вас...

Сперва Нуржан удивился.

— Что с тобой? Что случилось?— Он задумался, хмурая широкие брови, но сразу догадался и скривил в насмешке полные губы.— Уж не секретарь ли вчера надумил?.. Он всюду любит совать свой нос. И уж, конечно, ты его испугалась.

Райхан отвернулась. Нуреке умел выбирать больные места. Она, взрослая, самолюбивая, слушала Ташмагамбетова, как девчонка. Но, как много раз за эти дни, сразу же представила себе ребячливое, обиженное лицо Ахана. Нет, он не стал бы ее так больно ранить. И в это же мгновение Нуржан произнес:

— А вчера мы с Аханом поскандалили...

— Знаю. Из-за меня?— резко повернулась Райхан.

Нуржан ответить не успел. С шумом распахнулась дверь, и на пороге, взлохмаченная, покрасневшая, неожиданно появилась его жена. Маленькая, толстенная, с красными от злобы глазами.

— Да! Да! Из-за тебя, распутница!— с ненавистью, крикнула она.— Иди, кобель, домой! Из района по всем телефонам трезвонят, а ты, бесстыжий...— и она решительно схватила его за руки и повела за собой.

Райхан закрыла ладонями лицо.

* * *

«Волга» торопится в колхоз имени Тельмана. Нуржан сидит рядом с шофером, но не глядит в его сторону: шофер все-таки рассказал жене об утре на берегу реки. Скорее бы кончились уборочные работы, уж тогда-то Нуржан воздаст каждому по заслугам. Нашлись же люди, которые пожелади его опорочить. И о комбайнах рассказали. Ах, Темиргали! Наверное, это не обошлось без тебя.

Нуржан выругался вслух так, что вздрогнул шофер. Конечно, Темиргали. Ничего, и с ним можно справиться. И кому только нужна эта раздельная уборка? Вместо того, чтобы сразу косить и обмолачивать, работу осложняют: сперва сваливают, а потом обмолачивают. Двойной расход. Но ведь зима не за горами: хлеб не удастся убрать вовремя. Отвечать, конечно, за это придется одному Нуржану. Ташмагамбетов ему покровительствовать не будет. Стоит ли подставлять голову под удар? Нет, надо обязательно посоветоваться с Ташеном. Председатель колхоза имени Тельмана — человек дальновидный, умный...

В поселке колхоза было пустынно. На дверях правления — замок. Нуржан не без зависти посмотрел вокруг: вот что значит дружно работать — все в поле: и старые и малые. Он с горечью подумал о стариках своего колхоза. Мастера болтать!

Где-то в конце улицы «Волга» поравнялась с всадником на вороном иноходце.

— Счастливого пути!.. — крикнул джигит, и Нуржан узнал в нем Ташена.

Нуржан вылез из машины, пошел к нему навстречу.

— Что это ты на коня пересел? — спросил он Ташена, пожимая ему руку.

— Да вот рессора поломалась. Нет ли у тебя запасной? — ответил Ташен и посетовал: — Коня теперь и за транспорт не считают...

— Есть-то есть, да старая. Устроит тебя, возьми. Для друга разве можно жалеть.

— Большое тебе спасибо, — обрадовался Ташен. — А ко мне вчера нагрянул Ташмагамбетов. Сердитый был, всех на ноги поднял...

— Вчера же он у нас был!

— У вас вечером, у нас ночью. Не ты ли ему испортил настроение?

Нуржан пожал плечами, с независимым видом произнес:

— Разве подладишься к начальству? Наше дело — работать, его — подгонять.

Слова Нуржана звучали хвастливо, неискренне. Видно, что у него на душе было невесело. И Ташен подлил масла в огонь:

— О тебе отзывался он неважно. Был, говорит, человек деловой, да испортился.

Не желая продолжать разговор на эту тему, Нуржан взял под руку Ташена и доверительно спросил:

— Ты лучше скажи мне, как убираешь хлеб. Беда прямо с этой раздельной!..

— А ты упрямисься, что ли?— засмеялся Ташен.— Ну и чудак! Точь-в-точь как Макиш-ага. Уж если тот заупрямится, его не уговоришь.— Ташен усмехнулся, но тут же переменял тон на серьезный.— Раздельно убирать, конечно, лучше! Но у нас пока маловато опыта. Теперь пойми меня правильно: раз уж это выгодно, значит, надо испробовать. Поначалу будут неудачи. Неужто ты боишься их?

— А если пойдет дождь и лежащий в валках хлеб намокнет? Как его тогда высушить, как обмолотить?

— Как, как!— передразнил Ташен.— Волков бояться— в лес не ходить. Да валки скорее просохнут на ветру. И главное, когда скорее косишь— хлеб не успеет полечь. В общем, я тебе советую, Нуржан...

* * *

Третья бригада «Ажы» межевала с полями колхоза имени Тельмана.

— Давай побыстрее,— сказал Нуржан шоферу. Он чувствовал, что потерял много дней, а теперь стремился наверстывать минуты.

Скоро «Волга» остановилась у широкого навеса, под которым за грубым длинным столом завтракал бригадир.

— Приступайте к жатве в две смены,— с ходу сказал ему Нуржан, нетерпеливо потирая руки.

— Ждать уже не будем?— спросил бригадир, надвигая на лоб шапку.

— Чего ждать? Конца света, что ли? Завтра вечером буду здесь. Если не приступишь, сам на себя пеняй...

Не ожидая ответа, Нуржан повернулся и направился к машине.

— В первую!

Беспокойство сильней и сильней овладевало Нуржаном. Он пристально смотрел вперед и торопил, торопил машину.

Впереди показался верховой. Из полосатых коржунув, висевших по бокам, выглядывали газеты.

— Так это же Макиш!— удивился Нуржан.

Макиш остановил лошадь, кивнул на коржуны:

— Возил газеты в первую бригаду. Сейчас еду во вторую.

— Значит, тебя, аксакал, сделали почтальоном?

Узкие глаза Макиша блеснули холодно, почти зло.

Нуржану неприятно было испытывать на себе этот всегда укоризненный взгляд, но он не выдал себя и продолжал поддразнивать старика:

— Э, Макиш, Макиш! Пора бы кончать тебе свои скитания. Жениться бы надо, что ли! Хочешь, найду тебе жену, а?

Макиш неожиданно вспыхнул. Он спешился, подошел вплотную к боковому окну машины. Нуржан откинулся на спинку сиденья, отодвигаясь от старика.

— Я тебе не прохвост, не распутник!— тонко выкрикнул Макиш.— Я не лезу под подола к чужим бабам. Кто тебе дал право смеяться над стариком?

— Что вы, что вы, Маке, опомнитесь! Неужели вы шуток не понимаете?

Но Макиш закусил удила. Тонкий крик его, вероятно, был слышен далеко в степи.

— Ты сам обидел меня. Теперь молчать не буду. Прямо сейчас поеду к Ташмагамбетову и все, что знаю, расскажу...

Нуржан знаком велел шоферу ехать, машина двинулась вперед. В его ушах долго звучал насмешливый голос рассерженного старика.

Председателю было жарко, ему не хватало воздуха. Вчера на собрании над ним смеялись колхозники, сегодня Макиш. Подумать только. Бездомный Макиш, и тот высмеивает председателя.

Злой на себя, на Макиша, он сидел в глубине кабины, как нахохлившаяся птица, и думал свои невеселые думы.

* * *

Облака сгущались и снова таяли. Жаркий ветер гулял в степи. И хотя в душе у Ахана не исчезала горечь, он был поглощен страдой.

За четыре погожих дня он завершил уборку на полях

первой бригады. Он работал на спаренных комбайнах с подборщиками.

Недавно приезжал в поле Нуржан вместе с Ташмагамбетовым. Конечно, без секретаря райкома партии председатель ни за что не появился бы в поле. После памятной драки ему не очень-то хотелось видеть Ахана. И когда он увидел молодого комбайнера, убирающего как ни в чем ни бывало пшеницу на спаренных комбайнах, он молчаливо отошел в сторону и не без неприязни слушал, как Ташмагамбетов поздравлял Ахана.

— Молодец, джигит! Теперь мы обязательно напишем о тебе в газету.

И, действительно, вечером, когда Ахан возвратился на полевой стан, к нему подошли два корреспондента. Они долго расспрашивали комбайнера о его работе, что-то записывали в блокноты. А это уже была сама слава с авторучками в руках. Впервые в своей жизни он давал интервью. Он рассказывал журналистам об этих напряженных днях, приводил на память расчеты и цифры.

Один из корреспондентов спросил:

— За пять-шесть дней сумеете убрать все?

Ахан уверенно кивнул головой.

— Конечно.

...Но так было вчера. Сегодня ему стыдно за свой вчерашний уверенный кивок.

Погода решительно испортилась. Над горой Ереймень целую неделю собирались тучи. Похоже, что они — синие, тяжелые — совещаются там, как лучше помешать Ахану убирать хлеб. Сегодня с утра тучи повели наступление — они ринулись единым фронтом, заволокли небо и принялись осыпать землю крупной густой дробью дождя.

Медленно, с трудом шел комбайн в это утро. Валки были тяжелыми и мокрыми. А какими они будут завтра? В стерне оставалось много неубранных колосков. Ахан посмотрел на небо. В тучах не было никакого просвета. Видно, даром они целую неделю готовились на хребте горы Ереймень к походу в степь.

Поручив комбайн помощнику, Ахан пошел на полевой стан. Там стояли вымытые дождем легковые машины, в палатке вместе со студентами сидели приезжие.

— Джигит, ты должен найти выход из положения! — услышал Ахан знакомый голос Ташмагамбетова. — Погубит тебя дождь, смотри! Дожди начались на Ерей-

мене еще вчера. Пшеница прижалась к земле и убирать ее нельзя. А у тебя как?

Что сказать Ахану? Он и сам пришел просить совета у других.

— По-моему, мы пропустили удачное время. Дождь, видать, затяжной. Теперь он не даст нам и глаз раскрыть,— Ахан хотел сказать не это, но точно попал в цель. Нуржан с недовольным видом резко повернулся к секретарю.

— И в прошлом году мы убирали в это же время. Каждый год так бывает.

— Прошлый год и нынешний — не одно и то же. Альжанов говорит правильно,— нахмурил брови Ташмагамбетов.— В этом году вы собирались начать рано, но слишком долго упорствовали... Сколько дней уже лежат на земле первые валки?

— Шестой!— опередив Нуржана, ответил Ахан.— Для созревания им надо было самое многое три дня.

— Так почему же вы не приступили к подборке валков?

— Нет лишних тракторов,— ответил Нуржан и плоско, с издевкой пошутил:— Не впрягать же мне Альжанова в стальные комбайны.

Ахан густо покраснел, не зная, что ответить. Его выручил Ташмагамбетов.

— Впрягать можно только коней. Уж кто-кто, только не Альжанов подходит к этой роли.

Нуржан промолчал. Сидевший на корточках широколобый незнакомый мужчина (видно, представитель из области) поднялся:

— Ждать солнечных лучей не приходится. Метеосводка невеселая. Говорят, весь месяц будут идти дожди. Надо скорее убрать пшеницу, а там ее можно подсушить.

Ташмагамбетов надел кепку:

— Ну что ж, поедем, товарищи, посмотрим, как в других бригадах. А там вместе подумаем, какой найти выход.

* * *

Ахан встал рано. Слышно было, как за дверью, то шуршал, то утихал дождь. Надев плащ с башлыком и растолкав спящих — тракториста и помощника,— Ахан вышел наружу,

Дождь переставал. Кое-где выглядывала бледная лазурь, бежали разорванные тучи. Таял мутный синеватый туман, открывая блестящую, шелковисто-зеленую степь. В складках горы Ереймень было темно. До самого горизонта тянулись волнами припикшие валки пшеницы, посеревшие, обесцвеченные. Ахан просунул руку под лежащие на земле валки и ощутил холодную воду. Дождь прошел насквозь и промочил их. Некоторые валки пластами прилипли к земле.

Трактор громко затарахтел мотором, оглашая выхлопами утренний воздух, и, дернувшись, пошел. Его гусеницы оставляли в жидкой грязи глубокие следы. За ним тяжело тащился комбайн. Нижние слои валков оставались нетронутыми. Спутанные стебли пшеницы блестели. Переливающиеся капли дождя на них были похожи на крупные слезы.

Ахану стало тоскливо, казалось, тяжелый камень сдавливал сердце: «Год труда целого аула пошел прахом, пропал попусту». Ахан слез с комбайна, опустился на колени и заглянул под машину. Слежавшиеся валки были тяжелы, зубья собирателя касались их только сверху.

«Что же придумать? Что же такое придумать? Думай, Ахан, думай! Если под собиратель пристроить тонкий подъемник, который бы весь валок цеплял за зубья. Это было бы здорово! Но каким должен быть подъемник, величина его и форма? Из чего его делать?»

Эту ночь он спал беспокойно. Сверкая жемчужно-белыми зубами, приснилась Райхан. Она шутливо теребила его волосы и говорила что-то такое, чего Ахан от нее никогда не слышал. Чей-то голос шепчет ему: «Она тебя любит». Потом вкрадчиво спрашивает: «Веришь ли ты, что она тебя любит?»

Ахан, точно отгоняя мошкору, машет руками, бормочет, ворочается с боку на бок, вздыхает. Райхан исчезла. Но приходят неизвестные люди и спрашивают у него: «Из чего ты сделаешь подъемник?» Да, действительно, из чего же сделать? Ахан задумывается. Вдруг в дверь шалаша вкатывается ослепительно сверкнувшее кольцо. Вот оно развернулось. Боже мой! Это ядовитая змея. Она ползет к нему, и Ахан не в силах от нее отодвинуться. Змея уже близко. Вдруг она холодной чешуей касается его руки...

Ахан вскрикнул и проснулся. Правая рука его крепко сжимала жесткую крышку консервной банки. Откуда она

здесь? Ахан отбросил ее в сторону и стал припоминать сумрачные картины сна.

Райхан. Белозубая улыбка. Что она ему говорила? Да нет же, это просто крышка от консервной банки. Да, да, что-то говорила, он уже забыл. Потом вдруг змея.

Ахан приподнялся, засветил спичку. Отыскал крышку и зачем-то внимательно ее осмотрел. А что если подъемник сделать из тонкой жести, как эта крышка? Делать их надо с зубьями, наподобие грабель.

Ахан оглядел спящих механизаторов. Время — три часа ночи. Значит, он спал всего час... Надо торопиться. У Ахана теперь будет подборщик, из тонкого железа четыре подъемника, в виде треугольников, концы их будут достигать земли. Сегодня же утром в кузнице их можно выковать и приварить к подборщику.

Проснувшийся тракторист недовольно засопел:

— Что-то ты слишком резвым стал, Ахан. По-моему, это к несчастью...

Ахан засмеялся.

— Чего обижаешься?

— Покою от тебя не стало.

— Пока стоит в поле хлеб, покоя не жди, джигит!..

* * *

— Ура, товарищи! Победа!— Ахан ликовал.

Трактор, содрогаясь всем своим мощным телом, вел по полю комбайн. Концы четырех подъемников высоко поднимали валки, прицепляли их на зубья подборщика. Пшеница была еще влажной, вымолачивалась с трудом, но все же вымолачивалась. Бункер наполнялся зерном. Да, зерном. Пусть еще сырым и сорным, но разве станет дело за очисткой и просушкой?

Это случилось на второй день после беспокойной ночи.

* * *

Радуетя Ташмагамбетов.

Если бы сесть на самолет, посмотреть вниз, то, очевидно, земля походила бы на муравьиную кучу, а густо чернеющий на ней народ — на хлопотливых муравьев.

Ползут тракторы, мелькают грузовики. Мельтешат люди, веют и сушат зерно на токах.

Радуется секретарь райкома партии.

Какой крепкий, энергичный, благородный народ! Не зря много повидавший Макиш сказал: «Самое лучшее в мире — благородство».

Ташмагамбетов едет в первую бригаду колхоза «Ажы». Он уже и не помнит, когда в последние дни почувствовал не в машине. Ерейменские горы точно покрашены густыми фиолетовыми чернилами. Везде люди, их труд. В широком русле жизни и труд Хайдара Ташмагамбетова, и труд бригады, в которую едет секретарь. Капля от общего труда. Из капель рождаются моря. Цена жизни, богатство ее — все в их бригадах. Если бы двадцатитрехлетний Ахан не придумал «подъемника» своей конструкции, то в районе была бы собрана половина выращенного урожая. Сейчас во всех бригадах сооружены подъемники. Дождь, недавно наводивший страх, сегодня побежден, и теперь пшеницу возят на Экибастузский элеватор. Гудят тяжело груженные машины. Вот чему радуется секретарь райкома.

Приблизившись к стану первой бригады, Ташмагамбетов остановил машину и пошел пешком. Дождя уже не было. Небо за неделю как будто бы выплакало себя до последней слезинки. Но солнца еще нет. Холодный ветер свистит над полями.

На току много людей, сушат мокрый хлеб. В поле рядом с комбайном, подбирающим валки, идет грузовик. Из комбайна в железный кузов льется красноватая пшеница, напоминая струю, хлещущую из водосточной трубы. Несколько мгновений — и наполненный зерном грузовик подъезжает к току, высыпает из кузова зерно и снова спешит к комбайну. Краснощекий казах с остро торчащими усами громко отдает парням и девушкам в шароварах приказания. Колонны машин уходят к элеватору.

Ташмагамбетов долго стоял и любовался быстрыми и стремительными движениями колхозников на току. Ему казалось, что ни кисть художника, ни перо писателя не смогли бы перенести на полотно или бумагу этот переменчивый, как кадры киноленты, ритм труда.

Неожиданно Ташмагамбетов увидел комбайн и узнал на штурвальном мостике знакомого юношу. Ахан! Секретарь замахал ему рукой. Юноша остановил комбайн и, спрыгнув, пошел навстречу секретарю.

— О, Аханжан!— секретарь, сжав ему ладонь, поцеловал в лоб.— Ты настоящий джигит! Мне хочется, чтобы чаще рождались такие сыны, как ты...

— Спасибо!— краснея, пробормотал Ахан.

* * *

В этот вечер из Акмолинска приехали артисты. Среди них была алма-атинская домбристика Ляззат, она же певица.

На току постелили ковер. Певица взяла домбру, ударила по ней тонкими смуглыми пальцами. Ташмагамбетов с восхищением следил за ними. Как искусна и талантлива была эта женщина! Как будто над головой не стало серого неба. Вокруг плыла знойная степь, в миражах и маревах. То глухо и басовито звучала домбра, то рассыпчатым серебром звенели струны. Перед глазами плыла знакомая картина: у колодца верблюды, над горизонтом белые шапки облаков. Колхозники молча слушали, как плачет струна, мелодия томительной грустью подбиралась к сердцу. Но виртуоз-домбристика взмахивала рукой — и картины менялись. Рождалась песня, легкая и вольная, как крылья птицы. И летняя степь казалась убранной весенними цветами. Ташмагамбетов вспомнил: он уже слышал эту песню — там, в комнате, с Аханом. Чуть-чуть повернув голову, секретарь увидел недалеко от себя комбайнера. Волосы его взлохмачены, в блестящих черных глазах то печаль, то веселье.

Вдруг он порывисто воскликнул:

— Эх, здорово как!

И Ташмагамбетов вновь точно растаял в стремительных жарких звуках домбры. Щебечущий в небе жаворонок пел звонко и внезапно упал на землю...

Ляззат положила на колени домбру. У нее смородиновые, чуть-чуть туманные глаза; на красивом лице чуть лукавая и теплая улыбка. Колхозники обступили ее со всех сторон, пылко благодарили.

После концерта Ташмагамбетов взял Ахана под руку и повел к своей машине.

— Ты давно не был дома?

— Давно.

— Было бы хорошо, если бы ты съездил, попроведал Райхан,— сказал Ташмагамбетов и, пожав локоть юноши, сел в машину.

В эти дни не знал покоя и Нуржан. Он носился из бригады в бригаду, на центральную усадьбу, в райцентр. В последние дни его «Волга» стала на ремонт, и он теперь ездил на мотоцикле. Носился, как смерч, не разбирая дороги.

Однажды его вызвали в Ереймень. Выезжать надо было на рассвете. Сон его был тревожным, коротким: уборка отняла покой. Но и в эти трудные дни Райхан не выходила из его головы. Кто-то, наверное, какой-нибудь восточный мудрец, сказал, что поздняя любовь особенно сладка. Раньше Нуржан никогда не чувствовал такой влюбленности. Отчужденными глазами смотрел он на свою жену — маленькую, располневшую, сердитую женщину. Так тускнеет со временем посеребренное кольцо. Теплится еще в душе Нуржана какой-то огонек, но это даже не привычка, а странная, непонятная обязанность. Райхан же — словно сбывшаяся мечта.

Нуржан, крепко держа в руках руль мотоцикла, мчался в Ереймень и думал. Может быть, ему надо отказаться от Райхан? Нет, она ему нужна! Нужна — и точка. Если он не увидит ее в течение двух дней, заест тоска. Райхан нужна, как глоток воды в раскаленной пустыне. Ну что ж! Нет такого закона, чтобы коммунистам запрещалось любить. Но что будет с женой и детьми, если он их бросит? Да, если бросит. Нехорошо.

Вот и Ереймень. Маленький уютный городок на берегу речки Шидерты. Похожие на спичечные коробки, белеют двухэтажные стандартные дома.

Мотоцикл остановился у здания райкома партии. Нуржан открыл дверь в кабинет секретаря. Кабинет переполнен председателями колхозов, директорами совхозов, районными работниками. Перед радиоприемником «Мир» сидит Ташмагамбетов. Тишина. Удивленный Нуржан сел у входа рядом с Ташеном.

— Сейчас по радио должен выступить секретарь ЦК, — вполголоса сообщил ему сосед. — Переключка.

Диктор объявил, что по радио выступает секретарь Центрального Комитета партии. Нуржан летом один раз видел этого рослого, добродушного человека. И сейчас он сразу узнал его голос.

Секретарь, называя районы, оценивал работу.

— Ереймень! Товарищ Ташмагамбетов! — вдруг про-

изнес он.— Ваш район за последнюю пятидневку вышел вперед. Не теряйте этого темпа...

Ташен из Тельмановского колхоза даже закричал:
— Ура!

Все оживленно заговорили, встали. Ташмагамбетов улыбался.

— Товарищи, спокойно, спокойно!— поднял он руку.— Вот Ташен закричал «Ура!» Если он думает, что слова секретаря относятся к его колхозу, передовому во всем районе, то он ошибается. За последние два дня колхоз «Ажы» догнал и перегнал его.

Ташен нахмурился:

— Нуржану случайно повезло. Ведь у него есть Ахан.

Все вокруг рассмеялись.

Из кабинета секретаря расходились радостные и гордые. Напевая свою любимую песню «Сурша кыз», Нуржан сел на мотоцикл и понесся в «Ажы». Степной ветер больно хлестал его по лицу. Но Нуржан не ощущал скорости. Радость не вмещалась в груди. Все же Ташмагамбетов — справедливый человек, правду видеть умеет.

Нуржан в этом году продал государству больше хлеба, чем в прошлом. Конечно, вспаханной земли у него тоже больше, чем в прошлом, но все-таки, даже разделив на гектары, хлеба у него получается больше прошлогоднего. Уже сейчас он выполнил план. Есть в миллиарде и его доля. Неужели он достиг такого успеха благодаря раздельной уборке?

Мотоцикл несся по дороге. Нуржан продолжал петь. За хлеб его колхоз получил двенадцать миллионов рублей дохода. Теперь их надо правильно использовать. У каждого колхозника есть дом. Некоторые дома можно заново перестроить. Есть клуб, не очень светлый и роскошный, но есть! Больница... Хорошо бы Райхан переселить в другой дом и создать больницу на три-четыре койки... Конечно, первым делом Нуржан построит большую электростанцию. Электричество поможет и в домашнем хозяйстве! Женщины вздохнут свободнее.

После электростанции открыть бы несколько ларьков: в одних продавать мясо, масло, молоко, в других — одежду.

Чей-то насмешливый голос шепнул ему: «А что если, напившись кумыса и наевшись мяса, люди обленятся и залягут в своих домах?» Ох, трудное дело! Но Нуржан

постарается и тут найти способ. Он откроет в колхозе курсы, которые будут готовить специалистов разного рода. Образованный человек будет сознательным. «А какое у тебя самого сознание?»— снова спросил его тот же голос, на этот раз удивительно похожий на голос Ташмагамбетова.

Нуржан встряхнул головой и так нажал на скорость, что пронзительно засвистело в ушах.

* * *

Макиш вместе с газетами привез на ток и письмо для Ахана. Комбайнер приказал помощнику подбирать валки, а сам сел на камень, разорвал конверт. Кому не знаком почерк любимой женщины? Ветер шевельнул листок, и бумага зашептала:

«Я долго думала, Аханжан, волновалась. Прости меня. У тебя красивая душа. Я увлеклась ею и вышла за тебя замуж. Долго мучилась: правильно ли поступила? Жила двойной жизнью. Слишком поздно опомнилась. Ты заслуживаешь большего, друг мой. Поэтому я решила расстаться с тобой навсегда. Не сердись, Аханжан. Не надо.

Вещи перешлешь потом, или я пришлю братишку. Прощай.

Райхан.

Ты знаешь, дочь нашего соседа сторожа Мухтара — красавица и умница — давно любит тебя».

Ахан смял письмо, бросил его на землю и вскочил. Потом побежал по дороге и вдруг вернулся снова.

— Макиш-ага, когда вы из аула выехали?

— Два часа назад.

— Райхан еще не уехала?

Старик насмешливо посмотрел на комбайнера:

— Пожалуй, еще не успела. Догоняй ее, а то заберет что-нибудь из вещей!

Из-под пригорка выехала нагруженная зерном машина. Макиш увидел ее раньше.

— Эй, ребята, подвезите! — замахал он руками.

Оба сели, и машина, врезаясь в упругий холодный воздух, быстро помчалась к колхозу. Было зябко, ветер пронизывал насквозь. Но комбайнер не чувствовал холода. Далекая вершина Ажы, похожая на трехгранную корону, приближалась медленно. У подножия горы —

колхоз, в том колхозе — дом. Есть ли теперь дом у Ахана? Все пропало, потолок рухнул, шанрак упал. Райхан! Видно, уехала. Неужели? Ах, почему он не съездил к ней тогда, когда говорил Ташмагамбетов?!

Машина стремительно выскочила на гребень холма. На разветвлении дороги впереди что-то чернело. Кажется, мотоцикл. Он приближается к ним. Нет, стоит! Что такое? Ахан пристально разглядывает узел двух дорог.

— Эй, стоп, стоп! — вдруг заколотил он по крыше кабины. Но шофер заметил и сам. Машина медленно подъехала к развилке, остановилась.

Около большого, как сундук, ребристого камня лежал разбитый мотоцикл. В двух шагах от него — человек. Он был весь в крови, лицо обезображено, рука неестественно подвёрнута, подбородок влез в землю.

— Ойбай! Ведь это Нуржан! — отпрянул Ахан.

Шофер приподнял голову председателя. Тот не дышал. Ахан, когда-то сдававший зачет по санитарному делу, прикрыл рот Нуржана ладонью и ощутил еле заметное дыхание.

— Жив! Скорее в машину — и в район!

— Воды бы ему в рот, хоть несколько капель! — предложил Макиш.

— Сначала перевяжем раны. Надо остановить кровотечение! — сказал шофер и стал разрывать свою рубашку.

Левая рука председателя была переломлена в локте. Белела прорвавшая кожу кость, сочилась кровь.

Кое-как наложили на руку повязку и осторожно перенесли неподвижное тело в машину. Нуржан по-прежнему был без сознания.

— Ребята, послушайте меня, — озабоченно сказал шофер, — не везите его в район. До колхоза отсюда пять километров, до Ерейменя — сорок. Он может умереть.

Все молчаливо согласились везти в колхоз. Ахан, откинув с глаз Нуржана запекшиеся в крови волосы, положил к себе на колени его голову, машина тронулась. Комбайнер продолжал осматривать лицо председателя. Брови разбиты до кости, лицо, как у мертвого. Неужели, бедняга, умрет? Еще недавно он мешал Ахану, разрушал его семью, обижал, а теперь голова его покоится на коленях Ахана. И что в его лице привлекало Райхан?

Машина остановилась около больницы. Втроем они осторожно сняли тяжелое тело председателя, положили на траву, и Ахан вбежал в комнату. Он увидел чемодан,

соседок и Райхан за столом с опущенной головой. Вот она подняла голову и поспешно встала.

— Там... умирает Нуржан!— хрипло произнес он, указав на окно, и сел на чемодан, обессиленный.

Райхан стояла испуганная, бледная, как стена.

— Нуржан?— произнесла она одними губами.

Аульные старики — Темиргали и Мамбет — внесли в комнату Нуржана. Райхан покачнулась и заплакала. Изумленный Ахан отступил прочь.

— Дорогая, надо спасти человека,— сурово сказал Темиргали,— а сама помогаешь смерти.

Райхан сорвалась с места и скрылась в соседней комнате. Вскоре она вернулась в халате, подошла к председателю, взяла его за руку.

— Шприц!— быстро приказала она медсестре, закатывая рукава рубашки Нуржана.

Острая игла вошла в кожу. Люди стояли не шевелясь.

— Воды!— снова приказала медсестре Райхан.

Она с усилием разжала зубы Нуржана и влила в рот несколько капель.

На лице председателя задрожали ресницы и медленно приоткрылись. Стала темнеть кожа. Блеснули белки глаз, и Нуржан с удивлением увидел столпившихся вокруг него людей.

— Как себя чувствуете?— негромко спросила Райхан. Она без страха смотрела в разбитое лицо Нуржана, видела седоватые волосы, пробивающиеся на жирном подбородке, тусклый и жалкий взгляд. Перед ней был больной, не больше. Она его жалела, но сердце ее продолжало биться спокойно. Она нащупала пульс, сделала еще один укол.

— Нет, он останется жить, можете в этом не сомневаться. А сейчас я всех вас попрошу выйти.

Ахан нерешительно потоптался и тоже вышел. Он не помнил, сколько простоял за дверью, но, когда она приоткрылась снова, понял, что это к нему идет Райхан. Она припала к груди осунувшегося Ахана. Он чувствовал, как вздрагивало от рыданий ее хрупкое тело. Ахан молчал. Слезы Райхан говорили ему о том, что она уже никогда от него не уйдет, что в эту минуту путеводная звезда, о которой все время говорит Макиш, медленно, как из тумана, поднимается все выше и выше над головой Райхан.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМИРТАУ. Перевод А. Самсония	4
НАСТУПИЛО УТРО	218
ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА. Перевод А. Брагина, М. Балькина, А. Измалкова	386

Зэин Шашнин

НАСТУПИЛО УТРО

Романы, повесть

(Перевод с казахского)

Редактор Л. Қосмухамедова. Художник Л. Тетенко. Художественный редактор А. Сергеев. Технический редактор В. Қарибаева. Корректоры С. Симицына, А. Аджанова

ИБ 3444

Сдано в набор 24.09.80. Подписано с матриц 01.08.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 23,1. Усл. кр.-отт. 23,1. Уч.-изд. л. 24,2. Тираж 97 000 экз. (1-й завод 1—50 000 экз.). Заказ № 1157. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Қітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

